This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 2044 022 460 64

Digitized by Google

Law 381.60 (11)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

1/207
Bind
A

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. И. КАРѢЕВА.

(1901 г.).

11

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

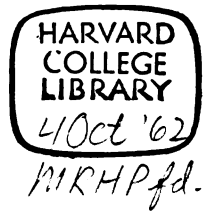
Гос. Публичная Б-ка Ленинградск.

7750

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1901.

Digitized by Google

△
PSlav 381.60 (11)



Digitized by Google

3049

Печатается по постановленію Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Спб., 13 апрѣля 1901 года.
Предсѣдатель *Н. Кареевъ*.

Digitized by Google

В

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Записка *М. М. Сперанскаго* объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи 1803 г.	1— 53
Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи. Записки *С. Н. Носовича*.	97—198
Очерки изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. *Н. Н. Булича*	1—160

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

Digitized by Google

Digitized by Google

Записка М. М. Сперанскаго объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи 1803 г. [1]).

Планъ сочиненія.

Вопросъ о лучшемъ устройствѣ губернскихъ мѣстъ столько связанъ съ управленіемъ государственнымъ, что не можно основать среднихъ начальствъ, не измѣривъ всѣхъ отношеній, кои должны они имѣть къ высшимъ. Слѣдовательно, приступая къ разрѣшенію сего

[1]) Черновой подлинникъ этой записки Сперанскаго, писанный весь его рукою, хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки, въ собраніи бумагъ сенатора К. Г. Рѣпинскаго (см. Отчетъ Импер. Публич. Библіотеки за 1877 годъ, стр. 13). Къ сожалѣнію, черновая рукопись сохранилась не въ полномъ видѣ. Недостающія въ ней мѣста восполнены по копіи, собственноручно снятой покойнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ съ современнаго бѣловаго экземпляра этой же записки, переписаннаго писцомъ; копія эта сообщена редакціи „Историческаго Обозрѣнія“ сыномъ покойнаго академика, библіотекаремъ рукописнаго отдѣленія Импер. Публич. Библіотеки Иваномъ Аѳанасьевичемъ Бычковымъ. Эту записку Сперанскаго А. Ѳ. Бычковъ предполагалъ напечатать въ 1877 году въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ вмѣстѣ съ другимъ трудомъ Сперанскаго „Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ“; но это намѣреніе А. Ѳ. Бычкова не осуществилось. Въ XXI томѣ „Сборника“ былъ имъ изданъ только Отчетъ Сперанскаго въ дѣлахъ 1810 года, представленный Императору Александру 11 февраля 1811 года. „Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ“, тоже по собственноручной рукописи Сперанскаго, хранящейся въ бумагахъ Рѣпинскаго, впрочемъ, было тогда даже набрано и оттиснуто въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, составляющихъ библіографическую рѣдкость. Впослѣдствіи „Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ“ было напечатано въ X томѣ „Историческаго Обозрѣнія“. Общую характеристику политическихъ воззрѣній Сперанскаго см. въ статьѣ В. И. Семевскаго „Изъ исторіи общественныхъ теченій Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.“ („Истор. Обозр.“ т. IX). *Ред.*

Digitized by Google

вопроса, необходимо надлежало дать себѣ отчетъ въ порядкѣ государственнаго управленія.

Чтобы составить себѣ о немъ точное понятіе, надлежало изслѣдовать:

Часть I-я.

1) изъ какихъ существенныхъ частей слагается государственное управленіе вообще;

2) показать пространство и предметы каждой изъ сихъ частей.

Раздробивъ симъ образомъ существенныя части государственнаго управленія, должно было показать, въ какомъ естественномъ порядкѣ слагаются они въ истинномъ монархическомъ правленіи, дабы черезъ то имѣть идеальный образецъ управленія, съ коимъ бы можно было соображаться въ приложеніи его къ Россіи. Отсюда разсужденія:

Часть II-я.

1) о составѣ монархическаго правленія вообще;

2) о главныхъ началахъ монархической организаціи;

3) объ отвѣтственности.

Составивъ себѣ сей отвлеченный образецъ монархическаго управленія, надлежало опредѣлить, можно ли ввести его въ Россіи; для сего должно было изслѣдовать:

Часть III-я.

1) настоящій образъ правленія въ Россіи и ея конституцію;

2) показать несходство ея съ образомъ правленія монархическимъ и невозможность его ввести;

3) установить свойства, какія должно имѣть управленіе въ Россіи, чтобы оно было сколь можно близко къ монархическому и не разрушало бы однакоже настоящаго порядка:

4) составить планъ сего управленія;

5) показать его преимущества;

6) основать на семъ планѣ губернское устройство;

7) показать его выгоды.

Въ продолженіе всего сочиненія особенное вниманіе обращено было, чтобъ къ однимъ словамъ привязывать всегда одно и тоже понятіе; такъ напр.:

Государственный законъ принято вмѣсто слова *конституція* и всегда означаетъ законъ, опредѣляющій первоначальныя права и отношенія всѣхъ классовъ государственныхъ между собою.

Digitized by Google

Уложеніе означаетъ законъ гражданскій и уголовный (code civil et criminel).

Управленіе (administration).

Правленіе, правительство (gouvernement).

Устройство, составъ (organisation).

Економія, все, что относится къ управленію государственнаго богатства, къ финансамъ и счетамъ.

Предварительныя понятія о раздѣленіи частей управленія.

Начало и конецъ общественнаго бытія есть взаимная безопасность соединившихся лицъ и ихъ имуществъ.

Безопасность общественная не что другое есть, какъ сохраненіе вещей въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ поставлены закономъ.

Двѣ силы могутъ разрушить сей порядокъ: внутренняя и внѣшняя.

Внутренняя: 1) когда насиліемъ одинъ будетъ похищать права другаго; 2) когда посредствомъ неправыхъ исковъ одинъ будетъ присвоять права другаго.

Внѣшняя: 1) когда открытымъ дѣйствіемъ силы непріятельской государство будетъ облежимо; 2) когда союзами, торговлею или другимъ образомъ будутъ искать его обезсилить.

Внутреннее насиліе или самоуправство (voies de fait) отвращается полиціею. *Притязаніе правъ* разрѣшается судомъ. *Внѣшнее нападеніе* отражается воинскою силою. *Внѣшній ущербъ* преграждается политическими сношеніями.

Отсюда происходятъ четыре главныхъ предмета всякаго правительства: 1) полиція; 2) судъ; 3) войско; 4) внѣшнія сношенія.

Содержаніе и управленіе всѣхъ сихъ предметовъ предполагаетъ издержки; издержки предполагаютъ доходы; доходы предполагаютъ хозяйство.

Отсюда раждается новый предметъ правительства—*государственное хозяйство* [1]).

Изъ сего слѣдуетъ, что пять только главныхъ частей быть можетъ во всякомъ государственномъ управленіи (администраціи).

---

[1]) Были на землѣ правительства, кои стояли на четырехъ только выше изображенныхъ основаніяхъ и кои, не имѣя никакихъ доходовъ, не имѣли ни промышленности, ни богатства. Такова была Спарта. Stuart, tome 2. Есть также государства, кои по положенію своему, стоя внѣ общей системы государствъ могутъ не имѣть постоянныхъ политическихъ сношеній [Китай и др.]. Но нѣтъ въ Европѣ государства, которое бы всѣхъ сихъ частей не имѣло, или которое бы имѣло ихъ болѣе, и слѣдовательно части сіи суть всякой системѣ существенны и во всѣхъ государствахъ необходимы.

Digitized by Google

Разсмотримъ каждую изъ сихъ частей, чтобъ познать елементы, ихъ составляющіе, и видѣть, какимъ образомъ соединяются въ нихъ всѣ вѣтви государственнаго устройства. Двѣ изъ нихъ: *военныя силы* и *политическія сношенія* не относятся къ нашему предмету.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О составѣ частей государственнаго управленія.

I. О полиціи.

Полиція есть слово греческое и собственно значитъ градское устройство. Греки всѣ части гражданскаго устройства разумѣли подъ симъ имянованіемъ.

Въ Римѣ полиція состояла въ доставленіи народу хлѣба, въ устройствѣ даровыхъ зрѣлищъ, кои были тамъ важнымъ предметомъ правительства [1]).

Въ послѣдствіи слово сіе различнымъ образомъ было принимаемо. Есть писатели, кои даютъ ему разширеніе, объемлющее весь составъ государственнаго благоустройства; другіе стѣсняютъ его въ предѣлы благочинія; нѣкоторые раздѣляютъ полицію на государственную (высшую) и гражданскую (низшую); первой приписываютъ соблюденіе государственной тишины отъ тайныхъ замысловъ; второй подчиняютъ маловажныя отступленія отъ закона и порядка. Но всѣ сіи понятія о полиціи произвольны и основаны не на общемъ разсужденіи о составѣ государственномъ, а единственно на случайномъ государствъ положеніи.

Чтобъ имѣть точное понятіе о полиціи, надобно взойти къ первому началу закона и образу его дѣйствія.

Опредѣленіе полиціи.

Законъ не что другое есть, какъ ограниченіе натуральной свободы человѣка извѣстными правилами [2]). Сколько бы люди ни были увѣряемы въ спасительномъ дѣйствіи закона и въ необходимости ему покориться, но бываютъ минуты, гдѣ натуральная свобода человѣка возстаетъ противъ сего увѣренія и отказывается дѣлать ему

---

[1]) Въ черновой рукописи было далѣе написано, но потомъ зачеркнуто: [Нынѣ въ Европѣ подъ имянемъ полиціи разумѣютъ по большей части удобность и безопасность сообщенія какъ въ городахъ, такъ и въ земляхъ].

[2]) Bentham.

Digitized by Google

жертвы. Съ тѣхъ поръ какъ учредились человѣческія общества, существуетъ въ нихъ безпрерывное бореніе между силами личнаго самолюбія, все въ себѣ влекущаго, и силами закона, все относящаго къ общему благу [1]).

Состояніе равновѣсія между сими двумя силами есть то, что мы называемъ общественною тишиною.

Чтобъ удержать сіе равновѣсіе, дѣйствіе закона одно къ сему не довлѣетъ, ибо самолюбіе дѣйствуетъ въ человѣкѣ непрерывно:

---

[1]) Beccaria.

Въ черновой рукописи было затѣмъ написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее:

[Такимъ образомъ движеніе всѣхъ обществъ слагается, подобно круговому движенію физическихъ тѣлъ, изъ двухъ различныхъ силъ: силы закона, нудящей волю по извѣстному направленію къ общему добру, и силы самолюбія, или частнаго интереса, увлекающей его къ натуральному его средоточію: къ собственной пользѣ. Доколѣ силы сіи содержатся въ равновѣсіи, дотолѣ общество движется въ тишинѣ и всѣ лица, его составляющія, пользуются миромъ общественнымъ. Чтобъ установить сіе равновѣсіе, необходимо нужно, чтобъ дѣйствіе обѣихъ силъ было непрерывно. Чѣмъ болѣе направленія сіи сближены, тѣмъ дѣйствіе ихъ бываетъ сильнѣе, тѣмъ движеніе общества успѣшнѣе.

Егоизмъ есть не что другое, какъ исключительное стремленіе къ средоточію собственной пользы. Добродѣтель есть сильное и исключительное стремленіе по направленію общей пользы. Движеніе, сложенное изъ сихъ двухъ, есть тишина общественная, состояніе среднее, которое ни порокомъ, ни добродѣтелью назвать не можно. Изъ сихъ двухъ силъ послѣдняя, имѣя внутреннее начало побужденія, непрерывно дѣйствуетъ, а первая, бывъ обязана рожденіемъ своимъ...

Изъ сихъ двухъ силъ первая, бывъ обязана бытіемъ своимъ временному и случайному составу общества, не имѣетъ никакого внутренняго побужденія; она дѣйствуетъ по впечатлѣнію внѣшнему. Вторая, родясь въ самой природѣ человѣка, или, лучше, составляя самое существо его, дѣйствуетъ по побужденію внутреннему, никогда и нигдѣ непреступающему.

Естьли бы силы сіи оставлены были въ простой и натуральной ихъ соразмѣрности, никогда общество не могло бы сохранить себя.

Наказанія и награды, опредѣленныя закономъ, дѣйствуя временно, но единообразно и часто неправильно, не могли бы одни заставить людей покорить самолюбіе ихъ закону. Мы находимъ примѣры сей слабости закона во всѣхъ обществахъ, гдѣ сила его основана единственно на сихъ двухъ положеніяхъ. Таковы суть общества народовъ кочующихъ, таковы были всѣ человѣческія общества до введенія роскоши и промышленности.

Но чѣмъ болѣе пользы людей сопрягаются, чѣмъ болѣе расширяются желанія, тѣмъ общество становится человѣку нужнѣе, тѣмъ болѣе чувствуетъ онъ необходимость покоряться закону; привычки къ тихой жизни, желаніе удостовѣрить собственность свою и за предѣломъ гроба, все нудитъ его, и тѣмъ законъ становится сильнѣе. Къ натуральной его силѣ присоединяется сила привычки, роскоши, смягченіе нравовъ, религія, просвѣщеніе. Такимъ образомъ мало-по-малу законъ усиливается, а самолюбіе ослабляется, и все приходитъ въ равновѣсіе].

Digitized by Google

оно есть тоже, что̀ сила тяготѣнія въ тѣлахъ. Законъ не можетъ имѣть сей непрерывности; онъ не иначе можетъ дѣйствовать, какъ посредствомъ суда, и слѣдовательно ограничивается мѣстомъ, временемъ, формою и множествомъ другихъ обстоятельствъ.

Естьли бы всѣ насилія, къ коимъ человѣкъ непрестанно порывается, укрощались только судомъ, покой общественный подвергался бы каждую минуту разрушенію, и къ возстановленію его должно бы было почти для каждыхъ двухъ человѣкъ учредить судебное мѣсто, которое бы за ними во всѣхъ путяхъ жизни ихъ слѣдовало и разбирало бы взаимныя ихъ другъ къ другу притязанія. Невозможность сего предположенія и необходимость сохранить общественный покой заставили законодательство ввести въ составъ политическихъ обществъ особенную силу, которая бы, окружая, такъ сказать, собою всѣ публичныя дѣянія людей, удерживала ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ законъ они поставлены, и, сообщая такимъ образомъ дѣйствію закона *непрерывность*, тѣмъ самымъ ставила бы его въ мѣру противоположенія съ *непрерывнымъ* дѣйствіемъ самолюбія.

Сила сія собственно есть *полиція*.

По сему понятію полиція не что другое есть, какъ средство, избранное правительствомъ къ сохраненію дѣйствія закона въ его непрерывности, способъ удерживать дѣянія людей въ порядкѣ и пресѣкать всякое насиліе.

Она существенно различается отъ суда тѣмъ, что не входитъ въ разборъ правъ, но приводитъ только вещи въ тотъ порядокъ, въ коемъ онѣ до насилія были.

Судъ, разбирая права, можетъ обвинить насиліе и вмѣстѣ съ тѣмъ найти причины его правыми; но полиція наблюдаетъ только, чтобъ нигдѣ насилія не было, и поелику дѣйствіемъ своимъ удерживаетъ она силу закона въ равновѣсіи съ силою частнаго интереса, то общее выраженіе ея есть храненіе общественной тишины. Словомъ, судъ есть единовременное дѣйствіе закона, назначающее извѣстный вещей порядокъ; полиція есть непрерывное дѣйствіе закона, удерживающее сей назначенный порядокъ.

Раздѣленіе полиціи на разные роды [1]).

Есть три разные образа удержать законъ въ непрерывномъ его дѣйствіи: 1) возстановленіемъ, когда онъ нарушенъ,—сіе составляетъ

---

[1]) Дальнѣйшее изложеніе отдѣла о полиціи и отдѣла о судѣ до словъ: „Какимъ образомъ должны быть производимы слѣдствія?“ имѣется только въ копіи А. Ѳ. Бычкова. Въ черновой рукописи оно не сохранилось. Въ ней послѣ словъ: „удерживающее сей назначенный порядокъ“ было написано,

Digitized by Google

предметъ *полиціи исполнительной* (police exécutive); 2) пресѣченіемъ насилія на мѣстѣ,—отсюда *полиція смирительная* (police coërcitive ou repressive); 3) предупрежденіемъ насилія разными предохранительными средствами,—отсюда *полиція предохранительная* (police administrative, préservative, police de sûreté).

О полиціи исполнительной.

Предметы полиціи исполнительной.

1) Поелику полиція есть непрерывное дѣйствіе закона, удерживающее назначенный онымъ порядокъ, то слѣдуетъ изъ сего, что всякой законъ, касающійся до лицъ и имуществъ, долженъ обращаемъ быть къ исполненію чрезъ полицію; естьли дозволить приводить законъ въ исполненіе силѣ посторонней, полиція не можетъ тогда отвѣтствовать за продолженіе сего исполненія, и даже можетъ случиться, что знать о законѣ она не будетъ.

Посему всѣ уставы и учрежденія, до лицъ и имуществъ касающіеся, отъ какой бы части государственнаго правительства они ни происходили, должны быть въ полицію сообщаемы.

2) Полиціи нужно имѣть силу заставить исполнять законъ.

3) Полиціи принадлежитъ право и обязанность обнародовать законы.

4) Полиція не можетъ приводить въ исполненіе законы, ежели не будутъ въ точномъ ея вѣдѣніи и зависимости всѣ тѣ, кои исполнять ихъ обязаны.

Итакъ полиція исполнительная имѣетъ четыре предмета:

1) Обнародовать всѣ законы, къ общему исполненію принадлежащіе.

2) Приводить ихъ въ исполненіе.

3) Имѣть въ разположеніи своемъ силу понудительную.

4) Имѣть въ точномъ вѣдѣніи и подчиненіи себѣ всѣхъ гражданъ, яко обывателей извѣстнаго мѣста.

О полиціи смирительной (coërcitive).

Всѣ притязанія людей къ правамъ общественнымъ и частнымъ въ благоустроенномъ обществѣ должны быть разбираемы и опредѣляемы закономъ; даже защищать себя отъ обидъ, кромѣ нападе-

---

но потомъ зачеркнуто лишь слѣдующее: „Средства, къ дѣйствію ея принадлежащія, можно раздѣлить на четыре рода и 3 средства исправленія (police correctionnelle). Должно различать police judiciaire отъ police repressive".

Digitized by Google

нія на жизнь, собственными силами своими не должно. Самовольное защищеніе правъ своихъ собственно называется самоуправствомъ (voies de fait).

Посему всякое присвоеніе правъ чуждыхъ мимо суда есть насиліе.

Дѣйствіе насилія слагается изъ двухъ обстоятельствъ: 1) что одинъ присвояетъ принадлежащее другому и вмѣстѣ съ тѣмъ 2) наводитъ другимъ опасность подобнаго присвоенія.

Первое обстоятельство не подлежитъ никакому разбору. Вмѣстѣ съ пресѣченіемъ насилія возвращается присвоенное тому, кому оно принадлежитъ.

Второе обстоятельство можетъ быть весьма различно. Мѣра опасности можетъ быть велика и мала; она можетъ простираться до всѣхъ или немногихъ; она можетъ быть и не быть въ намѣреніи. Все сіе дѣлаетъ изслѣдованіе втораго обстоятельства весьма сложнымъ, и поелику полиція есть мѣсто, охраняющее только законъ отъ насилія, то и не можетъ она собственно входить въ разборъ: ея дѣло есть пресѣчь только насиліе и возвратить присвоенное.

Есть однакоже случаи, въ коихъ опасность примѣра и вторичнаго покушенія такъ мала, что законъ предоставляетъ самой полиціи опредѣлить мѣру наказанія; для сего при самой полиціи составляется судъ, коего опредѣленіямъ дается большее или меньшее пространство съ точнымъ означеніемъ рода преступленій, ему подлежащихъ. Судъ сей называется полиція судебная (police judiciaire), а исполненіе опредѣленія сего суда есть полиція исправленія (police correctionnelle).

Изъ сего происходятъ слѣдующіе предметы полиціи смирительной:

1) Пресѣкать всякое присвоеніе, мимо суда, правъ чуждыхъ въ лицѣ и имуществѣ.

2) Возвращать присвоенное.

3) Имѣть въ разположеніи своемъ силу понудительную.

4) Отсылать виновныхъ къ суду гражданскому или къ суду полиціи исправленія (police correctionnelle), гдѣ по данному уставу судятся тѣ преступленія, кои отъ полиціи смирительной оглашены будутъ, опредѣляя соразмѣрное имъ наказаніе.— Сія полиція имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ смирительные и рабочіе домы и прочія тому подобныя мѣры исправленія.—Она отсылаетъ къ гражданскому суду тѣхъ, коихъ преступленія превышаютъ мѣру данной ей власти [1]).

---

[1]) Полицію исправленія многіе относятъ къ первой инстанціи суда; но естьли она будетъ опредѣлять исправленіе не иначе, какъ по приговору установленныхъ въ ней судей, то дѣйствіе ея будетъ одинаково съ судомъ, и отношеніе ея къ полиціи смирительной не будетъ дѣйствіемъ самовластнымъ.

Digitized by Google

О полиціи предохранительной или благочинія.

Все то, что можетъ, такъ сказать, освѣтить публичное поведеніе гражданъ, что можетъ отвлечь ихъ отъ заблужденія, пресѣчь первыя покушенія къ насилію и раздорамъ, ободрять и покровительствовать невинныя удовольствія, наздать нравы или, по крайней мѣрѣ, остерегать ихъ отъ разврата, все сіе есть предметъ предохранительной полиціи [1]).

Общее означеніе сихъ предметовъ можетъ быть слѣдующее:

1) *Нравы.* Въ Римѣ былъ пенсоръ нравовъ; хотя въ настоящемъ положеніи обществъ должность сія не существуетъ, тѣмъ не менѣе вездѣ въ благоустроенныхъ государствахъ наблюдаются правила, ее составляющія. Сюда принадлежатъ:

a) цензура книгъ и журналовъ;

b) пресѣченіе и опроверженіе вредныхъ правительству слуховъ и толкованій;

c) охраненіе обрядовъ религіи и обузданіе расколовъ;

d) нравственность публичныхъ зрѣлищъ и благочинія игръ.

2) *Продовольствіе и народное здравіе.* Нужда часто рождаетъ преступленіе, и потому, чтобъ предупредить преступленіе, должно прежде всего предупредить нужду. Хотя полиція не имѣетъ въ своемъ разположеніи источниковъ продовольствія, но ея дѣло есть наблюдать за состояніемъ его, извѣщать правительство и требовать пособія. Сюда принадлежатъ:

a) свѣденіе о состояніи всякаго рода запасовъ;

b) умѣренность торговыхъ цѣнъ на предметы первой необходимости;

c) призрѣніе нищихъ и удаленіе бродягъ;

d) вѣрность вѣсовъ и мѣръ;

e) народное здравіе. Медицинскія установленія.

3) *Удобность сообщенія.* Удобность путей сухопутныхъ и водяныхъ можетъ быть столько же въ видахъ доброй полиціи, какъ и въ видахъ коммерческихъ; но какъ изъ двухъ сихъ частей полиція,

---

[1]) Естьли бы полиція ограничивала себя единымъ пресѣченіемъ насилія, когда оно обнаружится, оно слишкомъ часто обнаруживалось бы, и дѣйствіе полиціи могло бы быть строго и справедливо, но никогда не было бы спасительно. Такова есть полиція въ деспотическихъ государствахъ: поспѣшна и неумолима къ преступникамъ, она ничего не дѣлаетъ къ тому, чтобъ предупредить преступленіе, чтобъ отнять у гражданъ самую вѣроятность угнетенія и удостовѣрить ихъ покой. Сіи мудрыя разположенія принадлежатъ однимъ просвѣщеннымъ правительствамъ. Въ государствахъ самовластныхъ жители имѣютъ только утѣшеніе знать, что обида ихъ будетъ наказана, какъ скоро будетъ открыта.

Digitized by Google

имѣя непосредственно дѣло съ обывателями, имѣетъ и болѣе способовъ какъ наблюдать за исправностію сообщеній, такъ и требовать ихъ устроенія, то и должно по необходимости отнести къ чей сію обязанность. Сюда принадлежатъ:

a) устроеніе и содержаніе дорогъ и мостовъ, освѣщеніе въ городахъ;

b) водяная коммуникація.

4) *Гражданская стража.* Какъ средство предупрежденія насилія, гражданская стража принадлежитъ къ полиціи. Сюда принадлежитъ:

a) ночная стража въ городахъ и селеніяхъ;

b) стража казны;

c) стража преступниковъ, содержаніе тюремъ и остроговъ;

d) стража отъ пожаровъ и пожарныя учрежденія;

e) содержаніе войскъ въ землѣ.

Въ семъ состоятъ предметы полиціи. Каждой изъ нихъ требуетъ особеннаго учрежденія; собраніе сихъ учрежденій есть уставъ, или законъ полицейской. Мѣста и лица, по сему уставу разпоряжающія сими предметами, суть мѣста полицейскія.

II. О судѣ.

Сколько бы полиція въ государствѣ ни была благоустроена, но не можетъ она пресѣчь всѣ безпорядки въ самомъ ихъ началѣ.

Безпорядки сіи могутъ быть двухъ родовъ: одни, при вредѣ частномъ, несутъ еще съ собою опасность и примѣръ вреда общаго; другіе наносятъ только вредъ частной, не угрожая ничѣмъ обществу.

Безпорядокъ перваго рода не только долженъ быть по открытіи его пресѣченъ, но въ отвращеніе вреднаго примѣра долженъ быть наказанъ.

Безпорядокъ втораго рода долженъ быть только пресѣченъ, и каждому должно быть возвращено свое.

Въ первомъ случаѣ мѣра наказанія не можетъ быть всегда равна: она должна быть соразмѣрена опасности примѣра и вреду, отъ него произойти могущему. Кто опредѣлитъ въ каждомъ случаѣ степень вреда и найдетъ въ законѣ соотвѣтствующее ему наказаніе?—Судъ.

Во второмъ случаѣ естьли бы безпорядокъ былъ объятъ на мѣстѣ въ самомъ своемъ началѣ, тогда пресѣченіе его и возвращеніе похищеннаго права было бы естественнымъ дѣйствіемъ полиціи; но какъ невозможно полагать, чтобъ полиція была вездѣ присущею, то ясно, что должны быть безпорядки, такъ сказать, застарѣвшіеся, коихъ исправить полиціи невозможно потому, что слѣды дѣйствія уже простыли.

Digitized by Google

Посему должно быть особенной власти, которая бы по жалобамъ частныхъ людей разбирала сіи застарѣвшіеся частные безпорядки и возвращала бы каждому свое.

Сія власть есть судъ.

Отсюда происходятъ два предмета суда: безпорядки, угрожающіе вредомъ общимъ (materia criminalis), и безпорядки безъ опасности вреда общаго (materia civilis); а слѣдовательно и самый судъ есть двоякаго рода: уголовный и гражданскій (actio justitiae publica, actio justitiae privata).

Изъ сего слѣдуетъ:

1) что *судъ уголовный* слагается изъ двухъ дѣйствій, изъ коихъ первое опредѣляетъ степень вреда и подводитъ преступленіе подъ общую его категорію; второе прилагаетъ его къ закону. Въ первомъ вопрошается: должно ли такое-то дѣйствіе считать воровствомъ или только татьбою; во второмъ рѣшится, какое наказаніе за воровство законъ опредѣляетъ.

2) *Судъ гражданскій* слагается также изъ двухъ дѣйствій. Въ первомъ спрашивается: дѣйствительно ли право отыскиваемое или защищаемое имѣетъ всѣ признаки собственности? Во второмъ прилагается къ нему законъ и рѣшится его принадлежность.

3) Тотъ и другой родъ суда имѣютъ общую имъ часть *слѣдствія*.

Итакъ въ судѣ должно принимать три главныя части: слѣдствіе (enquête, informatio), сужденіе (judicium), приговоръ (sentence, arrêt, décision).

О слѣдствіи.

Естьли бы дѣйствіе полиціи могло быть вездѣсущимъ, тогда не было бы другаго слѣдствія, какъ только ея показанія. Каждое нарушеніе порядка было бы объято на мѣстѣ и пресѣчено; а нарушеніе, со вредомъ общимъ сопряженное, было бы отослано къ суду съ показаніемъ обстоятельствъ [1]).

Невозможность таковаго устроенія была причиною установленія особенной времянной и частной полиціи, которой предметомъ суть произшествіи прошедшія, которая, обращаясь на слѣды, часто изгладившіеся, минувшаго обстоятельства, оживляетъ его, такъ сказать, и приводитъ въ такую же извѣстность, какъ бы теперь оно совершилось.

---

[1]) Изъ сего видно, что одна невозможность всевидящей полиціи есть причиною всѣхъ гражданскихъ тяжбъ, и слѣдственно, чѣмъ полиція исправнѣе, тѣмъ тяжбъ менѣе.

Digitized by Google

Дѣйствіе сей полиціи бываетъ двояко:

1) Когда обиженный самъ представляетъ въ судъ документы, равносильные тѣмъ, какіе бы могла представить полиція, какъ-то: свидѣтелей. крѣпости, акты правительства и тому подобное; въ семъ случаѣ слѣдствіе называется просто доказательствомъ (actio privata), и сей образъ доказывать свое право называется *порядкомъ формальнымъ* или *формою суда* (выраженіе неправильное и дающее поводъ къ смѣшенію). Судъ, на таковомъ слѣдствіи основанный, называется судомъ формальнымъ, тяжебнымъ и аппелляціоннымъ.

2) Когда обиженный вмѣстѣ съ жалобою на вредъ, ему причиненный, доноситъ, что тутъ же допущенъ и вредъ общій. Тогда судъ составляетъ особую временную полицію, наряжаетъ ее на мѣсто и велитъ сдѣлать изысканіе. Въ семъ случаѣ изслѣдованіе называется собственно слѣдствіемъ (enquête), обрядъ его именуется порядкомъ слѣдственнымъ, а судъ, на немъ основанный, есть судъ уголовный (actio publica). Частный искъ заключается уже тогда въ искѣ общественномъ, и поелику сей послѣдній не можетъ быть правымъ, не оправивъ перваго, то частный искъ ожидаетъ только рѣшенія, не вмѣшиваясь самъ въ дѣло [1]).

Но часто судъ, произведя слѣдствіе, по разсмотрѣніи его, не находитъ въ дѣлѣ ничего, интересующаго покой общественный, а потому и приказываетъ просителю производить дѣло порядкомъ формальнымъ, что называется *отослать искъ къ формѣ суда*.

Могутъ быть случаи, въ коихъ или произшествіе, открытое полиціею, указываетъ на произшествіе минувшее, или частный человѣкъ, не имѣющій въ дѣлѣ собственнаго участія, доноситъ о вредѣ общемъ.—Въ обоихъ сихъ случаяхъ производится слѣдствіе, но надлежитъ, чтобъ во второмъ изъ нихъ извѣтъ былъ подкрѣпленъ доказательствами: иначе правительство было бы занимаемо непрестанно и суетнымъ изслѣдованіемъ возмущало бы покой общественный.

Итакъ пять могутъ быть началъ слѣдствій:

1) частный искъ безъ иска общаго;
2) частный искъ съ искомъ общимъ;
3) показаніе полиціи присущей;
4) показаніе полиціи, на минувшее обращенной;
5) донось частнаго человѣка.

---

[1]) Отсюда происходитъ, что каждый обиженный старается въ собственномъ своемъ дѣлѣ интересовать общее и просить произвесть дѣло порядкомъ слѣдственнымъ, ибо вмѣстѣ съ симъ избавляется онъ труда и времяни составлять собственную свою полицію и выдерживать доказательства. Онъ одерживаетъ верхъ безъ тяжбы.

Digitized by Google

Есть правительства, кои къ симъ пяти началамъ присовокупляютъ шестое подъ именемъ стряпчихъ, прокуроровъ или публичныхъ истцовъ (accusateurs publics), кои посему называются возбудителями безгласныхъ дѣлъ. Но должности сіи входятъ совершенно въ разрядъ полицейской, и когда отъ него отдѣляются, то превращаются въ частныхъ доносителей.

Первой родъ слѣдствій бываетъ основаніемъ всѣхъ тяжебныхъ дѣлъ и называется, какъ выше сказано, формою суда. Ихъ надлежало бы назвать *частнымъ искомъ* (actio privata), ибо форма равно принадлежитъ и ко всѣмъ другимъ слѣдствіямъ.

Второй родъ слѣдствій даетъ начало суду смѣшанному (actio mixta), гдѣ истецъ частный ищетъ себѣ удовлетворенія, а правительство наказанія преступленію.

Третій и четвертый родъ слѣдствія въ существѣ своемъ одинаковы и называются вообще слѣдствіемъ (actio publica). Ихъ бы должно было назвать *искомъ общественнымъ*.

Всѣ сіи четыре рода слѣдствій составляютъ основаніе дѣлъ уголовныхъ.

Какимъ образомъ должны быть производимы слѣдствія?

Тотъ и другой родъ слѣдствій имѣютъ свою форму [1]).

Выше сказано, что слѣдствіе не что другое есть, какъ взоръ полиціи или на настоящее или на минувшее происшествіе. Вѣрность сего взора требуетъ особеннаго его направленія на предметы. Сіе направленіе есть форма слѣдствія.

Форма имѣетъ предметомъ удостовѣрить сколь можно болѣе всѣ части, слѣдствіе составляющія:

по искамъ частнымъ: свидѣтели, крѣпости, сроки, выписи и проч. и проч.;

по искамъ общимъ: свидѣтели, допросы, повальные обыски, присяга и проч. и проч.

Посему долженъ быть образъ спрашиванія свидѣтелей, представлять крѣпости, дѣлать допросы, давать присягу и проч. [2]).

Кому принадлежитъ производить слѣдствіе, полиціи или суду?

Слѣдствіе не есть судъ, но основаніе его. Оно есть дѣйствіе полиціи, или частной или общей. А посему и производить слѣдствіе принадлежитъ полиціи; но разсматривать его принадлежитъ суду.

---

[1]) Въ черновой рукописи было затѣмъ написано, но потомъ зачеркнуто: [Форма сія не что другое есть, какъ постоянный образъ выраженія всѣхъ обстоятельствъ, коими искъ приводится въ ясность].

[2]) Тамъ же затѣмъ было написано, но потомъ зачеркнуто: [Итакъ слѣдствіе составляется изъ двухъ частей: изъ существа и формы].

Digitized by Google

По гражданскимъ или тяжебнымъ дѣламъ истецъ самъ долженъ производить слѣдствіе; по искамъ общественнымъ судъ долженъ требовать слѣдствія отъ полиціи.

О сужденіи.

Когда слѣдствіе сдѣлано и въ судъ представлено, должно: 1) опредѣлить по даннымъ обстоятельствамъ количество причиненнаго частнаго вреда; 2) назначить по закону средство удовлетворенія; 3) опредѣлить количество вреда общаго: 4) назначить мѣру наказанія по закону.

Въ дѣлахъ гражданскихъ судъ совершается двумя первыми актами: въ дѣлахъ уголовныхъ всѣ четыре по необходимости должны имѣть мѣсто, и хотя часто два первые безгласны, но тѣмъ не менѣе они въ двухъ послѣднихъ подразумѣваются, ибо гдѣ есть общій вредъ, тамъ необходимо долженъ быть вредъ частный.

Первый и третій изъ сихъ актовъ—опредѣленіе частнаго и общаго вреда—принадлежитъ собственно къ части суда, называемой сужденіемъ.

О рѣшеніи.

Второй и четвертый изъ актовъ выше приведенныхъ, то есть назначить обиженному удовлетвореніе въ дѣлахъ гражданскихъ и назначить мѣру наказанія въ дѣлахъ уголовныхъ, есть то, что называется рѣшеніемъ.

Изъ сего разрѣшенія частей, судъ составляющихъ, видно:

1) что судъ уголовный слагается собственно изъ трехъ частей: изъ слѣдствія, изъ сужденія и приговора;

2) что судъ гражданскій составляется изъ частей того же имянованія;

3) что во всякомъ судѣ уголовномъ всегда подразумѣвается, а часто и открыто производится искъ частный;

4) что въ судѣ гражданскомъ и уголовномъ дѣйствіе послѣдняго только акта, т. е. приговора, можетъ быть съ точностію и прямо опредѣлено закономъ, ибо законъ въ порядкѣ уголовномъ можетъ только то прямо опредѣлить, какое напр. за воровство полагается наказаніе, но онъ не можетъ предписать и съ точностію исчислить всѣ обстоятельства, въ коихъ дѣйствіе должно считать воровствомъ. Законъ въ дѣлахъ гражданскихъ можетъ съ точностію опредѣлить какіе документы или крѣпости принимать или не принимать за основательныя, но онъ не можетъ указать, что крѣпость, писанная въ такомъ-то году, въ такомъ-то имянно мѣстѣ, на такое-то владѣніе, есть крѣпость основательная.

Digitized by Google

Какое же правило можно положить на сіи закономъ не опредѣленныя обстоятельства? Должно ли оставить ихъ на произволъ судьи? Сіе было бы великое злоупотребленіе.

Невозможность положить на сіе прямыя правила заставила законодателей прибѣгнуть къ установленіямъ побочнымъ, чтобъ по крайней мѣрѣ нѣсколько оградить сіи части отъ дѣйствія пристрастія или неразумія.

Для сего законодатели, исчисливъ всѣ вѣроятности, могущія замѣнить достовѣрность въ слѣдствіи и правильность въ сужденіи, на исчисленіе сихъ вѣроятностей постановили:

для слѣдствія: какіе документы, въ какихъ случаяхъ, съ какими условіями, въ какомъ продолженіи времяни и отъ кого принимать къ дѣлу;

для сужденія: какимъ порядкомъ, о какихъ матеріяхъ, съ какою аппелляціею, съ какимъ срокомъ принимать аппелляціи, производить сужденіе.

Сіи правила суть то, что называется формою, или обрядомъ судопроизводства (procédure, modus procedendi).

Изъ сего видно, что форма, или обрядъ судопроизводства можетъ относиться или къ слѣдствію или къ сужденію, а посему и жалобы могутъ быть приносимы или на нарушеніе обрядовъ въ слѣдствіи, или на нарушеніе обрядовъ въ сужденіи, или наконецъ на неправильность самаго сужденія.

Жалобы перваго рода суть жалобы на форму или теченіе дѣла; жалобы второго рода суть жалобы на существо дѣла.

Съ изданіемъ уложенія необходимо сопрягается изданіе формы.

Поелику форма есть внѣ сужденія и учреждается для того, чтобъ оберегать его, то во многихъ случаяхъ она совершенно отъ него отдѣляется [1]).

Форма основана на вычисленіи вѣроятностей и, слѣдственно, она можетъ перемѣниться безъ перемѣны закона уголовнаго и гражданскаго.

Изъ всего здѣсь сказаннаго видно, что судъ имѣетъ слѣдующія существенныя части:

1) слѣдствіе;

2) сужденіе;

---

[1]) Далѣе въ черновой рукописи было написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее:

[Въ Англіи судья произноситъ приговоры, jury дѣлаетъ сужденіе, адвокаты охраняютъ форму. Въ Россіи приговоръ и сужденіе произносятъ судьи; прокуроръ долженъ бы былъ охранять только форму. Во Франціи тоже дѣлаетъ *tribunal de cassation* и commissaire du gouvernement].

Digitized by Google

3) приговоръ;
4) форму.

III. О государственной экономіи.

Все, что составляетъ народное богатство, есть предметъ экономіи государственной [1]).

Источники народнаго богатства вообще можно раздѣлить на два рода: 1) обиліе естественныхъ способовъ; 2) приложеніе труда.

Способы естественные суть:
земли,
лѣса,
воды, или:
царство ископаемыхъ,
царство растеній,
царство животныхъ.
Приложеніе труда, или промышленность:
земледѣліе,
мануфактуры,
коммерція,
промыслы,
заводы.

---

[1]) Далѣе въ черновой рукописи было написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее:

[Народное богатство составляется изъ всего того, что государство, не имѣя источниковъ продовольствія, можетъ удѣлять сжегодно на содержаніе полиціи, суда, войска, внѣшнихъ сношеній, управленія экономическаго и на пріумноженіе самихъ источниковъ продовольствія. Народное богатство дѣлится на двѣ вѣтви: одна доставляетъ непосредственно доходы, другая употребляется къ усиленію и поддержанію первой.

По разности основнаго положенія и степени просвѣщенія вѣтви сіи и источники, ихъ питающіе, могутъ быть различны; въ однихъ земледѣліе есть предметъ доходовъ, въ другихъ — мануфактуры, въ иныхъ торговля и проч. и проч.

А посему прежде всего должно опредѣлить ихъ безъ отношенія къ доходамъ, кои отъ нихъ проистекаютъ.

Въ семъ смыслѣ предметы политической экономіи могутъ быть слѣдующіе.

Части, управленіе экономическое составляющія, суть:

1) управленіе источниковъ доходовъ;
2) сборъ доходовъ;
3) производство расходовъ;
4) отчетъ. — Все сіе вмѣстѣ есть administration de l'économie d'un état; первая часть особенно есть то, что назвать можно administration de l'intérieur, хотя весьма несвойственно, а три послѣднія части составляютъ administration des finances. Въ государствахъ благоустроенныхъ первая часть идетъ сама собою, и правительство оберегаетъ только ее полиціей, судомъ, войсками и внѣшними сношеніями].

Digitized by Google

Богатство государственное есть всегда въ сложномъ содержаніи способовъ естественныхъ и труда, на нихъ употребленнаго. Поелику доходы не что другое суть, какъ часть государственнаго богатства, удѣляемая на содержаніе управленія, то изъ сего слѣдуетъ, что государственная экономія имѣетъ два главные предмета:

1) пріумножить вообще массу государственнаго богатства;

2) извлекать изъ нея доходы образомъ наименѣе отяготительнымъ и распредѣлять ихъ на содержаніе управленія безъ недостатку и излишества.

Посему два главныя отдѣленія должно себѣ представлять въ управленіи экономическомъ.

Въ одномъ вѣдаются источники народнаго богатства въ отношеніи къ ихъ пріумноженію.

Сюда принадлежатъ разные способы къ ободренію земледѣлія, къ управленію мануфактуръ, коммерціи, промысловъ и заводовъ.

Въ другомъ вѣдаются доходы, изъ сихъ общихъ источниковъ извлекаемые, распредѣляемые и сохраняемые.

Сюда принадлежатъ подати, таможни, оброчныя и откупныя статьи и проч.

Первое отдѣленіе имѣетъ столько частей, сколько есть въ государствѣ значущихъ вѣтвей промышленности. Отдѣленіе сіе можно назвать *государственнымъ хозяйствомъ*.

Второе отдѣленіе имѣетъ двѣ главныя части: 1) извлеченіе доходовъ и распредѣленіе ихъ по частямъ, требующимъ содержанія; 2) счетъ и храненіе остатковъ. Отдѣленіе сіе можно назвать *отдѣленіемъ финансовъ*.

ЧАСТЬ II-я.

О составѣ (организаціи) управленія.

Опредѣливъ симъ образомъ части, составляющія управленіе, и познавъ внутреннее ихъ сложеніе, должно назначить каждой изъ нихъ приличнѣйшую организацію.

Организація управленія вообще должна быть:

1) сообразна общему государственному закону и учрежденіямъ;

2) основана на единствѣ исполненія;

3) подвержена отчету въ формѣ и въ существѣ дѣлъ;

4) постановлена на одномъ планѣ во всѣхъ частяхъ своихъ;

5) соображена съ мѣстными уваженіями

и 6) соразмѣрена способамъ исполненія.

Digitized by Google

Въ семъ состоятъ общія правила организаціи; чтобъ познать, до какой степени всѣ они необходимы, нужно каждое изъ нихъ разсмотрѣть въ особенности.

1) *О связи закона съ управленіемъ.*

Поелику управленіе (администрація) во всякой монархіи не что другое есть, какъ исполненіе закона, то само собою явствуетъ, что доброта управленія по необходимости зависитъ отъ доброты закона [1]).

Законъ различается отъ учрежденій (регламентовъ). Законъ имѣетъ предметомъ отношенія постоянныя и не премѣняемыя. Учрежденія простираются на дѣйствія и происшествія, непрестанной перемѣнѣ подлежащія.

Есть много раздѣленій законовъ; лучшее изъ нихъ есть то, которое различаетъ ихъ на три рода: 1) законъ государственный (конституціонный); 2) законъ гражданскій; 3) законъ уголовный. Два послѣдніе закона называются иначе уложеніемъ (code civil et pénal).

Учрежденія относятся: 1) къ полиціи; 2) къ экономіи; 3) къ системѣ воинской; 4) къ системѣ внѣшнихъ сношеній.

Предметы, составляющіе сіи части, по самому существу ихъ непрерывнымъ подвержены перемѣнамъ; но есть въ нихъ общія правила, отъ коихъ отступить невозможно безъ совершеннаго смѣшенія власти законодательной съ исполнительною; такъ, напр., мѣра налоговъ въ экономіи, заключеніе въ темницу въ полиціи и другія тому подобныя. Главныя правила относятся къ закону государственному и имъ опредѣляются.

Въ самомъ судѣ есть части, принадлежащія до учрежденій; такъ, напр., назначеніе мѣстъ, гдѣ судъ имѣетъ быть отправляемъ, опредѣленіе чиновниковъ, постановленіе обрядовъ и тому подобныя положенія.

Какимъ бы образомъ ни была въ государствѣ составлена власть законодательная, никто кромѣ ея не можетъ постановлять законовъ.

Учрежденія всегда постановляются властію исполнительною.

Относясь къ предметамъ перемѣняющимся, они не могутъ быть иначе располагаемы. Естьли бы власть исполнительная обязана была на всякой случай испрашивать опредѣленія власти законодательной, никакое государство не могло бы отправлять дѣлъ своихъ [2]).

---

[1]) Въ черновой рукописи было далѣе написано, но потомъ зачеркнуто: [Законъ есть правило постоянное, опредѣляющее отношенія состояній и лицъ между собою. Учрежд.].

[2]) Отсюда происходитъ, что и въ самыхъ республикахъ необходимость установляла правителей, которые подъ разными именами и съ разными ограниченіями дѣлали временныя учрежденія.

Digitized by Google

Но, съ другой стороны, естьли бы учрежденія издаваемы были безъ соображенія съ закономъ государственнымъ, тогда власть исполнительная превратилась бы въ законодательную и исчезли бы всѣ отношенія порядка монархическаго.

Итакъ всякое учрежденіе должно по необходимости быть сообразно государственному закону, а слѣдовательно и способы, коими приводится оно въ исполненіе, должны быть на немъ же основаны. Способы сіи суть то, что называемъ мы организаціею управленія.

Изъ сего очевидно, что организація каждой части управленія предполагаетъ: 1) учрежденіе ея; 2) государственный законъ.

2) *О единствѣ исполненія.*

L'unité, dans tous les cas où elle est possible, c. à d. dans tout ce qui n'exige pas une réunion de lumières et un concours de volontés, comme un corps législatif, l'unité, dis-je, est favorable, parce qu'elle fait peser toute la responsabilité, soit morale, soit légale, sur la tête d'un seul. Il ne partage avec personne l'honneur de ses actions, mais il porte de même tout le fardeau du blâme; il se voit seul contre tous, n'ayant d'autre appui que l'intégrité de sa conduite, d'autre défense que l'estime générale. Quand il ne seroit pas intègre par inclination, il le devient, pour ainsi dire, malgré lui, en vertu d'une position où son intérêt est inséparable de son devoir.

D'ailleurs, l'unité dans les emplois subordonnés est un moyen certain pour le souverain de découvrir en peu de tems la capacité réelle des individus. Un esprit faux et borné peut se cacher longtemps dans une nombreuse compagnie; mais s'il agit seul et sur un théâtre public, son incapacité est bientôt démarquée. Les hommes médiocres et ineptes, toujours prompts à solliciter les places où ils peuvent se mettre à l'abri sous un mérite étranger, auront peur de s'exposer dans une carrière dangereuse où ils seront réduits à leur propre valeur.

Bentham, t. III, p. 163 et 164 [1]).

Вопросъ: могутъ ли отнесены быть сіи разсужденія съ равною основательностью и къ части судной?—Безъ всякаго сомнѣнія, и тѣмъ болѣе, что нигдѣ пристрастіе не подвержено столь частымъ искушеніямъ, какъ въ судѣ; нигдѣ нѣтъ столько способовъ ему укрыться, какъ въ разборѣ частныхъ правъ, и слѣдовательно нигдѣ нѣтъ столько уваженій усилить отвѣтственность и все бремя общаго мнѣнія отяготить, такъ сказать, надъ единою главою.

---

[1]) Эта выписка изъ Бентама приведена полностью только въ копіи А. Ѳ. Бычкова. Въ черновой рукописи послѣ заголовка „О единствѣ исполненія“ написано только: „Bentham“.

Digitized by Google

Могутъ быть обстоятельства, въ коихъ судъ составленъ быть долженъ болѣе, нежели изъ одного лица; но сіе относится къ мѣстному положенію страны, о коемъ мы будемъ говорить ниже.

3) *Объ отвѣтственности.*

Есть два рода отвѣтственности въ государствѣ, весьма различные между собою; нужно опредѣлить ихъ точнѣе.

Первой родъ отвѣтственности состоитъ въ томъ отчетѣ, какимъ каждое низшее отдѣленіе власти исполнительной обязано отдѣленію высшему. Такъ низшіе исполнители полиціи отвѣтствуютъ высшимъ, сіи отвѣтствуютъ министрамъ, министры государю.

Существо сей отвѣтственности ограничивается единою личностію исполненія. Начальникъ мѣстной полиціи не можетъ отвѣтствовать въ добротѣ ея учрежденія; онъ отвѣтствуетъ только въ томъ, чтобъ учрежденія сіи съ точностью были исполнены.

Способы сего рода отвѣтственности суть:

1) ревизія дѣлъ по жалобамъ;

2) разныя установленія, коими высшее начальство надзираетъ за дѣяніями низшаго: вѣдомости о теченіи дѣлъ, временные осмотры и проч.;

3) личный постоянный надзоръ, состоящій въ томъ, что при каждомъ мѣстѣ учреждается особенное, не зависящее отъ него лицо, которое, не препятствуя исполненію, доноситъ высшему начальству о тѣхъ случаяхъ, кои находитъ противными учрежденіямъ.

Послѣдній сей способъ основанъ весь на ложномъ расчетѣ вѣроятностей, ибо нѣтъ никакого основанія предполагать, что надзирающій скорѣе согласится съ исполнителемъ въ добрѣ, нежели въ злоупотребленіи. Онъ имѣетъ равный съ нимъ интересъ къ пристрастію; слѣдовательно, нѣтъ основанія вѣрить болѣе одному, нежели другому, и нѣтъ причины ограничивать надзоръ однимъ лицомъ; надлежало бы надъ каждымъ надзирателемъ установить новый надзоръ и такъ далѣе въ безконечность. Нелѣпость таковаго послѣдствія доказываетъ неосновательность правила.

Сверхъ того, что правило сіе неосновательно, оно и вредно: 1) потому, что всякое дѣйствіе излишнее—есть дѣйствіе, вредящее или скорости или порядку; 2) потому, что установленіемъ сего надзора ослабляется личная, прямая отвѣтственность. Исполнитель находитъ чрезъ сіе способъ оградить себя отъ всякаго отвѣта чрезъ согласіе (connivence) съ надзирающимъ. Тогда притѣсненный имѣетъ противъ себя двѣ силы вмѣсто одной и правительство—два способа къ заблужденію и сокрытію истины.

Digitized by Google

Естьли бы по смѣшенію понятій все управленіе власти исполнительной ввѣрено было лицамъ, участвующимъ въ законодательствѣ, тогда правительству, конечно, не оставалось бы другаго способа поддержать свои временныя учрежденія, какъ установленіемъ при каждомъ мѣстѣ отъ себя коммиссаровъ. Но какъ сей распорядокъ противенъ монархическому управленію, коего существо состоитъ въ единствѣ власти исполнительной и въ выборѣ отъ себя всѣхъ исполнителей, то и явствуетъ, что установленіе таковыхъ коммиссаровъ при исполнителяхъ, отъ правительства же избираемыхъ, есть явное противорѣчіе.

Правда, что во многихъ государствахъ судъ почитается принадлежащимъ народу. Установленіе присяжныхъ (jury) и прочіе образы сужденія по выборамъ даютъ поводъ къ сему заключенію. Но безъ крайняго смѣшенія понятій заключеніе сіе не можетъ быть допущено. Отправленіе правосудія во всякой монархіи по необходимости принадлежитъ власти исполнительной [1]); иначе власть законодательная смѣшалась бы съ исполнительною, а съ тѣмъ вмѣстѣ и существо монархіи совершенно бы изпроверглось. Въ какомъ же разумѣ судъ почитается принадлежащимъ народу? Разрѣшеніе сего вопроса можетъ пролить много свѣту на истинное понятіе надзора и отвѣтственности.

Выше примѣчено было, что всѣ учрежденія временныя принадлежатъ власти исполнительной, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они должны быть сообразны государственному закону. Чтобъ удостовѣрить сію сообразность, надлежитъ установить въ каждой части исполнительной надзоръ отъ власти законодательной. Но какимъ образомъ надзоръ сей можетъ быть установленъ въ судѣ, коего дѣйствія безчисленны и ежедневны? Каждое дѣло надлежало бы для сего вносить въ законодательный составъ на ревизію. Какая трудная и почти невозможная отвѣтственность для государя!

Дабы облегчить сію отвѣтственность или, лучше сказать, дабы сдѣлать ее возможною, принято къ сему два средства:

1) постановлено, чтобы судъ былъ производимъ единообразно и отправляемъ не лицомъ государя, но избранныхъ имъ чиновниковъ, кои бы сами суду подлежали;

2) чтобъ чиновники сіи назначены были выборомъ народнымъ;

3) но какъ при семъ расположеніи вещей власти исполнительной

---

[1]) Le pouvoir de faire exécuter la loi ne réside que dans la personne du roi. Dans toutes les cours le roi est toujours censé être présent, mais, comme dans le fait la chose est impossible, il y est représenté par ses juges dont le pouvoir n'est qu'une émanation de l'autorité royale. Blakstone, tome IV, pages 35,36. *Des cours de justice.*

Digitized by Google

не оставалось бы уже средства поддерживать временныя ея учрежденія и права свои въ цѣлости, то во всѣхъ правильныхъ монархіяхъ въ составъ судебныхъ мѣстъ допущены особенные ея исполнители, подъ имянемъ президентовъ, коммиссаровъ и судей; чиновники сіи представляютъ въ нихъ лицо государя, а члены суда, зависящіе отъ выборовъ, подъ имянемъ совѣта во Франціи, засѣдателей въ Россіи, присяжныхъ (jury) въ Англіи, представляютъ власть законодательную, которая въ семъ случаѣ, участвуя въ самомъ сужденіи, охраняетъ законъ отъ нарушеній власти исполнительной и держитъ надзоръ.

Такимъ образомъ, введя постоянный надзоръ въ средину своихъ дѣйствій, власть исполнительная уменьшаетъ въ сей части свою отвѣтственность и, уступая часть своихъ преимуществъ, облегчаетъ вмѣсто того бремя, на нее возложенное.

Изъ сего видно, что и въ судѣ, такъ, какъ и въ прочихъ частяхъ управленія, не можетъ имѣть мѣста со стороны власти исполнительной особенной надзоръ, ибо въ лицѣ президента и судьи сей имянно надзоръ существуетъ.

Заключить изъ сего должно, что первый родъ отвѣтственности имѣетъ два только способа своего дѣйствія: 1) ревизію дѣлъ по жалобамъ и 2) разныя установленія временныхъ отчетовъ.

Второй и высшій родъ отвѣтственности состоитъ въ отчетѣ, коимъ исполнительная власть обязана законодательной.

Чтобъ точнѣе понять сей родъ отвѣтственности и различіе ея отъ первой, должно войти къ первымъ различіямъ закона и учрежденій.

Выше было примѣчено, что предметы закона суть общія неподвижныя установленія, коими учреждаются права гражданъ между собою, и что учрежденія суть правила, коими законы сіи, судя по обстоятельствамъ, приводятся въ исполненіе.

Напримѣръ правило: „безъ суда никто да не накажется“ есть законъ государственный, конституціонный. „Начальника такого-то, который безъ суда наказалъ помѣщика такого-то, предать самого суду по законамъ“—есть учрежденіе. Первое относится ко всѣмъ вообще и есть непосредственное слѣдствіе права гражданскаго; второе относится къ лицу и съ нимъ вмѣстѣ или съ перемѣною его положенія перемѣняется.

„Всякой гражданинъ долженъ платить подати по своему состоянію“—есть законъ государственный, конституціонный. „Съ купца N взыскать деньги по капиталу его“—есть учрежденіе экономическое.

„Дѣти должны дѣлить имѣніе послѣ отца по равнымъ частямъ“—есть законъ, уложеніе. „Сынъ такого-то помѣщика, захватившій все

Digitized by Google

его имѣніе, долженъ возвратить брату его половину"—есть учрежденіе судное.

„Власть исполнительная даетъ судъ и расправу по законамъ и единообразнымъ для всѣхъ формамъ"—есть законъ государственный. Установленіе сихъ формъ, назначеніе судей, отрѣшеніе ихъ и проч. есть учрежденіе судебное.

Словомъ, во всѣхъ частяхъ государственнаго состава законъ постановляетъ общія правила, учрежденіе прилагаетъ правила сіи къ частнымъ случаямъ и назначаетъ образъ исполненія.

Итакъ въ каждомъ учрежденіи могутъ быть два вопроса: 1) согласно ли учрежденіе съ закономъ; 2) исполняется ли учрежденіе по его силѣ и обряду [1]).

Жалоба перваго рода весьма различна отъ второй. Въ первой спрашивается, исполнено ли учрежденіе въ его силѣ и обрядѣ.—Разрѣшеніе сего вопроса принадлежитъ конечно тому, кто установилъ сіе учрежденіе, ибо онъ долженъ поддерживать то, что имъ установлено; итакъ жалоба сія принадлежитъ ко власти исполнительной.

Во второй жалобѣ спрашивается, согласно ли рѣшеніе съ закономъ.—Разсмотрѣніе сего вопроса принадлежитъ тому, кто далъ законъ, ибо ему должно поддерживать то, что имъ установлено.

Изъ сего слѣдуетъ, что судъ имѣетъ два рода отвѣтственности: онъ отвѣчаетъ въ наблюденіи обряда тому, кто его установилъ; онъ отвѣчаетъ въ согласіи рѣшенія съ закономъ тому, кто установилъ законъ [2]).

Признавъ, что всѣ учрежденія власти исполнительной должны быть сообразны закону, предположить должно извѣстный порядокъ и средства, коими сообразность сія доказана и удостовѣрена быть можетъ [3]).

---

[1]) Я полагаю, что уѣздный какой-нибудь судъ опредѣлилъ бы: имѣніе помѣщика N, найденнаго съумасшедшимъ, взявъ изъ его владѣнія, отдать старшему его брату. Помѣщикъ N можетъ на сіе опредѣленіе приносить два рода жалобъ: 1) что судъ произведенъ безъ свидѣтелей, или свидѣтели призваны и спрошены не по формѣ—*жалоба на обрядъ или на учрежденіе*; 2) что самое рѣшеніе постановлено не согласно съ закономъ, который повелѣваетъ имѣніе съумасшедшихъ брать въ опеку—*жалоба на существо рѣшенія*.

[2]) Въ черновой рукописи было затѣмъ написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее:

[Такимъ образомъ въ каждомъ судѣ должны бы были установлены быть отъ власти исполнительной охранители обрядовъ, а отъ власти законодательной охранители законовъ.

Первая должность принадлежитъ президенту или главному судьѣ; вторая — избраннымъ отъ народа членамъ. И какъ самый лучшій способъ охранить законъ есть].

[3]) Тамъ же далѣе было написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее:

[Средство самое простое на первый взглядъ было бы то, чтобъ при каж-

Digitized by Google

Двѣ силы могутъ быть въ монархическомъ государствѣ, охраняющія законъ въ его исполненіи:

1) сила общаго мнѣнія;

2) власть сословія, особенно для сего установленнаго.

Условія, необходимыя къ тому, чтобъ сила общаго мнѣнія могла дѣйствовать на отвѣтственность, суть:

1) публичность всѣхъ дѣяній управленія, исключая малаго и опредѣленнаго числа случаевъ, тайнѣ подлежащихъ;

2) свобода тисненія съ исключеніями, кои бы не стѣсняли дѣйствія общаго мнѣнія.

Условія, необходимыя къ тому, чтобъ извѣстное сословіе могло дѣйствовать на отвѣтственность, суть:

1) независимость сего сословія отъ власти исполнительной;

2) важное мѣсто, которое занимать оно должно въ системѣ государственной, по всѣмъ уваженіямъ, какія въ государствѣ приняты;

3) публичность всѣхъ дѣяній управленія съ исключеніемъ, выше означеннымъ.

Изъ сего понятія объ отвѣтственности видно:

1) что отвѣтственность перваго рода можетъ и должна быть и въ деспотическомъ правительствѣ;

2) что она ограждаетъ только точность исполненія, но не ручается ни за совершенство уставовъ правительства, ни за твердость закона.

Словомъ, отвѣтственность сія удостовѣряетъ только въ томъ, что все, и самое зло, дѣлается не иначе, какъ по установленной правительствомъ формѣ [1]).

Но 3) отвѣтственность втораго рода не можетъ существовать, какъ только въ правильномъ монархическомъ государствѣ;

домъ исполненія учрежденія власть законодательная разсматривала, сообразно ли оно съ закономъ.

Невозможность сего наблюденія и сопряженное разслабленіе дѣлъ, отъ сего стѣснительнаго надзора послѣдовать могущее, заставило замѣнить его слѣдующими средствами. Министръ объявляетъ указъ. Онъ отвѣтствуетъ государю, что объявилъ его точно согласно его волѣ; онъ отвѣтствуетъ народу, что объявленный имъ указъ согласенъ съ закономъ].

[1]) Примѣръ сего рода отвѣтственности можно видѣть въ подчиненіи мѣстъ уѣздныхъ губернскому правленію и въ отношеніяхъ губернскаго правленія къ сенату. Сію же самую отвѣтственность имѣютъ въ настоящемъ порядкѣ вещей министры въ разсужденіи сената, коему государь могъ дать одну ту только власть, чтобъ вмѣсто его разсматривалъ онъ дѣянія министровъ въ отношеніи не доброты исполненія, но точности его и наблюденія формъ.

Въ черновой рукописи было затѣмъ еще написано, но потомъ зачеркнуто: [Сенатъ занимаетъ въ семъ случаѣ мѣсто прокурора надъ министрами].

Digitized by Google

4) отвѣтственность сія есть истинное охраненіе закона, и сословіе, для нея установленное, можетъ одно называться хранилищемъ законовъ;

5) сія послѣдняя отвѣтственность, какъ начало высшее, можетъ вмѣщать въ себѣ и первой родъ отвѣтственности, естьли власть исполнительная поручить ее заблагоразсудитъ, ибо тѣ же самыя средства публичности и отчета, кои обезпечиваютъ охраненіе закона, могутъ равно обезпечить и форму исполненія, но не напротивъ;

6) установленіе отвѣтственности втораго рода есть первой шагъ рѣшительнаго приближенія, какой можно сдѣлать въ государствѣ деспотическомъ къ правильной монархіи, ибо, установляя ее, государь самодержавный отступается отъ безотчетнаго управленія и въ лицѣ министровъ покоряетъ собственную свою власть закону [1]).

4) *О единствѣ плана управленія.*

Отъ чего всѣ человѣческія установленія столько несовершенны? Сверхъ многихъ другихъ причинъ отъ того, что всѣ они дѣлаются по большей части отрывками и безъ общаго начертанія. Нетерпѣливость, людямъ столь естественная, обольщеніе разума видами народнаго счастья и скорѣйшаго улучшенія, чаяніе, что, поправивъ одну часть, дѣла пойдутъ лучше, все сіе вводитъ нерѣдко самыя благоразумнѣйшія правительства въ частныя организаціи и не даетъ, такъ сказать, созрѣть общему плану. Вскорѣ открываются неудобства сихъ частныхъ соображеній; но характеръ постоянства, столь необходимый правительству, привычка къ установленному вещей порядку, и наконецъ родъ нѣкотораго отчаянія, которое обыкновенно объемлетъ правительства, когда, сдѣлавъ много разныхъ превращеній, не видятъ они въ нихъ успѣха, нѣкоторое пресыщеніе и усталость дѣлать непрестанныя перемѣны, все сіе заставляетъ оставить вещи въ томъ порядкѣ, въ какомъ частныя организаціи ихъ поставили.

Для сего-то всѣ установленія государственныя при подробномъ ихъ разсмотрѣніи не представляютъ сего творческаго единства, какое въ прочихъ произведеніяхъ разума мы примѣчаемъ: всѣ они подобны слоямъ земли, постепеннымъ наводненіемъ составленнымъ.

---

[1]) Не должно здѣсь забыть, что отвѣтственность сія не учреждается однимъ словомъ или велѣніемъ; она перемѣняетъ конституцію государства и слѣдовательно не можетъ быть нигдѣ безъ важныхъ превращеній. Она предполагаетъ законъ, утвержденный печатію общаго принятія, и извѣстную гарантію сего закона въ вещественныхъ установленіяхъ государства или въ твердомъ и общемъ мнѣніи народномъ. Безъ сего все будетъ состоять только въ словахъ.

Digitized by Google

Въ государствахъ, имѣющихъ добрую конституцію, зло сіе едва примѣтно, потому что оно покрывается силою коренныхъ законовъ и несвязность правленія поправляется единствомъ народнаго духа [1]).

Но гдѣ нѣтъ доброй монархической конституціи, тамъ силою стройности и порядка въ образѣ управленія должно наградить то, что необходимо теряется отъ недостатка коренныхъ установленій [2]).

5) *О соображеніи системы управленія съ мѣстными уваженіями.*

Единство плана управленія не должно однакоже препятствовать мѣстнымъ различіямъ, кои во всякомъ государствѣ по необходимости существуютъ.

Странно бы было желать, чтобъ народы, въ образѣ жизни, въ привычкахъ ихъ и степени просвѣщенія и промышленности различные, покорялись съ равною удобностію единому образу управленія.

Есть однакоже въ правленіи общія правила, на коихъ планъ его всегда и вездѣ съ удобностію основанъ быть можетъ.

Должно, чтобъ планъ сей въ главныхъ частяхъ его былъ для всей страны простъ и единообразенъ, но въ то же время должно, чтобъ оставлялъ онъ довольно расширенія (latitude), въ коемъ бы можно было помѣстить всѣ приспособленія, какія подробное уваженіе различій потребовать можетъ [3]).

---

[1]) Въ Римѣ никогда не было доброй системы суда. Законы его въ сей части были въ совершенной запутанности отъ того, что установлялись безъ общаго плана и по большей части преданіями юрисконсультовъ. Жалобы на сіе повсюду въ древнихъ писателяхъ видны; но, доколѣ конституція Рима была неподвижна, несовершенство сіе было почти непримѣтно. Какъ скоро самовластіе изпровергло конституцію, такъ скоро зло сіе обнаружилось: надобно видѣть жалобы современниковъ Юстиніана и его самого на сію запутанность.

То же самое примѣчаніе можно распространить на Англію, въ коей часть судная, можетъ быть, не лучше нашей.

[2]) Здѣсь нѣтъ нужды примѣчать, сколь много всегда отходило управленіе въ Россіи отъ сихъ ясныхъ началъ. Оно никогда не имѣло единства и всегда представляло зданіе, коего части, бывъ всѣ между собою разнообразны, примыкаемы были по временамъ одно къ другому и такимъ образомъ составили сіе готическое произведеніе, гдѣ формы изящныя и безобразныя, бывъ смѣшаны безъ разбору, выставляютъ еще болѣе безобразіе цѣлаго.

[3]) Для сего нужно раздѣлить всѣ части государства на два рода: однѣ такъ сказать однообразныя (homogènes); имъ можно дать общую и совершенно одинаковую форму; другія—инообразныя (heterogènes), въ коихъ форма должна быть приспособлена къ мѣстнымъ уваженіямъ. Въ Россіи по сему правилу можно всѣ губерніи раздѣлить на внутреннія и пограничныя, полагая въ числѣ первыхъ всѣ губерніи, по уложенію судящіяся, и означивъ во вторыхъ всѣ тѣ, кои различными пользуются правами.

Digitized by Google

6) *О соразмѣрности образа управленія способамъ исполненія.*

Силу законовъ не должно измѣрять единымъ внутреннимъ ихъ достоинствомъ, но способами исполненія.

Самый лучшій образъ управленія, не имѣя исполнителей, не только не произведетъ никакого полезнаго дѣйствія, но по необходимости родитъ два весьма важныя и столь рѣдко законодателями измѣряемыя неудобства:

1) Недовѣрчивость и неуваженіе къ правительству. Въ государствѣ, гдѣ нѣтъ добрыхъ исполнителей, конечно не можетъ быть и просвѣщенныхъ судей, внутренней изьящности установленій. Народъ разсуждаетъ о вещахъ по внѣшнему ихъ дѣйствію, и естьли дѣйствіе сіе будетъ ничтожно, ничѣмъ увѣрить его не можно, что ничтожество сіе не отъ учрежденій происходитъ, но отъ недостатка исполненія, ибо народъ, считая себя всегда просвѣщеннымъ, никогда не пойметъ, какимъ образомъ въ милліонахъ нельзя найти извѣстнаго числа людей способныхъ.

2) Разрушивъ прежній вещей порядокъ, хотя несовершенный, но съ привычками народными сообразный, естьли порядокъ вновь установленный не будетъ обезпеченъ разумомъ исполнителей, онъ по необходимости родитъ во всѣхъ классахъ народа тѣмъ важнѣйшее неустройство, что всѣ, и самыя обыкновенныя, упущенія ему приписаны будутъ.

Просвѣщеніе, честь и деньги суть стихіи, входящія главнымъ образомъ въ составъ добраго управленія; безъ нихъ никакія учрежденія, никакіе законы не могутъ имѣть силы; словомъ, изящность законовъ есть всегда относительна къ способамъ исполненія и имъ соразмѣрна.

Таковы суть общія начала всякой доброй системы монархическаго управленія. Различія государствъ не дѣлаютъ въ семъ никакой разности, ибо начала сіи всѣ истекаютъ изъ перваго понятія правильной монархіи, и нѣтъ конечно, и быть не можетъ, ни одной изъ нихъ, которая бы могла обойтись безъ сихъ началъ или присвоить другія, не перемѣня самаго существа своего.

Правленіе монархическое совершенное есть то, которое всѣ сіи общіе признаки имѣетъ во всемъ ихъ пространствѣ и силѣ. Чѣмъ болѣе правительство будетъ подходить къ сему образцу, тѣмъ будетъ оно совершеннѣе.

Всякое правительство по необходимости обязано составить себѣ сей образецъ, дабы знать, куда ему должно склонять свои движенія, чтобъ имѣть, такъ сказать, неподвижную точку направленія; безъ сего всѣ его планы могутъ быть подвержены великимъ ошибкамъ.

Digitized by Google

Чтобъ сдѣлать нѣкоторую, хотя весьма слабую, въ семъ отношеніи попытку, составлена прилагаемая при семъ табель подъ лит. А. [1]).

Разсматривая сію табель, съ перваго взгляда представляются въ ней всѣ признаки добраго управленія: сообразность съ государственнымъ закономъ, единство, двоякая отвѣтственность, удобность примѣненія по всѣмъ мѣстнымъ уваженіямъ и единообразіе въ главныхъ раздѣленіяхъ.

Слѣдующія разсужденія послужатъ къ вящшему ея объясненію.

Общая система управленія вмѣщаетъ въ себѣ четыре частныя системы, изъ коихъ каждая составляетъ цѣлое и всѣ однакоже связаны между собою неразрывно. Управленіе волостное подчинено управленію уѣздному, уѣздное — губернскому, губернское — государственному.

Каждая часть управленія имѣетъ свойственную ей отвѣтственность. Сравнимъ отвѣтственность суда съ отвѣтственностію полиціи.

---

[1]) Затѣмъ въ черновой рукописи было написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее:

[Государственный законъ.

Я предполагаю, что существуютъ въ государствѣ слѣдующія статьи государственнаго закона:

1) всѣ состоянія государства, бывъ свободны, участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ во власти законодательной;

2) власть исполнительная вся принадлежитъ одному лицу, участвующему и утверждающему всякое законодательное дѣйствіе;

3) есть общее мнѣніе, оберегающее законъ въ исполненіи его;

4) есть независимое сословіе народа, коему исполнители отвѣтствуютъ;

5) существуетъ система законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, принятая народомъ;

6) судъ не лицомъ государя отправляется, но избранными отъ народа и имъ утвержденными исполнителями, кои сами суду подвержены быть могутъ;

7) всѣ дѣянія управленія публичны, исключая нѣкотораго числа случаевъ опредѣленныхъ;

8) существуетъ свобода тисненія въ извѣстныхъ, съ точностію опредѣленныхъ границахъ.

То, что называется государственнымъ закономъ или конституціею, не есть законъ писанный, но законъ вещественный, не на бумагѣ, но въ дѣйствіи самомъ существующій. Онъ не столько состоитъ въ установленіяхъ государственныхъ, сколько въ вещественномъ раздѣленіи силъ его на всѣ состоянія. Онъ поддерживается не столько видимыми сословіями, сколько навыками и духомъ народнымъ; это есть физическое сложеніе, темпераментъ политическаго тѣла;

9) существуетъ въ народѣ довольный степень просвѣщенія и обиліе во всѣхъ способахъ исполненія законовъ.

Предположивъ существующими всѣ сіи установленія, образъ правленія можетъ быть слѣдующій. См. табель А.]

Digitized by Google

Три низшія отдѣленія полиціи не могутъ имѣть другой отвѣтственности, какъ въ точномъ исполненіи данныхъ имъ предписаній. Предписанія сіи нисходятъ къ нимъ отъ одного къ другому, слѣдовательно и надзоръ не можетъ имѣть другаго пути въ своемъ дѣйствіи. Начальникъ округи отвѣчаетъ за состояніе всѣхъ ввѣренныхъ ему волостей; слѣдовательно, естьли бы начальникъ какой-либо волости дозволилъ себѣ или нарушить данныя ему предписанія, или ввести распоряженія новыя, имъ противныя, начальникъ окружный по обязанности его всегда открыть можетъ злоупотребленіе тремя средствами: 1) осмотромъ; 2) ревизіею дѣлъ; 3) жалобами.

То же самое должно сказать и о прочихъ отдѣленіяхъ: они не могутъ вводить ничего новаго, и слѣдовательно отвѣтствуютъ только за точность исполненія [1]).

Но отвѣтственность министра полиціи есть уже двоякая: онъ отвѣтствуетъ государю въ точности исполненія устава полиціи, то есть тѣхъ правилъ или учрежденій, кои на основаніи государственнаго закона сдѣланы и введены уже въ употребленіе; но онъ отвѣчаетъ извѣстному законодательному сословію во всемъ томъ, что имянемъ своимъ или имянемъ государя вводитъ онъ новаго въ уставѣ полиціи. Ибо сіи новыя учрежденія должны быть сообразны съ государственнымъ закономъ, а сообразность сію никто не можетъ удостовѣрить кромѣ того, кому ввѣренс охраненіе закона.

Есть два образа учредить сію отвѣтственность къ законодательному сословію: или внося напередъ на утвержденіе его всѣ распоряженія, вновь предполагаемыя, или давая въ нихъ отчетъ по введеніи. Оба сіи образа должны быть съ точностію опредѣлены въ государственномъ законѣ. Судя по различному существу каждой части, избирается тотъ или другой образъ. Первой употребляется въ экономіи и судѣ, второй въ полиціи, ибо въ двухъ первыхъ частяхъ не столько скорость, сколь зрѣлое уваженіе всѣхъ обстоятельствъ потребно, но вторая вся состоитъ въ быстромъ исполненіи и часто требуетъ мѣръ скорыхъ и стремительныхъ. Въ одномъ только случаѣ предпочесть въ ней должно первый образъ отвѣтственности: когда требуется отмѣнить законъ государственный, уже существующій, и поставить на время или навсегда мѣру ему противную [2]), обстоятельство, коего никто дозволить не можетъ, кромѣ законодательнаго сословія.

---

[1]) Затѣмъ въ черновой рукописи было написано, но потомъ зачеркнуто: [Въ экономіи отвѣтственность уменьшается раздѣломъ съ корпусомъ законодательнымъ].

[2]) Какъ, напр., въ Англіи остановить дѣйствіе Habeas corpus.

Digitized by Google

Отвѣтственность въ судѣ должна быть двоякая [1]): въ точномъ исполненіи обрядовъ и въ сообразности частныхъ рѣшеній съ закономъ. Выше было примѣчено, какимъ образомъ исполнительная власть, раздѣляя съ законодательною право суда, слагаетъ съ себя сію послѣднюю отвѣтственность. Въ самомъ дѣлѣ, избранные отъ народа судьи, подъ именемъ присяжныхъ, производя важнѣйшую часть суда, тѣмъ самымъ поставляютъ себя въ самое удобное положеніе охранять законъ. Главному судьѣ остается только наблюдать формы; но какъ формы сіи въ высшемъ судѣ могутъ быть двояки: однѣ приняты уже и утверждены употребленіемъ, другія вновь вводятся, то и отвѣтственность министра правосудія, подобно отвѣтственности другихъ министровъ, есть двоякая: государю въ охраненіи формъ принятыхъ и законодательному сословію во введеніи новыхъ.

Изъ сего видно, что министръ правосудія не можетъ имѣть другаго наблюденія, какъ только надъ точнымъ исполненіемъ обрядовъ. Различіе его дѣйствій отъ прочихъ министровъ состоитъ въ томъ, что законъ, на коемъ часть его основана, истекаетъ не отъ власти исполнительной и не ею, а избранными отъ народа лицами оберегается въ исполненіи. Напротивъ, уставы или регламенты другихъ частей, истекая отъ власти исполнительной и ею оберегаясь, подвергаютъ ихъ сугубому отвѣту [2]).

Здѣсь примѣтить должно, что переносъ судныхъ дѣлъ отъ одной инстанціи къ другой не есть отвѣтственность: ибо судья не можетъ отвѣчать въ томъ, что онъ такъ или иначе представляетъ себѣ вещи, спору подлежащія; онъ отвѣчаетъ только въ точномъ охраненіи формъ и въ чистотѣ своихъ намѣреній.

О сословіи законодательномъ. О связи его съ частію исполнительною и порядкѣ отвѣтственности.

О инструкціи министровъ или учрежденіи государственномъ.

О учрежденіи губернскомъ.

О учрежденіи окружномъ.

О учрежденіи волостномъ.

---

[1]) Здѣсь должно привести на память то, что выше было постановлено о двухъ родахъ отвѣтственности.

[2]) Затѣмъ въ черновой рукописи было написано, но потомъ зачеркнуто: [Изъ сихъ началъ легко опредѣлить можно власть и предѣлы министра правосудія].

Digitized by Google

ЧАСТЬ Ш-я.

О дѣйствительномъ устройствѣ управленія въ Россіи.

I. О разумѣ настоящаго управленія въ Россіи.

Сколь ни просто на первый взглядъ кажется правленіе самодержавное, но, когда оно смѣшано съ разными установленіями монархическими и покрыто формами, къ другому порядку вещей принадлежащими, составъ его дѣлается многосложенъ и разрѣшить его на первыя его стихіи не есть дѣло удобное [1]).

Первое начало власти въ Россіи весьма кажется просто. Государь, соединяющій въ особѣ своей всѣ роды силъ, единый законодатель, судія и исполнитель своихъ законовъ — вотъ въ чемъ состоитъ на первый взглядъ вся конституція сего государства.

Но, когда разсматриваютъ образъ, коимъ верховное сіе начало дѣйствуетъ, и средства, коими оно силы свои распредѣляетъ и приводитъ въ упражненіе, сія простота перваго понятія исчезаетъ, и на мѣстѣ ея являются разныя системы управленія, къ разнымъ началамъ принадлежащія и никакой между собою вещественной связи не имѣющія.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ опредѣлить взаимныя отношенія первыхъ государственныхъ мѣстъ: совѣта, сената, комитета и министровъ? Въ чемъ состоятъ существенныя ихъ различія между собою? Какой степень власти каждое изъ нихъ имѣетъ? Какой родъ дѣлъ каждому изъ нихъ присвоенъ? — Разрѣшеніе всѣхъ сихъ вопросовъ одно можетъ обнаружить истинный разумъ настоящаго правленія въ Россіи.

И *во-первыхъ* очевидно, что ни одно изъ сихъ мѣстъ *собственной политической* силы не имѣетъ: всѣ они зависятъ и въ началѣ и въ концѣ, и въ бытіи и въ дѣйствіи ихъ, отъ единой воли и мановенія силы самодержавной. Слѣдовательно,

второе: ни одно изъ нихъ тѣломъ политическимъ, а тѣмъ менѣе законодательнымъ, признано быть не можетъ;

третіе: ни правъ, ни преимуществъ, свойственныхъ государственнымъ установленіямъ, въ отношеніи къ первому ихъ началу имѣть они не могутъ;

---

[1]) Затѣмъ въ черновой рукописи было написано, но потомъ зачеркнуто: [Отсюда происходитъ, что вопросъ: какое есть настоящее правленіе въ Россіи, не весьма удобно].

Digitized by Google

четвертое: различія существеннаго (constitutive) между собою они не имѣютъ, ибо различіе сіе можетъ быть только двояко: 1) въ предметахъ и 2) въ правилѣ дѣйствія. Но предметы во всѣхъ сихъ мѣстахъ одинаковы. Сенатъ занимается тѣми же вѣтвями полиціи, экономіи и суда, какія вносятся въ совѣтъ и къ министрамъ. Правило дѣйствія въ нихъ также одинаково: всѣ они или соображаютъ дѣло съ закономъ, или, когда закона нѣтъ или по обстоятельствамъ кажется онъ неудобенъ, представляютъ мнѣніе свое о новомъ установленіи. Все различіе состоитъ только въ разности канцелярскаго обряда, но нѣтъ нужды доказывать, сколь различіе сіе маловажно.

Правда, что сенатъ отличается тѣмъ отъ прочихъ мѣстъ, что дѣйствіе его считается публичнымъ и что онъ имѣетъ власть повелительную, а дѣйствіе прочихъ мѣстъ есть дѣйствіе, внутри кабинета государева совершающееся, и къ исполненію непосредственно не исходитъ; но примѣтить должно: 1) что сенатъ ничего не можетъ повелѣть своимъ имянемъ. Указы, отъ него исходящіе, не суть его указы, но императорскаго величества, чрезъ него только идущіе; 2) министры могутъ и во многихъ случаяхъ должны мимо его прямо въ губерніи посылать указы, кои въ послѣдствіи вносятся къ нему только за извѣстіе [1]); 3) обязанность публиковать указы есть обязанность полицейская, и всякое низшее мѣсто имянемъ государя тоже бы самое могло сдѣлать.

Итакъ единое понятіе, которое можно себѣ сдѣлать о государственномъ управленіи въ Россіи, есть слѣдующее:

Верховное начало въ Россіи есть государь самодержавный, соединяющій въ особѣ своей власть законодательную и исполнительную и располагающій неограниченно всѣми силами государства.

Начало сіе не имѣетъ никакихъ вещественныхъ предѣловъ. Но оно имѣетъ нѣкоторыя умственныя границы, мнѣніемъ, привычкою и долголѣтнимъ употребленіемъ постановленныя въ томъ, что власть сего начала не иначе приводится въ дѣйствіе, какъ всегда единообразнымъ порядкомъ и установленными формами [2]).

---

[1]) Затѣмъ въ черновой рукописи было написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее:

[Право публиковать указы столько въ самомъ себѣ маловажно, что во многихъ государствахъ.

3) естьли сенатъ съ одной стороны имѣетъ предъ прочими мѣстами ему равными то преимущество, что чрезъ него исходятъ въ народъ государевы указы].

[2]) Примѣчить здѣсь должно, что Юмъ твердость англійской конституціи полагаетъ въ привычкѣ, въ духѣ, въ образѣ мыслей народа.

Сколько ни ничтоженъ кажется сенатъ въ настоящемъ образѣ бытія

Digitized by Google

Сей порядокъ, коимъ власть государя изливается къ народу въ законодательствѣ и въ частяхъ управленія, вмѣщается разными отдѣленіями въ сенатѣ, совѣтѣ и министерствѣ [1]).

Но три сіи установленія, имѣя каждое свой степень необходимости и служа нѣкоторымъ умѣреніемъ власти и точкою соединенія народному мнѣнію, по недостатку связи ихъ между собою, по неточному разграниченію ихъ предметовъ, по разнообразности и несовершенству ихъ формъ, въ существенномъ отправленіи дѣлъ великія представляютъ неудобства.

Неудобства сіи умножаются, когда установленія сіи разсматриваются въ отношеніяхъ ихъ къ мѣстамъ губернскихъ.

Система губернскаго управленія по необходимости связана съ системою управленія государственнаго, такъ, какъ средина связана съ началомъ. Сколько бы первая ни была сама въ себѣ совершенна, но, стоя подъ вліяніемъ второй, она по необходимости должна разстроиться.

Изъ сего слѣдуетъ, что усовершеніе губернскаго управленія не можетъ быть безъ усовершенія управленія государственнаго. Здѣсь припомнить должно то, что̀ сказано вообще о системахъ управленія, кои составляются по частямъ и не по одинакому плану [2]).

II. Настоящее положеніе губернской системы и недостатки ея.

III. Какимъ образомъ можно приступить къ усовершенію системы государственнаго управленія?

Гос. Публичная Б-ка Ленинград.

Надобно только сравнить образъ управленія монархическаго съ управленіемъ, нынѣ въ Россіи существующимъ, чтобъ удостовѣриться,

---

его и сколько ни вѣроятнымъ кажется, что теченіе дѣлъ, основанное на единствѣ министерскаго управленія, было бы несравненно успѣшнѣе, но можно быть увѣреннымъ, что совершенное уничтоженіе сего мѣста изгладило бы съ собою и самую тѣнь монархической свободы въ разумѣ народномъ. Многочисленное сословіе, древность и формы могутъ быть весьма вредны теченію дѣлъ, но они имѣютъ всегда нѣчто священное и столько уважительное въ глазахъ народа, что и самое правосудіе будетъ ему подозрительно, естьли оно не будетъ изливаться сообразно общему его о вещахъ понятію.

[1]) Далѣе въ черновой рукописи было еще написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее:

[Предметы сихъ сословій можно раздѣлить вообще на два рода: 1) предметы законодательства; 2) предметы управленія].

[2]) Учрежденіе министерства есть конечно важный шагъ къ лучшему устройству управленія, но онъ есть первый шагъ, а, чтобъ достигнуть къ совершенству, надобно сдѣлать первый, и второй, и третій, и такъ далѣе, ибо

Digitized by Google

что никакая сила человѣческая не можетъ сего послѣдняго превратить въ первое, не призвавъ въ содѣйствіе время и постепенное всѣхъ вещей движеніе къ совершенству.

Въ настоящемъ порядкѣ вещей мы не находимъ самыхъ первыхъ елементовъ, необходимо нужныхъ къ составленію монархическаго управленія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можно основать монархическое управленіе по образцу, выше нами предложенному, въ странѣ, гдѣ половина населенія находится въ совершенномъ рабствѣ, гдѣ сіе рабство связано со всѣми почти частями политическаго устройства и съ воинскою системою и гдѣ сія воинская система необходима по пространству границъ и по политическому положенію?

Какимъ образомъ можно основать монархическое управленіе безъ государственнаго закона и безъ уложенія?

Какимъ образомъ можно постановить государственный законъ и уложеніе безъ отдѣленія власти законодательной отъ власти исполнительной?

Какимъ образомъ отдѣлить власть законодательную безъ сословія независимаго, ее составляющаго, и безъ общаго мнѣнія, его поддерживающаго?

Какимъ образомъ составить сословіе независимое безъ великаго и, можетъ быть, опаснаго превращенія всего существующаго порядка—съ рабствомъ—и безъ просвѣщенія?

Какимъ образомъ установить общее мнѣніе, сотворить духъ народный безъ свободы тисненія?

Какимъ образомъ ввести или дозволить свободу тисненія безъ просвѣщенія?

Какимъ образомъ установить истинную министерскую отвѣтственность тамъ, гдѣ отвѣчать некому и гдѣ и отвѣтствующій и вопрошающій составляютъ одно лицо и одну сторону?

Какимъ образомъ безъ отвѣтственности могутъ быть охраняемы законы въ исполненіи?

Какимъ образомъ можетъ быть обезпечено самое исполненіе безъ просвѣщенія и обилія въ исполнителяхъ?

Всѣ сіи вопросы разрѣшить нужно прежде, нежели можно съ нѣкоторою основательностью предположить возможность превращенія настоящаго порядка въ монархическій.

Я смѣю быть увѣреннымъ, что они неразрѣшимы и что одно время разрѣшить ихъ можетъ.

Итакъ вопросъ о усовершеніи настоящаго управленія въ Россіи

совершенство никогда не достигается однимъ пріемомъ. Надобно только итти всегда по одной линіи.

Digitized by Google

не въ томъ состоитъ, какимъ образомъ можно превратить его въ истинное управленіе монархическое, но въ томъ, какимъ образомъ составить образъ управленія, который бы соединялъ въ себѣ слѣдующія свойства:

1) Онъ долженъ быть весь расположенъ на настоящей самодержавной конституціи государства, безъ всякаго раздѣла власти законодательной отъ власти исполнительной.

2) Онъ долженъ сохранить и усилить народное мнѣніе, власть сію ограничивающее не въ существѣ ея, но въ формѣ ея дѣйствія.

3) Онъ долженъ сколь можно быть приближенъ къ образцу монархическаго управленія, выше изображеннаго.

4) Онъ долженъ содержать въ себѣ разныя установленія, которыя бы, постепенно раскрываясь, приготовляли истинное монархическое управленіе и приспособляли бы къ нему духъ народный.

Сіи четыре свойства суть столько существенны предполагаемому въ Россіи управленію, что всякой порядокъ вещей, имъ противный или ихъ въ себѣ не вмѣщающій, долженъ быть отвергнутъ, яко ложный и неосновательный.

IV. Какія части управленія могутъ прежде всего быть исправлены?

Прилагая свойства, выше приведенныя, къ порядку, нынѣ существующему, мы находимъ во-первыхъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ представляетъ онъ болѣе удобности къ усовершенію, нежели въ другихъ [1]).

Здѣсь припомнить должно то различіе, какое выше было постановлено между временными учрежденіями (регламентами) и законами, и что нѣкоторыя части управленія, какъ-то: полиція и економія, дѣйствуютъ всегда на правилѣ учрежденій, а судъ утверждается на законѣ.

Учрежденія наши конечно недостаточны, но ихъ можно усовершить и исправить. Но исправить гражданскій и уголовный законъ скоро почти нѣтъ никакой возможности, ибо:

1) Не только въ Россіи, но и нигдѣ въ Европѣ нѣтъ еще правильной теоріи ни гражданскаго, ни уголовнаго закона. Сія часть законодательства доселѣ была и нынѣ есть предметомъ учености, историческихъ разысканій и, можно сказать, глубокаго педантства;

---

[1]) Далѣе въ черновой рукописи было еще написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее: [Въ самомъ дѣлѣ мы выше видѣли, что изъ всѣхъ частей управленія одинъ судъ долженъ дѣйствовать на законѣ коренномъ и непрелож(номъ)].

Digitized by Google

духъ истинной аналитики къ ней еще не прикоснулся. Юрисконсульты спорятъ еще и понынѣ о точномъ понятіи закона, объ опредѣленіи правъ и обязанностей, о категорическомъ раздѣленіи преступленій, о разграниченіи дѣла уголовнаго отъ дѣла гражданскаго, и, чтобъ все сказать однимъ словомъ, они спорятъ о самомъ понятіи справедливаго и несправедливаго, о самыхъ первыхъ началахъ сего знанія. Не умъ обыкновенный, но разумъ творческій — геній — долженъ рѣшить сей споръ и положить лучшія основанія сей наукѣ и, можетъ быть, перемѣнить самый языкъ ея и уничтожить варварскія ея формы.

Можно съ нѣкоторою основательностью предполагать, что мы стоимъ при самомъ рожденіи лучшей теоріи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Никогда въ Европѣ не занимались сею наукою съ такимъ вниманіемъ, какъ нынѣ; лучшіе умы обратили на нее свои разысканія, и, можетъ быть, не пройдетъ десяти лѣтъ, какъ мы увидимъ въ сей части политическихъ понятій важное превращеніе.

2) Настоящее положеніе Россіи даетъ ей всю удобность ожидать сего превращенія: естьли бы и существовала въ Европѣ система добрыхъ законовъ въ сей части, она не могла бы у насъ скоро приведена быть въ дѣйствіе, ибо правый судъ по необходимости предполагаетъ не только просвѣщенныхъ судей, но просвѣщенную публику, искусныхъ законовѣдцевъ, знающихъ стряпчихъ и методическое сей части ученіе; безъ сего самая лучшая система судовѣденія произведетъ одно только вредное дѣйствіе новости. Но что сдѣлало доселѣ правительство въ Россіи, чтобъ пріуготовить добрыхъ судей, чтобъ окружить ихъ здравомыслящею публикою, чтобъ просвѣтить ихъ совѣтомъ судовѣдцовъ? Гдѣ установленія, въ коихъ юношество наше образуется по сей части?

Можетъ быть, въ одной Россіи судьи *творятся* одною волею и приказаніемъ правительства, и человѣкъ, едва по слуху знающій о законѣ, о правѣ, о обязанности, вдругъ по слову власти становится органомъ закона и рѣшителемъ всѣхъ споровъ о правѣ и обязанности. Какая система законовъ можетъ устоять противъ таковыхъ исполнителей?

3) Съ нѣкотораго времяни вошло у насъ въ обыкновеніе всѣ недостатки управленія слагать на несовершенство нашихъ законовъ [1]). Не бывъ въ пользу ихъ слѣпо предубѣжденнымъ, можно однакоже быть увѣреннымъ, что сіе мнѣніе весьма несправедливо [2]).

---

[1]) Здѣсь, какъ и во всемъ сочиненіи, разумѣются подъ симъ словомъ законы уголовные и гражданскіе.

[2]) Затѣмъ въ черновой рукописи было написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее: [Оно происходитъ отъ того, что, не различивъ довольно вреднаго

Digitized by Google

Вы жалуетесь на несовершенство вашихъ законовъ уголовныхъ и гражданскихъ,—можно бы было возразить симъ ценсорамъ, столь скорымъ, столь готовымъ давать совѣты правительству;—но измѣрили ли вы вредное вліяніе прочихъ частей управленія на сію вѣтвь законодательства? опредѣлили ли, до какой степени недостаточная и несвязная ваша полиція затрудняетъ теченіе суда, понуждая преступленіямъ старѣться безъ слѣдствій, представляя слѣдствіе безъ обстоятельствъ, теряя обстоятельства времянемъ, небреженіемъ и недостаткомъ исполнителей?—Какимъ образомъ на пространствѣ пяти или 600 верстъ земской исправникъ, для куска хлѣба изъ бѣдныхъ дворянъ выбранный, съ подобными ему нищими засѣдателями можетъ привести законъ въ уваженіе, пресѣчь насиліе на мѣстѣ, предохранить собственность отъ похищенія и тѣмъ отвратить раззорительныя тяжбы?—Какимъ образомъ въ государствѣ, гдѣ земляныя владѣнія по большей части не обмежеваны, гдѣ права и на обмежеванныя еще не удостовѣрены, гдѣ вся экономическая часть въ крайнемъ безпорядкѣ и упущеніи, могутъ быть тяжбы не многочисленны и не запутанны?—Какимъ образомъ законъ можетъ дѣйствовать, когда не поддерживается разумомъ и просвѣщеніемъ исполнителей и когда исполнители сіи еще необразованы?—Познали ли вы, до какой степени судьѣ трудно быть честнымъ тамъ, гдѣ нѣтъ общаго мнѣнія, гдѣ нѣтъ публичности въ дѣяніяхъ суда, нѣтъ отвѣтственности, нѣтъ совѣту, нѣтъ способовъ ученія, и, наконецъ, чтобъ все заключить въ одномъ словѣ, гдѣ самой текстъ закона извѣстенъ только по секретарскимъ письменнымъ тетрадямъ, отъ одного къ другому переходящимъ и нигдѣ въ порядокъ не приведеннымъ?—Исправьте всѣ сіи несовершенства, суду побочныя и отъ другихъ частей управленія зависящія, и тогда разсуждайте о дѣйствіи нашихъ законовъ.

Вы жалуетесь на продолжительность и запутанность нашихъ судебныхъ формъ и обрядовъ; но гдѣ они не таковы?

Раскройте Прусское уложеніе, вы найдете въ немъ слѣдующія понятія о законахъ, въ Германіи существующихъ:

Voilà [1]) malheureusement quelle est encore de nos jours en Allemagne l'administration de la justice:

1) Toutes les défectuosites de la compilation confuse du corps du droit romain subsistent telles qu'elles ont été rapportées.

вліянія прочихъ частей на сію вѣтвь законодательства и не обнаруживъ недостатокъ исполненія, все приписываютъ несовершенству закона].

[1]) Эта выписка, а равно и слѣдующая засимъ приведены полностью лишь въ копіи А. Ѳ. Бычкова. Въ черновой рукописи вмѣсто этихъ двухъ выписокъ сдѣлана лишь слѣдующая отмѣтка: „Здѣсь должно выписать изъ книги".

Digitized by Google

2) Le désordre qui résulte des différentes interprétations que les commentateurs donnent aux lois, aussi bien que des réponses et des décisions des jurisconsultes, dont le public est tous les jours surchargé, subsiste pareillement, et rend le droit incertain et arbitraire.

3) La contrariété du droit romain avec celui de l'Allemagne est encore le même, et quelques docteurs modernes n'ont fait qu'augmenter la confusion et l'embarras, en renouvelant et recherchant, de leur propre autorité et sans nécessité, les lois et coutumes anciennes des états de l'empire.

Il s'est trouvé dans notre siècle et le précédent plusieurs savans distingués par leurs lumières et par leur probité, qui ont senti parfaitement tous ces désordres et qui ont souhaité par cette raison que l'on pensoit enfin à une bonne réforme de la justice.

Il s'en est même trouvé plusieurs qui ont donné au public des projets d'un nouveau code du corps de droit.

Les empereurs d'Allemagne eux mêmes ont fait proposé diverses fois dans les diètes la réformation de la justice et exigé des états qu'ils donnassent leurs avis à ce sujet. Mais toutes les délibérations et les résolutions de l'empire n'ont en vue que de mieux régler la procédure et de corriger quelques abus introduits dans le tribunal de justice de l'empire. On n'y a pas pensé former un droit général et certain.

Quelques états de l'empire ont fait dresser à la vérité de certains corps de droit, parmi lesquels ceux de Saxe, de Magdebourg, de Lunebourg, de Prusse, du Palatinat, du Wurtemberg méritent surtout des éloges: mais aucun des ces corps de droit ne forme un droit universel et ne renferme toutes les matières du droit. Ils ne sont pas non plus réduits en forme de système et ne contiennent pas sur chaque sujet des principes généraux. On se contente dans la plupart de régler la procédure et de décider des cas douteux, par rapport auxquels les docteurs n'étoient pas d'accord.

Загляните въ судебные законы Англіи, вы найдете слѣдующее о нихъ изложеніе одного изъ славнѣйшихъ ихъ юрисконсультовъ:

Veut on croire en effet que le code civil et criminel d'un peuple, qui a une constitution si supérieure à toutes les autres, ne soit qu'un amas de fictions, de contradictions et d'inconséquences? Le droit anglais, comme tout autre système de lois formé successivement, par agrégation et sans aucun plan, se divise en deux parties, les statuts et la loi commune, ou la coutume. Les statuts, c. à d. les actes du corps législatif, rédigés avec une grande attention pour les circonstances et pour les intérêts de l'Angleterre n'ont pu avoir aucun égard au bien-être de ces pays dont l'acquisition n'étoit pas même prévue.

Digitized by Google

La loi commune, c. à d. la loi non écrite, résultat de coutume, mêle à quelques principes d'une valeur inestimable une foule d'incohérences, de subtilités, d'absurdités et de décisions purement capricieuses. Il est impossible de croire, que dans cet ouvrage fantastique on est eu en vue le bien-être d'aucun pays. Quant à la variété des procédures devant les divers tribunaux, aux longueurs, aux formalités, aux embarras, aux fraix énormes qu'elles entraînent, c'est un autre chapître dont il est impossible de présenter les détails. Qui le croiroit? Cette masse d'absurdités n'est point une production de l'ancienne barbarie, mais des raffinemens modernes.

Но отъ чего въ другихъ государствахъ недостатки законовъ не столь ощутительны, какъ у насъ?—Отъ того, что тамъ законъ, хотя несовершенный, но съ точностію обезпеченъ въ исполненіи; отъ того, что тамъ есть просвѣщенные исполнители; отъ того, что тамъ судьи учатся, а не творятся; отъ того, что прочія части управленія пособляютъ, а не затрудняютъ дѣйствіе закона; отъ того, наконецъ, что добрая монархическая конституція покрываетъ множество частныхъ недостатковъ.

Изъ всего сего должно извлечь слѣдующія послѣдствія:

1) Правительство должно обратить вниманіе на тѣ части управленія, которыя въ настоящей конституціи Россіи могутъ воспріять усовершеніе.

2) Части сіи суть полиція и економія.

3) Съ усовершеніемъ сихъ частей, часть правосудія сама собою исправится, ибо она подавлена теперь по большой части ихъ несовершенствами.

4) Не перемѣняя системы уложенія и не ища идеальнаго въ вещахъ совершенства, можно сдѣлать важныя въ сей части поправленія нѣкоторыми общими установленіями.

По всѣмъ симъ замѣчаніямъ въ общемъ начертаніи системы управленія часть суда оставлена въ настоящемъ ея составѣ и очищена только отъ смѣшенія, въ коемъ доселѣ она находилась [1]).

V. О составѣ государственныхъ мѣстъ.

Государственнымъ установленіямъ, безъ связи и порядка нынѣ существующимъ, дабы дать нѣкоторое между собою отношеніе, должно, во-первыхъ, раздѣлить предметы ихъ на два главные рода: къ одному отнести все то, что касается до части законодательной; къ другому все, что принадлежитъ къ власти исполнительной.

[1]) Затѣмъ въ черновой рукописи было написано, но потомъ зачеркнуто: [О системѣ управленія въ Россіи].

Digitized by Google

Обѣ власти сіи, соединяясь въ лицѣ государя, не иначе какъ его волею дѣйствовать могутъ, а потому мѣста, для каждой изъ нихъ установляемыя, въ разумѣ настоящей государственной конституціи не сами собою, но силою самодержавною существовать могутъ. Они въ существѣ своемъ суть два отдѣленія внутренняго государева кабинета; но въ мнѣніи народномъ представляютъ мѣста внѣшнія и умѣряютъ собою самодержавіе.

Все то, что принадлежитъ до постановленія, усовершенія и охраненія государственнаго закона и уложенія будетъ входить въ первое сословіе.

Все то, что принадлежитъ до постановленія временныхъ учрежденій и исполненія законовъ, уже существующихъ, будетъ входить во второе сословіе.

Первое можно назвать сенатомъ законодательнымъ, второе — сенатомъ исполнительнымъ.

Держась точнѣе естественныхъ раздѣленій, должно бы было назвать сей послѣдній родъ власти *министерствомъ*. Въ самомъ дѣлѣ, оно не что другое есть, какъ администрація, состоящая изъ извѣстнаго числа министровъ, изъ коихъ каждый управляетъ своимъ департаментомъ. Не отступая въ существенномъ образованіи сей части отъ сихъ простыхъ и естественныхъ понятій единства, признано однакоже нужнымъ облечь ее имянемъ сената по двумъ слѣдующимъ причинамъ: 1) есть во всѣхъ департаментахъ министровъ нѣкоторыя общія дѣла, ни къ одному изъ нихъ прямо не принадлежащія и требующія соединенія: таково есть обнародованіе уставовъ и узаконеній, производство въ чины, опредѣленіе къ нѣкоторымъ высшимъ мѣстамъ чиновниковъ, храненіе актовъ, вѣдѣніе общихъ государственныхъ архивъ. Для всѣхъ сихъ дѣлъ надлежитъ быть мѣсту соединенія; 2) вездѣ, а наипаче въ Россіи, повелѣнія, издаваемыя въ народъ имянемъ цѣлаго сословія, представляютъ народу нѣчто болѣе уважительное, нежели повелѣнія, отъ лица подчиненнаго и единственнаго идущія. Понятіе корпуса сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе, а потому вездѣ, гдѣ совокупность сія не вредитъ успѣху дѣлъ, гдѣ она представляется только по наружности, а не въ существѣ, гдѣ не уменьшаетъ она личной отвѣтственности, гдѣ можно сохранить ее по виду, сохранять, кажется, нужно.

Сенатъ исполнительный дѣлится до времяни на двѣ части: судную и управленія [1]).

[1]) Въ черновой рукописи сначала было написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее: [Сенатъ исполнительный составляется изъ пяти департаментовъ: 1) государственной полиціи; 2) суда; 3) экономіи; 4) военныхъ дѣлъ; 5) внѣшнихъ сношеній].

Digitized by Google

Въ части судной вѣдаются всѣ дѣла по апелляціи и жалобамъ на мѣста губернскія судныя; она содержитъ въ себѣ 2 департамента: гражданскій и уголовный.

Въ части управленія будутъ вѣдомы всѣ тѣ предметы, кои принадлежатъ къ разнымъ департаментамъ министерства [1]).

Часть судная оставляется до времяни на тѣхъ правилахъ, на коихъ она нынѣ существуетъ.

Часть управленія, или сенатъ управляющій, составляютъ министры.

Министры каждой своею частію управляютъ по уставу.

Въ случаяхъ, уставомъ не предвидѣнныхъ или требующихъ исправленія, министры предлагаютъ новыя мѣры въ сенатъ. По утвержденіи сихъ мѣръ, опѣ публикуются отъ сената. Сенатъ исполнительный сообщаетъ всѣ новыя мѣры сенату законодательному, исключая тайнѣ подлежащихъ.

Составъ и образованіе сената законодательнаго.

Сенатъ законодательный составляется изъ сенаторовъ по избранію государя.

Сенатъ законодательный собирается два дни въ недѣлю.

Упражненія его суть [2]):

1) Постановленіе закона гражданскаго и уголовнаго.

Для сего каждой разъ, когда въ сенатѣ судномъ встрѣчается случай, закономъ не опредѣленный, онъ посылается на разрѣшеніе сената законодательнаго, который, опредѣляя его согласно государственному закону, представляетъ на утвержденіе государю.

2) Усовершеніе закона гражданскаго и уголовнаго.

Сюда принадлежитъ коммиссія о составѣ уложенія, коею управляетъ одинъ изъ сенаторовъ законодательнаго сената и въ коей всю работу производятъ четыре юрископсульта. Сія коммиссія занимается единственно приведеніемъ въ порядокъ законовъ существующихъ.

Сюда принадлежатъ также и тѣ случаи, когда въ сенатѣ судномъ встрѣтится дѣло, на которое изданные законы не ясны, или противорѣчущи, или общей пользѣ противны.

3) Охраненіе закона въ исполненіи его.

---

[1]) Тамъ же было затѣмъ написано, но потомъ зачеркнуто: [и публикація учрежденій].

[2]) Тамъ же было затѣмъ написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее:
[1) Составъ и дополненіе уложеній.
2) Ревизія актовъ сената исполнительнаго по отношенію ихъ къ коренным государственнымъ законамъ].

Digitized by Google

Сюда принадлежатъ:

1) Жалобы на министровъ, по высочайшему повелѣнію вносимыя.

2) Ревизія всѣхъ новыхъ актовъ сената исполнительнаго по отношенію ихъ не къ внутренней добротѣ ихъ, но къ кореннымъ государственнымъ законамъ.

Порядокъ, коимъ дѣла входятъ, производятся и кончаются въ сенатѣ законодательномъ, есть слѣдующій:

1) *Дѣла входятъ:*

Отъ сената судпаго: а) по недостатку закона; б) по неясности его.

Отъ коммиссіи—по мѣрѣ приведенія законовъ въ порядокъ.

Отъ сената управляющаго вносятся всѣ мѣры, вновь имъ принимаемыя или съ отмѣною прежнихъ уставовъ сопряженныя.

Отъ государя—жалобы, прямо на министровъ приносимыя.

Отъ министровъ—ихъ отчеты ежегодные.

2) *Дѣла производятся:*

Какъ сенатъ законодательный не есть корпусъ внѣшній политическій, но отдѣленіе государева кабинета, въ коемъ всегда почитается онъ присутствующимъ, то дѣла въ немъ производятся журнальною запискою, означающею кратко содержаніе дѣла и мнѣніе сената.

Въ предварительномъ разсмотрѣніи актовъ сената исполнительнаго сенатъ законодательный наблюдаетъ только, не противны ли они законамъ существующимъ, и какимъ имянно, не занимаясь пользою ихъ или вредомъ, понеже разсужденіе сіе почитается уже оконченнымъ въ сенатѣ исполнительномъ. Сенатъ законодательный никогда долѣе одного собранія внесенныхъ къ нему предварительныхъ актовъ не удерживаетъ.

Для производства дѣлъ находятся при сенатѣ 3 дѣлопроизводителя и нѣсколько писцовъ.

За письмоводствомъ надзираетъ одинъ изъ сенаторовъ, который представляетъ и журналы государю.

3) *Дѣла кончатся*

представленіемъ государю журнальной записки. Никакого внѣшняго акта сенатъ законодательный издать не можетъ.

Объ окончаніи дѣлъ и о выходящихъ указахъ узнаетъ онъ изъ сообщеній сената исполнительнаго, который одинъ получаетъ на имя свое указы и приводитъ ихъ въ дѣйствіе.

Министры присутствуютъ въ сенатѣ законодательномъ съ голосомъ разсужденія (voix délibérative), но журналовъ не подписываютъ и мнѣній по онымъ не даютъ. Отсутствіе министра замѣняется товарищемъ его; отсутствіе обоихъ не останавливаетъ собранія.

Google

Сенаторъ законодательнаго отдѣленія не можетъ быть министромъ, не сложа съ себя сего званія, и напротивъ.

Сенаторъ законодательнаго отдѣленія можетъ вмѣстѣ быть сенаторомъ суднаго.

Въ дѣлахъ верховной важности, относящихся до суда, сенатъ законодательный соединяется съ сенатомъ суднымъ и составляетъ въ семъ видѣ *судъ верховный*, могущій не только рѣшить дѣло по существующимъ законамъ, но, въ недостаткѣ оныхъ или въ очевидномъ несходствѣ, постановитъ законъ новый, не взирая на то, что постановленіе сіе учреждается по частному случаю.

Въ дѣлахъ таковой же важности, относящихся до прочихъ частей управленія, сенатъ законодательный соединяется съ сенатомъ управляющимъ и составляетъ въ семъ видѣ *верховное правительство*, могущее не только рѣшить предстоящій вопросъ окончательно, но и постановить законъ. Въ семъ соединеніи министры имѣютъ уже голосъ рѣшительный, подобно прочимъ членамъ сената законодательнаго.

Для различія и большаго въ народѣ впечатлѣнія каждое отдѣленіе сената имѣетъ свойственное ему одѣяніе.

Составъ и образованіе сената исполнительнаго.

I. Отдѣленіе управленія (администраціи).

Сенатъ управляющій составляется единственно изъ министровъ.

Сенатъ управляющій присутствуетъ два дни въ недѣлю.

Упражненія его суть:

1) Разсмотрѣніе и соображеніе новыхъ мѣръ, каждымъ министромъ принимаемыхъ. Сюда принадлежитъ все то, что превышаетъ уставъ, данный министру на ввѣренную ему часть, и требуетъ особеннаго положенія.

2) Внесеніе въ акты (l'enregistrement) исходящихъ указовъ и узаконеній.

3) Сообщеніе ихъ законодательному сенату и обнародованіе какъ указовъ, такъ и рѣшеній сената суднаго.

4) Опредѣленіе чиновниковъ.

5) Производство въ чины.

6) Храненіе актовъ; вѣдомство всѣхъ государственныхъ архивъ.

Порядокъ, коимъ дѣла входятъ, производятся и исходятъ въ сенатѣ управляющемъ, есть слѣдующій:

1) *Дѣла входятъ:*

а) Отъ министровъ—всѣ новыя постановленія на разсужденіе и всѣ указы, частно въ губерніи посылаемые за извѣстіемъ.

Digitized by Google

b) Отъ сената суднаго—рѣшенія его до общаго обнародованія.

c) Всѣ государевы указы, къ исполненію сената управляющаго принадлежащіе.

2) *Дѣла производятся:*

Поелику дѣла въ сенатъ управляющій входятъ совершенно каждое въ своей части приготовленными и какъ государь въ сенатѣ всегда почитается или есть присутствующимъ, то всѣ дѣла производятся внутрь сената краткою журнальною запискою, означающею содержаніе дѣла и принятое рѣшеніе.

Для производства дѣлъ находится въ сенатѣ одинъ общій дѣлопроизводитель съ помощникомъ и нѣсколько писцовъ.

При сенатѣ находится государственный актуаріусъ, коего должность есть вносить въ акты сената всѣ исходящія узаконенія въ книги, печатію государственною утвержденныя. Особа 3-го или 4-го класса.

При сенатѣ находится начальникъ государственныхъ архивъ съ експедиціею управленія и вѣдомства всѣхъ архивъ. Особа 3-го или 4-го класса.

Сюда принадлежатъ разныя подробности.

3) *Дѣла исходятъ:*

Дѣла отъ сената управляющаго исходятъ тою же формою, какъ нынѣ изъ перваго департамента, съ нѣкоторыми поправленіями для краткости и удобнѣйшаго теченія.

Уставъ канцелярскаго обряда.

II. Отдѣленіе суда.

Часть судная сената оставляется въ настоящемъ ея положеніи [1]).

Къ ней принадлежитъ межевой департаментъ до времени окончанія межеванія.

Министръ юстиціи занимаетъ въ ней мѣсто генералъ-прокурора.

Части судной сената подчиняются одни тѣ мѣста, гдѣ дѣйствительно производится судъ, и въ другія части управленія она не входитъ.

Судные департаменты имѣютъ свое общее собраніе, на которое нѣтъ аппелляціи, но могутъ быть жалобы на нарушеніе обряда; и какъ хранитель обрядовъ въ сенатѣ судномъ есть генералъ-прокуроръ, то жалобы сіи идутъ тѣмъ же путемъ, какъ и всѣ жалобы на министровъ, то есть отъ государя препровождаются въ законо-

---

[1]) Въ черновой рукописи сначала было написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее: [Часть судная отдѣляется отъ части управленія только до того времяни, когда все, къ исправленію ея нужное, приспѣетъ].

Digitized by Google

дательный сенатъ, а дабы, подъ видомъ жалобъ на обрядъ, не принимались жалобы на существо дѣла, то прежде разсматриваетъ ихъ генералъ-рекетмейстеръ и докладываетъ государю.

По мнѣнію сената законодательнаго государь можетъ только повелѣть генералъ-прокурору предложить вновь дѣло сенату судному со введеніемъ упущеннаго обряда, но самъ его не рѣшитъ и никакихъ указовъ сенату судному не даетъ.

Примѣчанія на образованіе государственнаго управленія.

Естьли свойства управленія, выше означенныя, настоящимъ расположеніемъ достигнуты, то можно утвердительно заключить, что оно правильно и основано на твердыхъ началахъ.

Но единое приложеніе сего образа управленія къ свойствамъ, выше приведеннымъ, показываетъ ясно, что онъ всѣхъ ихъ вмѣщаетъ, ибо:

1) Онъ основанъ на недѣлимости власти самодержавной. Ни сенатъ законодательный, ни сенатъ исполнительный не могутъ сдѣлать никакого движенія безъ воли государя; въ существѣ своемъ они суть непосредственное только его орудіе и собственной силы не имѣютъ.

2) Между тѣмъ наружною важностію своею и составомъ они утверждаютъ народное мнѣніе, возводятъ его ближе къ идеямъ монархическимъ и ставятъ Россію на одной чредѣ съ прочими государствами европейскими, не отнимая ничего отъ силы ея необходимаго самодержавія. Государь благонамѣренный не найдетъ, конечно, въ сихъ установленіяхъ никакихъ препятствій къ совершенію своихъ предположеній; но самодержецъ, который бы захотѣлъ употребить во зло неограниченную волю, встрѣтилъ бы твердую преграду своимъ насиліямъ, естьли не въ самыхъ сихъ установленіяхъ, то въ мнѣніи, въ увѣренности, въ привычкахъ народныхъ, особливо когда привычки сіи долголѣтнимъ продолженіемъ добраго царства въ сердцахъ укрѣпятся. Сіе укрѣпленіе всегда было признаваемо важнѣйшимъ оплотомъ политической свободы и, можетъ быть, лучшею гарантіею закона.

3) Сей образъ управленія столько сближенъ съ монархическимъ, сколько конституція Россіи можетъ сіе позволить, не вводя великихъ переломовъ.

4) Но то, что довершаетъ убѣжденіе въ его пользу, состоитъ въ удобности, какую сей образъ управленія имѣетъ, чтобъ со временемъ превратиться въ совершенную монархическую систему.

Въ самомъ дѣлѣ, пріучая народъ взирать на законодательную власть въ нѣкоторомъ наружномъ отдѣленіи, онъ воспитываетъ, такъ

Digitized by Google

сказать, духъ его къ другому порядку вещей. Когда приспѣетъ время, то есть когда разлитіемъ просвѣщенія и сопряженіемъ многихъ обстоятельствъ, отъ времяни зависящихъ, созрѣетъ возможность лучшаго управленія, тогда безъ всякой почти перемѣны и въ тѣ же, такъ сказать, рамы вмѣстится другое устройство, не на видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основанное. Тогда надобно только будетъ сенатъ законодательный составить по другой лучшей системѣ, переименовать сенатъ судный высшимъ судомъ и, основавъ его подобно прочимъ частямъ управленія на единствѣ, ввести съ ними въ параллельное положеніе; тогда все превратится въ истинную монархическую систему [1]).

5) Естьли бы сія организація и ничего другаго не представляла кромѣ раздѣленія сего неустройства, какое [2]) теперь существуетъ въ сенатѣ и въ отношеніяхъ его къ прочимъ частямъ правительства, то подъ симъ единственнымъ видомъ необходимо бы принять его было должно.

6) Отдѣливъ отъ части судной всѣ другія части управленія, доставится правительству удобность усовершать ихъ одну за другою, чего теперь по всеобщему дѣлъ смѣшенію предпріять невозможно, не испровергнувъ вмѣстѣ и суднаго порядка.

Усовершеніе сихъ частей будетъ имѣть спасительное дѣйствіе и надъ судомъ. Точность исполненія [3]) обезпечитъ всѣ его движенія; возставъ изъ подъ бремени разныхъ побочныхъ злоупотребленій, нынѣ судъ тяготящихъ, онъ обновится, не перемѣняя даже своей формы.

7) Какимъ образомъ можно исправить систему губернскаго управленія, не перемѣнивъ системы государственной?

Здѣсь должно припомнить то, что выше было сказано объ организаціяхъ отрывками; онѣ всегда вредны, когда не утверждаются на общемъ планѣ.

---

[1]) Затѣмъ въ черновой рукописи было написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее: [Независимо отъ сихъ свойствъ предлагаемаго здѣсь управленія, оно представляетъ еще слѣдующія важныя пользы].

[2]) Въ черновой рукописи сначала было написано: „кромѣ раздѣленія сего неустроеннаго и, можно сказать, постыднаго хаоса, какой“.

[3]) Что обезпечиваетъ собственность главнымъ образомъ? Не метафизическое понятіе о справедливости судной, но точность исполненія. Зная законъ, хотя бы онъ былъ и несовершенъ, но зная, что онъ въ точности будетъ исполненъ, всякой дѣлаетъ съ вѣрностію всѣ расчисленія жизни: а вѣрность сего расчета составляетъ первое основаніе собственности. Какая, напротивъ, увѣренность быть можетъ, когда законъ и судъ взящены, но исполненіе зависитъ отъ случая? Тогда всѣ расчеты жизни приходятъ въ замѣшательство и немощность, соревнованіе и промышленность теряютъ свое воспареніе (élan) и пресмыкаются боязливо по землѣ.

Digitized by Google

8) Можно ввести вмѣстѣ съ симъ планомъ нѣкоторыя общія распоряженія, устройству суда пособить могущія и къ совершенству прочихъ частей служащія, какъ-то:

a) Первымъ и скорымъ дѣйствіемъ законодательнаго сената быть можетъ и должно изданіе законовъ, не новыхъ и не совершенныхъ, но прежнихъ, въ порядокъ и ясность приведенныхъ. Одна сія простая и механическая операція сдѣлаетъ въ Россіи болѣе добра и произведетъ въ народѣ болѣе ощущенія, нежели многія другія предположенія[1]).

b) Выше было примѣчено, что лучшее средство отвѣтственности и по настоящему положенію вещей единственное есть публичность дѣяній правительства. Должно ввести въ самый составъ сената исполнительнаго, чтобъ всѣ его дѣянія были публикованы; это есть черта не обряда, но монархической конституціи, которую нынѣ же принять можно. Пользы отъ сего установленія неисчислимы. Оно ознакомитъ народъ съ правительствомъ, родитъ общее мнѣніе, просвѣтитъ низшихъ исполнителей, пріуготовитъ людей къ дѣламъ, поставитъ министровъ подъ судомъ общаго разума. Добрый министръ найдетъ въ актахъ сихъ лучшую себѣ похвалу и ими отторгнетъ клевету; министръ неблагонамѣренный въ нихъ же будетъ имѣть явное уличеніе и проч. и проч. [2]).

c) Когда будетъ постановлено, чтобъ дѣла судныя, получившія окончаніе въ общемъ собраніи, не были перемѣняемы по жалобамъ частнымъ, то симъ утвердится одно изъ главныхъ правилъ монархическаго правленія: торжественно признается, что судъ принадлежитъ народу,—законъ государственный, приближающій правленіе къ монархической формѣ болѣе, нежели тысячи другихъ частныхъ установленій. — Все то, что можно сказать противъ твердости и силы сего закона, опровергается двумя слѣдующими уваженіями: 1) въ дѣлахъ судныхъ не можетъ быть математической очевидности, слѣ-

---

[1]) Я не знаю, извѣстно ли правительству, что въ сенатѣ нѣтъ книгъ законныхъ и что во всѣхъ губерніяхъ судьба людей и имуществъ рѣшается по письменнымъ тетрадямъ, содержащимъ въ себѣ самыя безобразныя и невѣрныя выписки законовъ.

[2]) Можетъ быть, что въ первые мѣсяцы установленіе сіе и не приметъ полнаго дѣйствія; но, естьли оно будетъ съ разумомъ образовано и поддержано разными публичными бумагами, можно быть удостовѣреннымъ, что Россія скоро пожелаетъ знать, что дѣлаетъ для нея правительство, и, познавъ его труды, научится почитать его и любить свои законы, свой образъ управленія, ибо тогда они дѣйствительно будутъ для нея свои, когда она ихъ познаетъ. Теперь же управляется она невидимою для нея силою: и какъ можно послѣ сего требовать, чтобъ она имѣла довѣренность къ орудіямъ сей силы, ей неизвѣстнымъ?

Digitized by Google

довательно ничто не можетъ доказать. что рѣшеніе, государемъ положенное, справедливѣе рѣшенія, сенатомъ утвержденнаго; 2) самый поразительный признакъ самовластія деспотическаго въ государствѣ есть, когда верховная воля, дающая общій законъ, сама прилагаетъ его къ частнымъ случаямъ; тогда всѣ понятія о порядкѣ и свободѣ испровергаются, и одно таковое рѣшеніе, хотя бы оно было и самое справедливое, сильно разрушитъ самую лучшую конституцію. Цѣлую книгу доказательствъ неопровергаемыхъ написать о семъ можно.

Составъ всей системы управленія. Литера В.

Порядокъ, коимъ можно приступить къ исполненію сего плана.

Естьли планъ управленія, коего однѣ главныя черты здѣсь представлены, будетъ принятъ, то къ постепенному исполненію его можно приступить слѣдующимъ образомъ. Должно открыть въ одно время четыре главныя работы:

I. Составить подробное положеніе для сената законодательнаго и исполнительнаго. Сіе положеніе должно въ себѣ содержать:

1) составъ сената, число членовъ, порядокъ и формы ихъ опредѣленія;

2) точное означеніе, или табель всѣхъ предметовъ сената;

3) образъ производства въ немъ дѣлъ, источники и образъ ихъ вступленія, обрядъ производства внутренняго и внѣшняго, канцелярій и проч.;

4) сношенія сихъ мѣстъ между собою;

5) означеніе мѣстъ, кои сенату исполнительному подчиняются.

II. Вмѣстѣ съ симъ должно на началахъ, выше изображенныхъ, сдѣлать уставъ полиціи и назначить въ немъ образъ производства дѣлъ полицейскихъ.

III. Уставъ экономическій, или правило, на коемъ часть сія должна дѣйствовать.

IV. Составить новое Губернское положеніе въ замѣну Учрежденій о губерніяхъ.

Между тѣмъ какъ работы сіи будутъ производиться, можетъ быть признано будетъ нужнымъ пріуготовить нѣкоторыя перемѣны и въ образѣ управленія внѣшнихъ дѣлъ и воинской части по тремъ первымъ коллегіямъ.

Когда всѣ сіи матеріалы будутъ пріуготовлены, соображены и утверждены, тогда всѣ мѣста [1]), на семъ новомъ планѣ расположен-

[1]) Затѣмъ въ черновой рукописи было написано, но потомъ зачеркнуто: [кои по сему въ самый короткій срокъ могутъ воспріять ихъ дѣйствіе].

Digitized by Google

ныя, открыть въ одно время, дабы, вступя вмѣстѣ въ новый вещей порядокъ, представляли они стройное цѣлое, коего всѣ части покорны одному закону.

VI. Примѣчанія на табель В.

1) Для чего въ отдѣленіяхъ сената исполнительнаго не означены всѣ тѣ министерства, кои нынѣ существуютъ?

Части, означенныя въ табели, суть единыя, естественныя отдѣленія, какія можно найти во всякомъ государствѣ; но какъ по различію мѣстныхъ положеній въ каждомъ главномъ отдѣленіи могутъ быть двѣ или болѣе части довольно обширныя, чтобъ занять цѣлое министерство, то и слѣдуетъ, что въ каждомъ главномъ отдѣленіи можетъ и должно быть столько министерствъ, сколько есть значущихъ частей, требующихъ особеннаго надзора. Сіе раздробленіе одного отдѣленія на нѣсколько частей не можетъ быть вредно, естьли части сіи связаны общимъ планомъ того отдѣленія, къ коему принадлежатъ. Оно даже необходимо при начальномъ дѣла устройствѣ, когда каждая часть требуетъ образованія особеннаго надзора и вниманія. По усовершеніи ихъ можно конечно части сіи соединить и привести къ одному началу. Въ общемъ планѣ должно всегда имѣть въ виду одни общія главныя и необходимыя отдѣленія, ибо въ вѣтвяхъ, имъ подчиненныхъ, части ихъ не могутъ имѣть каждая соотвѣтствующаго себѣ порядка безъ крайняго дѣлъ раздробленія и замѣшательства. Такъ напр., естьли бы въ губерніяхъ учреждено было столько разныхъ начальствъ, сколько есть министерствъ, то система управленія губерискаго сдѣлалась бы весьма сложна и имѣла бы много частей, для симметріи только существующихъ.

2) Для чего не полагается въ управленіяхъ низшихъ никакого внѣшняго надзора?

Надзоръ, естьли онъ не есть тайный, всегда предполагаетъ отвѣтственность; въ самомъ дѣлѣ, надзоръ, который бы, не потребовавъ на мѣстѣ объясненія, доносилъ только первыя свои примѣчанія высшему начальству, былъ бы самое тщетное и вредное фискальство. Надзоръ, который бы могъ требовать отъ главныхъ мѣстныхъ начальниковъ объясненія, долженъ бы быть отъ нихъ независимъ. Такимъ образомъ въ каждой губерніи установилась бы внѣшняя сила (status in statu), первымъ понятіямъ единства противная и всякому истинному порядку чуждая.

И какимъ образомъ надзоръ сей могъ бы дѣйствовать?—Чтобъ могъ онъ быть нѣсколько вѣренъ и не превратился въ пустой доносъ, основанный на слухахъ, онъ долженъ необходимо слѣдовать за теченіемъ дѣлъ: то-есть видѣть все ихъ производство; слѣдова-

Digitized by Google

тельно, долженъ имѣть во всѣхъ мѣстахъ своихъ агентовъ. Агентамъ симъ должны быть всѣ дѣла сообщаемы на предварительное усмотрѣніе; чтобъ усмотрѣніе сіе могло имѣть свою пользу, должно имъ дать право протеста (иначе злоупотребленія будутъ видимы, но не исправлены), съ протестомъ соединить право пріостановить рѣшеніе дѣлъ. Такимъ образомъ, чтобъ замѣтить одну ошибку или злоупотребленіе, надобно ввести во все производство дѣлъ цѣлый порядокъ формъ столько же затруднительныхъ, сколько и противныхъ первому началу управленія, скорости.—Ввѣрить сей надзоръ дворянскому обществу есть вѣрный способъ всѣ дѣла остановить и разслабить, чтобъ не сказать еще чего-нибудь болѣе.

И къ чему можетъ послужить сей надзоръ?—Изъ понятій о двухъ родахъ отвѣтственности мы видѣли, что истинная отвѣтственность падаетъ на тѣ мѣста, кои могутъ давать новыя учрежденія, но ни одно изъ нижнихъ управленій, начиная съ губернскаго, не можетъ вводить никакихъ новыхъ учрежденій, а за точнымъ исполненіемъ прежнихъ уставовъ наблюдаетъ мѣстный начальникъ каждаго отдѣленія. Въ семъ состоитъ существенная его должность. Слѣдовательно, опредѣлять сверхъ сего надзоръ есть опредѣлять двухъ чиновниковъ къ одной должности, и нѣтъ причины, для чего не опредѣлить надъ ними третьяго и четвертаго.

Волостной голова отвѣчаетъ за точное исполненіе даннаго ему устава въ волости окружному начальнику; начальникъ окружной отвѣчаетъ за округу губернатору; губернаторъ отвѣчаетъ за губернію министру; министръ—государю. Въ сей цѣпи отвѣтственности каждое высшее звено столько интересовано въ исправности низшаго, за которое оно отвѣчаетъ, что ему одному должно предоставить избирать средства надзора разсмотрѣніемъ ли жалобъ, или частными осмотрами, или публичностію дѣяній. Вводить же въ сей порядокъ надзоръ посторонній значитъ разрывать его естественныя связи.

Но для чего въ высшемъ государственномъ управленіи установляется побочный надзоръ законодательнаго сената, когда не нуженъ онъ въ низшихъ начальствахъ? Для того, что высшее управленіе имѣетъ два различныя начала своего дѣйствія: введеніе новыхъ учрежденій и точное исполненіе прежнихъ; посему и должно оно имѣть два рода отвѣтственности: во-первыхъ отвѣчать законодательному сенату, что они согласны съ коренными законами, а во-вторыхъ—государю, что они съ точностію исполнены.

3) Для чего въ общемъ планѣ не полагаются окружные сенаты? Должно ли учреждать сенаты окружные [1])?

---

[1]) Въ черновой рукописи было затѣмъ написано, но потомъ зачеркнуто слѣдующее: [Предположивъ, что палатамъ дано будетъ право вершить дѣла

Digitized by Google

Въ учрежденіи сенатовъ окружныхъ три только могутъ быть намѣренія:

1) уменьшить стеченіе дѣлъ раздѣленіемъ ихъ на восемь или болѣе частей;

2) облегчить народъ въ дальнемъ пути;

3) дать мѣстнымъ рѣшеніямъ болѣе справедливости, нежели сколько могутъ они ихъ имѣть въ палатахъ.

Но 1) не пройдетъ, можетъ быть, десяти лѣтъ, какъ дѣла въ каждомъ изъ сихъ сенатовъ столько же столпится, какъ и здѣсь, ибо съ учрежденіемъ сихъ сенатовъ дѣйствіе палатъ совершенно будетъ ничтожно; близость и удобность переноса заставитъ всякаго отвѣдать своего счастья въ сей новой лотереѣ, а отъ сего неминуемо произойдетъ, что палаты еще менѣе будутъ радѣть о справедливомъ рѣшеніи. Судъ ихъ будетъ самой тщетной обрядъ, какъ бывалъ нѣкогда судъ мѣстъ среднихъ. Впрочемъ какая палата рѣшала дѣла свои отъ одного года къ другому? Между тѣмъ каждая палата имѣть будетъ только 10-ю часть дѣлъ противъ окружнаго сената. Итакъ въ 10 лѣтъ сенатъ будетъ имѣть дѣла 10-ти-лѣтнія и такъ далѣе.

2) Какой вредъ государственный отъ того, что человѣкъ, коему правительство дало право выбирать себѣ судей въ двухъ губернскихъ инстанціяхъ, по собственной его безпечности выбралъ людей глупыхъ или неспособныхъ и ввѣрившій имъ свое дѣло послѣ объявляетъ на нихъ же неудовольствіе и ищетъ правды за тысячу верстъ въ сенатѣ? Пусть его странствуетъ, онъ заслужилъ сіе собственною виною. И, впрочемъ, въ какомъ просвѣщенномъ великомъ государствѣ тяжбы не трудны, не многочисленны, не многолѣтны? Какой вредъ, что двѣсти человѣкъ больше проживаетъ въ Петербургѣ, и что человѣкъ, коему собственные его повѣренные въ губерніи отказали въ его искѣ, долженъ ждать здѣсь многіе годы своего права?

3) Почему судъ сената будетъ справедливѣе суда губернскаго? Слова вещей не перемѣняютъ. Какія средства сенатъ имѣетъ къ лучшему себя о дѣлѣ просвѣщенію? Не тѣ же ли законы? Не ту же ли самую форму производства? Не тѣхъ же-ли людей?

Вообще примѣтить должно, что всякая перемѣна безъ нужды и безъ видимой пользы есть вредна, такъ какъ всякія почти легкія средства въ дѣлахъ государственныхъ по большей части суть средства ненадежныя. Заградите первые источники зла: исправьте полицію и економію губернскую, приведите законы въ извѣстность,

---

и обращать къ исполненію, не смотря на переносъ, какой можетъ быть государственный вредъ въ томъ, что человѣкъ].

Digitized by Google

просвѣтите исполнителей. Тогда судъ будетъ справедливъ и удобенъ, а безъ сего перемѣны могутъ быть на время блистательны, но со временемъ зло возрастетъ самымъ исправленіемъ его.

4) Для чего полагаются волостныя управленія?

Усовершать высшія части управленія и суда, оставляя низшія въ бездѣйствіи или безпорядкѣ, значитъ тоже, что хотѣть удержать рѣку, не загородивъ ея источниковъ. Между тѣмъ рѣдко правительства доводили свои планы до сихъ источниковъ. Они останавливали ихъ именно тамъ, гдѣ они наиболѣе могли быть нужны. Можно ли желать, чтобъ тяжбы не были многочисленны, и не установить законныхъ средствъ погашать ихъ въ самомъ ихъ рожденіи? чтобъ полиція уѣздная была дѣятельна, и не дать постоянныхъ способовъ ея дѣйствію въ волостяхъ?

Въ Россіи давно уже было помышляемо о составѣ волостныхъ правленій, но доселѣ они существуютъ только именемъ и, между тѣмъ, какъ десять человѣкъ низкихъ ремесленниковъ имѣютъ точныя и подробныя правила и цѣховую управу въ Городскомъ положеніи, цѣлыя волости оставлены безъ всякаго учрежденія на произволъ исправниковъ и засѣдателей.

По раздѣленіи собственностей въ Россіи волостныя управленія должны быть двухъ родовъ: въ имѣніяхъ казенныхъ и помѣщичьихъ. Сіи послѣднія нужно образовать согласно существу ихъ собственности.

Должно, безъ сомнѣнія, оставить помѣщикамъ обширную власть въ ихъ владѣніяхъ, но ничто не препятствуетъ установить, чтобъ власть сія дѣйствовала на постоянныхъ правилахъ и съ извѣстными формами. Напримѣръ: для чего не предоставить крестьянамъ помѣщичьимъ въ тяжбахъ ихъ и ссорахъ по движимымъ имѣніямъ и даже по землямъ, отъ помѣщика въ оброкъ отданнымъ, разбираться въ волостномъ правленіи, отъ міра выбранномъ? Власть помѣщика, конечно, отъ сего не стѣснится, такъ, какъ власть государя не стѣсняется отъ того, что судъ идетъ порядкомъ, особенно установленнымъ.

Полиція въ селеніи принадлежать должна, безъ сомнѣнія, помѣщику, но права его ничѣмъ не оскорбятся, если наказанія будутъ опредѣлены въ томъ же волостномъ правленіи. Вліяніе, которое онъ всегда будетъ имѣть надъ симъ мѣстомъ, доставитъ ему всѣ способы располагать мѣрою исправленія; и хотя власть его въ существѣ своемъ не перемѣнится, но образъ его мало-по-малу притупитъ самовластіе и образомъ безвреднымъ будетъ нечувствительно, съ самыми малыми пріемами пріучать поселянъ къ гражданскому бытію, такъ, какъ слѣпыхъ прозрѣвшихъ пріучаютъ къ свѣту.

Экономію деревенскую должно оставить до времяни неприкосно-

Digitized by Google

венною въ личномъ расположеніи помѣщика. Чтобъ положить нѣкоторую мѣру помѣщичьему сбору, въ Россіи много еще надобно сдѣлать приготовительныхъ распоряженій. Должно думать, что личный интересъ болѣе подѣйствуетъ въ семъ, нежели внушеніе правительства [1]). Впрочемъ рождающейся свободѣ сіи же самыя волостныя правленія, временемъ и привычкою утвержденныя, представятъ нѣкогда (конечно не нынѣ, и можетъ быть не въ настоящемъ рожденіи) первую, такъ сказать, точку соединенія и силы. Доброе крестьянское уложеніе (code rural), хотя и неполное, есть самый скромный и тѣмъ болѣе неоцѣненный даръ, какой можетъ дать добрый государь своему народу.

Тотъ много сдѣлалъ, кто умѣлъ избрать и насадить первый корень, хотя одно время и стеченіе стихій можетъ возрастить древо [2]).

---

[1]) Les propriétaires d'esclaves, à qui l'intérêt personnel n'a pas été le bon sens et l'humanite, conviendroient sans peine des avantages de la liberté sur la servitude et désireraient eux mêmes que l'esclavage fût aboli, si cette abolition pouvait avoir lieu sans bouleverser leur état et leur fortune et sans porter atteinte à leur sûreté personnelle. Les injustices et les calamités qui ont accompagné les tentatives précipitées forment la plus grande objection contre les projets d'affranchissement. Bentham, t. II, p. 187 à 190.

Ces liens de l'esclavage que le législateur ne peut pas trancher d'un seul coup, le tems les dissout peu à peu; et la marche de la liberté, pour être lente, n'en est pas moins sûre. Tous les progrès de l'esprit humain, de la civilisation, de la morale, de la richesse publique, du commerce, amènent peu à peu la restauration de la liberté individuelle. L'Angleterre et la France ont été autrefois ce que sont aujourd'hui la Russie, les provinces polonaises et une partie de l'Allemagne. *Traités de Législ. par Bentham, t. II.*

(Эта выписка приведена полностью лишь въ копіи А. Ѳ. Бычкова. Въ черновой рукописи написано только слѣдующее: Les propriétaires d'esclaves etc... Bentham, vol. II, pages 187 à 190).

[2]) Затѣмъ въ черновой рукописи написано было, но затѣмъ зачеркнуто еще слѣдующее:

[VII. Какимъ порядкомъ можно приступить къ полному составу всей системы управленія.

Естьли планъ усовершенія, выше предлагаемый, будетъ].

Digitized by Google

Digitized by Google

всемъ русскомъ народѣ и хотя онъ высказался по отношенію освобожденія почти одинаковымъ образомъ, но мнѣ болѣе нравится все, что было у насъ, чѣмъ то, что есть въ другихъ мѣстахъ; мнѣ кажется что у насъ дѣло обойдется просто, тихо, спокойно, безъ примѣси тѣхъ симптомовъ, о коихъ толкуютъ нѣкоторыя лица и которыя наводятъ страхъ и тоску на людей со слабыми нервами. Можетъ быть я ошибаюсь; я только привыкъ къ нашему народу, а онъ привыкъ къ намъ, но мнѣ гораздо легче сдѣлаться съ нимъ у насъ, чѣмъ, напр., въ клинскомъ уѣздѣ, гдѣ я ничего не сдѣлалъ въ эту поѣздку и гдѣ я не надѣюсь сдѣлать что-либо, частью отъ запутанности самаго дѣла, большею же частью отъ духа, преобладающаго въ тамошнихъ крестьянахъ. Въ Сосенскомъ крестьяне прекрасно разсуждаютъ, но дурно поступаютъ; можетъ быть это потому, что тамъ никогда не жили хозяева, что имѣніе это всегда было заброшено, что крестьяне, давно привыкшіе къ его ликвидаціи, не могутъ понять, что есть необходимость сохранить изъ имѣнія что-нибудь и на долю господъ, словомъ тамошніе крестьяне желаютъ все взять себѣ, и логика ихъ неумолима въ этомъ отношеніи; зато нужно отдать имъ справедливость, что они необыкновенно краснорѣчивы въ свою пользу и могутъ скоро увѣрить и сбить съ толку лицо, неопытное въ дѣлѣ. Тамошніе крестьяне, давно не имѣя дѣла съ помѣщиками-хозяевами, которые совершенно вывелись въ этой мѣстности, вслѣдствіе дачнаго характера имѣній, полученнаго отъ нежеланія и неумѣнія дворянъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, считаютъ возможнымъ устроить свои дѣла на счетъ достоянія дворянъ, т. напр., они говорятъ, что лѣсъ помѣщику не нуженъ, что и это имъ тоже не нужно и т. п.

У насъ, напротивъ того, крестьяне видятъ значительное превосходство дворянъ надъ собою по отношенію сельскаго хозяйства; они учатся хозяйству у помѣщиковъ, а потому на этой почвѣ они не суются къ намъ съ нелѣпыми требованіями; всѣ нелѣпыя ихъ требованія относятся чисто къ законоположенію 19-го февраля, тогда какъ въ московской губерніи обратно—они знаютъ законоположеніе и нелѣпыя требованія свои предъявляютъ по части хозяйственнаго устройства имѣнія. Крестьяне наши необыкновенно теперь изумлены, какъ я могъ замѣтить, тѣмъ, что мы ничего не упустили въ своемъ хозяйствѣ и совершенно обходимся безъ нихъ; они положительно не вѣрили этому въ первое время своего освобожденія, но, увидавъ на дѣлѣ, что полевыя работы наши идутъ даже успѣшнѣе, чѣмъ въ прошломъ году, что вольный трудъ и пріятнѣе, и успѣшнѣе для насъ, чѣмъ барщина, они пришли въ какое то недоумѣніе: имъ казалось, что мы будемъ въ ихъ рукахъ,—

Digitized by Google

теперь они начинаютъ убѣждаться, что этого быть не можетъ; обратно этому они боятся за противоположное и потому стали нѣсколько. что называется, подъѣзжать къ намъ, напрашиваются, напр., быть приглашенными на возку пазема. т.-е. на толоку, на что имъ обыкновенно отвѣчаютъ: «что за предложеніе ихъ большое имъ спасибо, но что приглашать ихъ не будутъ, а если кто чувствуетъ себя кому либо обязаннымъ и видитъ, что нужно отблагодарить за это, то пусть пріѣзжаетъ безъ зова, когда самъ знаетъ». Такъ и сдѣлалъ, напр., одинъ кадниковскій парень. въ благодарность за его лѣченіе. «Мы кулъ васъ, а вы кулъ насъ». часто повторяется нынче. «Всякій про себя, а Богъ за всѣхъ». вотъ вѣрнѣе, что̀ нужно сказать теперь, отвѣчаю я имъ.—«Вы наши, а мы ваши». настаиваютъ крестьяне. словомъ, какъ будто, боятся окончательнаго разрыва съ нами, чувствуя, что мы безъ нихъ обходимся. а они еще не увѣрены, что обойдутся безъ насъ. Очевидность послѣдняго положенія оправдалась у насъ недавно; мы отпустили нашего садовника, человѣка. жившаго въ домѣ болѣе 30 лѣтъ. человѣка, мало работающаго, но съ большими притязаніями; онъ думалъ, что все дѣло станетъ безъ него и потому не разсчитывалъ быть уволеннымъ. но когда это случилось на дѣлѣ и когда онъ увидѣлъ, что безъ него обойдутся прекрасно, но что онъ не можетъ обойтись безъ своего стараго мѣста со своими старыми привычками безпечности и лѣни, то былъ смущенъ до крайности и служитъ нынѣче поучительнымъ примѣромъ для всѣхъ ему подобныхъ людей, непривыкшихъ къ самостоятельности, вѣчно живущихъ подъ опекой и довольствуясь тѣмъ, что ихъ кормятъ и не гонятъ. хотя часто надоѣдающихъ притязаніями, лѣностью, капризами и неудовольствіемъ своего положенія.

Нельзя въ настоящее время сказать, какимъ матеріальнымъ результатомъ увѣнчается совершившаяся хозяйственная. домашняя перемѣна у насъ; но въ нравственномъ отношеніи. т.-е. въ спокойствіи духа. въ правильности взаимныхъ отношеній успѣхъ несомнѣненъ. вездѣ всѣ довольны, работы идутъ пока успѣшно. Правда. все уменьшено почти на половину, но жизнь отъ этого не терпитъ. напротивъ того, на меньшемъ пространствѣ сосредоточенная дѣятельность дастъ. вѣроятно, не меньшій доходъ. чѣмъ въ старину непроизводительно разсѣянныя на необозримое пространство силы людей.

Собственно по крестьянскому дѣлу у насъ нѣтъ ничего новаго. ждемъ землемѣровъ для окончательной развязки съ крестьянами. Въ уѣздѣ же нашемъ пошли уставныя грамоты: на бывшемъ 20 мая Мировомъ Съѣздѣ ихъ было представлено штукъ 60 на

Digitized by Google

утвержденіе. Крестьяне около Демянска. всѣ безъ исключенія, просятъ казеннаго землемѣра для повѣрочнаго измѣренія нарѣза земли, произведеннаго помѣщикомъ; впрочемъ все это относится до имѣнія Аничкова и до его управляющаго Кириллова. На Старорусскомъ съѣздѣ, бывшемъ 25 мая, было тоже нѣсколько обжалованныхъ грамотъ и по одной и той же причинѣ, т.-е. неудобству земли. Въ Новгородѣ грамотъ почти не было представлено, мнѣ пришлось имѣть тамъ дѣло со взглядами посредниковъ, далеко не соотвѣтствующими своему прямому назначенію. Такъ, напр., Гурьевъ вздумалъ уничтожить у себя въ участкѣ должности десятскихъ, положенныхъ закономъ, вступилъ въ переписку со становымъ приставомъ и не могъ воздержаться отъ роли маленькаго деспота, дающаго наставленія и поученія, получающаго за это письменные щелчки отъ станового, вслѣдствіе этого оскорбляющагося и прикрывающагося неуязвимымъ забраломъ посредника, жалующагося потомъ губернатору на этого станового. Съ другимъ посредникомъ Тырковымъ я имѣю столкновенія по уставнымъ грамотамъ, въ коихъ онъ избѣгаетъ закона и примѣняетъ свои личныя соображенія, разумѣется. въ ущербъ крестьянамъ.

По недавнему циркуляру министра мнѣ, можетъ быть, придется объѣзжать съ губернаторомъ волости, и если я по состоянію моего здоровья это сдѣлаю. то вѣроятно встрѣчу многое интересное.

28 іюня.

Крестьянскій вопросъ въ продолженіе прошлаго мѣсяца не представляетъ собой ничего новаго въ своемъ постепенномъ и медленномъ ходѣ. Уставныя грамоты ежедневно десятками вносятся къ мировымъ посредникамъ и ими утверждаются и вводятся въ дѣйствіе; но такъ какъ въ нашемъ уѣздѣ существуетъ совершенный недостатокъ въ землемѣрахъ, то вопросъ новаго поземельнаго пользованія крестьянъ до сихъ поръ не тронутъ практически. Впрочемъ наступленіе лѣтней рабочей поры отвлекаетъ вниманіе какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, собственно отъ крестьянскаго дѣла; въ прошлый Демянскій съѣздъ, напр., бывшій 20 іюня, не было почти никого изъ жалующихся; вывозка пазьма всѣхъ удержала дома, хотя въ нынѣшній годъ, само собою разумѣется, большая часть лѣтнихъ взаимныхъ неудовольствій помѣщиковъ и крестьянъ значительно уменьшилась вслѣдствіе большаго порядка во всѣхъ поземельныхъ отношеніяхъ и вслѣдствіе большей правильности дѣйствій сельскихъ должностныхъ лицъ. Какъ и вездѣ,

Digitized by Google

у насъ тоже вопросъ сельско-хозяйственный взялъ верхъ надъ крестьянскимъ, и я въ это время былъ занятъ разными распоряженіями по вывозкѣ удобренія и приготовленіями къ сѣнокосу. Такъ какъ вопросъ успѣшности или неуспѣшности сельскихъ полевыхъ работъ есть, въ настоящую эпоху, не личный вопросъ того или другого имѣнія, а вопросъ общественный, отъ будущности котораго зависитъ будущность всей русской сельской промышленности, основанной не на крѣпостномъ трудѣ, а на вольнонаемномъ, то умолчать о немъ значитъ не сознавать всей его важности. Вольнонаемный трудъ идетъ у насъ тоже удовлетворительно, хотя можно уже видѣть теперь, что количество труда, производимаго нашими работниками, не соотвѣтствуетъ расходу на ихъ содержаніе, наемъ и т. п., т.-е. есть нѣкоторый постоянный недочетъ или неустойка въ каждой категоріи полевыхъ работъ, которыя должны пополняться наймомъ поденныхъ работниковъ, какъ, напр., вывозка навоза была произведена у насъ не исключительно одними работниками, но помощью толоки въ числѣ 60 лошадей и найма въ числѣ 20 лошадей за очень дорогую цѣну (именно 18 руб. за 7 лошадей, работавшихъ 3 дня и унавозившихъ не болѣе $1^1/_2$ десятины). Невозможность обработать всей помѣщичьей полевой земли привела къ необходимости сдать ее крестьянамъ, которые въ свою очередь, пріобрѣтя много досуга вслѣдствіе перехода своего съ барщины на оброкъ, берутъ для себя много земли. Такимъ образомъ можно навѣрно сказать, что въ нашей мѣстности крестьянскія запашки будутъ ежегодно увеличиваться на счетъ господскихъ пустошныхъ угодій, которыя остались нынѣче залишними, т.-е. не по силамъ рабочей силы помѣщиковъ.

24 іюля.

Болѣе одной недѣли прошло со времени моего возвращенія изъ объѣзда по новгородскому и старорусскому мировымъ съѣздамъ, но я не утратилъ еще тяжелаго впечатлѣнія, которое испыталъ въ Новгородѣ, видя, какъ люди, призванные къ такому важному назначенію, каково призваніе мировыхъ посредниковъ, сами подкапываютъ свое дѣйствительное значеніе и становятся на ряду людей, служащихъ отжившему, отсталому порядку вещей. Я разумѣю здѣсь тотъ беззаконный, несправедливый и односторонній взглядъ на дѣло, которое усвоили себѣ господа посредники новгородскаго уѣзда по вопросу составленія уставныхъ грамотъ, и если взглядъ ихъ по отношенію уставныхъ грамотъ таковъ, то безъ сомнѣнія, что и во всѣхъ своихъ дѣлахъ, о которыхъ я не могу впрочемъ

Digitized by Google

судить, потому что они не восходятъ до мирового съѣзда, они держатся одного и того же направленія, т.-е. не только толкуютъ законоположеніе въ пользу помѣщиковъ, но прямо отступаютъ или не исполняютъ прямыхъ указаній его, руководствуясь личными выгодами владѣльцевъ.

Все это дѣло подробно изложено мною въ протестѣ моемъ, заявленномъ на новгородскомъ мир. съѣздѣ, а также во мнѣніи моемъ, поданномъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, и потому я не имѣю надобности говорить объ этомъ здѣсь, хотя замѣчу, что тотъ образъ дѣйствій, который усвоили себѣ господа новгород. мир. посредники, вреденъ для общества, и рано или поздно послѣдствія этого отразятся на самихъ же посредникахъ. Господа посредники берутъ произволъ, т.-е. самовольное отступленіе отъ закона, за критеріумъ своей дѣятельности въ вопросѣ опредѣленія и установленія взаимныхъ правъ и поземельныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, но съ другой стороны они строго придерживаются закона, т.-е. пользуются средствами, предоставляемыми закономъ, для побужденія, напр., крестьянъ къ исполненію ихъ обязанностей предъ помѣщикомъ, т.-е. они штрафуютъ крестьянъ на основаніи закона и т. п. Выходитъ, что съ одной стороны одни берутъ произволъ, а съ другой — законъ для осуществленія этого произвола; ясно, что подобный порядокъ неестественъ, несправедливъ и ведетъ къ общественному вреду. Рано или поздно, но крестьяне поймутъ, что законъ, неисполненный въ первомъ случаѣ, избавляетъ ихъ отъ подчиненія закону во второмъ случаѣ, и понятно, что если бы всѣ крестьяне не проникнулись такимъ совершенно основательнымъ и логическимъ началомъ, то въ одну минуту все пошло бы вверхъ дномъ, т.-е. наступила бы анархія и неурядица. Я всегда удивляюсь близорукости господъ крѣпостниковъ и другихъ подобной же категоріи лицъ, которыя, вооружаясь противъ либераловъ, клеймя ихъ прозвищемъ красныхъ, т.-е. враговъ общественнаго порядка и спокойствія, и считая себя столпами общественнаго устройства, принимаютъ такой именно образъ дѣйствія, который дѣйствительно съ руки революціонерамъ, если они только есть у насъ, и который косвеннымъ образомъ гораздо лучше подвигаетъ революціонеровъ къ осуществленію ихъ идеала, чѣмъ прямой путь, который впрочемъ и невозможенъ въ настоящее время. И странно то, что эта близорукость встрѣчается не только у господъ помѣщиковъ, посредниковъ, вообще провинціаловъ, но и въ высшихъ сферахъ. Вѣдь людямъ, желающимъ сокрушенія существующаго порядка, нѣтъ ничего лучшаго, какъ воспитывать народъ, т.-е. массу, въ томъ, что законности нѣтъ и

Digitized by Google

что все есть дѣло личнаго минутнаго произвола, и ясно, что все рушится, коль скоро рушится нравственная сила подчиненія закону, эта столь мощная сила, что предъ ней молчатъ самыя дикія страсти народа, что ей поклоняются милліоны, потому что нельзя же назвать иначе эту силу, которая однимъ почеркомъ пера верховной власти, именно и составляющей въ Россіи эту силу, заставляетъ, напр., въ одинъ мѣсяцъ болѣе сотни тысячъ народа покинуть свою родину, свои домашніе интересы и идти за 3.000 верстъ, чтобы умереть въ Севастополѣ. Пошатните только вѣру въ силу закона (все равно, впрочемъ, откуда бы онъ ни истекалъ: изъ верховной ли власти одного лица, или изъ парламента), и когда мы приходимъ ко времени французскаго конвента, дѣйствующаго матеріальной силой гильотины, рѣзни и т. п., тогда мы вступаемъ въ эпоху террора и всѣхъ ужасныхъ его послѣдствій. Если этого желаютъ господа крѣпостники Россіи (я зову такъ всѣхъ лицъ стараго порядка, всѣхъ политическихъ старовѣровъ), то не нужно выгораживать себя отъ революціонеровъ, потому что они такіе же революціонеры.

Мнѣ скажутъ, что я изъ мухи дѣлаю слона и что отъ неправильнаго образа дѣйствій новгородскихъ посредниковъ далеко до той темной картины, которую я рисую; я самъ отъ души желаю, чтобы это было бы справедливо; но на дѣлѣ иначе: все связывается на бѣломъ свѣтѣ логическою цѣпью предъидущаго съ послѣдующимъ, общій законъ есть во всемъ, а если дѣйствіе его медленно, тѣмъ не менѣе оно несомнѣнно. По пріѣздѣ изъ Новгорода, я приступилъ къ надѣленію нашихъ крестьянъ землею по уставнымъ грамотамъ посредствомъ инструментальной съемки. Къ намъ пріѣхалъ землемѣръ и началъ вчера съ Дорофѣева свои работы. Я предоставилъ крестьянамъ этой деревни сдѣлать себѣ казенный нарѣзъ по ихъ личному усмотрѣнію, т.-е. нарѣзать себѣ въ какомъ угодно направленіи должное количество земли; они стали-было такъ глупо дѣйствовать, т.-е. въ ущербъ своихъ интересовъ, что я остановилъ это, видя, что недовѣріе ихъ къ намъ помѣщикамъ велико, но глупость ихъ еще больше, и что, при всемъ желаніи своемъ себѣ хорошаго, они устроятъ дѣло хуже, чѣмъ по моему указанію. Окончивши этотъ послѣдній актъ освобожденія крестьянъ, я буду совершенно свободенъ въ этомъ отношеніи въ Исаковѣ.

6-го августа.

На-дняхъ я окончилъ межевыя работы по отводу надѣла земли крестьянамъ нашимъ деревень: Дорофѣева, Мамоновщины,

Digitized by Google

Кадникова и Лаптева. Въ Гоголинѣ же я не дѣлалъ межевыхъ работъ, чтобы не имѣть безполезнаго расхода на землемѣра; деревня эта получаетъ въ надѣлъ всю имѣющуюся подъ ней землю въ количествѣ 66 десятинъ; владѣніе этой землей совершенно безспорно, границы ея извѣстны, значитъ можно обойтись безъ плана, даже и при выкупѣ можно будетъ сдѣлать описаніе рубежей, что будетъ совершенно достаточно. Деревни Дорофеево и Мамоновщина получили высшій 6 дес. душевой надѣлъ, земля нарѣзана по ихъ собственному указанію; всѣ поля ихъ остались за ними, отрѣзка сдѣлана изъ отдаленной части ихъ бывшаго владѣнія; чтобы не смущать крестьянъ (вообще дико смотрящихъ на весь процессъ ихъ новаго поземельнаго устройства и въ особенности на межеваніе, отъ котораго многія деревни положительно отказываются, говоря, что ихъ Царь размежуетъ и что они не хотятъ идти на межу, т.-е. сами собой разойтись съ помѣщиками), я прибавилъ этимъ двумъ деревнямъ нѣсколько излишней земли, т.-е. выкинулъ изъ разсчета многія незапаханныя вершины горъ и мокрыя мѣста, покрытыя плохимъ дровянымъ лѣсомъ. Пустая прибавка эта совершенно удовлетворила крестьянъ, и они остались довольны какъ мной, такъ и сдѣланнымъ имъ отводомъ земли. При обходѣ земли ихъ я почти не былъ на межѣ; указавъ предварительно землемѣру, какимъ образомъ это сдѣлать, и успокоивъ крестьянъ на счетъ неудобныхъ мѣстъ, которыя въ счетъ надѣла не пойдутъ, хотя и означены будутъ на планѣ, я считалъ болѣе лучшимъ самому не присутствовать, чтобы показать крестьянамъ, что мое дѣло здѣсь сторона, и что законъ долженъ развести насъ, а главное для того, чтобы присутствіемъ моимъ не стѣснять крестьянъ и избавиться отъ ихъ жалобъ на землю, жалобъ стереотипныхъ и присущихъ всѣмъ мѣстностямъ, всѣмъ грунтамъ земли и всѣмъ деревнямъ. Въ 4 дня г-нъ Никитинскій обошелъ землю, сдѣлалъ нарѣзку, начертилъ планы, и я покончилъ къ общему удовольствію крестьянъ дер. Дорофеева и Мамоновщины. Дѣло отвода земли дер. Кадниково и Лаптево обошлось не совсѣмъ безъ неудовольствій, но я порѣшилъ ихъ тѣмъ, что предоставилъ крестьянамъ взять то количество земли, которое они признаютъ себѣ нужнымъ и полезнымъ, хотя, собственно говоря, уменьшеніе надѣла, сдѣланнаго въ этихъ деревняхъ, прямо ведетъ къ выгодѣ помѣщика, а не крестьянъ. Крестьяне рѣшительно этого не понимаютъ, они не могутъ разсчитать, что послѣднія десятины такъ низко оцѣнены по уплатѣ оброка, что всегда выгодно взять полный душевой надѣлъ. Кадниково отказалось отъ 57 дес., слѣдующихъ по разсчету высшаго душевого надѣла въ пустоши Запрудье. Выгода этого отказа оче-

Digitized by Google

видна для Исакова: вся земля имѣнія идетъ теперь неразрывно и составляетъ площадь въ 1790 дес., въ противномъ же случаѣ Исаково было бы отдѣлено отъ Гвоздова этимъ кускомъ земли въ 57 дес., принадлежащихъ Кадникову. Крестьяне этой деревни отказались отъ Запрудья потому, что земля эта не пріурочена къ ихъ деревнѣ и отстоитъ отъ нея версты на 3; они имѣютъ намѣреніе купить себѣ отъ помѣщицы Спицыной землю, прямо прилегающую къ ихъ деревнѣ. Основаніе отказа разумно, но, безъ сомнѣнія, купчая земля обойдется имъ дороже, да притомъ нужно имѣть наличныя деньги; взявши же Запрудье крестьяне поставили бы насъ въ болѣе затруднительное положеніе, чѣмъ теперь отъ уменьшенія своего оброка рублей на 40 не болѣе. Кадниково имѣетъ на душу удобной земли по $3^1/_2$ десятины. Лаптево отказалось еще отъ большаго количества земли, именно здѣсь приходится на душу по 2 д. 1400 с. Подобная глупость произошла отъ упрямства крестьянъ и отъ вліянія на ихъ общество одного крестьянина изъ ихъ среды. Деревня эта буквально, кромѣ своихъ полей, ничего болѣе не имѣетъ, пространство земли въ 150 д., слѣдующихъ имъ въ надѣлъ до высшаго размѣра, представляетъ собой мѣсто, поросшее хорошимъ дровянымъ лѣсомъ; тамъ можно было бы имѣть лядины, и теперь на этомъ мѣстѣ они имѣли значительные сѣнокосы и овсяныя полосы, словомъ они сдѣлали явный ущербъ себѣ при уменьшеніи оброка на 80 р. с. Сначала я спорилъ противъ нихъ за ихъ же интересы, но потомъ предоставилъ ихъ личной иниціативѣ и самостоятельности; пусть попробуютъ пожить своимъ умомъ: опека, постоянно бывшая надъ ними, и безъ того довела ихъ до крайней нелѣпости,—они не знаютъ, на что рѣшиться. Дѣло ихъ объ отказѣ такъ-называемой Красной горы тянулось болѣе 6 мѣсяцевъ, и я очень радъ, что оно кончилось.

10-го августа.

Вчера мировой посредникъ завершилъ законнымъ образомъ дѣло объ уменьшенномъ надѣлѣ крестьянъ деревень Кадниково и Лаптево. Послѣдніе, по смыслу § 122 мѣст. Положенія, сдѣлали выкупной договоръ о пріобрѣтеніи въ собственность своей земли при содѣйствіи правительства. До полночи длились толки съ этими крестьянами; они очень долго ни на что не рѣшались, полагая возможнымъ получить себѣ въ надѣлъ землю, болѣе 20-ти лѣтъ отошедшую отъ нихъ по полюбовному межеванію съ крестьянами помѣщицы Манкошевой. У всѣхъ крестьянъ нашей вотчины есть ложное убѣжденіе, что они могутъ возвратить себѣ земли, когда-то ото-

Digitized by Google

шедшія отъ нихъ по полюбовному межеванію. и такъ какъ каждая деревня считаетъ себя чѣмъ-нибудь да обиженною въ этомъ отношеніи, то въ сотый разъ возвращается къ разсказу о томъ печальномъ обстоятельствѣ, какъ промѣняли когда-то ихъ хорошую землю на дурную, и что они теперь разорены совершенно и т. п.,— то я очень радъ, что совершенно освободился теперь отъ невозможныхъ и скучныхъ притязаній, на обсужденіе которыхъ тратилось всегда такъ много и безполезно времени. Лаптеву прибавлено безвозмездно 9 дес. земли, въ вѣчное ихъ владѣніе, за что они благодарили, но я не понимаю почему: отказавшись отъ 6 д. на душу, прибавка эта на 43 души ровно ничего не значитъ; даже и то, что она даровая, тоже не можетъ имѣть большого значенія въ такомъ большомъ сельскомъ обществѣ. Итакъ, кромѣ дер. Гоголино и Кадниково, я освободился отъ временно-обязанныхъ отношеній къ крестьянамъ, чему очень радъ, потому что отношенія эти трудны, но главное скучны: крестьяне до того надоѣдливо и назойливо возвращаются всегда къ одному и тому же, къ однимъ и тѣмъ же сомнѣніямъ, недоумѣніямъ, притязаніямъ, спорамъ, недоразумѣніямъ, даже оборотамъ рѣчи, что просто скучно трубить одно и то же безъ конца и результата.

Полевыя работы наши идутъ совершенно хорошо; наемные работники удовлетворительны; поденщики всегда есть, работы дѣлаются въ свое время, безъ хлопотъ и дрязгъ, словомъ идешь въ поле съ открытой душой, смотришь на работу, какъ на добровольный обмѣнъ услугъ, никто не пищитъ о тяжести, несправедливости и т. п., никто не винитъ никого, всякій воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ, положеніе равноправное и естественное. Какъ вспомнишь эти кислыя, надутыя и какъ будто усталыя лица старинныхъ барщенниковъ, и какъ увидишь, что избѣгнуть всего этого можно было бы давно и чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше, то невольно позабудешь о тѣхъ нѣкоторыхъ стѣсненіяхъ, которыя принесла съ собой крестьянская реформа въ первое время.

12-го августа.

Не знаю почему, но мнѣ кажется, что крестьянская реформа совершается въ нашей мѣстности хотя медленно, но гораздо покойнѣе и удобнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, если судить по газетамъ и слухамъ изъ другихъ губерній. Я могу сказать тоже самое и о вольнонаемномъ помѣщичьемъ хозяйствѣ, да и вообще о всякомъ хозяйствѣ; нигдѣ работа не отстаетъ отъ должной мѣры, бываютъ, разумѣется, случаи лѣности крестьянъ, работающихъ у помѣщиковъ,

Digitized by Google

но безвыходнаго положенія, необходимости закрыть свое хозяйство никто, насколько мнѣ извѣстно, не испыталъ у насъ.

Собственно же у насъ, можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что никогда не было такъ удобно и хорошо жить въ деревнѣ, какъ нынѣче. Сегодня напр. воскресенье, день жаркій, хорошій, рожь стоитъ въ полѣ, ее нужно убирать, я воображаю себѣ ропоть и неудовольствіе въ прежнее крѣпостное время, если бы вздумали послать дворовыхъ людей убирать поле; нынѣче же вольные работники наши выходятъ на эту же работу съ удовольствіемъ, нѣтъ этихъ лицъ съ кислымъ, грубымъ выраженіемъ, имѣющимъ видъ, что только одной палкѣ повинуются они. Можетъ быть, вслѣдствіе отличной погоды, вообще хорошо располагающей человѣка, я вижу все сегодня въ розовомъ цвѣтѣ.

20-го августа.

Крестьяне наши на каждомъ шагу высказываютъ полное свое невѣжество во всемъ, что касается до общественныхъ дѣлъ; невѣжество это, рождая въ нихъ недовѣріе ко всѣмъ новымъ мѣрамъ ихъ общественнаго устройства, высказывается самымъ страннымъ образомъ. Такъ, напр., было издано недавно новое и очень полезное правительственное распоряженіе, облегчающее приписку крестьянъ и дворовыхъ, непользующихся землею, значитъ невходящихъ въ составъ сельскихъ обществъ къ крестьянскимъ волостямъ по мѣсту своего жительства. Мѣра эта, очевидно, вызвана необходимостью избавить весь этотъ неграмотный людъ отъ безполезнаго хожденія по дѣлу приписки ихъ къ городамъ и къ казеннымъ селеніямъ. Всякое подобное лицо, оставшись въ своей волости для счета казенныхъ податей и повинностей и отвѣчая лично за себя, никого не стѣсняетъ своимъ прибытіемъ въ волость; напротивъ того, при рекрутствѣ оно является лицомъ, годнымъ въ рекруты по своему возрасту. Волостной сходъ нашей волости отказывается принять подобныхъ лицъ, не понимая, разумѣется, къ чему все это ведетъ; я не знаю, была ли имъ объяснена цѣль новаго правительственнаго распоряженія, и если нѣтъ, то очень дурно.

Другое замѣчаніе, невольно просящееся подъ перо, это то, что люди, постоянно жившіе подъ опекой и предоставленные своимъ личнымъ соображеніямъ, разсчетамъ и средствамъ, первое время ихъ независимости, стоя некрѣпко на почвѣ личной свободы, пользуются ею въ ущербъ своихъ интересовъ. Такъ, напр., все это время, очень нужное для сельскаго хозяйства, особенно въ нынѣшнее лѣто, очень дурное по погодѣ и заставляющее работать урыв-

Digitized by Google

ками, по частямъ. пользуясь перерывами дождей. было проведено нашими крестьянами въ разгулѣ и въ питьѣ пива. свареннаго изъ только что сжатой ржи, и у многихъ даже въ ущербъ своего годового продовольствія. Многіе крестьяне говорили мнѣ на праздникѣ: «теперь мы вольные. барщины съ насъ нѣтъ. мы можемъ гулять, сколько намъ угодно», но они какъ будто забываютъ, что дѣлаютъ это въ ущербъ своихъ истинныхъ интересовъ и вредятъ исключительно себѣ. Погода у насъ дурная и мѣшаетъ уборкѣ ржи.

30-го августа.

Въ первое время по освобожденіи крестьянъ, мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать ихъ соболѣзнованіе о будущей горькой участи помѣщиковъ, которые, по ихъ мнѣнію, лишась барщиннаго труда, должны быть поставлены въ необходимость или самимъ взяться за сохи, косы и серпы, или совершенно лишиться насущнаго хлѣба. Нынѣшнее лѣто практически показало крестьянамъ всю неосновательность подобнаго ихъ ожиданія; напротивъ того, они увидѣли. что полевыя работы помѣщиковъ идутъ впереди крестьянскихъ, что помѣщики, не берясь лично за сохи, косы и серпы, пашутъ. косятъ и жнутъ, что трудъ безъ помощи капитала такъ же мало производителенъ, какъ капиталъ безъ труда. т.-е. что трудъ нуждается въ деньгахъ и обратно, и что наконецъ гораздо лучше и выгоднѣе для обѣихъ сторонъ жить въ мирѣ и согласіи и взаимно пользоваться услугами другъ друга. Крестьяне стали понемногу уразумѣвать, что освобожденіе одной стороны отъ бывшей крѣпостной зависимости къ другой сторонѣ не ведетъ, какъ они ожидали, къ перемѣщенію крѣпостного права съ однихъ на другихъ. и что обѣ стороны, будучи теперь взаимно свободны и независимы. связаны только общею пользою, общими интересами. т.-е. общею выгодою. Подобное ожиданіе крестьянъ происходило не столько отъ ихъ антагонизма къ помѣщикамъ, сколько отъ вѣковой привычки ихъ имѣть дѣло съ крѣпостнымъ правомъ, проникавшимъ во всѣ доселѣ извѣстныя и испытанныя ими взаимныя отношенія одного человѣка къ другому, а потому очень естественно, что снятіе съ нихъ крѣпости должно было, по ихъ мнѣнію, вести къ наложенію ея на другихъ; свободныя же, независимыя отношенія никогда не были имъ знакомы. и потому они не ждали того. что случилось. За этой первой десепціей крестьянъ, въ непродолжительномъ времени воспослѣдуетъ безъ сомнѣнія другая; крестьяне наши совершенно не цѣнятъ до сихъ поръ дарованнаго имъ права

Digitized by Google

мѣстнаго, выборнаго самоуправленія, они тяготятся и жалуются на денежные расходы, связанные съ этимъ правомъ; они говорятъ что пожалуй въ старину было лучше въ этомъ отношеніи, что всѣ ихъ дѣла рѣшалъ баринъ, а что теперь нужно волочиться въ волостное правленіе, ходить на сходы и т. д. Разувѣрить ихъ въ неправильности ихъ сужденія теоретическими доводами невозможно: нѣкоторые крестьяне поумнѣе и развитѣе поняли уже хорошую сторону и этой перемѣны; старообрядцы же изъ нихъ все таки держатся старинныхъ своихъ воззрѣній, но практика не замедлитъ убѣдить ихъ, что крестьянскій судъ, вообще крестьянское самоуправленіе лучше прежняго, и что хотя теперь нельзя иногда жить, ни о чемъ не думая и ни о чемъ не заботясь, какъ бывало въ старину, когда баринъ и рекрутовъ ставилъ, и подати отвозилъ въ казначейство, и за дорожный участокъ отвѣчалъ; но за то теперь нѣтъ ни въ чемъ произвола и несправедливости, хотя и есть забота. Переходя отъ частнаго къ общему, я долженъ сказать, что въ настоящее время самоуправленіе Россіи, въ крайнемъ обширномъ значеніи этого слова, невозможно; у насъ мало кто привыкъ и пожелаетъ заняться общественнымъ дѣломъ; мы дворяне не многимъ лучше крестьянъ въ этомъ отношеніи; правда, мы много говоримъ объ этомъ предметѣ, но никто изъ насъ не возьметъ на себя серьезнаго и настойчиваго труда заняться этимъ дѣломъ, а трудъ самоуправленія не малъ; нужно обо всемъ позаботиться самимъ, мы же привыкли, что за насъ придумаютъ другіе; нужно во всемъ и отвѣчать самимъ, а у насъ всегда виноваты другіе. Я не хочу сказать, чтобы въ Россіи не нашлись бы люди, которые не оправдали бы на дѣлѣ свою готовность посвятить себя самоуправленію; но вообще для насъ это еще такой идеалъ, о которомъ мы можемъ лучше и краснорѣчивѣе говорить, чѣмъ его осуществить; я имѣю для подкрѣпленія справедливости моего мнѣнія не мало данныхъ, почерпнутыхъ мною изъ моего знакомства съ нашею уѣздною жизнью; къ тому же въ деревнѣ у каждаго есть теперь много своихъ личныхъ неустроенныхъ дѣлъ, и первое нужно заняться этимъ, чтобы имѣть хлѣбъ насущный, который не дается намъ даромъ, какъ бывало въ старину.

31-го августа.

Недавно я читалъ въ Revue des deux Mondes прекрасную вторую статью о Россіи Charles de Mazade. Понятно, что главный ритмъ ея — это освобожденіе крестьянъ, которое, потянувъ за

Digitized by Google

собой всѣ внутренніе общественные, даже политическіе вопросы Россіи, сдѣлало изъ нашего отечества страну, куда направлены теперь взоры всѣхъ европейскихъ публицистовъ, желающихъ проникнуть тайну небывалаго, особеннаго внутренняго положенія нашего сфинкса, разгадка котораго принадлежитъ разумѣется будущему, хотя нельзя и не признать основательности многихъ вѣрныхъ и прозорливыхъ выводовъ, дѣлаемыхъ нѣкоторыми писателями въ настоящее время. Съ своей стороны я также желаю бросить общій бѣглый взглядъ на внутреннее положеніе Россіи, разумѣется, основываясь на данныхъ, мнѣ хорошо знакомыхъ, пріобрѣтенныхъ мною со времени моего переселенія въ деревню, составляющую по преимуществу фондъ, откуда и почерпаются теперь свѣдѣнія объ нашемъ отечествѣ. По моему мнѣнію, Россія переживаетъ теперь эпоху, въ которую перерабатываются главнымъ образомъ ея соціальные, т. е. общественные элементы, а не политическіе; но я еще несомнѣннѣе увѣренъ, что исходъ этого перерожденія будетъ не въ пользу соціализма, какъ многіе думаютъ и въ Россіи, и въ Европѣ, а въ пользу начала личной собственности. Россія, т. е. крестьяне, повидимому, проникнуты началомъ соціализма, т. е. общественной собственности, и теперь еще часто слышишь отъ крестьянъ: «что не можетъ быть, чтобы поземельный надѣлъ ихъ остался въ томъ видѣ, какъ онъ сдѣланъ землемѣромъ, на основаніи уставныхъ грамотъ». Это говорятъ даже крестьяне, выкупающіе въ собственность свой надѣлъ; они увѣрены, что Царь подѣлитъ со временемъ и остальную помѣщичью землю, а помѣщикамъ будетъ выдавать жалованье. Подобная твердая увѣренность крестьянъ, что земля не можетъ составлять частной собственности отдѣльнаго лица, т. е. помѣщика, но должна принадлежать всѣмъ, міру, т. е. крестьянамъ, не выдерживаетъ, не устаиваетъ противъ самыхъ несложныхъ критическихъ доводовъ, которыми мнѣ почти всегда удавалось побѣждать крестьянъ. Я возражалъ обыкновенно крестьянамъ такъ: «что если они считаютъ справедливымъ и правильнымъ, чтобы моя земля, какъ помѣщика, была бы подѣлена между ними, то на томъ же самомъ основаніи и лавка демянскаго купца Трошнева, откуда они берутъ на деньги веревки, деготь, мыло, соль и т. д., тоже должна быть подѣлена между ними; кромѣ того собственныя земли нѣкоторыхъ нашихъ крестьянъ и въ особенности цѣлое имѣніе, которое купилъ недавно моловитскій крестьянинъ Бандура отъ помѣщицы Логренъ, должна быть тоже у него отобрана въ ихъ пользу; при чемъ окажется несправедливость въ томъ, что г-жа Логренъ получила уже съ Бандуры деньги». Крестьяне, вполнѣ соглашаясь со мной въ

Digitized by Google

несправедливости и въ невозможности осуществленія предъявляемыхъ ими желаній, собственно говоря, серьезно этого и не желаютъ, хотя часто и возвращаются къ однимъ и тѣмъ же доводамъ, происходящимъ исключительно вслѣдствіе нѣкоторой возбужденности ихъ, которая въ свою очередь происходитъ отъ неустановившихся новыхъ отношеній, отъ постоянныхъ слуховъ, ежедневныхъ ожиданій и крайней ихъ довѣрчивости ко всѣмъ молвамъ, заносимымъ къ нимъ самыми невѣдомыми путями. Крестьяне наши по преимуществу поклонники и сторонники собственности и, будучи очень стяжательны, даже жадны къ пріобрѣтенію ея, желаютъ себѣ побольше, полагая, что такова и мысль царя въ настоящей совершающейся реформѣ, коснувшейся и ихъ, и если они отстраняютъ теперь помѣщиковъ отъ поземельной собственности, то это только потому, что до сихъ поръ собственность эта была въ рукахъ помѣщиковъ производительна, по ихъ мнѣнію, вслѣдствіе барщины, а съ уничтоженіемъ ея, они думаютъ, что помѣщикамъ не для чего и имѣть землю. Съ другой стороны, крестьяне, признавая за дворянствомъ исключительную привилегію служить, а главное выслуживать и наживать себѣ, законными и незаконными путями, деньги и состояніе, полагаютъ, что истинное назначеніе дворянъ—это не быть землевладѣльцемъ, а чиновникомъ, и что царь, отнявъ у помѣщиковъ землю, дастъ имъ за это жалованье и служебныя, новыя мѣста. Но самое право собственности, какъ общественное начало, необыкновенно уважается крестьянами; это есть, по ихъ-же мнѣнію, краеугольный камень, на которомъ зиждется зданіе всякаго порядка, спокойствія и мира; а потому тѣ, кто мечтаетъ въ Россіи о соціализмѣ и объ общественной собственности,—Россіи вовсе не знаетъ. Отстранивъ первое недоразумѣніе или ошибку, въ которую впадаютъ многіе, говорящіе объ Россіи, мнѣ еще легче отстранить и другое ошибочное объ ней мнѣніе, а именно то, что въ нашемъ народѣ есть теперь достаточное количество революціоннаго элемента, которымъ думали воспользоваться подземные дѣятели наши, издатели и редакторы Молодой Россіи, Великоросса и tutti quanti. Народъ, поклоняющійся собственности, народъ, трудящійся надъ обработкой земли, народъ, живущій уединенною жизнью нашихъ деревень, народъ, живущій бокъ о бокъ съ природой и преисполненный, какъ и она сама, спокойствія и тишины нашей сѣверной полосы, есть непремѣнно народъ консервативный, а не революціонный. Я не буду спорить, что въ минуту необыкновенной раздражительности, страстности, словомъ неестественности, нашъ народъ не былъ бы способенъ на facsimile революціи, т. е. взяться, на день—другой, за топоръ, но

Digitized by Google

это такъ-же ему несвойственно, какъ напр. всякому порядочному и образованному человѣку несвойственно кулачное право, хотя очень возможно, что онъ, въ извѣстную минуту страстнаго порыва и увлеченія, отдуетъ палкой человѣка, дерзко и нагло его оскорбившаго. Народъ нашъ, т. е. селянинъ, не имѣетъ безпорядочныхъ инстинктовъ горожанина, т. е. человѣка, спившагося съ круга, человѣка, проживающаго свой ежедневный заработокъ; нашъ народъ скопидомъ, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ за невзрачною наружностью, при самомъ простомъ, обыкновенномъ образѣ жизни, при грязи въ домѣ и на своей особѣ, есть деньги, скопленныя годами трудовъ и лишеній; понятно также, что дѣятели революціи не должны имѣть ни кола, ни двора; наши же крестьяне попробуй идти напр. сегодня на революцію, а не на покосъ или уборку хлѣба,—безъ сомнѣнія за эту ошибку зимой они переморятъ свой скотъ или сами останутся безъ хлѣба. Я не говорю уже о невозможности революціи зимой, среди нашихъ снѣжныхъ сугробовъ, когда каждый крестьянинъ едва можетъ запастись необходимыми дровами, чтобы не замерзнуть въ трескучій морозъ, доходящій у насъ въ Россіи до 30°.

28-го сентября.

Празднованіе тысячелѣтія Россіи, какъ самостоятельнаго государства, совершилось въ Новгородѣ 8-го числа сего мѣсяца. Я не имѣю никакого намѣренія описывать всѣхъ торжествъ, устроенныхъ путемъ администраціи, всѣхъ пріемовъ, парадовъ, рѣчей, обѣдовъ, иллюминацій и т. д., ознаменовавшихъ этотъ день и составившихъ собой эру въ сонной и убійственно скучной жизни нашего губернскаго города; скажу кратко, что онъ проснулся на три дня, чтобы снова впасть въ свое вѣковое усыпленіе. Я коснусь однако этого событія на столько, на сколько оно соприкасается съ вопросомъ, исключительно меня интересующимъ, т. е. съ вопросомъ освобожденія крестьянъ, и начну съ того, что единственный, непринужденный и самобытный восторгъ этихъ дней былъ въ народѣ, который тысячами прихлынулъ на торжество въ Новгородъ изъ окрестныхъ деревень для того, чтобы посмотрѣть на царя и криками радости и привѣтствій отблагодарить его за новую жизнь, дарованную народу манифестомъ 19 Февраля. Нужно сказать, что дворянство наше оставалось совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ приготовленіямъ, необходимымъ для пріема государя, такимъ образомъ, что нужно было особенное стараніе со стороны администраціи какъ высшей, такъ и мѣстной, чтобы подвинуть ихъ на издержки,

Digitized by Google

сопряженныя съ гостепріимствомъ, которое нужно все-таки было оказать государю, хотя просто изъ одного приличія. Причину подобнаго равнодушія дворянъ можно раздѣлить на три категоріи: къ первой категоріи относится неудовольствіе, будированіе всѣхъ тѣхъ, кто видитъ въ реформахъ, совершающихся въ Россіи, свое auto-da-fé; сюда принадлежатъ, разумѣется, всѣ дворяне, матеріально теперь пострадавшіе отъ освобожденія крестьянъ и ничего не понимающіе въ томъ нравственномъ выигрышѣ, который отсюда вытекаетъ для человѣчества вообще и для нихъ въ частности. Ко второй категоріи принадлежитъ свойственное всякому русскому человѣку равнодушіе ко всякому общественному дѣлу, откуда не только не вытекаетъ никакой прямой личной выгоды, но гдѣ нужно еще принесть въ жертву нѣкоторую часть своего личнаго интереса; къ этой же категоріи принадлежитъ тоже матеріальная невозможность многихъ оставить свои дѣла и свое хозяйство въ самую рабочую пору, а наконецъ домосидчивость и трудность на подъемъ истыхъ помѣщиковъ, рѣдко выползающихъ на бѣлый свѣтъ изъ своихъ захолустьевъ, никогда не имѣвшихъ дворянскихъ мундировъ и тяготящихся наималѣйшимъ стѣсненіемъ въ своихъ обычныхъ привычкахъ, основанныхъ на широтѣ и простотѣ нравовъ и деревенской нецеремонности жизни нашихъ домосѣдовъ помѣщиковъ. Наконецъ, къ третьей категоріи принадлежитъ основательное равнодушіе ко всему тому, что ложно, что дѣлается не отъ чистаго сердца, не отъ личной самостоятельной иниціативы, а путемъ вынужденія, внушенія и надуванія мыльныхъ пузырей. Я совершенно откровенно скажу, что почти всѣ лица, такъ выбившіеся изъ своихъ силъ, чтобы устроить дворянскій пріемъ пріѣзжимъ изъ Петербурга гостямъ, дѣлали это, имѣя въ виду чиновничье воззрѣніе на это дѣло, а именно выслужить, выклянчить себѣ какой нибудь крестикъ, награду, даже улыбку значительныхъ лицъ, которыми былъ такъ переполненъ въ это время Новгородъ. Всего грустнѣе видѣть, что есть въ наше время лица, до того низко стоящія на ступеняхъ человѣческаго развитія, что они умиляются и дѣлаютъ важное, государственное дѣло, хоть напр. изъ того, что государю понравился ужинъ на дворянскомъ балѣ. Слыша многія подобныя этому воспоминанія, преисполняющія этихъ господъ какою то гордостью совершеннаго ими подвига, дѣлается невыносимо гадко при мысли, что это воплощеніе низкопоклонства, крѣпостной угодливости и лакейства признается и оцѣняется нынѣче на столько же, на сколько истинно гражданскій подвигъ не цѣнится многими. Но я отклонился отъ моего намѣренія не затрагивать 8 сентября болѣе того, чѣмъ оно связано съ крестьянскимъ вопросомъ, а по-

Digitized by Google

тому потороплюсь сказать, что прямое отношеніе его къ нему состояло: въ 1-хъ въ рѣчи, сказанной государемъ дворянству, во 2-хъ въ рѣчи, сказанной имъ же волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ и въ 3-хъ въ письмѣ, подписанномъ предводителями дворянства и поднесенномъ государю. Но, собственно говоря, для крестьянскаго дѣла важнѣе всего было нѣсколько словъ, которыми государь старался внушить крестьянамъ, чтобы они новой воли не ждали, но кончали бы уставныя грамоты, исполняли бы Положенія, слушались бы свое начальство и не довѣрялись бы разнымъ ложнымъ слухамъ. Практическій результатъ всего этого есть тотъ, что крестьяне значительно успокоились; стали понимать, что ихъ не обманывали до сихъ поръ на счетъ Положенія, стали видѣть и сознавать необходимость подчиниться закону 19 Февраля,—такимъ образомъ напр. въ одномъ нашемъ мир. участкѣ тотчасъ же подписали 21 уставную грамоту и вообще приняли рѣшеніе поступать согласно волѣ Царя, въ которой теперь они не сомнѣваются. Я не могу сказать, чтобы это имъ понравилось, но они подчинились этому, какъ неумолимой необходимости, изъ прирожденнаго въ простомъ человѣкѣ чувства безпрекословнаго повиновенія властямъ предержащимъ, которымъ «да преклоняется всякъ», согласно Св. Писанія. Сколько особенностей, сколько наивности имѣетъ нашъ простой народъ въ продолженіе полутора года не вѣрить, даже не желать вѣрить, чтобы освобожденіе ихъ совершалось законно и справедливо; лучше того,—идти часто наперекоръ самыхъ очевидныхъ своихъ выгодъ, и все это только вслѣдствіе того, что народъ думалъ, что истинныя намѣренія царя по отношенію новаго устройства ихъ быта скрыты и искажены дворянствомъ; теперь же—совершенно пассивно подчиниться своей участи, даже нѣсколько побаиваться отвѣтственности за старые грѣшки, хотя перемѣны никакой ни въ чемъ не произошло, кромѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ волостнымъ старшинамъ и старостамъ. Да умилится всякій безпрекословно вѣрующій словамъ изъ посланія къ римлянамъ: «властямъ предержащимъ да повинуетеся всякъ», но мнѣ грустно видѣть очевидный фактъ дѣвственной неразвитости нашего народа, его простоты и низкаго уровня его умственнаго развитія.

Слѣдующій случай, которому я былъ очевидцемъ, нѣсколько болѣе пояснитъ мою мысль. При послѣднемъ отправленіи моемъ на пароходѣ изъ Новгорода въ Руссу, на пристань явился какой-то гарнизонный офицеръ, облеченный въ знаки своего военнаго призванія и преисполненный полицейско-воинственнаго духа, почерпнутаго имъ изъ акцизно-откупного кабацкаго источника, безъ

Digitized by Google

сомнѣнія, неумѣренно вкушеннаго имъ, несмотря на довольно раннюю пору. Дѣло въ томъ, что этотъ господинъ требовалъ отъ всѣхъ мужиковъ паспорты и виды на свое разсмотрѣніе, и хотя подчиниться подобной нелѣпой противузаконности не было никакой разумной причины, но многіе изъ крестьянъ были поставлены въ серьезное замѣшательство, и хотя не совсѣмъ подчинялись подобному нахальному требованію, но совершенно смиренно подчинялись рутательствамъ этого сумасброда, грозившаго кулаками ослушникамъ. Комедія эта разыгралась, разумѣется, изгнаніемъ этого господина, но только послѣ вмѣшательства въ это дѣло лица, которому ничуть не могли быть внушительны беззаконныя требованія пьянаго офицера. Невольно приходятъ на мысль точно такія же нелѣпыя и безпрекословно исполняемыя требованія посуловъ, взятокъ и т. п., дѣлаемыхъ часто не только чиновничьимъ людомъ, но даже простыми почтальонами, требующими, напр., съ крестьянъ денегъ за право отсылки или полученія писемъ.

Всякій, нѣсколько глубже вникающій въ причину какого бы ни было общественнаго нравственнаго явленія, не можетъ преисполниться умиленіемъ предъ картиною пассивнаго подчиненія 55 милл. людей, для тѣхъ же, кто видитъ въ народѣ живой матеріалъ, который можно направлять и употреблять сообразно той или другой цѣли, а главное своей личной выгоды, для тѣхъ картина 55 милл., вертящихся направо и налѣво по командному слову, картина дѣйствительно умилительная и трогательная; но я, собственно, не понимаю этотъ жанръ, а потому прямо скажу, что онъ мнѣ совсѣмъ не нравится.

. . . . . .

30-го сентября.

Въ нашемъ приходѣ строится небольшая каменная церковь, вмѣсто сгорѣвшей деревянной, года два тому назадъ. Церковь эта строится исключительно пождиніемъ крестьянъ, и хотя прихожане изъ помѣщиковъ участвуютъ денежными или другими пожертвованіями, но инициатива какъ самой постройки, такъ и наблюденіе за этимъ дѣломъ, т.-е. наблюденіе за правильнымъ выполненіемъ контракта со стороны подрядчика, лежитъ собственно на крестьянахъ, какъ на лицахъ, участвующихъ въ составленіи контракта. Обстоятельство это, въ которомъ крестьяне дѣйствуютъ совершенно самостоятельно, руководясь своимъ собственнымъ умомъ, т.-е. безъ помощи посторонннихъ вліяній, даетъ мнѣ возможность дѣлать наблюденія надъ многими нравственными сторонами нашихъ крестьянъ. Результатъ моихъ наблюденій, продолжающихся цѣлыхъ

Digitized by Google

полтора года и дѣлаемыхъ съ полною безпристрастностью, приводитъ меня къ тѣмъ же самымъ размышленіямъ, которыя я почерпаю и изъ данныхъ другого порядка. Крестьяне наши имѣютъ необыкновенное сходство съ толпою дѣтей, простодушіемъ и наивностью которыхъ можетъ злоупотреблять по своему произволу всякій плутоватый человѣкъ, умѣющій понять слабыя стороны однихъ, умѣющій льстить дѣтскимъ желаніямъ и требованіямъ другихъ, умѣющій воспользоваться простодушіемъ третьихъ, и наконецъ, овладѣвшій безсознательнымъ довѣріемъ всѣхъ. Глупость крестьянъ и неразсчетливость ихъ самымъ очевиднымъ образомъ проявилась въ нагломъ обманѣ, жертвой котораго сдѣлалъ ихъ нашъ плутъ-Осташъ подрядчикъ. Отъ начала и до конца построенія церкви онъ обманывалъ крестьянъ самымъ нахальнымъ образомъ. Въ первое время крестьяне не совсѣмъ еще охотно ему поддавались, иногда даже жаловались мнѣ, но черезъ нѣсколько времени подрядчикъ, живя близко съ народомъ, т.-е. въ ихъ средѣ, сумѣлъ обстановить себя такимъ прочнымъ образомъ, что когда я вздумалъ-было указать крестьянамъ нѣкоторыя уже черезчуръ выдающіяся стороны обмана, такъ, напр., никуда не годный кирпичъ, то они косвенно намекнули мнѣ, что они всѣмъ довольны и что я несправедливъ и пристрастенъ. Нужно замѣтить, что табунное начало преобладаетъ въ нашихъ крестьянахъ, какъ и во всѣхъ неразвитыхъ обществахъ, всегда бывшихъ подъ опекой и никогда не дѣйствовавшихъ самостоятельно. Нужно только овладѣть, подчинить своему вліянію двухъ-трехъ коноводовъ и, уже направляя ихъ, вести сзади весь табунъ, безсознательно идущій хоть на край пропасти. Подрядчикъ нашъ какъ нельзя лучше воспользовался этимъ: подпаивая однихъ, давая работу другимъ, онъ взялъ въ свои руки коноводовъ и, направляя ихъ по пути обмана и недобросовѣстнаго выполненія контракта, довелъ опытъ эксплоатированія крестьянъ до крайнихъ предѣловъ; такъ, напр., сегодня онъ увѣрилъ ихъ, что назначенный по контракту желѣзный вызолоченный крестъ цѣною въ 100 рублей гораздо хуже деревяннаго, намазаннаго сусальнымъ золотомъ и стоящаго всего рублей 5 серебромъ.

Изъ всего предыдущаго видно, какъ легко и просто, съ одной стороны, вести нашъ народъ по личному своему произволу въ какую угодно сторону, а съ другой стороны, какъ иногда невозможно вести его по должному пути, къ его же собственной пользѣ. Народъ пойдетъ за тѣмъ, кто сумѣетъ за него взяться; такимъ образомъ, онъ ни болѣе, ни менѣе какъ матеріалъ, который можно употребить для хорошей и дурной цѣли, смотря потому, кто овла-

Digitized by Google

дѣетъ имъ. Понятно, что невѣжество, темнота и простота крестьянъ по отношенію какого-нибудь небольшого предмета не можетъ продолжаться вѣчно, и я совершенно увѣренъ, что пройдетъ годъ-другой, и когда обманъ церковнаго подрядчика сдѣлается дѣломъ очевиднымъ, то крестьяне наши будутъ вздыхать, жалѣть, горевать, браниться и проч., но дѣло это уже будетъ безвозвратно потеряно. Дорого достанется воспитаніе нашему народу, и долго, очень долго онъ будетъ жертвой наглаго обмана и эксплоатаціи!

Вчера ко мнѣ пришло человѣка 4 изъ нашихъ вольнонаемныхъ работниковъ съ притязаніями, совершенно неосновательными и небывалыми, прося разсчета, т.-е. увольненія ихъ изъ дома. Они думали устроить нѣчто въ родѣ стачки рабочихъ (grève или strikes); и хотя они не имѣютъ никакого понятія о томъ, какъ подобнаго рода дѣла дѣлаются въ западной Европѣ, тѣмъ не менѣе нельзя иначе назвать ихъ попытку напугать хозяина и вытребовать себѣ новыхъ льготъ, несовмѣстныхъ, впрочемъ, ни со справедливостью, ни съ разсчетомъ для хозяина. Я поступилъ, пользуясь хорошо извѣстнымъ мнѣ характеромъ русскаго человѣка, и не безъ успѣха. Нужно сказать, что во главѣ этихъ рабочихъ явился одинъ работникъ, котораго я давно думалъ отпустить по его дурному поведенію, лѣности, вообще недоброкачественности, но мнѣ самому не хотѣлось отказать ему, т.-е. я очень былъ радъ, что онъ самъ вызвался и отказывается; послѣднее обстоятельство имѣетъ нѣкоторое значеніе въ средѣ нашего рабочаго класса. Съ другой стороны, я тоже знаю, что въ настоящую осеннюю пору по окончаніи полевыхъ работъ работники дорожатъ мѣстами на зиму, когда цѣны на нихъ вообще низки, и потому, по первому слову о желаніи получить разсчетъ, я обратился къ сомнительному работнику, сказавъ: «я тебя отпускаю и вотъ твой разсчетъ». Не знаю, было ли вѣрно соображеніе сего послѣдняго, т.-е. полагалъ ли онъ, что дѣло это приметъ для него такой неблагопріятный оборотъ, только онъ очень сконфузился, что называется опѣшилъ и, понуря голову, оставался слушателемъ, безъ права голоса, тѣхъ нелѣпыхъ претензій, которыя заявили мнѣ, уже болѣе умѣреннымъ тономъ, другіе работники. Черезъ четверть часа я порѣшилъ и съ ними, объяснивъ имъ всю несостоятельность ихъ претензіи, и они ушли совершенно довольные; сегодня же я вижу, что они довольны также и тѣмъ, что я отпустилъ вчера сомнительнаго работника, который и имъ не нравился и на котораго иногда случались жалобы и съ ихъ стороны.

Digitized by Google

Село Исаково. 2 октября 1862 г.

Живя полтора года въ деревнѣ и имѣя ежедневныя сношенія, дѣла, часто даже хлопоты съ крестьянами, мнѣ очень часто приходила на умъ идея, совершенно вѣрно, даже буквально точно высказанная въ разсказѣ: «Прошлое лѣто въ деревнѣ», помѣщенномъ въ іюльской книжкѣ Русскаго Вѣстника, на страницѣ 69. Выписываю подлинныя слова разсказчика, которыя, между прочимъ, пришли мнѣ на умъ, по поводу небольшого недоумѣнія, случившагося вчера у насъ въ домѣ, по отношенію садовника, отходящаго отъ насъ и пожелавшаго устроить своего сына мальчика, жившаго у насъ въ комнатахъ, сообразно своего личнаго, родительскаго взгляда на это дѣло, а не желанія хозяйки дома. Собственно недоумѣніе, случившееся у насъ въ домѣ, состояло изъ двухъ, трехъ словъ, сказанныхъ подъ вліяніемъ старинной, укоренившейся привычки имѣть опеку надъ всѣмъ и вся проживающихъ въ имѣніи; и хотя обстоятельство это само по себѣ совершенно ничтожно и о немъ не стоило бы вовсе и говорить, но оно какъ-то родило во мнѣ цѣлый рядъ воспоминаній и мыслей, относившихся къ прежнимъ случаямъ, болѣе важнымъ, къ которымъ именно и относятся нижеприводимыя мною слова автора разсказа.

«Для меня совершенно не существовали тонкіе оттѣнки такъ называемаго *неповиновенія*; я не заботился о томъ, снимаются ли или не снимаются шапки при моемъ появленіи, почтительно ли отвѣчаетъ мужикъ на мои разспросы, или держитъ свою рѣчь бойко, не безъ поддразнивающей шутливости. Преждевременныя ожиданія скорыхъ благъ новой воли безъ всякихъ работъ и повинностей тоже не казались мнѣ непріятными; я слишкомъ мало зналъ крестьянина прежнихъ временъ, и мнѣ казалось вполнѣ естественнымъ, что труженикъ за тяжелою работой пытается увеселить себя помысломъ о томъ, что когда-нибудь ему удастся лежать на боку, а хлѣбъ на поляхъ будетъ расти самъ собою. Всякій человѣкъ, по моему крайнему разумѣнію, по временамъ питаетъ такія фантазіи, что не мѣшаетъ ему, разочаровавшись и поохавши, принимать жизнь такъ, какъ она ему дастся».

Слова эти относя лично къ себѣ, вполнѣ тѣмъ, что при объясненіяхъ моихъ съ крестьянами, если только мнѣ удавалось поставить его на почву покойнаго разсужденія безъ примѣси элемента возбужденности и нетерпѣнія съ ихъ стороны, — я всегда одерживалъ надъ ними торжественную, ими не сознаваемую побѣду, вслѣдствіе прочности моей логики, а также удачи моихъ

Digitized by Google

діалектическихъ пріемовъ и параболической формы разговора, столь понятнаго и любимаго народомъ. Поставить крестьянина, что называется, au pied du mur по отношенію какого-нибудь его нелѣпаго притязанія, безвыходнымъ образомъ доказать ему, что онъ не правъ, словомъ, поразить, побѣдить его орудіемъ слова, а особенно въ присутствіи толпы, выбравшей его своимъ руководителемъ или ораторомъ, составляетъ самое дѣйствительное противъ нихъ средство. Безъ всякаго преувеличенія, скажу, что крестьяне перестали обращаться ко мнѣ, какъ бывало, со своими неразборчивыми претензіями, и если это случается иногда теперь, то болѣе изъ побужденія безнадежнаго возвращенія къ одному и тому же предмету. Свойство это, какъ извѣстно, принадлежитъ дѣтямъ, значитъ, вмѣстѣ съ ними и крестьянамъ.

10-го октября.

Вчера я возвратился изъ Старой Руссы съ бывшаго Мирового Съѣзда, который продолжался 4 дня, но собственно интересъ котораго заключался въ дѣлѣ пом. Маевскаго, желающаго отобрать отъ крестьянъ деревню Лазницъ, 12 десятинъ пашни и огороды подъ свою, вновь устраивающуюся усадьбу. Собственно говоря, дѣло это началось въ прошломъ годѣ, въ августѣ мѣсяцѣ, при бывшемъ Мировомъ Посредникѣ Поморцевѣ, который и запуталъ его своимъ двухсмысленнымъ образомъ дѣйствія. Но я намѣренъ разсказать о немъ въ томъ видѣ, какъ оно дошло нынѣче до Мирового Съѣзда, изъ чего, впрочемъ, можно будетъ видѣть и о его предыдущемъ ходѣ. Въ засѣданіе Мирового Съѣзда, 4-го августа, на которомъ я не присутствовалъ, пом. Маевскій принесъ жалобу на крестьянъ деревни Лазницъ, состоящую въ томъ, что они препятствуютъ ему строить его усадьбу и не хотятъ отдать землю, взятую у нихъ на это дѣло, въ прошломъ годѣ, по рѣшенію Мирового Посредника Поморцева; рѣшеніе это какъ необжалованное крестьянами въ законный, т.-е. мѣсячный срокъ, онъ считаетъ получившимъ свою силу; границы земли тоже опредѣлены, и потому онъ проситъ Мировой Съѣздъ отдать ему эту землю, тѣмъ болѣе, что, собственно говоря, онъ отобралъ ее до обнародованія Положенія, или, лучше сказать, онъ купилъ ее у крестьянъ уступкой имъ пустоши Турно и прощеніемъ оброчной недоимки. Крестьяне, по его словамъ, были вполнѣ довольны и согласны уступить ему эту землю, но нынѣче оспариваютъ его право на нее. Мировой Съѣздъ, не давъ себѣ труда разобрать основательно все это дѣло, и только на основаніи голословнаго по-

Digitized by Google

казанія одной стороны, рѣшилъ, что земля эта должна отойти къ помѣщику, въ границахъ, указанныхъ согласно бывшаго въ прошломъ годѣ постановленія Миров. Посредн. Поморцева, вошедшаго въ законную силу. Но лучше всего это то, что самое постановленіе это составлялъ г-нъ Маевскій, который, воспользовавшись личнымъ составомъ Стар. Мир. Съѣзд., не особенно отличающимся опредѣленностью взгляда на дѣло, успѣлъ убѣдить д. г. членовъ, бывшихъ въ этотъ разъ на Съѣздѣ, что все это дѣло черезвычайно законно и просто, что объ немъ даже и спорить нечего. Словомъ, дѣло это рѣшилось въ силу нравственнаго насилія, которому подчинились д. г. члены Съѣзда, не въ гнѣвъ будь имъ это сказано, и рѣшилось какъ-то необдуманно, неправильно и неосновательно, какъ и скоро. Мировой Посредн. Карцевъ, въ участкѣ котораго состоитъ имѣніе Маевскаго, вмѣсто того, чтобы привести въ исполненіе постановленіе Мир. Съѣзда, съ которымъ онъ былъ вполнѣ тогда согласенъ, вслѣдствіе постоянной непослѣдовательности во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, а также черезвычайно легкаго и дѣтскаго взгляда на вещи, вздумалъ угодить крестьянамъ дер. Лазницъ, т.-е. объявилъ имъ, что они имѣютъ право воспользоваться этою землею на основаніи § 20 и 58 Мѣст. (Пол.), т.-е. какъ отрѣзанною землею отъ крестьянскаго надѣла, о чемъ и сообщилъ господину Маевскому оффиціальнымъ письмомъ за №, хотя съ примѣсью какихъ-то разсужденій о характерѣ господина Маевскаго; но что всего лучше, онъ привелъ въ этомъ письмѣ французское четверостишіе, совершенно не идущее къ дѣлу и дѣлающее изъ оффиціальнаго сношенія Мир. Посредн. съ помѣщикомъ смѣсь философскихъ разсужденій о нравственной природѣ человѣка, французскаго стихоплетства, словомъ tuti fruti, бросающаго самый невыгодный свѣтъ на человѣка, не понимающаго своего общественнаго призванія и до сихъ поръ не уяснившаго себѣ тотъ путь, по которому онъ долженъ идти для достиженія опредѣленной цѣли. Маевскій, затронутый въ своемъ самолюбіи, написалъ предлинное посланіе на Мир. Съѣздъ, преисполненное самыхъ ѣдкихъ вещей противъ личности Карцева, который, собственно говоря, имѣетъ недостатокъ вѣтренности, несмотря на свою старость, кромѣ того большую долю недѣятельности, непослѣдовательности и незнанія основныхъ началъ законоположенія о крестьянахъ. И такъ, дѣло Маевскаго, рѣшенное уже въ засѣданіи Мир. Съѣзда 4-го августа, снова всплыло вслѣдствіе жалобы на Карцева. Я былъ этому радъ, потому что, видя всю незаконность перваго рѣшенія Съѣзда, ничего не могъ сдѣлать, т.-е. не могъ подать моего мнѣнія; теперь же, когда дѣло это снова поднялось, не стѣсняясь предыдущихъ взглядовъ на него

Digitized by Google

Мир. Съѣзда, я могъ высказаться рѣшительно. Я старался доказать Съѣзду: во—1), что первое рѣшеніе его, примѣнившее къ этому дѣлу статью 74 Полож. о давности, неосновательно, потому-что предыдущія статьи касательно самыхъ рѣшеній Мир. Посред., т.-е. 67,—8.—9 и т. д. не были соблюдены; я хотѣлъ этимъ сказать, что я имѣю поводъ думать, что Мир. Посред. Поморцевъ никакого рѣшенія по этому дѣлу не дѣлалъ, и что вообще есть большое противорѣчіе между его письмомъ къ г. Маевскому, въ которомъ онъ извѣщаетъ его. что крестьяне дер. Лазницъ при предъявленіи имъ Устав. Грамоты въ присутствіи добросовѣстныхъ, добровольно согласились признать право помѣщика на землю подъ его усадьбу, между тѣмъ, если Уставная Грамота дѣйствительно предъявлялась, то долженъ быть обо всемъ этомъ протоколъ Мир. Посредн., чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Крестьяне, съ одной стороны, добровольно согласились признать право помѣщика на его усадьбу, съ другой же, есть приказъ Мир. Посредн., сохраняющійся по словамъ Маевскаго. въ волостномъ правленіи, коимъ воспрещается крестьянамъ препятствовать помѣщику сохранить его усадьбу, чѣмъ и прекратилось. опять по словамъ Маевскаго, насиліе крестьянъ, бывшее до того велико, что они прогнали землекоповъ. Словомъ, дѣло это, какъ видно, чрезвычайно запутано и потому требуетъ для своего уясненія болѣе подробнаго изслѣдованія. Во-2) я опровергъ достоинство документа, на основаніи коего г. Маевскій хотѣлъ доказать, что усадьба взята имъ даже до обнародованія Положенія, и что крестьяне на это были тогда согласны. Документъ этотъ есть не что иное, какъ домашній контрактъ, заключенный 1861 г. января 7 дня, въ коемъ говорится. что крестьяне обязаны за такую-то цѣну исполнить полностью работы по имѣющемуся строиться дому. И такъ какъ всякій договоръ обязателенъ для обѣихъ сторонъ настолько, насколько это въ немъ положительно и буквально выражено, то вывести изъ этого контракта право Маевскаго на усадьбу есть странная, громадная натяжка. Я не говорю ужъ о томъ, насколько обязательство это было дѣломъ добровольнымъ, потому что оно было принято во время существованія крѣпостного права, но идетъ еще далѣе того, что выражено въ договорѣ и юридически невѣрно, и по совѣсти несправедливо. Наконецъ, въ-3) я указалъ на то. что самъ мѣстный Мир. Посредникъ признаетъ эту усадьбу за землю пахотную крестьянъ, потому что примѣняетъ къ ней тѣ статьи Положенія. которыя относятся къ отрѣзной трети земли. Лично же на съѣздѣ Карцевъ объявилъ. что, кромѣ пашни на этой землѣ расположены всѣ крестьянскіе огороды. На всемъ вышеизложенномъ я выразилъ то мнѣніе, что земля эта, на основаніи §§ 4 Прав. о

Digitized by Google

Поряд. Прив. Полож. и 17 Мѣстн. Полож., должна поступить въ крестьянскій надѣлъ, и помѣщикъ не можетъ взять ее иначе подъ свою строющуюся усадьбу, какъ по добровольному съ крестьянами соглашенію, законнымъ образомъ засвидѣтельствованному. Характеристично то, что члены Мир. Съѣзда, вполнѣ сознавая, что мнѣніе мое справедливо, подтвердили свое предыдущее постановленіе. Побужденіе, руководившее ихъ въ этомъ случаѣ, есть къ несчастью, черта общая многимъ русскимъ, прожившимъ весь свой вѣкъ подъ вліяніемъ кумовства, непотизма и нежеланія сдѣлать непріятное человѣку, котораго знаешь; уѣздный же Предв. доводитъ эту житейскую мудрость до предѣловъ смѣшного и жалкаго угожденія и поблажки всѣмъ и вся. Онъ рѣшительно дивился моей смѣлости, моему современному взгляду на вещи, какъ онъ это называетъ, и когда я прибавилъ ему, что, несмотря на то, что мнѣніе мое въ этомъ дѣлѣ противъ Маевскаго, я не вижу никакой причины лично съ нимъ изъ за этого ссориться и даже при случаѣ заѣду къ нему по дорогѣ, то Норманскій ужаснулся, полагая, что я сдѣлался ни болѣе, ни менѣе какъ личнымъ врагомъ Маевскаго. Я, кажется, не успѣлъ убѣдить Норманскаго, что примѣшивать личныя отношенія въ дѣла общественныя нелѣпо, и что только тогда можно разорвать всѣ личныя сношенія съ знакомымъ человѣкомъ, когда изъ общественнаго дѣла, къ которому онъ причастенъ, будетъ явствовать нечестность этого человѣка; по моему же мнѣнію личныя отношенія сами по себѣ, а общественныя дѣла сами по себѣ, иначе въ наше время никому ничего нельзя будетъ сказать изъ боязни задѣть личность человѣка. Къ несчастью, мы не скоро привыкнемъ къ строгому раздѣленію личности отъ дѣла, т.-е. къ объективному взгляду на общественное дѣло вмѣсто субъективнаго, столь привычнаго намъ русскимъ. Другая странность или, правильнѣе говоря, отсутствіе чувства справедливости, которое я замѣтилъ, впрочемъ, не на одномъ Старорусскомъ Съѣздѣ, состоитъ въ томъ, что при обсужденіи Уставныхъ Грамотъ, неподписанныхъ крестьянами, т.-е. составленныхъ не по обоюдному согласію, а на основаніи правилъ Положенія, члены Мир. Съѣзда, стараясь сохранить хозяйственныя выгоды помѣщиковъ, желаютъ отступить отъ статей законоположенія, говоря, что это несоблюденіе такъ незначительно, и что тягость его, распадаясь на все число душъ сельскаго общества, дѣлаетъ для крестьянъ совершенно нечувствительнымъ отступленіе отъ закона. Я никакъ не могу убѣдить этихъ господъ, что весь вопросъ состоитъ здѣсь въ правѣ, а не въ пользѣ той или другой стороны, что мы не должны входить въ разсмотрѣніе пользы, а должны стоять за право, и что если помѣщикъ не успѣлъ поладить съ

Digitized by Google

крестьянами добровольно, т.-е. не успѣлъ составить такую Уставную Грамоту, которая была бы основана на хозяйственныхъ его соображеніяхъ, то Грамота дѣлается актомъ исключительно юридическимъ, и никто не можетъ лишать крестьянъ ихъ права, какъ бы оно ни было для нихъ незначительно, если только они добровольно его не уступятъ. На это обыкновенно возражаютъ, что крестьяне не понимаютъ въ настоящее время своихъ собственныхъ выгодъ и потому не соглашаются на то или другое, и что гораздо лучше заставить ихъ принять, напр., надѣлъ въ томъ видѣ, какъ онъ для нихъ лучше въ хозяйственномъ отношеніи, чѣмъ въ томъ, на который они имѣютъ юридическое право. Нужно замѣтить, что все это ни болѣе, ни менѣе какъ фразы, и что крестьяне отказываются отъ благодѣяній, навязываемыхъ имъ благодушными ихъ опекунами, именно изъ сознанія, что они лучше могутъ устроиться въ хозяйственномъ отношеніи при точномъ соблюденіи законоположенія, чѣмъ при отступленіи отъ него въ пользу помѣщика. Наконецъ, признавъ крестьянъ юридически полноправными и совершеннолѣтними, а не дѣтьми, лучше ихъ не опекать и постоянно не водить на помочахъ; разъ, другой ушибутся, но тѣмъ скорѣе выучатся держаться крѣпче на ногахъ. Еще говорятъ такъ: само Положеніе признаетъ, что вся земля принадлежитъ помѣщику, такъ неужели онъ не можетъ устроить свою собственность, какъ для него лучше. Я возражаю, что хотя земля и признана за собственность помѣщика, но это признаніе не исключаетъ крестьянъ изъ пользованія землею на основаніи юридическаго права, которое они сохранили теперь и постоянно имѣли на землю. Читая надняхъ статью Н. П. Семенова въ Русскомъ Вѣстникѣ за августъ «Освобожденіе крестьянъ въ Россіи и Пруссіи», я нашелъ въ ней историческіе доводы, подтверждающіе мою мысль, не говорю о юридическихъ, на основаніи которыхъ Семеновъ доказываетъ, что крестьяне имѣютъ юридическое право на обязательный выкупъ отъ помѣщика своей земли. Особенно интересенъ выводъ его, что выкупъ надѣла земли совершенно соотвѣтствуетъ духу нашего законодательства, и что права выкупа существуютъ въ нашемъ законѣ самостоятельно; такъ, напр., по силѣ его родственники пользуются правомъ выкупа родового имѣнія у посторонняго его покупщика, и если на отвлеченномъ понятіи о принадлежности къ одному роду создалось подобное право, при чемъ пользующіеся имъ не имѣютъ никакого прикосновенія къ самому выкупаемому имуществу, то нѣтъ сомнѣнія, что это право выкупа по справедливости можетъ быть распространено и на другой случай—для обращенія крестьянъ въ поземельныхъ собственниковъ. Понятно, что если крестьяне

Digitized by Google

наши имѣютъ уже право на выкупъ, то тѣмъ болѣе имѣютъ право на пользованіе землею. Я стараюсь доказать помѣщикамъ, что Уставная Грамота дѣлается исключительно актомъ юридическихъ отношеній помѣщика къ крестьянамъ, а не хозяйственныхъ, а потому она должна имѣть въ своемъ основаніи законъ, а не произволъ тамъ, гдѣ не воспослѣдовало обоюдное соглашеніе на этотъ счетъ; кромѣ того я всегда вижу, что гг. пом. очень крѣпко и близко держатся закону, когда дѣло идетъ о повинностяхъ крестьянъ, т.-е. о величинѣ оброка или барщины, но удаляются отъ него, по возможности, далеко, когда дѣло идетъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Для меня непонятны соображенія многихъ лицъ, говорящихъ, напр.,—въ этой деревнѣ приходилось на душу 4 или 3 десятины пашни, это слишкомъ много, а потому мы считаемъ дѣломъ справедливымъ отъ крестьянъ пашню отрѣзать; нужно замѣтить, что норма этого довольно (надѣла?) пашни чрезвычайно разнообразна по уѣздамъ; мнѣ приходилось слышать на Новгород. Мир. Съѣзд. глубокомысленное разсужденіе, что не болѣе 1 десят. на душу довольно, а потому помѣщикъ можетъ отрѣзать себѣ излишекъ ея, тѣмъ болѣе, что для цѣлаго общества этотъ отрѣзокъ не будетъ даже и замѣтенъ.

12-го октября.

Вслѣдствіе обнародованія манифеста о предстоящемъ рекрутскомъ наборѣ, во многихъ сельскихъ обществахъ нашихъ временнообязанныхъ крестьянъ поднялся очень серьезный вопросъ о квитанціяхъ, выданныхъ гг. помѣщиками (большею частью за денежную плату и иногда очень серьезную, т.-е. болѣе 1000 р.) нѣкоторымъ своимъ крестьянамъ въ томъ, что ими отбыто, или что они освобождены навсегда отъ рекрутской повинности. Подобнаго рода освобожденія или откупъ отъ рекрутства дѣлались богатыми крестьянами, занимавшимися торговлею, значитъ въ большихъ имѣніяхъ; такъ, напримѣръ, въ Зуровскомъ имѣніи, Старорусскаго уѣзда, подобныхъ квитанцій насчитываютъ около 50, на сумму около 30,000 р.; я слышалъ о томъ же самомъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Новгородскаго уѣзда, но въ нашемъ уѣздѣ пока еще не слышалъ. Понятно, что волостные сходы не могутъ и не примутъ подобнаго рода квитанціи за послугу, освобождающую семейство владѣльцевъ ихъ отъ рекрутской очереди, а потому весь вопросъ состоитъ въ томъ, какъ смотрѣть на такого рода дѣла по отношенію ихъ къ помѣщикамъ, выдавшимъ эти квитанціи. Люди, не имѣющіе привычки углубляться въ смыслъ вещей, отвѣчаютъ

Digitized by Google

на это очень скоро, примѣняя къ этому случаю Примѣчаніе 2 къ § 240 Общаго Полож., гдѣ сказано: что «по такимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ помѣщиковъ, кои совершались до обнародованія сего Положенія, въ силу существующихъ крѣпостныхъ отношеній начинать иски и жалобы крестьянамъ воспрещается». Другіе, смотря на это дѣло болѣе съ юридической точки зрѣнія, говорятъ такъ: рекрутскія квитанціи это есть не что иное, какъ договоръ, который имѣетъ свою силу до тѣхъ поръ, пока условіе, при которомъ онъ былъ заключенъ, продолжается, и такъ какъ онъ былъ заключенъ въ силу крѣпостныхъ условій, то и долженъ имѣть обязательство до тѣхъ только поръ, пока эти крѣпостныя условія продолжались. но такъ какъ въ настоящее время, помимо воли обѣихъ договаривавшихся сторонъ, крѣпостныя условія прекратились, то и самый договоръ этимъ кончается. Въ заключеніе они прибавляютъ, что помѣщики исполняли свой договоръ до тѣхъ поръ, пока они могли въ силу существовавшихъ крѣпостныхъ условій, но такъ какъ теперь они не могутъ продлить для себя этихъ условій, то для нихъ необязателенъ и самый договоръ. На оба вышеприведенные довода я постараюсь возразить нѣсколькими другими доводами, на мысль которыхъ, долженъ откровенно сознаться, напалъ я не самъ, а вслѣдствіе объясненія моего съ однимъ крестьяниномъ дер. Васильевщины имѣнія Зурова; крестьянинъ этотъ, объясняя мнѣ свое дѣло, поразилъ меня вѣрностью одного своего довода, въ который я потомъ вдумался и который развиваю теперь. Дѣйствительно, по силѣ § 240 Общ. Полож. крестьяне не имѣютъ права начинать иска и тяжбы по дѣламъ, совершеннымъ въ силу крѣпостныхъ отношеній; но это только по такого рода дѣламъ, которыя уже совершены, т.-е. закончены, а не по тѣмъ, которыя продолжаются еще до сихъ поръ. Помѣщикъ освободилъ крестьянина отъ рекрутства навсегда, значитъ, дѣйствіе это не совершено еще окончательно, т.-е. продолжается до настоящаго времени. Законъ не освящаетъ нѣкоторыхъ дѣйствій помѣщика, совершенныхъ въ силу крѣпостныхъ отношеній, если оно продолжается еще и теперь; такъ, напримѣръ, назначеніе всѣхъ поборовъ, стоновъ, даней совершено было въ силу крѣпостныхъ отношеній, но крестьяне, разумѣется, не имѣютъ права искать на прежнее время; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что подобное дѣйствіе помѣщика можетъ продолжаться и по обнародованіи Полож.; по этому дѣлу законъ прямо отмѣнилъ все это. Помѣщикъ лишилъ, т. напр., крестьянина его собственности, т.-е. отобралъ скотъ, домъ и т. п., дѣйствіе это закончено, и потому крестьянинъ не имѣетъ права искать на помѣщика; но если, напр., помѣщикъ бралъ для себя всегда половину изъ крестьянской

собственности. то такъ какъ это дѣйствіе хотя и началось въ силу крѣпостныхъ отношеній. но не завершено окончательно, потому-то и прекращается теперь. т.-е. крестьянинъ имѣетъ право иска на помѣщика. Возвращусь опять къ рекрутскимъ помѣщичьимъ квитанціямъ. Помѣщикъ освободилъ крестьянина навсегда отъ рекрутства, или далъ ему квитанцію въ томъ. что крестьянинъ отбылъ уже рекрутскую очередь; за это поручительство или принятое на себя обязательство со стороны помѣщика навсегда очищать крестьянъ отъ рекрутства крестьянинъ заплатилъ помѣщику деньги. Спрашивается, развѣ имѣютъ какое-нибудь значеніе измѣнившіяся обоюдныя ихъ отношенія, т.-е. прекращеніе крѣпостныхъ условій. На этомъ основаніи всякій договоръ можетъ оказаться несостоятельнымъ; я взялся. напримѣръ, по контракту выставлять на желѣзную дорогу такое-то число работниковъ и дѣлалъ это изъ своихъ крѣпостныхъ людей: неужели теперь, съ уничтоженіемъ крѣпостного права мой контрактъ съ агенствомъ желѣзной дороги для меня не обязателенъ. и неужели я не долженъ отвѣтствовать тѣмъ же самымъ числомъ людей, хотя они будутъ уже не изъ крѣпостныхъ, а вольнонаемные. На всемъ вышеизложенномъ я полагаю, что обязательство помѣщика по отношенію крестьянина, котораго онъ освободилъ. или, правильнѣе говоря, который самъ купилъ себѣ право освобожденія отъ рекрутства, не прекращается. т.-е. помѣщикъ обязанъ выполнять постоянно это обязательство, и именно потому, что принялъ его добровольно на свою отвѣтственность. Понятно, что здѣсь можетъ имѣть значеніе самое буквальное содержаніе подобныхъ квитанцій, и, разумѣется. если встрѣтятся такого рода квитанціи, гдѣ будетъ прямо сказано. что помѣщикъ освобождаетъ крестьянина отъ рекрутства до тѣхъ поръ, пока это отъ него лично зависитъ или срочно; но въ этомъ случаѣ помѣщикъ выполнилъ свое обязательство передъ крестьяниномъ именно потому, что онъ оговорился, что беретъ его на себя не безусловно и не навсегда. Я не говорю. чтобы помѣщики обязаны были возвратить крестьянамъ взятыя съ нихъ деньги; они совершенно не обязаны этого дѣлать, если только этимъ путемъ добровольно они взаимно не освободятъ себя отъ своего взаимнаго обязательства. Мнѣ извѣстно, что въ наше губернское Присутствіе подано отъ крестьянъ около сотни прошеній о подобнаго рода рекрутскихъ квитанціяхъ, выданныхъ помѣщиками; интересно знать, какъ посмотрятъ на этотъ вопросъ члены нашего присутствія; впрочемъ, можно напередъ сказать, имѣя многіе другіе образцы недѣятельности ихъ, что они не дадутъ себѣ труда всесторонне обсудить дѣло. а, поговоривъ о немъ поверхностно, безъ дальныхъ разсужденій подчинятся мнѣнію какого-

Digitized by Google

нибудь одного члена, который такъ или иначе выскажется объ этомъ, давъ себѣ небольшой трудъ подумать объ этомъ и составить письменно какую-нибудь резолюцію. Словомъ, участь этого вопроса зависитъ отъ случайности, что не рекомендуетъ, разумѣется, наше Присутствіе съ хорошей стороны. Я имѣлъ случай убѣдиться на себѣ, т.-е. испытать лично поверхностность рѣшеній, принимаемыхъ Присутствіемъ по вопросамъ, которые представляются туда для разъясненія. Въ прошлый мѣсяцъ я предлагалъ Присутствію разрѣшить вопросъ о возможности отступленія въ Уставныхъ Грамотахъ отъ § 54 Мѣст. Полож., недозволяющихъ отрѣзать крестьян. пашни; я сдѣлалъ это, имѣя въ виду 8 Уставныхъ Грамотъ, неправильно утвержденныхъ Новгородскимъ Мир. Съѣздомъ, и представилъ это дѣло въ такомъ видѣ, что считаю дѣломъ справедливости распространить право отступленія отъ этой статьи Положенія на всѣ уѣзды, потому что послѣдствія законоположенія должны быть повсемѣстно одни и тѣ же. Губернское Присутствіе отвѣчало мнѣ уклончиво, до наивности, т.-е. написало полъ листа, ничего не сказавъ; и когда я говорилъ объ этомъ съ нѣкоторыми членами Губерн. Присутствія, то они завѣряли меня, что съ мнѣніемъ моимъ согласны, но изъ какихъ-то побужденій нерѣшительности, словомъ, изъ тѣхъ же самыхъ побужденій, которыя преобладаютъ на Старорусскомъ Мир. Съѣзд. и которыя я описалъ недавно, они не сдѣлали того, что слѣдовало было сдѣлать, т.-е. или прямо отвергнуть, или прямо одобрить мое мнѣніе.

13-го октября.

Приближающійся Демянскій Мир. Съѣздъ вызвалъ въ нашей мѣстности въ средѣ помѣщиковъ громкія жалобы и порицанія дѣятельности Мир. Посредника Пущина, на котораго, по словамъ этихъ недовольныхъ лицъ, собирается туча жалобъ на Съѣздъ. Въ настоящее время, не зная во всей подробностей, въ чемъ именно состоятъ эти жалобы гг. помѣщиковъ, кромѣ того слыша одну только сторону, которая, по свойственному каждому человѣку сознанію своей правоты, не столько желаетъ выставить свое дѣло, какъ справедливое, но и въ самомъ дѣлѣ считаетъ себя внѣ всякаго обвиненія, я ничего не могу сказать ни въ пользу, ни противъ той или другой стороны. Тѣмъ не менѣе коротко знакомый мнѣ характеръ дѣятельности Пущина даетъ мнѣ право обвинить его въ чрезвычайной медлительности, неповоротливости, неоконченности, поверхностности во всѣхъ его распоряженіяхъ; будучи человѣкомъ не молодымъ, отъ природы вялымъ и отъ деревенской жизни рас-

Digitized by Google

пущеннымъ, даже въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, очень естественно, что его характеръ отражается и въ его общественной дѣятельности, порождая справедливыя сѣтованія и жалобы лицъ, дѣйствительно терпящихъ вслѣдствіе такого соннаго, медленнаго движенія дѣлъ, отъ быстраго исполненія которыхъ зависитъ часто благосостояніе заинтересованныхъ лицъ и вообще порядокъ и спокойствіе въ участкѣ. Большая часть жалобъ на Пущина состоитъ въ томъ, что ни по одному рѣшенному имъ дѣлу, касается ли это взысканья оброка, или штрафа за порубку, вы не дождетесь фактическаго исполненія; на бумагѣ, т.-е. въ писаніи, все сдѣлано, какъ слѣдуетъ; написано, напримѣръ, чтобы и оброкъ былъ внесенъ къ такому-то числу, но ожиданіе ваше исполненія этого рѣшенія часто совершенно напрасное. Всѣ винятъ Пущина въ неблагонамѣренномъ послабленіи, а я просто вижу одну лѣнь, написать или продиктовать своему письмоводителю равно ничего не стоитъ, но для того, чтобы настоять на исполненіи, нуженъ характеръ, сила воли и энергія, которыхъ у него нѣтъ; потомъ нужна заботливость, но гдѣ же ее взять для чужыхъ дѣлъ, когда и свои постоянно двигались черезъ пень колоду. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось видѣть промахи Пущина, и иногда въ очень серьезныхъ его распоряженіяхъ, происходящіе отъ какой то необдуманности и вѣтренности, но болѣе всего онъ грѣшитъ въ неисполнительности, что происходитъ частью отъ худо понятой имъ доброты сердца, частью отъ вялости характера. Въ настоящее время я энергически преслѣдую дѣло порубки, сдѣланной крестьянами деревни Теплынки и еще у двухъ сосѣднихъ съ нашей дачей помѣщиковъ; не знаю, чѣмъ все это разыграется, но я не уступаю слабости и вялости Пущина и доведу дѣло до конца. Изъ предыдущей характеристики личности Пущина видно, что я далекъ отъ тѣхъ выводовъ, которые дѣлаютъ по отношенію его наши помѣщики, прямо обвиняющіе его въ нечестности. Дѣло въ томъ, что гг. эти ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ, выбравши Пущина Мировымъ Посредникомъ; они понадѣялись на высказываемые имъ въ то время убѣжденія и взгляды его касательно освобожденія крестьянъ, но они не разсчитали одного, что нужна сила воли и характеръ, чтобы провести какое бы ни было убѣжденіе, а на однихъ словахъ самое лучшее убѣжденіе безплодно. По поводу вышеизложенныхъ обстоятельствъ я скажу, что, по моему возрѣнію, соотвѣтствіе характера съ убѣжденіями необходимы для всякаго человѣка, имѣющаго въ своихъ рукахъ судебно-административную власть, а потому мой идеалъ Посредника есть тотъ, когда онъ съ одной стороны наивозможно шире, гуманнѣе смотритъ на законъ, по отношенію примѣненія его къ крестьянамъ,

Google

но зато съ другой стороны наивозможно строго преслѣдуетъ исполненіе и соблюденіе закона. Занятый разными второстепенными вопросами, я до сихъ поръ не успѣлъ еще почтить словомъ полнаго сочувствія и свѣтлыхъ ожиданій, которыми преисполнены всѣ мы, недавно прочитавшіе въ газетахъ о проектѣ коренныхъ преобразованій, ожидаемыхъ въ скоромъ времени Россіей какъ въ своемъ судоустройствѣ, такъ и въ своихъ земскимъ учрежденіяхъ. Ежедневная, насущная потребность въ подобной реформѣ давно чувствовалась всѣми, но она никогда не была такъ настойчива и такъ необходима, какъ съ тѣхъ поръ, когда Россія, сбросивъ съ себя устарѣлую хламиду крѣпостного права, осталась въ наготѣ, преисполнившей ее чувствамъ стыдливости предъ второй половиной XIX столѣтія и по наступленіи тысячу перваго года своего возраста. Остаться при старой формѣ суда и со старой администраціей, основанною на крѣпостномъ началѣ,—невозможно; при такомъ порядкѣ вещей выигрываютъ одни мошенники, постоянно увертывающіеся отъ правосудія и всегда оставляемые въ сильномъ подозрѣніи, выигрываютъ взяточники, казнокрады и низкопоклонники, словомъ люди, составляющіе позоръ благоустроеннаго общества. Безъ сомнѣнія, въ обществѣ, предоставленномъ самому себѣ, восторжествуютъ начала добра, истины и справедливости, а не тѣ гнусныя начала, которые проникли во всѣ суставы нашего отравленнаго общественнаго организма.

27-го октября.

Демянскій Мир. Съѣздъ, начинавшійся въ нынѣшній разъ 20 числа, продолжался до 25. Пріѣхавшихъ помѣщиковъ было довольно много, что произошло такъ же какъ и въ прошломъ годѣ, вслѣдствіе большого досуга, которымъ пользуются въ этотъ періодъ времени всѣ сельскіе хозяева. Дѣла было также не мало, но они имѣли нѣсколько другой характеръ, чѣмъ въ прошломъ годѣ. Претензіи помѣщиковъ въ прошломъ годѣ болѣе или менѣе проистекали отъ барщиннаго труда, т.-е. состояли въ жалобахъ на барщинные прогульные дни и на дурную издѣльную работу крестьянъ; нынѣче же общій характеръ жалобъ помѣщиковъ сосредоточенъ на Уставныхъ Грамотахъ, правильнѣе говоря, нынѣче истцами являются болѣе крестьяне, которые, будучи недовольны надѣломъ земли, отводимымъ имъ по Уставнымъ Грамотамъ, жалуются на помѣщиковъ. Оброчныя недоимки или вообще уклоненія крестьянъ отъ платежа оброка составляло также предметъ жалобъ помѣщиковъ; самая рельефная жалоба въ этомъ смыслѣ была жалоба со

стороны г-жи барышни Загарипой, которая лично пледировала свое дѣло, подавъ предварительно длинное прошеніе на Мир. Посредника Пущина, котораго она укоряла въ пристрастіи по отношенію своей персоны и просила отстранить его отъ своего имѣнія. Сущность жалобы, т.-е. оброчная недоимка на крестьянахъ, совершенно справедлива и рекомендуетъ вялость и соблюденіе одной только формальной стороны въ дѣятельности Пущина, какъ мирового посредника. Онъ писалъ, и неоднократно, объ взысканіи недоимки въ земскую полицію, и по закону онъ совершенно правъ; посредникъ можетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію въ этого рода дѣлахъ, т.-е. можетъ обратиться или къ сельскимъ властямъ, или въ земскую полицію для понужденія крестьянъ къ уплатѣ; но всякій, кто знаетъ недѣятельность нашей полиціи, особенно по такого рода дѣламъ, гдѣ нѣтъ для нихъ поживы, долженъ для пользы дѣла дѣйствовать избѣгая земскую полицію, и въ этомъ отношеніи я положительно обвиняю Пущина. Мировой посредникъ можетъ гораздо успѣшнѣе понудить крестьянъ чрезъ волостного старшину и старостъ къ уплатѣ оброка; правда, для этого нужно характеръ и энергію, но безъ этихъ свойствъ посредникъ лишается возможности выполнять свое призваніе какъ слѣдуетъ. Въ настоящее время судебная сторона дѣятельности посредника уходитъ на второй планъ, т.-е. уступаетъ свое мѣсто распорядительной сторонѣ, и дѣйствительно, когда взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ точно опредѣлены по Уставнымъ Грамотамъ, обязанность посредника состоитъ въ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ взаимныхъ обязанностей двухъ сторонъ, и, если онъ упускаетъ изъ вида, что самое главное есть не теоретическое опредѣленіе правъ и обязанностей, а фактическое ихъ осуществленіе, то, по моему мнѣнію, онъ не выполняетъ своего общественнаго призванія. Нужно пріучить народъ къ строгому соблюденію всякаго договора, нужно внушить ему уваженіе къ закону, иначе произволъ дѣлается пагубной привычкой, нетерпимой ни въ какомъ благоустроенномъ и прочно стоящемъ обществѣ. Долгъ справедливости обязываетъ меня сказать, что М-lle Загарина была совершенно права въ своей жалобѣ на оброчную недоимку, но я далекъ отъ того, чтобы оправдывать ее въ другихъ пунктахъ прошенія; особенно я ставлю ей въ вину общій тонъ ея жалобы, несовмѣстный вообще съ самыми скромными требованіями приличія, которое тѣмъ болѣе обязательно для барышни, имѣющей несоизмѣримо большія притязанія на comme il faut. Я хорошо знаю, насколько истинная благовоспитанность далека отъ привычекъ этой особы, тѣмъ не менѣе я не ждалъ, что она публично выкажетъ себя въ столь невыгодномъ свѣтѣ. Въ настоящій съѣздъ я пись-

Digitized by Google

мною предложилъ на обсужденіе гг. мировыхъ посредниковъ мое мнѣніе о правѣ иска крестьянъ на помѣщиковъ по выданнымъ имъ въ прежнее время рекрутскимъ квитанціямъ за деньги. Мнѣніе мое препровождено также и въ Старорусск. и Новгород. Мпр. Съѣзды. въ уѣздахъ которыхъ, собственно говоря, вопросъ этотъ и имѣетъ для крестьянъ большую важность, особенно въ виду обнародованія манифеста о рекрутскомъ наборѣ. Я не стану излагать здѣсь мой взглядъ на дѣло,—онъ выраженъ въ отношеніяхъ моихъ за № 47—8—9. Демянскій Съѣздъ почти согласился со мной, посредникъ Фрикенъ во всѣхъ подробностяхъ моего воззрѣнія на дѣло. другіе же посредники болѣе узкимъ образомъ, т.-е. они признали только, что § 24 Общаго Полож. не примѣнимъ къ этого рода дѣламъ. Завтра 28 числа у насъ вокругъ по деревнямъ праздникъ, такъ называемый Прасковья Пятница; народъ будетъ гулять дня три, позабывъ все и отдавшись безсознательно веселью и пиву.

28-го октября.

Мнѣ кажется довольно вѣрнымъ нижеслѣдующее финансовое соображеніе. Со времени освобожденія крестьянъ, или. вѣрнѣе говоря, со времени уничтоженія барщиннаго труда и повсемѣстнаго замѣненія его вольнонаемнымъ трудомъ, та громадная масса денежныхъ бумажныхъ знаковъ. т.-е. нашихъ кредитныхъ бумажекъ, которыя гнели своей тяжестью нашъ денежный рынокъ и тѣмъ производили вздорожаніе всѣхъ предметовъ, т.-е. упадокъ цѣнности самыхъ денегъ,—найдутъ себѣ мѣсто и употребленіе во вновь открывшихся экономическихъ спошеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ. Дѣйствительно, если взять самую ограниченную мѣстность, то сколько понадобилось теперь денежныхъ знаковъ, чтобы произвести на нихъ обмѣнъ крестьянскаго труда; этотъ новый спросъ требуетъ не малую цифру денежныхъ знаковъ. которые. временно переходя въ руки крестьянъ въ видѣ поденной уплаты за сѣнокосъ и жниво, и. наконецъ, въ видѣ найма постоянныхъ работниковъ. снова возвращается въ руки помѣщиковъ въ видѣ оброковъ. платы за снятыя земли и т п. Я не говорю уже о томъ, что съ уничтоженіемъ барщины. крестьяне, дѣлаясь досужнѣе, должны нанимать себѣ лишніе покосы и арендовать поля, съ другой стороны. дѣлаясь вообще богаче. тратятъ больше денегъ на покупку себѣ разныхъ вещей. нарядовъ и т. д. Словомъ, если припомнить прежніе годы, то крестьяне почти никогда не имѣли у себя денегъ. и весь обмѣнъ взаимныхъ услугъ производился безъ помощи денежныхъ знаковъ; я

не говорю, разумѣется, о торговыхъ людяхъ изъ крестьянъ, которые постоянно нуждались въ деньгахъ при своихъ сношеніяхъ съ городскими купцами. Справедливость моего соображенія подтверждается еще слѣдующимъ замѣчаніемъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ крестьяне, не имѣя нужды въ деньгахъ, никогда не знали и не понимали счета на нихъ; нынче всякая баба стала бойко считать и узнавать деньги, о которыхъ сперва не имѣла ровно никакого представленія; даже дѣти, и у тѣхъ на рукахъ бываютъ нерѣдко гривенники и пятиалтынные, и они стали отличать, что больше и что меньше. Мнѣ не очень давно приходилось платить деньги за ягоды, и я всегда видѣлъ, что продавецъ ихъ, нерѣдко совершенно взрослая дѣвушка, больше прельщалась количествомъ, т.-е. числомъ данной ей монеты, чѣмъ ея цѣнностью; нынче всякая дѣвушка отличаетъ бо́льшее отъ меньшаго, хотя попадались и теперь еще совершенно невинныя бабы въ этомъ отношеніи. И такъ, я думаю, что лишніе денежные знаки, тяготѣвшіе надъ нашими финансами и составляющіе коренное наше зло, со времени ихъ чрезмѣрнаго выпуска въ періодъ восточной войны, найдутъ себѣ употребленіе и станутъ въ уровень съ вновь зародившимися экономическими сношеніями 20 милл. нашихъ крестьянъ. Я постараюсь со временемъ на основаніи мѣстныхъ данныхъ выразить цифрою, сколько потребовалось, напримѣръ, у насъ лишнихъ денежныхъ знаковъ, и по одному этому частному соображенію можно уже будетъ судить и объ общемъ.

31-го октября.

Я обходилъ сегодня нашу пустошь, такъ называемую Красную Гору, для опредѣленія межи со стороны земли Манкошевыхъ крестьянъ и, бесѣдуя съ двумя бывшими со мной крестьянами деревни Лаптево, я убѣдился еще болѣе, что взаимныя отношенія самихъ крестьянъ, отношенія, не выдающіяся наружу, вслѣдствіе ихъ прикрытія равенствомъ, заведеннымъ обычаемъ во внѣшнемъ обращеніи крестьянъ другъ съ другомъ, основаны на несправедливости и на торжествѣ права сильнаго, т.-е. на преимуществѣ богатства передъ бѣдностью. Одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ Манкошевскій крестьянинъ съ горечью разсказывалъ мнѣ, какъ его обижаетъ ихъ староста; и не только въ передѣлахъ земли, но и въ размѣрѣ платимаго ими тягловаго оброка; онъ платитъ, напримѣръ, на 3 тягла въ годъ 105 р., тогда какъ сельскій староста на то же число тяголъ платитъ только 75 р., а земли держитъ больше. Другой мой собесѣдникъ, нашъ крестьянинъ, фактически доказывалъ

Digitized by Google

мнѣ, сколько бѣдные мужики терпятъ отъ богачей, отъ великоумныхъ, «а нашъ малый умъ нигдѣ не спрашиваютъ, а зато, что мы бѣдны». Дѣло въ томъ, что я имѣлъ споръ съ крестьянами его деревни насчетъ надѣла земли по Уставной Грамотѣ; и теперь оказывается, что все это устроили два, три мужика, вопреки желанія большинства крестьянъ, которые хотѣли получить полный надѣлъ, но молчали и согласились съ богатыми взять уменьшенный надѣлъ, который поставилъ ихъ въ стѣсненное и трудное положеніе необходимости покупать себѣ землю за деньги, которыхъ они, разумѣется, не имѣютъ. Мои собесѣдники приводили мнѣ много разныхъ фактовъ, которые доказываютъ, что есть общіе недостатки, присущіе человѣческой природѣ, несмотря на различіе сословій и положенія въ обществѣ. Крестьяне до того напуганы разными несправедливостями, что боятся того же самаго въ дѣлѣ назначенія рекрутъ, о чемъ разспрашивали меня. Безъ сомнѣнія, дѣло это не обойдется безъ несправедливости, но гораздо лучше, если оно происходитъ въ обществѣ при самостоятельности его, чѣмъ при опекѣ свыше, къ чему крестьяне до того привыкли, что прибѣгаютъ къ покровительству такъ называемыхъ властей въ дѣлахъ, исключительно предоставленныхъ ихъ самоуправленію. Дѣло объ оброчной недоимкѣ крестьянъ деревни Шепелево много объясняется крайнею бѣдностью этихъ крестьянъ, однихъ изъ самыхъ бѣдныхъ въ нашей мѣстности; волостной старшина показывалъ мнѣ опись ихъ имущества, изъ коей видно, что скота мало, хлѣба почти нѣтъ, словомъ, положеніе дурное, и я не знаю, какимъ способомъ крестьяне эти будутъ вообще состоятельны въ уплатѣ оброка, пока время не поправитъ, т.-е. не улучшитъ ихъ положенія. Всѣ подобные крестьяне вообще лѣнивы, не думаютъ о будущемъ и не желаютъ улучшенія своего положенія, довольствуясь самымъ необходимымъ; изъ деревни Шепелево многіе крестьяне состоятъ теперь въ работникахъ у помѣщиковъ, тогда какъ крестьяне побогаче, дома занимаясь пашнею, выручаютъ деньги отъ продажи овса и, уплачивая этимъ оброкъ, живутъ зажиточно.

17-го ноября.

Я возвратился, со Старорусскаго Мир. Съѣзда, бывшаго въ первыхъ числахъ сего мѣсяца, и вывезъ оттуда непріятное сознаніе, что въ Россіи многія коллегіальныя учрежденія, вслѣдствіе равнодушія членовъ его къ общественнымъ интересамъ и нѣкоторой лѣности заняться дѣломъ серьезно, снизводятся на практикѣ на степень единоличнаго учрежденія, гдѣ всѣ дѣла и вопросы рѣ-

Digitized by Google

шаются однимъ лицомъ, на долю котораго падаетъ, разумѣется, тогда вся тяжесть разсмотрѣнія дѣлъ и весь личный произволъ рѣшать ихъ по своему благоусмотрѣнію. Старорусскій Мировой Съѣздъ по составу своихъ членовъ именно и принадлежитъ къ числу коллегіальныхъ учрежденій на бумагѣ, т.-е. въ подписи постановленій и журналовъ и единоличныхъ въ сущности. Но нѣтъ ничего труднѣе и тяжелѣе, какъ роль единично дѣйствующаго члена среди другихъ членовъ, равнодушно смотрящихъ на дѣло, готовыхъ легко принять и согласиться со всякимъ мнѣніемъ, не имѣющихъ ни прочныхъ убѣжденій, ни постоянно принятаго образа мыслей и воззрѣній, а блуждающихъ то въ одну, то въ другую сторону, по волѣ случая, а главное, по волѣ одного дѣйствующаго лица. Въ нынѣшнее засѣданіе было очень много дѣлъ для разбора и разсмотрѣнія, и такъ какъ всѣ члены Съѣзда именно принадлежатъ къ категоріи равнодушныхъ и лѣнивыхъ къ дѣлу, то весь матеріальный трудъ, какъ самаго разбора ихъ и составленія постановленій, такъ и направленія дѣлъ лежалъ, по несчастью, на мнѣ. Несостоятельность убѣжденій гг. членовъ Съѣзда также поразительна; никто изъ нихъ никогда не думаетъ защищать своего воззрѣнія на предметъ; всякій выжидаетъ, что скажетъ другой; всякій радъ, если кто-нибудь выскажется напередъ, чтобы можно было бы упереться на готовое мнѣніе безъ труда размышленья. Благодаря такому составу членовъ Съѣзда, не трудно провести въ немъ то или другое воззрѣніе и осуществить желаемое рѣшеніе дѣла, что и было, напр., сдѣлано мной по вопросу помѣщичьихъ рекрутскихъ свидѣтельствъ, но зато въ дѣлахъ запутанныхъ, гдѣ нужно разнообразное воззрѣніе и всесторонній разборъ, тамъ необыкновенно трудно для одного лица принять на себя всю отвѣтственность правильности рѣшенія дѣлъ, а также непріятно сознаніе, что личная ошибка, никѣмъ неостановленная, можетъ повести къ неправильному рѣшенію. Запутанный вопросъ съ землемѣрами, нанятыми отъ Мир. Съѣзда, принадлежалъ именно къ числу такихъ тяжелыхъ дѣлъ, разборъ котораго сдѣланъ былъ мною, единолично, несмотря на крайнее нежеланіе мое взять на себя одного роль судьи. Меня удивляетъ кромѣ того малое знакомство гг. Старорусскихъ посредниковъ съ надлежащимъ духомъ ихъ призванія; такъ, напр., посредникъ Карцовъ производитъ слѣдствіе по дѣламъ уголовнымъ, до его круга дѣятельности совершенно неотносящимся, между тѣмъ не исполняетъ своихъ прямыхъ обязанностей — я насилу могъ убѣдить его въ вопіющей неправильности его образа дѣйствій; его ночные наѣзды по деревнямъ съ цѣлью наблюденья за ночными караульными, его штрафы, налагаемые на неисправныхъ караульныхъ, до смѣшного

Digitized by Google

странны. хотя благонамѣренны; онъ удерживалъ, напр., одного двороваго человѣка, получившаго увольнительный актъ, во временнообязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, на томъ основаніи, что онъ соприкосновененъ къ дѣлу объ изведеніи у г-на своего лѣсной дачи, значитъ дѣлу уголовному, по которому Карцовъ, неизвѣстно по какой причинѣ, пропзводитъ самъ слѣдствіе. Всѣ эти промахи происходятъ отъ того, что онъ считаетъ себя *начальникомъ* своего участка, т.-е. лицомъ, совмѣщающимъ въ себѣ всѣ роды властей: административную, полицейскую и судебную; словомъ, онъ видитъ въ себѣ какого-то падишаха, правда, дѣйствующаго съ цѣлью благонамѣренною, но все-таки падишаха; я довольно ясно высказалъ Карцову объ истинномъ значеніи и характерѣ его дѣятельности, понимаемой имъ теперь ложно, отъ незнанія Положенія и отъ неправильнаго воззрѣнія на призваніе мир. посредника. Подобные промахи, хотя не столь рѣзкіе, встрѣчаются и у другихъ мир. посредниковъ; причина этого все одна и та же, а именно та, что гг. эти задаются начальническимъ тономъ, считаютъ себя начальниками участковъ, а потому вмѣшиваются не въ свое дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ упускаютъ изъ вида дѣйствительное свое назначеніе. Какъ я уже сказалъ, вопросъ о помѣщичьихъ рекрутскихъ свидѣтельствахъ былъ разрѣшенъ на старорусскомъ Мир. Съѣздѣ согласно моего мнѣнія; но дѣло это не обошлось безъ нѣкотораго столкновенія съ Предсѣдателемъ Съѣзда, который, вслѣдствіе постоянной перѣшительности своего характера и привычки всякое рѣшеніе, нѣсколько серьезное, удерживать въ оттяжку, не для выигрыша времени, а просто изъ страха сдѣлать шагъ въ ту или другую сторону и изъ желанія постояннаго, невозмутимаго statu quo,—вздумалъ-было въ минуту объявленія нашего рѣшенія крестьянамъ считать вопросъ этотъ еще неразрѣшеннымъ, а также заявилъ невозможность объявленія его тотчасъ же крестьянамъ, не сказавъ, однако, когда же можно будетъ имъ это объявить. Я протестовалъ, говоря, что крестьяне вызваны нарочно для этого на Съѣздъ, что они третій день живутъ въ городѣ и должны получить тотъ или другой отвѣтъ, хотя бы это былъ бы и отказъ, но времени терять нельзя, рекрутство близко, и нужно такъ или иначе рѣшить дѣло крестьянамъ, чтобы дать имъ возможность и время идти дальше. Аргументація моя подѣйствовала, и крестьянамъ было объявлено наше постановленіе, состоявшееся въ ихъ пользу, т.-е. въ томъ, что съ 55 года за подобныя свидѣтельства помѣщики обязаны возвратить крестьянамъ взятыя съ нихъ деньги, а съ 40 года свидѣтельства эти должны быть зачтены крестьянамъ за рекрутскую послугу. Крестьяне взяли копію съ нашего постановленія и отправились въ Новгородъ въ

Digitized by Google

Губерн. Присутствіе для окончательнаго рѣшенія своей участи. Нужно сказать, что Губер. Присутствіе отказало уже многимъ крестьянамъ въ подобнаго рода искѣ на основаніи § 24 Общаго Положенія; и я боялся той же участи и по Старор. уѣзду, а потому думалъ увидѣться съ членами Губер. Присутствія и убѣдить ихъ, что они должны согласиться съ нашимъ взглядомъ на подобные иски со стороны крестьянъ. Къ счастью, прибывъ въ Новгородъ, я узналъ, что министерство предписало гг. Предводителямъ дворянства внушить гг. помѣщикамъ, чтобы они удовлетворили бы крестьянъ, иначе при формальномъ разборѣ подобныхъ дѣлъ, никогда не бывшихъ законными, даже при крѣпостномъ правѣ, помѣщики отвѣтятъ по закону. Губернское присутствіе, эти генералы отъ Мировыхъ учрежденій, не давши себѣ раньше труда поразмыслить хорошенько объ этомъ дѣлѣ, т.-е. въ томъ отношеніи, насколько оно будетъ несправедливо по отношенію крестьянъ, если имъ будетъ отказано по § 24 Общаго Пол., теперь же сразу согласились съ министерствомъ. Если многія губерніи, уйдя дальше нашего правительства по пути либеральныхъ требованій, жалуются на правительство въ томъ, что оно удерживаетъ ихъ движеніе впередъ, то наша губернія такъ отстала, что правительство принуждено подталкивать ее на пути современныхъ улучшеній и реформъ. У насъ можно считаться краснымъ и опаснымъ, т.-е. крайнимъ либераломъ за то только, что, не отступая отъ пути, указаннаго правительствомъ, настаивалъ, чтобы все, что опредѣлено нынче закономъ, соблюдалось бы въ точности. Я тысячу разъ имѣлъ случай это видѣть и испытать въ сферѣ примѣненія законоположенія 19 февраля.

18-го ноября.

Недавно я прочиталъ въ сентябрской книжкѣ Русскаго Вѣстника прекрасную статью подъ заглавіемъ «Замѣтка о хозяйственномъ положеніи Россіи». Вполнѣ соглашаясь со всѣми выводами и заключаніями ея, я не считаю себя, однако, компетентнымъ судьей въ чисто финансовыхъ положеніяхъ ея, а потому, не останавливаясь на этомъ пунктѣ, скажу, что, по моему мнѣнію, самое важное замѣчаніе ея есть то, что мы, т.-е. Россія, «бѣдны, хотя, уповая на количественное обиліе земли, считаемъ себя богатыми». Ежедневно изъ общенія моего съ крестьянами я могу провѣрить вѣрность этого положенія: крестьяне наши только и уповаютъ, что на количество земли и, безъ сомнѣнія, придетъ время, когда они разочаруются и увидятъ свою ошибку. Другое замѣчаніе этой

Digitized by Google

статьи, относящееся, повидимому, исключительно къ дворянскому, вообще къ высшимъ сословіямъ государства, должно, по моему мнѣнію, имѣть примѣненіе и къ крестьянамъ; именно: въ Россіи жизнь была дешева, пока она была неприхотлива, но, познакомившись съ европейскою роскошью, мы стали больше тратить, а производимъ то же, что и производили, вслѣдствіе чего мы сдѣлались бѣднѣе и стѣсненнѣе въ своемъ денежномъ положеніи. У крестьянъ нашихъ, особенно со времени ихъ освобожденія, явились новыя потребности и нужды, и потому, чтобы удовлеторить имъ, они должны будутъ или усилить свой трудъ, или сдѣлать его болѣе производительнымъ, чѣмъ донынѣ, т.-е. должны будутъ заниматься хозяйствомъ, держась разсчета и имѣя барышъ, а не переносить только сѣмена изъ одного поля въ другое, какъ многіе дѣлаютъ это теперь. Безъ этого измѣненія положеніе крестьянъ должно ухудшиться; бывало, всѣ повинности ихъ отбывались натурой, а теперь деньгами, а чтобы достать ихъ, нужно имѣть разсчетъ и заботу. Сегодня еще я проговорилъ цѣлые часы съ приходящими ко мнѣ крестьянами и вижу, что они начинаютъ предчувствовать, что оставаться по старому для нихъ невозможно, и что освобожденіе ихъ сдѣлало всеобщій переворотъ въ экономическомъ положеніи всѣхъ. И хотя они, разумѣется, не могутъ формулировать себѣ сдѣланнаго ими замѣчанія въ ясное и отчетливое представленіе, тѣмъ не менѣе они видятъ, что есть какая-то перемѣна, противъ которой нужно что-нибудь да предпринять. Обыкновенно они говорятъ такъ: «что не знаютъ, какъ быть теперь, что за все нужно платить деньги, а за работки какъ-то сдѣлались туги и рѣдки». — Кромѣ того они видятъ, что у всѣхъ стало теперь меньше денегъ, и чтобы добыть ихъ, явилась конкуренція между лицами, ищущими ихъ. Объясняя имъ общій вопросъ и указывая имъ на общій путь и лучшій исходъ, я, разумѣется, не могу указать имъ въ частности, что́ нужно сдѣлать каждому изъ нихъ, а потому я и не могу удовлетворить ихъ; крестьяне, будучи людьми по преимуществу практическими, ожидаютъ, что я укажу каждому изъ нихъ, гдѣ и какъ онъ можетъ добыть себѣ деньги. Нынѣшнюю зиму трудъ сталъ дешевѣть, т.-е. работники стали являться во множествѣ, значитъ и цѣна на нихъ понизилась; на всякую работу является много желающихъ, такъ, напримѣръ, я нанимаю возить лѣсъ, и у меня ежедневно на перебой требуютъ этой работы, считая ее выгодной, особенно потому, что «дѣло домашнее».— Я положительно убѣжденъ, что наши туземные работники, очень непріятный народъ въ первое время по заведеніи нами вольнонаемнаго труда, скоро перемѣнятся къ лучшему, и что не будетъ больше

Digitized by Google

той настоятельной надобности выписывать нѣмецкихъ рабочихъ, какъ сдѣлалъ уже у насъ Шестаковъ. и какъ думаетъ сдѣлать Казинъ. Собственно наши работники много сдѣлались лучше противъ того, что они были въ началѣ.

20-го ноября.

Въ послѣдніе два дня крестьяне наши во множествѣ приходили ко мнѣ преисполненные страха и заботъ относительно назначенія ихъ въ рекруты. Дѣло въ томъ, что многія семейства давно уже подѣлились и давно живутъ врозь, но до сихъ поръ считаются въ одномъ ревизскомъ семействѣ; волостной же писарь, переписывая семейства для предстоящаго волостнаго схода, записалъ всѣ семейства. не обращая вниманія на раздѣлы, совершенные до обнародованія Положенія, значитъ, сдѣланные съ согласія помѣщика, т.-е. законные. По § 198 общаго Положенія дѣйствительность подобныхъ семейныхъ раздѣловъ должна быть засвидѣтельствована приговоромъ сельскаго общества. что и сдѣлали, напримѣръ, крестьяне дер. Мамоновщины по моему совѣту; но у страха глаза велики; кромѣ того всѣ крестьяне наши до того ничего не знаютъ, что относится до закона. и до того испуганы предстоящими назначеніями рекрутскихъ очередей, что готовы бы были, съ одной стороны, повѣрить мнѣ. что я имъ говорю, но все-таки какъ-то боятся и не вѣрятъ. Есть, напримѣръ, люди, вышедшіе изъ законныхъ лѣтъ, т.-е. имѣютъ болѣе 30 лѣтъ (отъ) роду, и они трудно вѣрятъ и мнѣ. и манифесту и боятся попасть въ рекруты. Я теперь имѣю однимъ случаемъ больше, чтобы удостовѣриться въ полной наивности и невѣдѣніи нашихъ крестьянъ. Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ дѣло касается рекрутства т.-е. самой страшной катастрофы среди тихой и невозмутимой крестьянской жизни. то крестьяне наши преисполнены какого-то умиленія ко мнѣ, видя во мнѣ своего спасителя и защитника, голосъ ихъ необыкновенно мягокъ и ласковъ; они просятъ покровительства, сознаваясь въ своей темнотѣ и безсиліи. Какъ мнѣ кажется. нашъ волостной писарь, набивши себѣ руку во время своей писарской практики въ казенныхъ селеніяхъ, думаетъ примѣнить и у насъ нѣкоторые пріемы писарей, очень выгодные для нихъ во время рекрутскаго назначенія; и потому я надѣюсь разочаровать его въ своихъ ожиданіяхъ, объяснивъ дѣло мир. посреднику и лично побывавъ на волостномъ сходѣ во время назначенія очередныхъ семействъ. Мнѣ кажется, однако, что крестьяне наши стали мало-по-малу довѣрять мнѣ въ своихъ дѣлахъ и сознаются теперь въ своей ошибкѣ, оказавъ мнѣ всевоз-

Digitized by Google

можное недовѣріе и упорство во время составленія Уставныхъ Грамотъ. т.-е. во время своего поземельнаго устройства. Многіе стали сознаваться мнѣ. что они тогда твердо думали, что я ихъ обманываю, и потому, отвергая всѣ мои предложенія, дѣлали дѣло по своему разуму. теперь же видятъ, что они ошиблись, и что «близокъ локоть, да не укусишь», говоря это въ томъ смыслѣ. что дѣло это теперь какъ отрѣзанное. и что поправить его нельзя. Впрочемъ, многіе крестьяне пристаютъ ко мнѣ. чтобы я перемѣнилъ ихъ надѣлъ, сдѣлавъ его имъ такъ, какъ предлагалъ. и мнѣ бываетъ очень трудно увѣрить ихъ, что это нельзя сдѣлать теперь, особенно по совершеніи выкупныхъ договоровъ. Нѣкоторые упрекаютъ меня въ томъ. что я ихъ послушалъ лѣтомъ, а не поставилъ на своемъ, но я имъ возразилъ, что я не хотѣлъ съ ними ссориться. а потому и согласился тогда на ихъ требованія, прибавивъ, однако, чтобы на меня не пѣняли впослѣдствіи. На это мнѣ возразилъ одинъ крестьянинъ деревни Кадниково: «ты, баринъ позвалъ бы посредника. перепоролъ бы насъ и приказалъ бы намъ взять землю. какъ хотѣлъ». Ужъ не знаю въ самомъ дѣлѣ. правъ ли я, виноватъ ли я въ этомъ отношеніи. но я остаюсь при моемъ убѣжденіи: дѣйствовать на крестьянъ внушеніями и совѣтами, а если не послушались. то не принуждать ихъ, не опекать ихъ во всемъ: разъ, другой ошибутся, а потомъ научатся. Только тотъ никогда не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ.

25-го ноября.

Вчера я возвратился съ Демянскаго Мир. Съѣзда. въ которомъ появилось также нѣсколько крестьянъ съ помѣщичьими рекрутскими квитанціями или свидѣтельствами. прося рѣшенія этого дѣла. другіе же крестьяне просили удовлетворенія ихъ за настоящія. т.-е. законныя рекрутскія квитанціи, проданныя имъ помѣщиками въ прежнее время частнымъ образомъ, безъ формальныхъ актовъ, и присужденныя нынче волостными судами семействамъ, которыя дѣйствительно имѣютъ на нихъ право, по родственнымъ связямъ своимъ съ отданными въ зачетъ людьми. Въ обоихъ случаяхъ помѣщики взяли съ крестьянъ деньги самымъ незаконнымъ образомъ, и крестьяне, заплативъ имъ 600 р. за 800, остаются теперь подъ опасностью попасть въ очередь и поставить рекрута натурой. несмотря на то. что считали себя вполнѣ и навсегда свободными отъ рекрутства. Вопросъ этотъ, рѣшенный уже Министерствомъ въ пользу подобныхъ крестьянъ не могъ особенно интересовать меня въ томъ отношеніи. чтобы отстаивать его на съѣздѣ. а по-

Digitized by Google

тому я былъ совершенно къ нему равнодушенъ, зная, что крестьяне не потеряютъ, что̀ во всеуслышаніе я и объявилъ имъ. Въ произошедшихъ преніяхъ по этому предмету между членами съѣзда меня больше всего заинтересовало, частью даже поразило невыгодное замѣчаніе, сдѣланное мною относительно шаткости, а можетъ быть даже и недобросовѣстности мнѣнія, высказаннаго при этомъ случаѣ посредникомъ Пущинымъ. При предварительномъ обсужденіи этого вопроса, на прошломъ Съѣздѣ, Пущинъ былъ вполнѣ согласенъ со мною, теперь же онъ упирался на § 24 общаго Положенія и отказывалъ крестьянамъ въ пскѣ. Я не вывелъ на чистую воду этого двусмысленнаго поведенія Пущина, дѣло уже выиграно; и потому мнѣ, собственно, важнѣе всего самое дѣло, а не нравственность Пущина; я указалъ, однако, ему на шаткость его мнѣній; Фрикенъ, вполнѣ согласный со мной, смолчалъ по скромности своего характера, хотя тоже удивился. Такъ какъ рекрутство есть нынѣшній очередной вопросъ, т.-е. question du jour, то онъ часто появляется на аренѣ разсужденій и споровъ. Сегодня у Загарина былъ у насъ толкъ о наемщикахъ въ рекруты; я спорилъ противъ Пущина, Казина, двухъ Загариныхъ и т. д., вообще противъ всѣхъ присутствовавшихъ, излагая мое мнѣніе о необходимости полной гарантіи свободы личности при ея продажѣ или наймѣ въ рекруты, говоря, что въ рекрутскомъ Присутствіи должны опросить наемщика: идетъ ли онъ волею, т.-е. добровольно въ рекруты, и если рекрутъ откажется отъ этого, то его не имѣютъ права сдать въ рекруты, несмотря на взятыя имъ деньги, т.-е. несмотря на очевидный обманъ, сдѣланный имъ по отношенію нанимателя; подобный образъ дѣйствія имѣетъ въ своемъ основаніи уваженіе принципа личной свободы; самый же обманъ долженъ быть строго преслѣдуемъ закономъ, и такъ какъ человѣческая личность и ея свобода дороже денегъ, то гораздо нравственнѣе и правильнѣе, чтобы наниматель потерялъ бы 500 р., чѣмъ отдать въ рекруты помимо свободнаго желанья наемщика. Г. г. присутствующіе страшно спорили, говоря, что подобнаго подлеца и обманщика, который возьметъ деньги, а потомъ въ рекрутскомъ Присутствіи объявитъ, что онъ не хочетъ идти въ рекруты, нужно непремѣнно сдать; что наниматель не долженъ потерять своихъ денегъ и т. п. Я вовсе не одобрялъ поступка обмана наемщика, но только говорилъ, что поступокъ этотъ равносиленъ всякому денежному обману, который преслѣдуется закономъ на общемъ основаніи но что давать преимущество этому случаю обмана передъ другими я не вижу никакого основанія, напротивъ того, замѣчая вообще нѣкоторый обманъ въ подобнаго рода сдѣлкахъ по найму

Digitized by Google

рекрута. видя, что пьянство и разврать сопровождаютъ всегда эту сдѣлку, я считаю ее вообще не совсѣмъ нравственною и желаю полнаго обезпеченія свободы личности наемщика, котораго нужно принять въ томъ только случаѣ, если онъ объявитъ, что наемъ его есть договоръ произвольный и свободный, т.-е. такой, который для него или выгоденъ, или необходимъ. Г. г. мои оппоненты выказали, по моему мнѣнію, полное неуваженіе къ свободѣ человѣка вообще; старые крѣпостные вкусы и привычки не скоро пройдутъ въ нашемъ обществѣ, особенно въ обществѣ помѣщиковъ. Незамѣтно вопросъ перешелъ къ найму рабочихъ. насколько онъ относится къ найму не труда собственно. а личной свободы вообще; я опять настаивалъ, что контрактъ найма рабочихъ есть условіе объ наймѣ труда, а не личности, что контрактомъ опредѣляются плата и обязанности человѣка. а не кабала его; что срокъ найма. напр., годовой. сдѣланъ только для опредѣленія первыхъ условій, а не означаетъ, что работникъ обязанъ непремѣнно прожить годъ; что работникъ имѣетъ, во всякое время, право оставить своего хозяина. что для обезпеченія сего послѣдняго можно включить въ условіе контракта неустойку или опредѣлить такіе сроки уплаты денегъ, чтобы работникъ изъ личной для себя выгоды не оставилъ бы хозяина въ самую нужную для него рабочую пору; что при разборѣ дѣлъ между хозяиномъ и работникомъ никто не можетъ закабалить работника, но долженъ отпустить его, заставивъ уплатить неустойку, если она означена; что духъ нашего законодательства не освящаетъ въ настоящее время кабалы и т. д. Г. г. мои оппоненты съ горячностью возражали мнѣ, требуя кабалы, отправляясь отъ доводовъ чисто матеріальнаго интереса хозяина, а не нравственнаго; Пущинъ опять-таки присоединился къ крѣпостникамъ. что меня нынче не особенно удивляетъ; послѣ подобныхъ двухъ разговоровъ человѣка узнаешь поближе; я намѣчаю здѣсь нашъ разговоръ въ самыхъ общихъ, широкихъ чертахъ и не имѣю ни времени. ни возможности занести его во всѣхъ его подробностяхъ. — онъ длился цѣлыхъ два часа. Я дѣлаю слѣдующее общее замѣчаніе относительно лицъ требующихъ кабалы надъ работникомъ: во-1) норма ихъ понятій, мнѣній, убѣжденій, тенденцій и т. д. осталась теперь та же самыя, что и была во время крѣпостного права, т.-е. полтора года тому назадъ; но въ настоящее время, потерявъ свои крѣпостныя права надъ своими людьми, г. г. эти желали бы перенести это право на своихъ работниковъ. чего. разумѣется, никогда не удастся имъ сдѣлать; во-2) господа эти, думая обезпечить себѣ работниковъ, или ихъ хорошую работу кабальнаго свойства контрактами, сильно ошиблись бы. если бы

Digitized by Google

эти контракты были бы обезпечены закономъ; никто никогда не нанялся бы къ нимъ. и они лишились бы даже дурныхъ работниковъ; въ-3) господа эти, лично никогда не выходя изъ тѣснаго круга матеріальныхъ интересовъ, взявъ это понятіе въ грубомъ смыслѣ, а не въ экономическомъ, не могутъ уразумѣть, что люди дѣлаются лучше, честнѣе, вообще нравственнѣе, чѣмъ гуманнѣе, нравственнѣе взаимныя ихъ отношенія. и что если. въ настоящее время, мы имѣемъ вообще нечестныхъ работниковъ, готовыхъ на обманъ и на неисполненіе принятыхъ на себя обязательствъ, то это именно происходитъ вслѣдствіе вѣковаго существованія крѣпостного права. гдѣ личность человѣка закабалялась, а потому сдѣлалась вполнѣ безнравственною, и что нынче для личной же своей пользы нужно стремиться къ уничтоженію всего того, что только имѣетъ намекъ на это право. вводить же это право въ свободныя отношенія людей значитъ не имѣть лучшей будущности, лучшей доли. Я вполнѣ увѣренъ, что, споря съ этими господами. я имѣлъ для нихъ видъ какого-то нравственнаго урода, что доводы мои казались имъ чудовищными, что они считаютъ меня врагомъ благоустроеннаго общества. покровителемъ обмана и людей нечестныхъ, и т. д. и т. д.. — «но да проститъ имъ Аллахъ, не вѣдаютъ бо, что́ творятъ». но такъ или иначе, рано или поздно, но они будутъ непремѣнно творить то, что требуетъ духъ человѣчества въ XIX вѣкѣ.

26-го ноября.

Я возвращаюсь довольно часто къ оцѣнкѣ личности мир. посредника Пущина, и дѣлаю это собственно потому, что имѣю всего болѣе возможности въ немъ ближе всего ознакомиться съ лицомъ, взятымъ изъ среды помѣщичьей и поступившимъ на дѣятельность Мир. Учрежденій. Меня могутъ укорить въ неоткровенности и въ двусмысленности моихъ отношеній къ нему; я говорю это въ томъ смыслѣ, что я. не будучи о Пущинѣ очень хорошаго мнѣнія. часто заступаюсь за него и защищаю его отъ нападеній со стороны помѣщиковъ. Я откровенно сознаюсь, что дѣлаю это не изъ недобросовѣстности. т.-е. двуличности, и не изъ близорукости моей по отношенію его, а вслѣдствіе того что защищаю въ его лицѣ Мировое Учрежденіе, на которое болѣе всего и нападаютъ господа помѣщики. которые видятъ въ посредникахъ, даже едва посредственныхъ, орудіе уничтоженія крѣпостного стараго порядка вещей. Я все-таки считаю. что стрѣлы, направленныя противъ Пущина, хотя часто назначены прямо противъ него, но все-таки нѣ-

Digitized by Google

которою долею своей должны поражать все учрежденіе, а потому, защищая Пущина, руководствуюсь тѣмъ доводомъ, что онъ уже лучше всѣхъ помѣщиковъ потому только, что есть представитель новаго порядка вещей и, волей неволей, долженъ часто служить истинѣ и современности. У насъ же такъ мало вѣрятъ теперь добрымъ началамъ, лежащимъ въ основаніи Мирового института, такъ привыкли все мѣрить старымъ аршиномъ, что первый и во многихъ отношеніяхъ удачный опытъ его дѣятельности все-таки возбуждаетъ сомнѣніе; напримѣръ, Мировые Посредники положительно и абсолютно не берутъ у насъ взятокъ; это всѣ знаютъ и всѣ видятъ, но всѣ до того пессимисты у насъ и до того вѣрятъ въ живучесть взяточничества въ Россіи, что прямо говорятъ, что это дѣло случая или слѣдствіе новизны самаго учрежденія, что посредники не берутъ взятокъ; черезъ два, много три выбора все пойдетъ по старому, по обычаю. Я имѣлъ сегодня подобный разговоръ съ нашимъ священникомъ и потому и отмѣчаю его.

27-го ноября.

Чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ настоящій образъ жизни нашихъ помѣщиковъ, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждаюсь въ огромной услугѣ, оказанной имъ крестьянской реформой, въ томъ отношеніи, что прежняя деревенская жизнь помѣщиковъ, особенно по зимамъ, была всегда полна страшной скуки и однообразія—чего совершенно нѣтъ теперь. Перемѣна эта главнымъ образомъ происходитъ отъ необходимости дѣятельности для всякаго помѣщика, желающаго не липнуться своего состоянія съ отмѣной даровыхъ услугъ крестьянъ, дававшихъ прежде каждому изъ нихъ возможность отдыхать на лаврахъ, ни о чемъ почти не заботиться, а поэтому самому и скучать. Взгляните теперь на ежедневную жизнь нашихъ помѣщиковъ? всякій хлопочетъ: то нужно нанять работниковъ, то нужно разсчитать дурныхъ изъ нихъ, то нужно озаботиться о томъ, что въ старые годы дѣлалось само собой; напримѣръ, нужно озаботиться о дровахъ, о лѣсѣ, жердяхъ и т. п. Послѣ этого сколько дѣла по Грамотамъ, по общественному управленію крестьянъ; сколько жалобъ къ посредникамъ и на посредниковъ; наконецъ, необходимость побывать иногда на Мир. Съѣздѣ; а это требуетъ занятій, значитъ время идетъ, и скучать некогда. Взгляните на помѣщиковъ, когда они въ сборѣ, т.-е. гдѣ-нибудь съѣхались въ гости: разговоры ихъ, споры ихъ, а иногда ссоры опять-таки отзываются современнымъ положеніемъ дѣлъ; видно, что вся-

Digitized by Google

кій говоритъ потому, что есть о чемъ поговорить, есть струны, которыя болятъ, но есть также живо затронутые интересы. Уже болѣе нѣтъ этого препровожденія времени, состоящаго исключительно въ питаніи тѣла или въ личныхъ пересудахъ, препинаній безъ всякаго значенія, а дѣлаемыхъ только отъ бездѣлья. Сколько разговоровъ возбуждаютъ, напримѣръ, теперь ожидаемыя новыя земскія учрежденія; всѣ помѣщики болѣе или менѣе связаны теперь между собой во имя общественнаго интереса, о которомъ сперва никто не имѣлъ никакого представленія. Прислушайтесь къ разговору, и вы услышите нынѣ такія-то слова, о которыхъ никто не имѣлъ никакого понятія: самоуправленіе, адвокатура, кредитъ, земщина и т. д. и т. д.; слова эти занесены сюда новыми потребностями жизни, и съ языка они просятся на дѣло. Я часто всматриваюсь въ давно извѣстныя и знакомыя мнѣ лица и дивлюсь, недоумѣваю: они ли это въ самомъ дѣлѣ; я не говорю ужъ о моихъ воспоминаніяхъ дѣтства, но года три, четыре тому назадъ всѣ господа эти были совсѣмъ другими; и вся эта перемѣна произошла со старымъ поколѣніемъ людей. Лѣтъ черезъ десять, когда выступитъ на арену новое поколѣніе, нынче пребывающее въ дѣтствѣ, никто не повѣритъ въ возможность былого, теперь понемногу отживающаго порядка вещей.

28-го ноября.

Вчера я упоминалъ о заботливости нашихъ помѣщиковъ въ дѣлѣ своихъ сельскихъ хозяйствъ; заботливость эта дошла у нѣкоторыхъ до сознанія необходимости выписать заграничныхъ работниковъ, и дѣйствительно недѣли полторы тому назадъ къ помѣщику Шестакову пріѣхало изъ Мекленбурга семействъ 10 нѣмцевъ, всѣхъ около 40 душъ; помѣщикъ Казинъ тоже давно хлопочетъ о томъ же самомъ, но дѣло это пошло неудачно для сего послѣдняго; онъ дѣйствовалъ черезъ какого-то агента, который обманулъ его рублей на 400, а работниковъ не доставилъ, между тѣмъ сама г-жа Шестакова ѣздила за своими и благополучно доставила ихъ до мѣста. Необходимость чужеземныхъ работниковъ была вызвана неудовлетворительностью туземныхъ работниковъ; до сихъ поръ нѣмцы показали себя съ хорошей стороны, говорятъ, что они работаютъ не въ примѣръ скорѣй русскихъ, зато они гораздо дороже, особенно если сосчитать провозъ ихъ, что составитъ, по словамъ Шестаковыхъ, около 120 р. с. на семейство. Время покажетъ выгоду или невыгоду чужеземныхъ работниковъ, а потому въ настоящее время нельзя ничего сказать ни за, ни противъ нихъ.

Digitized by Google

хотя я знаю, что пруссаки, выписанные княземъ Васильчиковымъ въ Старорусскомъ уѣздѣ, оказались людьми ни чуть не лучше русскихъ, такъ что ихъ нужно было отпустить, что и сдѣлалъ князь Васильчиковъ. Безспорно, наши туземные работники во многихъ и даже очень многихъ отношеніяхъ не хороши; они много имѣютъ праздниковъ, мало исполнительны, много притязательны, а главное имѣютъ совершенно ничтожное понятіе о своемъ долгѣ и обязанностяхъ передъ хозяиномъ, а потому работаютъ только при присмотрѣ и то не безъ грѣха. Но, несмотря на все это, я не вижу пока никакой настойчивой необходимости прямо броситься на нѣмцевъ, и изъ нихъ бываютъ разные народы, а затратить капиталъ для выгоды гадательной—неблагоразумно. Я не отчаиваюсь, что, со временемъ, наши туземцы сдѣлаются лучше; они теперь сдѣлались уже нѣсколько дешевле, а это даетъ нѣкоторое вѣроятіе, что они сдѣлаются лучше; выходитъ, что спросъ на нихъ уравновѣшивается съ предложеніемъ, особенно если нѣсколько нашихъ сосѣднихъ хозяйствъ не будутъ нуждаться въ работникахъ туземныхъ, то сіи послѣдніе станутъ еще болѣе дорожить своими мѣстами. Примѣръ хорошихъ иностранныхъ работниковъ можетъ благодѣтельно подѣйствовать и на нашихъ; у насъ, напримѣръ, въ домѣ, работники, прознавъ про необыкновенно скорую работу Шестаковскихъ нѣмцевъ, потеряли нѣкоторую долю своей хвастливости и самоувѣренности; они, вѣроятно, почувствовали, что если всѣ помѣщики наши задумаютъ выписать нѣмцевъ, то имъ придется тогда искать работы на сторонѣ, а домашняя копѣйка перетягиваетъ дальній рубль, говоритъ пословица. Впрочемъ, гадать ничего пока нельзя,—поживемъ, увидимъ. Завтра въ нашей волости составляютъ призывные рекрутскіе списки, для чего потребованы на сходъ всѣ домохозяева. Меня просили крестьяне пріѣхать и посмотрѣть на ихъ слезы, и если будетъ потеплѣе, т.-е. не 20° мороза, какъ сегодня, то съѣзжу. Рекрутскій вопросъ одинъ изъ страшныхъ для крестьянъ; сегодня у меня былъ старшина, чтобы посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ, и я настаиваю на одномъ—на честномъ образѣ дѣйствій.

1-го декабря.

Вчера я былъ на волостномъ сходѣ Полѣсской волости, собравшемся по дѣлу о рекрутскомъ наборѣ. Я съ удовольствіемъ отмѣчаю здѣсь хорошее впечатлѣніе, произведенное на меня правильнымъ ходомъ дѣла, разумностью мнѣній и внѣшнимъ порядкомъ схода. Понятно, что я былъ только зрителемъ, хотя два или

Digitized by Google

три раза по просьбѣ сидѣвшихъ около меня лицъ, я высказывалъ мой собственный взглядъ, подкрѣпляя его статьями рекрутскаго Устава, которыя тотчасъ же прочитывалъ. Впрочемъ, все шло само по себѣ правильно и хорошо, и я съ удовольствіемъ просидѣлъ на сходѣ нѣсколько часовъ; я безъ натяжки скажу, что нашъ народъ имѣетъ просто инстинктъ къ выборному началу. Безъ сомнѣнія, не всѣ дѣла рѣшаются на сходѣ соотвѣтственно истинѣ и справедливости, въ немъ невольно преобладаетъ вліяніе нѣсколькихъ лицъ, болѣе отдѣляющихся по своимъ качествамъ или положенію изъ толпы, какъ это тоже есть и въ нашей волости; а потому совершенно понятно, что, если эти лица честны, то и самый ходъ дѣлъ болѣе правиленъ и честенъ. У насъ судьи имѣютъ большой авторитетъ на сходахъ, и мнѣ показалось, что между ними есть люди очень умные. Есть, однако, жалобы на попытки брать взятки со стороны волостного писаря; сегодня одинъ нашъ крестьянинъ жаловался мнѣ на это.

24-го декабря.

Возвратясь изъ поѣздки въ Старую Руссу и Новгородъ, гдѣ я пробылъ болѣе двухъ недѣль на Мир. Съѣздахъ и на Губернскомъ дворянскомъ собраніи, мнѣ болѣе всего придется говорить о послѣднемъ обстоятельствѣ, потому что Мир. Съѣзды не представляли собой ничего особенно интереснаго. Такъ, напримѣръ, въ Старорусскомъ Съѣздѣ, кромѣ дѣла Маевскаго, которое препровождается наконецъ въ Губернское Присутствіе, и ѣдкой жалобы лично на меня со стороны г-жи Бровциной, нападающей на меня въ своемъ прошеніи за то, что я будто бы возмущалъ ея крестьянъ,—не было ничего особеннаго. По отношенію же госпожи Бровциной вся вина моя, заслужившая столько сильнаго негодованія отъ ея персоны, состоитъ въ томъ, что я убѣдилъ гг. членовъ съѣзда отдать крестьянамъ въ надѣлъ землю, которую отпахали и косили и которую помѣщица ихъ не давала имъ въ надѣлъ, на основаніи примѣч. 3 къ § 17 Мѣстнаго Полож., какъ землю будто бы арендованную имп. Между тѣмъ аренды, въ этомъ случаѣ, никакой не было, а просто помѣщица, уничтоживъ когда-то свою собственную запашку, отдала крестьянамъ свои поля, за что и прибавила на нихъ оброкъ; арендное же содержаніе земли, по смыслу и буквѣ закона, должно составляться по добровольному согласію, чего никогда не было. Если же признать этотъ случай подходящимъ подъ примѣч. 3, то многіе помѣщики могутъ взять себѣ крестьянскую землю на ничѣмъ недоказанномъ и чисто голословномъ предлогѣ арендной земли.

Digitized by Google

Дѣйствительно я виноватъ передъ г-жой Бровциной въ томъ только, что настоялъ, чтобы гг. члены Съѣзда обратили бы болѣе вниманія на этотъ вопросъ, а не бухнули бы его сразу, по своей привычкѣ. Дѣла Новгородскаго Мир. Съѣзда, какъ и всегда, возбудили протестъ съ моей стороны вслѣдствіе неправильнаго взгляда гг. членовъ Съѣзда на дѣло Уставныхъ Грамотъ. По ихъ мнѣнію, актомъ этимъ опредѣляются не юридическія, а чисто хозяйственныя отношенія обѣихъ сторонъ, а потому при повѣркѣ Грамотъ законъ совершенно не соблюдается, и грамоты составляются на какихъ-то хозяйственныхъ соображеніяхъ, уравновѣшивающихъ будто бы взаимныя хозяйственныя выгоды и пользы, какъ помѣщика, такъ и крестьянъ; разумѣется, этого нѣтъ и быть не можетъ на самомъ дѣлѣ; пользы и выгоды помѣщика всегда преобладаютъ по очень понятной и естественной причинѣ. Чтобы исчерпать вопросъ объ этомъ ошибочномъ и неправильномъ взглядѣ членовъ Новгородскаго Съѣзда, прибавлю ко всему тому, что я уже раньше говорилъ объ этомъ предметѣ, слѣдующее: во-1) Уставныя Грамоты есть актъ чисто юридическій, опредѣляющій поземельныя права и обязанности крестьянъ; хозяйственнымъ актомъ онъ можетъ быть только при обоюдномъ добровольномъ соглашеніи; во-2) если признать даже, что это есть актъ хозяйственный, то въ этомъ случаѣ Мировыя Учрежденія не имѣютъ надлежащей компетентности и должны быть составлены совершенно на другихъ основаніяхъ. Какъ мнѣ извѣстно, никто изъ членовъ Новгородскаго Съѣзда не имѣетъ ни должной хозяйственной опытности, ни нужныхъ для этого свѣдѣній; всѣ члены его люди, очень мало занимавшіеся хозяйствомъ, а потому совершенно не могущіе сообразить и уравновѣсить хозяйственныя выгоды обѣихъ сторонъ, не говоря ужъ о томъ, что при этомъ дѣлѣ на лицо никогда не присутствуетъ сторона крестьянъ, и что по плану въ какіе-нибудь четверть, полъ часа безъ подробныхъ мѣстныхъ свѣдѣній нельзя даже имѣть приблизительно вѣрное сужденіе о хозяйственныхъ выгодахъ двухъ сторонъ. Если же предположить, что Мировыя Учрежденія могутъ принять на себя роль примирителя хозяйственныхъ обоюдныхъ выгодъ, то въ этомъ случаѣ нужно имѣть равное число представителей отъ обѣихъ сторонъ и не примѣнять къ крестьянамъ законоположенія 19 февраля, когда дѣло идетъ объ ихъ обязанностяхъ или повинностяхъ, упуская совершенно изъ вида это же законоположеніе, когда дѣло идетъ объ ихъ правахъ. Истина эта должна быть для всѣхъ крайне очевидна и непреложна; но гг. члены Новгородскаго Съѣзда ея не признаютъ, хотя считаютъ себя людьми вполнѣ образованными и справедливыми. Я какъ-то разъ, въ пылу спорнаго разговора, отозвался, что

Digitized by Google

подобный Новогородскій образъ дѣйствій пахнетъ крѣпостнымъ правомъ и ретроградностью; нужно было видѣть, какъ всѣ тогда ощетинились на меня и отбрасывали отъ себя мое обвиненіе въ крѣпостничествѣ, совершенно, впрочемъ, заслуженномъ этими г-дами. Господа эти необыкновенно либеральны, когда дѣло коснется ихъ личныхъ правъ: они возстаютъ, напримѣръ, противъ бюрократіи, стремятся къ самоуправленію, но никакъ не могутъ справиться съ собой, когда дѣло коснется ихъ обязанностей; пользоваться и отстаивать свои права необходимо, но еще болѣе необходимо строго выполнять свои обязанности передъ обществомъ. Новгородскіе мир посредники совершенно этого не дѣлаютъ: такъ, напримѣръ, я не одинъ разъ возмущался ихъ пренебреженію къ интересамъ лицъ небогатыхъ; лицъ этихъ по цѣлымъ годамъ тщетно заставляютъ ожидать рѣшеній; къ бѣднымъ и незначительнымъ помѣщикамъ вообще невнимательны, даже грубы въ обращеніи съ ними; но зато какой почетъ помѣщикамъ вліятельнымъ и богатымъ: всѣ беззаконія именно дѣлаются въ ихъ пользу, какъ, напримѣръ, было по послѣдней Уставной Грамотѣ Неклюдова. Я не говорю уже о крестьянахъ; они ждутъ у дверей своей очереди по цѣлымъ суткамъ, и въ то время, какъ господа члены Съѣзда распространяются о хозяйственныхъ выгодахъ какого-нибудь богатаго барина, который посвящаетъ Мировой Съѣздъ въ тайну своихъ соображеній относительно такого или иного устройства своихъ дѣлъ или хозяйства, крестьяне сидятъ въ прихожей на полу въ ожиданіи благополучія быть рѣзко спрошенными, совершенно невыслушанными и отпущенными съ назиданіемъ идти жаловаться въ Губернское Присутствіе. Я совершенно не увлекаюсь, рисуя эту грустную картину; сидя на Съѣздѣ, я всегда возмущаюсь ею, изрѣдка протестую и совершенно громко говорю вездѣ о беззаконіяхъ Новгородскаго Съѣзда, противъ котораго одному лицу сдѣлать ничего нельзя. Впрочемъ, мнѣ кажется, что нынче Уставныя Грамоты дѣлаются здѣсь нѣсколько лучше. Обращаясь теперь къ описанію Новгородскаго Губернскаго Собранія, начну съ того, что я просто досадую на себя въ томъ, что постоянно долженъ относиться критически ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ нашей туземной жизни. Эта постоянная критика и недовольство мое всѣмъ бросаетъ, какъ будто, дурную тѣнь на личный мой характеръ и на особенность моего взгляда и убѣжденій, которыхъ ничто и никто не можетъ удовлетворить. Совершенно не оправдывая себя, скажу вполнѣ откровенно, что мало хорошаго встрѣчаю я, по своимъ понятіямъ, въ той средѣ, гдѣ живу, но что всякому встрѣтить хорошее и привязаться къ нему гораздо лучше и пріятнѣе постояннаго неудовольствія всѣмъ.

Digitized by Google

27-го декабря.

Новогородское дворянское собраніе продолжалось цѣлую недѣлю. отъ 10 декабря, и все это время, кромѣ одного вечера, было наискучнѣйшимъ и однообразнѣйшимъ образомъ исключительно убито на выборы, т.-е. шарокатанье и на тысячу другихъ церемоній, обыкновенно сопровождающихъ присягу, представленія. изліяніи чувствъ. комбинація какъ и кого выбрать и т. д., словомъ, на манипуляцію выборовъ. Дворянъ собралось 175 человѣкъ; говорятъ. что такого числа никогда прежде не собиралось; съ другой стороны. люди, знакомые со старинными преданіями выборовъ, говорятъ. что никогда собраніе дворянъ не было такъ дѣльно. что никогда дворяне не проявляли въ себѣ такъ много гражданскихъ добродѣтелей. и что никогда не было такого большого стремленія къ служенію общественнымъ интересамъ и т. п.; можетъ быть все это вполнѣ справедливо. и. если это справедливо. то что же представляли собой дворяне стараго добраго времени. Во всякомъ случаѣ. по моему разумѣнію, и въ нынѣшній годъ дворяне наши далеко стоятъ ниже того обыкновеннаго положенія, которое принадлежитъ имъ по праву высшаго и образованнѣйшаго сословія въ государствѣ. и я желалъ бы лучше ошибиться. чѣмъ имѣть то невыгодное мнѣніе. которое составилъ себѣ о нашихъ дворянахъ, увидавъ и ознакомившись съ ними въ первый разъ. Казалось бы, что дворяне такой обширной по пространству губерніи, какова наша, должны бы были воспользоваться рѣдкимъ случаемъ свиданья между собой. чтобы потолковать о предметахъ и вопросахъ серьезной общественной важности. Послѣдніе три года разлуки дворянъ принадлежатъ именно къ знаменательнымъ историческимъ эпохамъ нашего отечества: освобожденіе крестьянъ, проекты судебной реформы и земскихъ учрежденій. все это неминуемо даетъ серьезный поводъ обмѣняться взглядами и сужденіями о дѣлахъ; наконецъ, новое устройство сельскихъ хозяйствъ съ разнообразными мѣстными примѣненіями его должно бы было послужить предметомъ полезнаго даже въ практическомъ отношеніи обмѣна свѣдѣній о различныхъ видахъ новаго устройства помѣщичьихъ хозяйствъ. Безъ сомнѣнія, было нѣсколько человѣкъ, интересовавшихся этими вопросами; безъ сомнѣнія. разговоры нѣкоторыхъ лицъ дѣлались иногда съ этою цѣлью, но все это были частные рѣдкіе случаи и не могутъ характеризовать собой общаго направленія, преобладавшаго въ средѣ дворянъ; направленіе же это по преимуществу и главнымъ образомъ состояло въ исполненіи всей внѣшней обрядности выборовъ и въ удовлетвореніи потребностямъ городской

Digitized by Google

жизни. хотя не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ бывало въ старину, т.-е. безъ кутежей, большой карточной игры и т. д.; впрочемъ послѣднее обстоятельство, находясь въ связи вообще съ нѣсколько уменьшившимися теперь денежными средствами дворянъ. нисколько не зависѣло поэтому отъ причинъ нравственныхъ; обѣды бывали en petit; и къ счастью не удалось любителямъ подобнаго рода препровожденія времени устроить обѣдъ en grand въ честь губернскаго предводителя князя Мышецкаго, который отъ этого отказался. Я не имѣю намѣренія описывать всѣхъ перипетій дворянскаго собранія и касаюсь этого предмета только для того. чтобы уяснить его связь съ вопросомъ крестьянскаго освобожденія. Связь эта состояла главнымъ образомъ въ обсужденіи дворянскимъ собраніемъ вопроса раскладки денежнаго налога, необходимаго для покрытія расходовъ на мировыя учрежденія; вопросъ этотъ былъ уже разрѣшенъ Губернскимъ Присутствіемъ такимъ образомъ, что одна треть расхода падаетъ на долю крестьянъ, а двѣ трети или 48 коп. на долю помѣщиковъ; рѣшеніе это было основано на Высоч. Утвержд. мнѣніи Госуд. Совѣта, которое указало произвести раскладку. сообразуясь съ количествомъ земли, оплачиваемой нынѣче поземельной податью, при чемъ на долю крестьянъ никакъ не должно приходиться болѣе высшаго душевого надѣла. По очень неточнымъ свѣдѣніямъ Казенной Палаты оказывается. что среднимъ числомъ въ нашей губерніи на ревизскую душу приходится земли 18 десят.; нужно сказать. что цифра эта минимумъ, и есть имѣнія, гдѣ на душу приходится до 50 десят.. а по одному извѣстному случаю въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ 4 души крестьянъ поселены на 2000 дес. земли. Принимая 18 дес. за норму общаго количества владѣнія земли и 6 д. за норму крестьянскаго надѣла. отношеніе подати, падающей на помѣщика и крестьянъ, выходитъ $^2/_3$ и $^1/_3$, что и было сдѣлано по большинству голосовъ членами Губернскаго Присутствія. Совершенно справедливо, что подобныя раскладки крайне несоразмѣрны. значитъ, и несправедливы; хотя доводы, приводимые членами Губернскаго Присутствія. бывшими противъ этой раскладки, не могутъ никакъ опровергнуть ея несправедливости. будучи только доводами вѣрными въ частныхъ особенныхъ случаяхъ, а не вообще, и кромѣ того будучи взяты изъ ложнаго принципа. Доводы князя Мышецкаго, напримѣръ, основаны на томъ, что изъ 18 дес. земли крестьяне владѣютъ нынѣче 9 десят., значитъ, половиною всей земли, а потому и доля участья ихъ въ налогѣ должна быть половинная; доводъ этотъ совершенно произволенъ и ни на чемъ не основанъ. а потому брать его для опроверженія общаго правила нельзя. тѣмъ болѣе, что участіе крестьянъ въ налогѣ указано не превышающимъ

Digitized by Google

высшаго душевого надѣла. Другой доводъ Толбуха (sic) основанъ на хозяйственномъ разсчетѣ, по коему выходитъ, что при 100 душахъ крестьянъ помѣщикъ не можетъ имѣть въ своемъ хозяйствѣ болѣе 300 десят. дѣйствующей земли, т.-е. пашни, покосовъ. и. такъ какъ налоги должны касаться только земель производительныхъ, то земля эта только и должна быть обложена податью; но такъ какъ это число составляетъ половину количества земли, находящейся въ распоряженіи крестьянъ. по высшему душевому надѣлу. то выходитъ, что плата на мировыя учрежденія должна быть раздѣлена пополамъ между помѣщикомъ и крестьянами. Доводъ этотъ. можетъ быть. очень вѣрный въ частномъ случаѣ, т.-е. для имѣнія, гдѣ есть господское хозяйство, и не примѣнимый совершенно къ имѣніямъ оброчнымъ, не можетъ служить къ опроверженію общаго правила. общей мѣры. Выходитъ изъ всего вышеизложеннаго. что слѣдуетъ отыскать такой доводъ, который. будучи общимъ. охватывалъ бы собою всѣ возможные случаи, былъ бы вѣренъ для всѣхъ имѣній и опровергалъ бы собой общую мѣру. доказавъ ея несостоятельность; всѣ же частно-вѣрные доводы не могутъ служить опроверженіемъ общаго правила. подъ которое должны подходить всѣ случаи. какъ бы ни были они разнообразны. Доводъ этотъ, оставленный совершенно безъ вниманія дворянами. увлекшимися идеею не несправедливости раскладки. а матеріальною ея тягостью для нихъ. есть слѣдующій: мировыя учрежденія существуютъ главнымъ, общимъ образомъ для той части земли, которая отводится крестьянамъ въ надѣлъ по Уставнымъ Грамотамъ; доля же участія въ этой землѣ совершенно одинакова какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ: значитъ, не вся земля должна приниматься въ разсчетъ, а только земля по Уставнымъ Грамотамъ; съ другой стороны, участіе помѣщиковъ и крестьянъ должно быть половинное на основаніи довода логическаго. яснаго безъ всякаго поясненія; земля же есть въ этомъ случаѣ только критеріумъ для опредѣленія подати; собственно же говоря и безъ нея можно было бы обойтись, распредѣливъ подать пополамъ, что будетъ и вѣрно, и справедливо для всѣхъ возможныхъ случаевъ; дѣлать же распредѣленіе налога по количеству всей земли можно только при полной и вѣрной извѣстности, словомъ, это можно сдѣлать на основаніи данныхъ, точныхъ и негадательныхъ. Дворяне наши протестовали противъ несоразмѣрной раскладки, основанной на доводахъ крайне шаткихъ. т.-е. на количествѣ дѣйствующей земли, при чемъ доказывали не безъ нѣкотораго злорадства, что въ пользованіи крестьянъ остались всѣ лучшія земли, но что у помѣщиковъ одни лишь обрѣзки. значитъ, дурныя земли; притомъ если

Digitized by Google

въ общемъ количествѣ дѣйствительно во владѣніи помѣщиковъ земли больше, то эта земля непроизводительная. вся же производительная земля, т.-е., пашни и покосы, находятся въ рукахъ у крестьянъ. Протестъ дворянъ составленъ въ видѣ постановленія собранія для поднесенія на Высочайшее благоусмотрѣніе; онъ дышетъ тоской объ утраченномъ, въ немъ нѣтъ ни одного слова, кромѣ жалобы, стенанія, неудовольствія и т. п. Г-нъ Качаловъ, первоначальный составитель проекта этого постановленія, человѣкъ вполнѣ хорошій, симпатичный и умный, вѣроятно, принадлежитъ къ числу людей только практичныхъ, неспособныхъ обнять предметъ съ общей точки зрѣнія, т.-е. по отношенію его къ другимъ жизненнымъ вопросамъ первостепенной важности. Увлекшись односторонней идеею съ сословной точки зрѣнія, идеей разорительности для дворянъ, онъ упустилъ изъ вида доводы, болѣе вѣрные и нравственные, т.-е., доводы чистой общей справедливости, а не матеріальной тягости. Кромѣ того, редакція его была написана крайне темно и запутанно. Вообще, при всемъ моемъ расположеніи къ Качалову, я не нахожу, чтобы онъ по образованію своему могъ бы стать въ уровень того положенія, которое имѣетъ въ средѣ дворянъ, т.-е., положенія руководителя и проводителя общественнаго мнѣнія. Впослѣдствіи редакція эта была измѣнена, но я не слышалъ ея, и потому ничего не знаю; кромѣ того я ничего этого не подписывалъ. Въ пяти вопросахъ, предложенныхъ правительствомъ дворянству на обсужденіе, дворянство наше, особенно Крестецкаго уѣзда, выказало самый ретроградный сословный взглядъ на вещи. Спорить одному, двумъ лицамъ противъ общаго направленія невозможно; вѣроятно, и въ нашемъ дворянствѣ нашлось бы нѣсколько лицъ съ болѣе современнымъ взглядомъ, но, будучи другъ съ другомъ незнакомы и стоя изолированно, они молчали. Нѣкоторыя лица не подписывали всѣхъ этихъ постановленій, какъ несоотвѣтствующихъ ихъ убѣжденіямъ; въ числѣ ихъ я знаю Фрикена, нашего Демянс. посредника, многіе же не подписали, торопясь уѣхать домой; словомъ, не болѣе 40 подписей оказалось на этихъ заявленіяхъ Нов. дворянства; впослѣдствіи я узнаю, вѣроятно, о постигшей ихъ участи.

Исаково. 28-го декабря 1862 г.

Говоря о Новгородскомъ дворянскомъ собраніи, я позабылъ упомянуть о бывшихъ безплодныхъ разговорахъ членовъ коммиссіи,—составленной для редактированія отвѣтовъ на пять вопросовъ,—касательно ипотечной системы, необходимой для опредѣленія

Digitized by Google

правильнаго поземельнаго налога. Я говорю безплодныхъ потому, что ни къ какому соглашенію гг. эти не пришли; мысли ихъ, касаясь и обхватывая поверхностно все, не остановились на чемъ-нибудь практически возможномъ и настолько опредѣленномъ, чтобы можно было бы формулировать ихъ ясно и понятно для нихъ. Разговоръ этотъ походилъ на клубокъ нитокъ, который разматываютъ и опять наматываютъ для препровожденія времени; но я не отвергаю пользы подобныхъ бесѣдъ, по крайней мѣрѣ хоть въ томъ отношеніи, что выказалась вся несостоятельность нашего общества къ обсужденію общественныхъ дѣлъ; почти всѣ лица, принимавшія участіе въ разговорѣ, говорили только для того, чтобы говорить, а потому это было иногда даже крайне скучно; многія лица и при этомъ случаѣ высказали самый отсталый образъ мыслей и убѣжденій. Говоря объ этомъ предметѣ, никто не коснулся его съ должной и вѣрной, или научной точки зрѣнія, такъ, напр., никто не упомянулъ о томъ, что поземельный налогъ можетъ касаться только ренты съ земли, а не валового его дохода, иначе многія хозяйства при низкомъ достоинствѣ земли не выдержатъ и закроются; во всякомъ случаѣ, подать эта, касаясь дохода, будетъ распредѣлена неравномѣрно. Подать эта должна быть назначена самымъ осмотрительнымъ образомъ, чтобы не повредить сельскому хозяйству. Истины эти, давно извѣстныя наукѣ, оставались безъ упоминанія, и я увѣренъ, что если бы поручили бы гг. членамъ коммиссіи устроить это дѣло, то они, принявшись за него, какъ теперь, ровно ничего не сдѣлали бы.

31-го декабря.

Многіе крестьяне рѣшительно жалуются на то, что съ освобожденіемъ ихъ имъ приходится гораздо болѣе платить денегъ, чѣмъ бывало въ крѣпостное время, и что ихъ сельское и волостное начальство и управленіе имъ дорого стоятъ. Я рѣшительно этому не вѣрю, и если какъ ни преувеличенно мы будемъ считать расходы крестьянъ на ихъ новое управленіе, то выйдетъ, что облегченіе теперешняго душевого оброка противъ прежняго тяглового все-таки вознаградитъ ихъ. Если наложить, напр., на ревизскую душу оброкъ въ 9 р. с. по Грам., всю казенную подать въ 2 р. с., волостное и сельское управленіе въ 1 р. 50 к. с., мировыя учрежденія въ 25 к. с., столичныя (sic) деньги за обывательскія станціи въ 30 к. с., сотскія въ 10 к. с., необходимость купить топливо на 2 р. с., лучину и другой лѣсной матеріалъ на 1 р. с., то вся уплата на ревизскую душу будетъ около 16 р. 50 к. с., или на тягло около

Digitized by Google

33 р. с., по самому нещедрому разсчету, что̀ составляетъ средній, прежній оброкъ нашей мѣстности вмѣстѣ съ казенными уплатами. Отсюда ясно, что уплаты крестьянъ ничуть не увеличились, измѣнилось только то, что теперь всѣ платятъ деньгами и все, тогда какъ прежде многое отбывалось натурою, напр., барщина, смѣшанная повинность и т. д. Я не спорю, что есть, можетъ быть, нѣкоторыя злоупотребленія по денежной части волостного правленія, есть также необходимость взятокъ, посуловъ и т. п., чего крестьяне наши почти не знали прежде, будучи подъ опекой своихъ помѣщиковъ, тѣмъ не менѣе невозможно согласиться, что нынче крестьянамъ сдѣлалось труднѣе. Мнѣ кажется, что болѣе всего въ тягость нашимъ крестьянамъ, это то, что нынче управленіе ихъ, перейдя въ сферу общественнаго дѣла, вмѣсто бывшаго прежняго домашняго, затрудняетъ ихъ непривычкою этой перемѣны. Бывало въ комнатѣ у барина рѣшалось все,—нынче тащись въ волость, а потомъ отсутствіе всякой опеки поставило многихъ крестьянъ въ безвыходное положеніе людей, не привыкшихъ думать о себѣ самихъ. Теперь уже замѣтно на многихъ крестьянахъ, лишенныхъ всякой самодѣятельности, что они потеряны и стоятъ безъ опоры, что они дѣлаются жертвами людей недобросовѣстныхъ изъ ихъ же среды, и что, рано или поздно, но положеніе ихъ ухудшится; съ другой же стороны, замѣчена перемѣна къ лучшему по отношенію крестьянъ самостоятельныхъ и умѣющихъ распорядиться собой безъ помочей; они сдѣлались зажиточнѣе, смѣлѣе, предпріимчивѣе, даже веселѣе; ничто не стѣсняетъ ихъ на ихъ пути, они могутъ выбрать себѣ путь и безпрепятственно итти по немъ. Разумѣется, время покажетъ, что выйдетъ изъ всего этого; но есть и теперь уже нѣкоторыя данныя, чтобы высказать все предыдущее. Теперь недостатокъ простой грамотности, не говоря уже о болѣе обширномъ образованіи, во многомъ вредитъ крестьянамъ; къ счастью, они это поняли и желаютъ просвѣтиться нѣсколько; но и это не всѣ, многіе и этого не понимаютъ; впрочемъ, въ этомъ отношеніи сдѣланъ большой шагъ впередъ въ продолженіи послѣдняго года, дай Богъ еще большаго на будущій 1863 годъ.

7-го генваря, 1863 г.

На дняхъ я получилъ Постановленіе Губернскаго Присутствія вмѣстѣ со смѣтою сбора на Мировыя Учрежденія; сумма эта на всю Губернію составляетъ 228 т. р. с. Налогъ этотъ составляетъ на каждую десятину изъ 6, полученныхъ крестьянами нашего Уѣзда по Уставнымъ Грамотамъ, ежегодно по $2^1/_2$ к. с., т.-е. по

Digitized by Google

16 к. с. на полный душевой надѣлъ, который, будучи оцѣненъ по выкупу въ 150 р. с., т.-е. каждая десятина въ 25 р. с., дѣлаетъ налогъ равнымъ въ $^1/_{10}\%$ на рубль. Относительно нашего имѣнія крестьяне нѣкоторыхъ деревень не получили полнаго надѣла, и потому налогъ этотъ на всѣ 188 душъ, получившихъ землю по грамотамъ, равняется $2^3/_4$ к. с. на десятину ежегодно; мы же, лично, должны будемъ платить по $2^5/_8$ к. с. за десятину ежегодно. Отношеніе количества нашей собственной земли къ крестьянской болѣе чѣмъ 1 къ 2, значитъ, отношеніе это совершенно согласно съ принципомъ, принятымъ Губернскимъ Присутствіемъ при раскладкѣ налога между помѣщиками и крестьянами, опредѣляющимъ отношеніе крестьянской земли къ помѣщичьей, или величину сбора, какъ $^1/_3$ къ $^2/_3$. Я вхожу съ мнѣніемъ въ Демянскій Мировой Съѣздъ съ тѣмъ, чтобы представить на усмотрѣніе Губернскаго Присутствія возможность уменьшить смѣту налога на будущее время уничтоженіемъ статьи расхода на наемъ частныхъ землемѣровъ, что составляетъ на Губернію болѣе 28 т. р. с.; не знаю, выйдетъ ли что изъ этого. Необходимость принять личное участіе въ уплатѣ поземельнаго налога, выпавшая на долю нашихъ дворянъ, до сихъ поръ не испытывавшихъ положеніе плательщиковъ податей, сдѣлало вопросъ этотъ однимъ изъ самыхъ важныхъ въ средѣ нашего общества; и, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе желанія каждаго, лично-участвующаго въ уплатѣ, платить соразмѣрно и пропорціонально своему доходу, подвинетъ дѣло это къ правильному своему разрѣшенію гораздо скорѣй, чѣмъ всѣ мѣры, административнымъ путемъ принятыя; общество наше, задѣтое за самую чувствительную свою струну, т.-е. за матеріальный интересъ, примется само за дѣло и успѣетъ въ немъ безъ всякихъ внѣшнихъ стимуловъ. Я говорилъ какъ-то о нѣмецкихъ работникахъ, которыхъ думали привести себѣ нѣкоторые гг. наши помѣщики; одна партія таковыхъ прибыла къ Шестакову, прожила у него мѣсяца $1^1/_4$, и имѣла сама много хлопотъ, также какъ и надѣлала ихъ помѣщику. Не знаю, кто правъ, кто виноватъ изъ нихъ, дѣло это пока перѣшенное; во всякомъ случаѣ, я остаюсь при моемъ мнѣніи о преимуществѣ работниковъ туземныхъ, которые болѣе свычны и съ нашими требованіями, и съ привычками, и съ обхожденіемъ и, наконецъ, съ обычаями и нравами. Я сдѣлаю одно замѣчаніе: наши уѣздныя барыни стали меньше сплетничать и злословить со времени освобожденія крестьянъ. Почему? и какое отношеніе имѣетъ реформа къ языку дамъ?

Digitized by Google

9-го генвара.

Съ наступленіемъ мясоѣда, т.-е. того времени, когда происходить большая часть крестьянскихъ свадебъ, въ нынѣшній годъ, также какъ и въ прошлый, до меня доходятъ частыя сѣтованія крестьянъ на корыстолюбіе мѣстныхъ приходскихъ священниковъ, которые, дѣлая крестьянамъ разныя незаконныя притѣсненія, или просто угрозы ихъ не вѣнчать, требуютъ съ нихъ за свадьбы, смотря по состоянію вѣнчающихся, отъ 5 до 10 р. с. Этотъ періодъ свадебъ крестьяне, иронически, называютъ *поповскимъ сѣнокосомъ*; и дѣйствительно, притѣсненіе крестьянъ, особенно со времени ихъ освобожденія, вполнѣ оправдываетъ названіе, данное ими мясоѣду. Въ эпоху крѣпостного права, крестьяне вѣнчались всегда съ дозволенія, а иногда и по назначенію помѣщика, а потому они брали отъ сихъ послѣднихъ письма къ священникамъ, которые по этому самому не смѣли ихъ притѣснять, вслѣдствіе того, что это имѣло бы видъ дурныхъ отношеній къ помѣщику, чего, разумѣется, не могли дозволять себѣ священники, находясь болѣе или менѣе въ зависимости отъ своихъ прихожанъ, въ числѣ которыхъ помѣщики были и есть самые вліятельные и богатые. Въ настоящее же время крестьянскія свадьбы не зависятъ отъ помѣщика, который даже про нихъ ничего не знаетъ, и потому руки священниковъ развязаны; и дѣйствительно, наше приходское духовенство грабитъ теперь крестьянъ при всякомъ удобномъ случаѣ; цѣна на всѣ требы прибавилась; крестьяне очень жаловались нынче на прибавку съ 10 к. с. на 15 к. с. за молебны; правда, священникъ нашъ утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что онъ служитъ имъ за эту цѣну молебны съ акаѳистами, и есть настоль простодушные и легко вѣрующіе люди, что они со смиреніемъ, даже съ нѣкоторымъ утѣшеніемъ терпѣливо переносятъ эту надбавку, надѣясь получить себѣ настолько же благъ небесныхъ. Блаженны вѣрующіе, говоритъ Писаніе; но невѣрующіе не могутъ не возмутиться при видѣ этой гнусной эксплоатаціи крестьянъ во имя Бога, которому, кажется, ни попы, ни крестьяне не вѣруютъ въ истинномъ духѣ христіанскаго ученія, въ томъ смыслѣ, какъ оно заповѣдано церковью и какъ его понимаютъ люди нѣсколько образованные. Понятно, что я не беру на себя разоблачать крестьянамъ ту несомнѣнную истину, что они служатъ не Богу, а попу, который самъ видитъ въ своемъ служеніи ремесло, болѣе или менѣе выгодное для себя. Недавно еще я встрѣтилъ нашъ приходскій причетъ, возвращающійся на мѣшкахъ, наполненныхъ хлѣбомъ и всякимъ даяніемъ послѣ обычнаго своего объѣзда по деревнямъ во имя Крещенія. Нахальство, даже

Digitized by Google

цинизмъ, съ которымъ наши карлапане (крылошане) вытребываютъ себѣ возмездіе за свое не совсѣмъ трезвое голошеніе акаѳистовъ, можетъ равняться только съ тѣмъ вымогательствомъ, которое претерпѣваютъ люди отъ канцелярской сволочи, въ присутствіяхъ низшихъ инстанцій. По правдѣ сказать, что́ возмутительнѣе картины попа, торгующагося за крестины, похороны и т. д.; но когда прекратится этотъ порядокъ вещей.—вѣроятно, еще не скоро. Нынче крестьянскія свадьбы дѣлаются между лицами, живущими иногда довольно далеко другъ отъ друга, тогда какъ при крѣпостномъ правѣ онѣ происходили исключительно между крестьянами одной вотчины; безъ сомнѣнія, со временемъ окажется нѣкоторая перемѣна къ лучшему въ самой породѣ нашихъ крестьянъ; а это смѣшеніе, дѣлаясь постоянно въ однокровной породѣ.—люди наши измельчали и рѣзко отличаются въ этомъ отношеніи отъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ есть смѣшеніе между людьми не одной породы, т.-е. не имѣющихъ между собой родственной связи; у насъ же почти всѣ переродившись. Я читалъ, что браки между родственниками производятъ глухонѣмыхъ; правда, что по нашему каноническому закону браки между родственниками до 5 колѣна не дозволяются, тѣмъ не менѣе люди одной мѣстности, исключительно вѣнчаясь между собой, часто должны повѣнчаться и въ родственной средѣ.

18-го генваря.

Шесть дней, отъ 10-го числа, я пробылъ въ Демянскѣ на Мировомъ Съѣздѣ, который былъ преисполненъ занятіями по рекрутскимъ дѣламъ, о которыхъ, собственно, я и намѣренъ поговорить сегодня. Что же касается до дѣлъ, относящихся къ крестьянскому вопросу, то самое большое изъ нихъ была жалоба гр. Толстого на неправильный разборъ, сдѣланный посредникомъ Шестаковымъ, старинаго срока платежа оброковъ крестьянъ. Дѣло это.—довольно запутанное и ни на чемъ вѣрномъ не основанное, потому что письменныхъ доказательствъ нѣтъ, такъ что оно могло быть рѣшено только на основаніи сближенія нѣсколькихъ фактовъ и данныхъ признаваемыхъ обѣими сторонами, какъ помѣщиками, такъ и крестьянами.—было рѣшено въ пользу Толстого, такъ какъ было отмѣнено рѣшеніе посредника, что дѣлаетъ для крестьянъ разницу въ 5 мѣсяцахъ уплаты оброка. Подобное рѣшеніе Съѣзда было сдѣлано послѣ очень долгихъ разсужденій на основаніи данныхъ, бывшихъ въ виду въ это время, т.-е. было сдѣлано совершенно правильно; но по окончаніи Съѣзда, уже въ частномъ раз-

Digitized by Google

говорѣ съ Шестаковымъ, оказалось, что онъ недостаточно настаивалъ на одномъ фактѣ, о которомъ нѣсколько разъ упоминалось вскользь, но который имѣетъ самое важное значеніе при рѣшеніи дѣла. Фактъ этотъ, обвиняющій Толстого совершенно, представляетъ весь вопросъ въ другомъ видѣ, т.-е., оправдываетъ крестьянъ, которые присуждены, значитъ, къ неправильной уплатѣ оброка за 5 лишнихъ мѣсяцевъ. Дѣло это, какъ рѣшенное, непоправимо на Съѣздѣ, члены котораго очень пеняли Шестакову за то, что онъ не удержалъ вниманія нашего на обстоятельствѣ чрезвычайно важномъ для вѣрнаго пониманія дѣла. Подобный казусъ случается, впрочемъ, не въ первый разъ, и всякій разъ это происходило отъ неумѣнія посредника вѣрно поставить вопросъ и защищать своё рѣшеніе съ достаточною убѣдительностью для другихъ членовъ; не одинъ разъ оказывалось также впослѣдствіи, что рѣшеніе Съѣзда было сдѣлано неправильно, но исправленіе рѣшенія было невозможно.—Занятія наши по рекрутскимъ дѣламъ состояли въ разборѣ жалобъ на назначеніе рекрутъ, сдѣланное волостными сходами; многія жалобы были вполнѣ справедливы, а по нѣкоторымъ другимъ ясно видно лихоимство волостныхъ писарей, невѣрно составившихъ очередные рекрутскіе списки. Нужно замѣтить, что во всѣхъ волостяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ принятъ очередной порядокъ для назначенія рекрутъ. Порядокъ этотъ, имѣющій законную опредѣлительность, хорошъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что предотвращаетъ произволъ со стороны сходовъ, но и при немъ, однако, есть нѣсколько попытокъ неправильнаго и обиднаго назначенія въ рекруты однихъ, тогда какъ другіе, болѣе вліятельные и богатые, оставлены даже безъ помѣщенія въ списокъ. Главнѣе всего оказывается, однако, самый пріемъ рекрутъ въ рекрутскомъ уѣздномъ присутствіи. Демянское рекрутское Присутствіе, за исключеніемъ кандидата мирового посредника Шамшева, вполнѣ прекраснаго человѣка, назначеннаго именно для противодѣйствія другимъ членамъ, есть сиклитъ людей, чающихъ сорвать взятку со всякаго представляемаго въ рекруты и со всякаго отдатчика, особенно наемниковъ. Вся канцелярія рекрутскаго присутствія, вся самая даже мелочь, имѣющая лишь какое-нибудь отношеніе къ дѣлу, тянетъ взятку и тянетъ немилосердымъ, отвратительнымъ образомъ. Я имѣлъ нѣкоторый случай убѣдиться въ этомъ при сдачѣ наемника одного нашего крестьянина; говорятъ, что я избавилъ его отъ 20 р. с. расхода только тѣмъ, что самъ присутствовалъ при сдачѣ его рекрута; я не знаю пока, что стоили ему еще другіе расходы, но полагаю, что обошлось не безъ этого. Всему виной нашъ предводитель, съ которымъ мы воевали по этому слу-

Digitized by Google

чаю самымъ рѣшительнымъ образомъ; самъ онъ не прочь взять и, безъ сомнѣнія, береть. Мнѣ отвратительно было видѣть всю омерзительную процедуру сдачи рекрутъ, — процедуру, основанную на лихоимствѣ, подлости и подкупѣ, какъ для того, чтобы сдать, такъ и для того, чтобы избавиться отъ сдачи, словомъ — мерзость страшная. Я совершенно громко говорю объ этомъ и не перестану говорить вездѣ и всюду о злѣ, воплощенномъ у насъ въ Демянскѣ въ лицѣ всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ. Сдача наемщика нашего крестьянина достаточно убѣдила меня, въ чемъ дѣло, и я, видя продѣлку доктора Померанцева, убѣдился, что онъ очень былъ обиженъ, что ему ничего не заплатили. Гадость, и еще тысячу разъ гадость дѣлается теперь въ Демянскѣ.

31-го генваря.

Я возвратился изъ Новгорода, побывавъ проѣздомъ въ Руссѣ, въ тамошнемъ рекрутскомъ Присутствіи. Въ Новгородѣ Мировой Съѣздъ не представлялъ собой ничего новаго; опять тоже самое намѣреніе исказить законъ и натянуть его въ ущербъ крестьянамъ и вопреки самой очевидной справедливости. Дѣло, возбудившее въ этотъ разъ мой протестъ, относилось къ хлѣбному магазину крестьянъ помѣщика Неклюдова, который нахальнымъ образомъ настаивалъ, чтобы зданіе магазина было бы отнято отъ крестьянъ и чтобы весь хлѣбъ, излишній противъ законной пропорціи, былъ бы тоже отданъ ему. Нужно замѣтить, что г-нъ Неклюдовъ, несмотря на свои 73 года, человѣкъ въ высшей степени наглый,— по крайней мѣрѣ репутація его самая дурная, и я, еще не видѣвши его, давно зналъ объ немъ, какъ о дурномъ человѣкѣ. Еще лѣтомъ онъ настаивалъ у посредника барона Ренне I о возвращеніи ему магазина, но потомъ сдался и согласился отдать крестьянамъ какъ самое зданіе, такъ и весь хлѣбъ; къ несчастью мировой посредникъ не облекъ это дѣло въ законную форму, хотя лѣтомъ лично разсказывалъ мнѣ о своемъ торжествѣ надъ наглостью Неклюдова, который нынче, воспользовавшись, вѣроятно, тѣмъ, что баронъ Ренне I уже не посредникомъ предъявилъ на Мировомъ Съѣздѣ свое нахальное требованіе съ цѣлью ограбить крестьянъ. Составъ нашего Новогородскаго Мирового Съѣзда очень сподрученъ для выпрыванія подобныхъ несправедливыхъ дѣлъ, и г-нъ Неклюдовъ, къ стыду Мировыхъ Учрежденій, нашелъ себѣ горячаго защитника въ посредникѣ Тырковѣ и отчасти въ предсѣдателѣ Съѣзда — Малевичѣ. Къ счастью моему, я могъ первоначально настоять на непринятіи этого дѣла совершенно къ разбору, вслѣдствіе того, что

совершенно такое же дѣло помѣщика Бобылева не было раньше принято Съѣздомъ по его неподсудности Съѣзду. такъ что г-нъ Бобылевъ согласился на третейскій судъ и выбралъ меня посредникомъ со своей стороны. Тырковъ и Малевичъ настаивали, чтобы рѣшить дѣло въ пользу Неклюдова на томъ собственно основаніи, что этотъ хлѣбный магазинъ каменный, стоитъ большихъ денегъ и устроенъ для 7000 четв. хлѣба; логики этой г-да эти придерживаются постоянно. и потому-то они всегда обращаются небрежно и грубо съ бѣдными помѣщиками, поверхностно разбираютъ ихъ жалобы. часто даже оставляютъ ихъ безъ удовлетворенія. но, съ другой стороны, дѣлаютъ всѣ беззаконія для помѣщиковъ богатыхъ и съ хорошей фамиліей; уже не знаю. какъ и назвать эту черту у Тыркова—лакейская ли угодливость, или уваженіе и слѣпое подчиненіе вліятельнымъ людямъ. — Чтобы еще больше разъяснить членамъ Съѣзда Неклюдовское дѣло. а главное удержать нѣкоторыхъ членовъ Съѣзда, шаткость мнѣній которыхъ поразительна, на моей сторонѣ. я отыскалъ Циркуляры Министерства объ этомъ предметѣ. и въ нихъ совершенно категорически высказано: что какъ самыя зданія. такъ и весь хлѣбъ, заключенный въ хлѣбныхъ магазинахъ, считаются крестьянскою мірскою собственностью, которая должна быть отдана въ сельское общество на томъ правильномъ основаніи, что весь этотъ хлѣбъ былъ произведенъ трудами крестьянъ, ихъ удобреніемъ, сѣменами и прочее, что же касается до зданій магазиновъ, то, хотя матеріалъ и былъ помѣщичій, но трудъ былъ крестьянскій. Кажется, все это высказано совершенно категорически, такъ что не могло быть никакого сомнѣнія въ разрѣшеніи дѣла Неклюдова; между тѣмъ Тырковъ и тутъ спорилъ на основаніи особой логики, присущей крѣпостникамъ. Неклюдовъ подался, однако, немного, когда я на другой день указалъ ему на законъ, по которому помѣщикъ отвѣчаетъ взысканіемъ съ него, если у крестьянъ нѣтъ зданія для магазина, и если хлѣбъ не въ полномъ количествѣ; съ другой стороны, я доказалъ ему. что не всѣ дѣйствія помѣщика, совершенныя, по его мнѣнію, въ силу крѣпостного права, терпимы закономъ, который, и при крѣпостномъ правѣ, наблюдалъ за помѣщиками и бралъ подъ опеку тѣ имѣнія, гдѣ крѣпостное право переступало границы, означенныя въ IX т. Свода законовъ о состояніяхъ. Дѣло Неклюдова поручили Съѣздомъ Мировыхъ Посредниковъ молодому барону Ренне. человѣку невинному и наивному по своему невѣдѣнію во всякомъ дѣлѣ; воображаю, сколько еще хлопотъ и споровъ придется имѣть на будущемъ Мировомъ Съѣздѣ. Чѣмъ ближе и ближе знакомлюсь я съ характеромъ дѣйствій Новогородскаго Мирового

Digitized by Google

Съѣзда, тѣмъ болѣе и болѣе проникаюсь грустнымъ убѣжденіемъ, что наша Губернія, даже въ лицѣ людей, считающихся у насъ передовыми какъ по воспитанію, такъ и по нравственнымъ достоинствамъ, далеко не соотвѣтствуетъ тому назначенію, которое предоставлено будетъ въ скоромъ будущемъ самоуправленію каждой области. Пристрастность, односторонность, непотизмъ, кумовство и, ко всему этому, малая дѣятельность и привычка къ бюрократическимъ и чиновничьимъ пріемамъ,—вотъ будущій нашъ удѣлъ. Я сказалъ въ началѣ, что проѣздомъ черезъ Старую Руссу я побывалъ въ тамошнемъ рекрутскомъ Присутствіи, въ которомъ, повидимому, дѣло пріема рекрутъ идетъ скоро, безъ притѣсненія и взятокъ; понятно, что составъ Присутствія главная въ этомъ причина; члены его, будучи людьми вполнѣ порядочными,—по крайней мѣрѣ я ручаюсь за трехъ изъ нихъ: за предводителя, кандидата мирового посредника и полицмейстера, — много способствуютъ правильному и законному исходу дѣла.—не то, что въ Демянскомъ уѣздѣ. Я присутствовалъ у насъ въ Присутствіи на очень скандалезной исторіи, третьей, говорятъ, по счету со времени начала пріема рекрутъ, которыхъ, между прочимъ, было принято въ то время очень мало, тогда какъ въ Руссѣ пріемъ былъ къ концу. Скандалъ состоялъ въ публичномъ и гласномъ обвиненіи доктора Померанцева, взявшаго съ одного государственнаго крестьянина 50 р. с. за сдачу рекрута. Скандалъ этотъ сдѣлалъ Шашевъ; со свойственною ему энергіею онъ былъ обвинителемъ доктора; составили актъ; докторъ запирался, но потомъ покаялся и возвратилъ деньги Просто гадость важная; но кажется теперь г-да эти поуменьшили свои ожиданія на счетъ благостыни отъ пріема рекрутъ; Шашневъ держитъ ухо остро, и всѣ боятся его; зато ужъ какъ бранитъ его нашъ Обрѣзковъ, вѣрно самъ много потерялъ въ своихъ ожиданіяхъ. Начали и у насъ наконецъ понемногу преслѣдовать, путемъ гласнымъ, подобныя гадости, и за то ужъ какъ не нравятся почтенной братіи взяточниковъ подобные обвинители. У насъ въ уѣздѣ былъ только первый опытъ дѣлать гадости при пріемѣ рекрутъ; но въ Новгородѣ, въ Казенной Палатѣ, дѣло это достигло своего апоѳеоза. Палата наша получила извѣстность въ цѣлой Россіи, сюда везутъ сдавать рекрутъ отъ всѣхъ концовъ нашего отечества; говорятъ, что есть такса на всѣ сомнительные случаи; говорятъ также, что въ Новгородѣ есть какой то маіоръ, который за 700 р. сдаетъ охотниковъ и выправляетъ квитанціи за какого угодно рекрута; чуть нельзя ли за деньги въ Палатѣ сдать бабу вмѣсто рекрута. Я говорилъ когда то о непріятностяхъ, происшедшихъ между г-жей Шестаковой и ея работницами Мекленъ-

Digitized by Google

бургцами; дѣло это, темное до сихъ поръ, окончательно разъяснилось; Мировой Посредникъ Пущинъ разобралъ его, и нѣмцы оказались совершенно правы въ своихъ жалобахъ; Шестакова обманывала ихъ, записывала по нѣскольку разъ одну и ту же выдачу провизіи. Нѣмцы эти отошли теперь къ Толстому и еще къ кому-то. Я удивляюсь одному: какъ можно быть вдвойнѣ недобросовѣстнымъ; во-1-хъ, обманывать нѣмцевъ, во-2-хъ, говорить о нихъ, какъ о людяхъ негодныхъ, тогда какъ самъ виноватъ, да еще такимъ двусмысленнымъ образомъ. Къ счастью, правда торжественно восторжествовала; и я винюсь передъ г-мъ Девельновымъ, взявшимъ на себя трудную адвокатуру въ пользу нѣмцевъ.—Основываясь на словахъ Шестаковыхъ, я полагалъ до сихъ поръ, что это былъ просто интриганъ, теперь я вижу, что это человѣкъ благородный, горячо принявшій слабую, но справедливую сторону. Опять и въ этомъ случаѣ виденъ зародышъ хорошаго будущаго: одинъ дворянинъ идетъ противъ другого во имя правды; другой, разбирая дѣло безъ натяжки, признаетъ виновнымъ дворянина-же и оправдываетъ нѣмцевъ. Завтра на Съѣздѣ въ Демянскѣ я узнаю объ этомъ дѣлѣ болѣе подробно; впрочемъ и этого довольно, чтобы сказать о немъ свое слово.

10-го февраля.

Вчера въ нашемъ приходѣ происходила повѣрка неправильныхъ дѣйствій Станового Пристава, на котораго я жаловался Исправнику, вслѣдствіе того, что онъ, пріѣхавъ въ Воронино по жалобѣ церковнаго подрядчика Карпова на нашихъ крестьянъ, поступалъ съ послѣдними по привычкѣ стараго времени, т. е. видѣлъ въ мужикѣ безгласное существо, а въ себѣ, Становомъ Приставѣ, Юпитера-громовержца. Дознаніе, произведенное Непремѣннымъ Членомъ Земскаго суда, обвиняетъ совершенно Станового, для котораго этотъ первый урокъ будетъ очень полезенъ впослѣдствіи. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ оттого, что оно было причиной, вызвавшей со стороны нашихъ крестьянъ выраженіе полнаго довѣрія ко мнѣ; я просто былъ подавленъ полнотою и искренностью чувствъ, высказанныхъ вчера и сегодня крестьянами; но я сомнѣваюсь, чтобы я дѣйствительно заслужилъ отъ нихъ это въ такой степени.

22-го февраля.

19-го февраля совершилось два года со времени обнародованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ; въ этотъ день прекратились,

Digitized by Google

наконецъ, всѣ личныя крѣпостныя отношенія дворовыхъ людей, послѣдніе остатки крѣпостного права; въ этотъ день должны также быть введены въ дѣйствіе всѣ Уставныя Грамоты, т.-е. должны быть регулированы поземельныя повинности крестьянъ и прекратиться тягловые оброки и смѣшанная повинность. По нашей губерніи во многихъ уѣздахъ, особенно въ Валдайскомъ, Боровицкомъ и нѣкоторыхъ сѣверныхъ уѣздахъ, есть много не сдѣланныхъ Уставныхъ Грамотъ, особенно для имѣній мелкопомѣстныхъ; мнѣ говорилъ Губернаторъ, что почти треть грамотъ не окончены, для чего и приглашены въ настоящее время непремѣнные члены земскихъ судовъ и разосланы чиновники. Въ моихъ уѣздахъ всѣ Грамоты кончены; въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Мировомъ Участкѣ, у Гурьева осталось однако несдѣланными 16 или 18 описей мелкопомѣстныхъ имѣній. Я всегда говорилъ, и теперь повторяю, что по окончаніи законнаго срока, предоставленнаго помѣщикамъ для составленія Уставныхъ Грамотъ, правительство должно бы было немедленно распорядиться объ одновременномъ переведеніи всѣхъ крестьянъ на душевую по Положенію повинность, чѣмъ достигли бы справедливости не только по отношенію крестьянъ, но и самихъ помѣщиковъ; а то одни изъ нихъ продолжали пользоваться смѣшанною повинностью или возвышеннымъ тягловымъ оброкомъ, тогда какъ сосѣди ихъ давнымъ-давно поторопились исполнить законъ и перевести крестьянъ на душевую повинность иногда значительно меньшую по размѣру прежде бывшей тягловой. Но мнѣ извѣстно, что нѣкоторые помѣщики льстили себя пріятною надеждою, что и послѣ 19 февраля, въ случаѣ несоставленія въ ихъ имѣніи Уставной Грамоты, крестьяне должны будутъ нести прежнюю повинность до времени составленія Грамоты, т.-е. въ продолженіе болѣе или менѣе опредѣленнаго времени. На послѣднемъ Старорусскомъ Мировомъ Съѣздѣ, бывшемъ 12 числа, Зуровъ заявлялъ подобныя ожиданія и былъ не мало озадаченъ, когда вопросъ этотъ былъ рѣшенъ категорически, т.-е. съ 19 февраля крестьяне его отправляютъ повинность по Положенію, чего онъ сильно не желалъ, и въ отвращеніе чего онъ думалъ замедлить введеніе въ дѣйствіе своихъ Уставныхъ Грамотъ, дѣлая на нихъ возраженія и стараясь доказать ихъ незаконность. Маневръ этотъ былъ замѣченъ мною тотчасъ же, т.-е. въ началѣ засѣданія Съѣзда, приступившаго къ разсмотрѣнію его Грамотъ; но Зуровъ долженъ былъ оставить его, какъ только я поднялъ вопросъ о прекращеніи въ его имѣніи прежде бывшей тягловой повинности и о переводѣ крестьянъ на повинность душевую. Вѣроятно это засѣданіе Старорусскаго Мирового Съѣзда не обошлось для Гурьева безъ непріят-

Digitized by Google

ныхъ ощущеній отъ неудавшихся разсчетовъ и разочарованія; съ другой же стороны отъ того, что двусмысленный и несовсѣмъ честный образъ его дѣйствій по отношенію его довѣреннаго лица. г-на Щербакова. былъ разоблаченъ мною со всею рѣзкостью истины и со всею неумолимостью логики, изобличающей неправду и выводящей на чистую воду двусмысленный образъ дѣйствій. Нужно прибавить. что все это происходило въ публичномъ засѣданіи Съѣзда, на квартирѣ дворянскаго предводителя, въ присутствіи множества крестьянъ имѣнія Зурова и при посѣтителяхъ изъ дворянскаго сословія. Дѣло состояло въ томъ, что Зуровъ. видя, что такъ или иначе, но Грамоты его будутъ утверждены Съѣздомъ, сталъ оспаривать ихъ съ той точки зрѣнія, что Щербаковъ не имѣлъ права изъявить своего согласія на нѣкоторые пункты Грамотъ, которыя по этому самому дѣлались незаконными и недѣйствительными. Такъ какъ мы, т.-е. члены Съѣзда. не могли сомнѣваться. чтобы г. Щербаковъ могъ бы принять участіе въ Грамотахъ Зурова, не имѣя на то его довѣрія, то мы, не спрашивая отъ него предварительно довѣрительнаго письма, т.-е. не повѣряя его правъ на участіе въ Грамотахъ Зурова, разсуждали, спорили, толковали съ нимъ о дѣлѣ, полагая. что все это совершенно законно. Вдругъ Зуровъ начинаетъ вводить насъ въ сомнѣніе на счетъ правъ Щербакова, а наконецъ окончательно заявляетъ намъ. что Щербаковъ не имѣетъ довѣрія составлять Уставныя Грамоты, а долженъ только представлять проекты ихъ на благоусмотрѣніе и утвержденіе помѣщицы—его жены. Понятно, что я былъ возмущенъ такимъ непозволительнымъ поведеніемъ со стороны Щербакова, и по своему рѣзко и настоятельно требовалъ отъ него, чтобы онъ тотчасъ же предъявилъ намъ свои права на участіе въ Грамотахъ Зурова. при чемъ замѣтилъ. что такъ шутить нельзя, и что Мировой Съѣздъ не можетъ дозволить, чтобы съ нимъ дѣлали подобныя выходки. Щербаковъ. до крайности раздосадованный, обратился рѣзко къ Зурову, сказавъ. что онъ тотчасъ же докажетъ ему, что онъ вправѣ былъ сдѣлать то, что́ сдѣлалъ, и съ этими словами отправился домой, чтобы принести свою довѣренность. По предъявленію ея оказалось, что она давала полное право Щербакову составлять Уставныя Грамоты. т.-е. обнаружила Зурова съ самой невыгодной стороны; скандалъ былъ полный, я не желалъ побывать въ это время въ Зуровской кожѣ. и не знаю, какъ все это онъ перенесъ. Видя мою неправоту по отношенію къ Щербакову, я горячо просилъ извинить меня въ томъ, что я подвергнулъ сомнѣнію его образъ дѣйствій, и что я поставилъ его въ столь непріятное и нелобкое положеніе передъ цѣлымъ обществомъ, при

Digitized by Google

чемъ присовокупилъ, что вина всего случившагося падаетъ не на меня, а на Зурова. По окончаніи Съѣзда всѣ въ одинъ голосъ сказали, что Зуровъ поступилъ не честно, и дѣйствительно это такъ. Я нѣсколько раскусилъ этого барина и вижу, что онъ человѣкъ недобросовѣстный, разсчитывающій всегда выиграть свое дѣло его затемнѣніемъ, обходами, словомъ обманомъ, и какъ только-что все это мало-по-малу разоблачилось, и какъ только-что его маневры дѣлались очевидными, то онъ старается всегда перейти къ другому вопросу, видя свою неудачу въ начатомъ дѣлѣ. Безъ сомнѣнія, однако, Зуровъ почувствовалъ, что зашелъ уже слишкомъ далеко въ Старой Руссѣ по двусмысленному, предосудительному пути, потому что, будучи въ Новгородѣ у Губернатора и другихъ лицъ, онъ, имѣя всѣ причины жаловаться передъ ними на Старорусскій Мировой Съѣздъ, совершенно умолчалъ объ немъ, но жаловался на дѣйствіе Демянскаго Съѣзда, который нашелъ его Уставную Грамоту на деревни Мелеги и Чечилова, составленную незаконно, а потому измѣнилъ какъ нарѣзку земли, такъ и самую Грамоту. Я имѣлъ уже не одинъ случай убѣдиться, что есть много богатыхъ г-дъ малодобросовѣстныхъ и никогда не идущихъ прямо по пути.

23-го февраля.

Новогородскій Мировой Съѣздъ, куда я отправился изъ Руссы, не представлялъ собой никакого интереса за неимѣніемъ дѣлъ, непосредственно до него относящихся. Вопросъ, о которомъ болѣе всего разсуждали Посредники, касался упорства крестьянъ нѣкоторыхъ имѣній платить оброки по Уставнымъ Грамотамъ; разсужденіе это имѣло мѣсто по поводу отказа крестьянъ помѣщика Меллера Закомѣльскаго, въ участкѣ Посредника Тыркова, уплатить оброчную недоимку, несмотря на полицейскія мѣры взысканія, т.-е. розги, употребленныя становымъ приставомъ. По этому поводу я высказалъ нѣсколько замѣчаній, которыя и приведу здѣсь. По моему мнѣнію, неплатежъ оброковъ имѣетъ четыре причины, которыя нужно предварительно изслѣдовать въ каждомъ данномъ случаѣ, и потому каждый разъ поступать сообразно ихъ, а не рѣшать дѣла полицейскимъ путемъ, признавая въ крестьянахъ упорство и неповиновеніе, которыхъ въ большей части случаевъ вовсе нѣтъ. Крестьяне могутъ не платить оброковъ: во 1-хъ, вслѣдствіе своего жалкаго положенія, бѣдности и предыдущаго разоренія; въ этомъ случаѣ нужно не преслѣдовать ихъ, а пособить имъ, т.-е. на основаніи закона уменьшить ихъ оброкъ, взойдя съ представленіемъ въ

Digitized by Google

Губернское Присутствіе; во 2-хъ, вслѣдствіе несовпаденія сроковъ взноса оброка съ тѣмъ временемъ, когда у крестьянъ есть деньги; есть эпохи безденежья для крестьянъ, которыя зависятъ отъ недостатка заработковъ и другихъ мѣстныхъ причинъ,—перемѣните сроки взноса оброка, и все дѣло уладится само собой; въ 3-хъ, вслѣдствіе различныхъ недоразумѣній и сомнѣній, не объясненныхъ и не разрѣшенныхъ крестьянамъ со стороны Посредниковъ, также вслѣдствіе пристрастнаго и незаконнаго составленія Уставныхъ Грамотъ, вслѣдствіе недовѣрія къ помѣщикамъ и къ Посредникамъ, вслѣдствіе раздраженнаго состоянія духа, въ которое введены многіе Мировые Участки незаконнымъ образомъ дѣйствій Посредниковъ, ихъ пристрастіемъ къ помѣщикамъ и ихъ недоброжелательствомъ къ крестьянамъ; наконецъ, вслѣдствіе запутанности и безтолковаго положенія дѣлъ, что происходитъ, въ свою очередь, отъ недѣятельности, безтолковости, слабости характера, вѣтренности и поблажки крестьянамъ, словомъ—отъ свойствъ самихъ г-дъ Посредниковъ. Поправить подобное положеніе не легко; но нѣтъ никакого основанія винить крестьянъ, когда виноваты Посредники, нѣтъ никакого основанія прямо прибѣгать къ внѣшней силѣ, когда нужно и должно употребить другія средства, болѣе раціональныя; въ 4-хъ, вслѣдствіе прямого упорства крестьянъ, происходящаго часто, однако, отъ лжетолкователей и нелѣпыхъ слуховъ; удалите причину, накажите виновныхъ, но не доводите этого временнаго упорства до фанатизма, до сознанія мученичества за правду. Поставить военную экзекуцію очень просто; но она, кромѣ разоренія крестьянъ, значитъ кромѣ окончательнаго лишенія помѣщика всякой возможности, въ продолженіе очень долгаго времени, получать оброкъ, — ни къ чему хорошему не ведетъ. Лучше предоставить крестьянамъ сдѣлать обязательный выкупъ: помѣщикъ въ этомъ случаѣ теряетъ немного, и именно 20%, которые крестьяне вовсе и не обязаны вносить ему безъ ихъ добровольнаго на это согласія; выкупивши же землю, крестьяне безпрекословно станутъ платить въ казначейство по своей привычкѣ уплачивать безнедоимочно всѣ казенные платежи; наконецъ, въ случаѣ недоимки, на извѣстный процентъ которой разсчитываетъ впередъ само правительство, никто ничего не теряетъ; при оброчной же недоимкѣ частное лицо, т.-е. помѣщикъ, лишается часто всего, значитъ, не сможетъ выдержать такого положенія. Мнѣ извѣстно, что военная экзекуція, поставленная въ имѣніи помѣщика Рыкачева, въ Валдайскомъ уѣздѣ, не привела ни къ какому полезному результату: простоявъ 2 мѣсяца, значитъ надолго разоривъ крестьянъ, она была въ очевидный ущербъ самому же помѣщику. Я полагаю, что за это дѣло нужно

Digitized by Google

бы было иначе взяться. т.-е., изслѣдовавъ его хорошенько начать дѣйствовать. Я не спорю. что въ настоящее время вообще замѣтна неторопливость со стороны крестьянъ платить оброкъ. и, какъ бы исправно они ни платили его, всегда нужно нѣсколько разъ напоминать имъ и настаивать, чтобы платежи были выполнены въ срокъ. Отчего это происходитъ, пойметъ всякій. кто платилъ, напр.. наемную. срочную плату за квартиру въ городѣ; сколько разъ хозяинъ дома напоминаетъ своимъ жильцамъ. что срокъ уплаты за квартиру наступилъ. и много ли есть такихъ жильцовъ, которые сами собой торопятся внести деньги. Я полагаю, что тоже самое относится и къ крестьянамъ. По окончаніи Новогородскаго Мирового Съѣзда я ѣздилъ за 35 верстъ отъ Новгорода на третейскій судъ помѣщика Бобылева съ его крестьянами по поводу сомнѣнія касательно принадлежности хлѣба въ магазинѣ Судъ этотъ устроился вслѣдствіе того, что Мировой Съѣздъ, по неподсудности самаго дѣла, отказалъ помѣщику Бобылеву въ разсмотрѣніи его жалобы на крестьянъ. на которыхъ онъ жаловался. что они самовольно разобрали будто овесъ. находящійся въ его хлѣбномъ магазинѣ; крестьяне же, съ своей стороны. доказывали. что весь хлѣбъ былъ мірской, т.-е. собранъ ими съ ихъ собственныхъ полей, ими же обработанныхъ. Бобылевъ избралъ меня своимъ частнымъ Посредникомъ. крестьяне избрали, съ своей стороны, волостного старшину. а на случай разногласія между нами былъ избранъ общимъ Посредникомъ Мировой Посредникъ Гурьевъ. Я благодарилъ Бобылева за довѣріе. очень лестное для меня, которымъ онъ почтилъ меня, но настаивалъ однако на томъ, чтобы онъ не думалъ, что я буду въ этомъ дѣлѣ его адвокатомъ; я говорилъ ему, что я буду рѣшать дѣло по моей совѣсти и только. По-правдѣ сказать, я, какъ и всѣ, были очень удивлены такому выбору Бобылева; мои убѣжденія совершенно свободны отъ сословнаго пристрастія къ интересамъ дворянства; мой взглядъ. совершенно не зависящій отъ того, что это справедливо только потому, что совершилось въ силу крѣпостного права, — давно всѣмъ извѣстенъ; но Бобылевъ избралъ меня. и я не имѣлъ ни причины, ни обязательства отказаться отъ его выбора. Самое дѣло состояло въ слѣдующемъ: крестьяне дер. Люболяды. въ числѣ 91 души, въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ собирали въ мірской магазинъ съ каждой тягловой души по 1 четверику ржи и овса; помѣщикъ же Бобылевъ, въ силу крѣпостного права, пользовался изъ этого хлѣба для своего домашняго употребленія. сколько ему требовалось, но никогда не продавалъ однако этого хлѣба. По обнародованіи манифеста, въ маѣ мѣсяцѣ 61 года, хлѣба оказалось: ржи 119 четв.

Digitized by Google

и овса 165 четв.; крестьяне разобрали себѣ на посѣвъ овса 85 четв., по списку, написанному рукой самого помѣщика въ двухъ экземплярахъ. Помѣщикъ требовалъ теперь отъ крестьянъ возвращенія себѣ 85 четв. овса. разобранныхъ на посѣвъ, при чемъ считалъ, что и весь остальной овесъ составляетъ его личную собственность, на томъ основаніи, что, въ силу крѣпостного права, хлѣбъ собирался по его приказанію, значитъ для него. и такъ какъ онъ могъ его взять въ то время себѣ, то и считаетъ и теперь хлѣбъ своимъ. Относительно ржи Бобылевъ отдавалъ ее крестьянамъ, какъ мірской хлѣбъ. обязательный по закону, при чемъ лишнюю противъ положенія рожь. т.-е. 28 четв.. переводилъ въ овесъ. Послѣ подробнаго разсмотрѣнія дѣла. изъ коего сдѣлалось для меня яснымъ, что весь безъ исключенія хлѣбъ составляетъ собственность крестьянъ. я предложилъ Бобылеву покончить дѣло примиреніемъ, но онъ ни за что не хотѣлъ входить ни въ какія соглашенія съ крестьянами, напротивъ того, тутъ же упрекалъ и ссорился съ ними. Видя неудавшуюся попытку мою съ этой стороны, я обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ крестьянамъ, и они сразу уменьшили свои требованія. говоря, что изъ овса. который находится нынче налицо, они желаютъ получить только казенную мірскую пропорцію, т.-е. 45 четвертей. Я снова обратился къ Бобылеву, желая. чтобы онъ сдѣлалъ хоть одинъ шагъ къ примиренію для того, чтобы еще болѣе склонить крестьянъ на уступку. но и въ этотъ разъ Бобылевъ рѣзко не соглашался. Истощивъ средства примиренія, мы приступили къ рѣшенію дѣла по совѣсти, и дѣйствительно было бы очень безсовѣстно не признать всего хлѣба крестьянскою собственностью. за исключеніемъ, разумѣется. сдѣланной ими добровольной уступки. Рѣшеніе это громомъ поразило Бобылева, и онъ долго не могъ прійти въ себя; онъ, кажется. полагалъ, что я буду рѣшать дѣло въ его пользу, а въ случаѣ моего разногласія со старшиной, Гурьевъ придетъ къ намъ на помощь. Но зная или слыша про мои убѣжденія, неужели Бобылевъ полагалъ, что я отступлюсь отъ нихъ и вступлю въ сдѣлку съ моею совѣстью. чтобы избѣгнуть нареканія. а можетъ быть и дурной репутаціи въ средѣ дворянъ уѣзда. Гурьевъ показалъ себя въ этомъ обстоятельствѣ съ очень дурной стороны: во 1-хъ. онъ не видитъ и не понимаетъ разницы между рѣшеніемъ дѣла миромъ самихъ тяжущихся сторонъ и рѣшеніемъ дѣла третьей стороною, по совѣсти. Въ первомъ случаѣ рѣшеніе можетъ состояться въ ущербъ матеріальнаго интереса правой стороны. впрочемъ это всегда такъ и бываетъ, — но требовать чтобы рѣшеніе дѣла по совѣсти третьею стороною не возстановляло вполнѣ права стороны правой, а было бы благой се-

Digitized by Google

рединой, juste milieu, доказываетъ полное незнакомство съ юридической азбукою и полное пристрастіе къ сословному, дворянскому интересу. Во 2-хъ, Гурьевъ показалъ, что въ немъ сидитъ Татаринъ, несмотря на всѣ внѣшнимъ образомъ усвоенныя имъ формы современнаго человѣка. Grattez un peu le Russe et on y trouve un Tartare, справедливо замѣтилъ Наполеонъ III; мы всѣ очень гуманны и либеральны на словахъ; мы всѣ признаемъ права равенства человѣка, независимо отъ его рожденія и общественнаго или служебнаго положенія, мы всѣ нисходимъ съ величія нашего дворянскаго достоинства, чтобы покамарадничать съ мужикомъ, чтобы побратничать съ нимъ, насколько это требуется современностью и даже нашими личными выгодами; но лишь только этотъ простофиля-мужикъ подумаетъ въ самомъ дѣлѣ отнестись къ намъ какъ къ человѣку, равному себѣ, т.-е. прямо высказать намъ свой образъ мыслей, иногда не соотвѣтствующій съ нашими воззрѣніями, мы тотчасъ же оскорбляемся, оскаливаемся, грозимся административными или полицейскими мѣрами дать ему почувствовать, что̀ такое онъ, и что̀ такое мы, повышаемъ голосъ, грозимъ пальцемъ, словомъ, внушаемъ мужику-простофилѣ, что всякій сверчокъ знай свой шестокъ. И дѣйствительно, какъ глупъ этотъ мужикъ: онъ въ самомъ дѣлѣ вообразилъ, что мы были искренни по отношенію его; дуракъ, развѣ онъ не видитъ, что мы нисходимъ до него настолько, насколько это насъ тѣшитъ и забавляетъ, насколько это требуется современными модами либераловъ, напоминающихъ собой тѣхъ Мирабо, которые дуютъ Гаврилъ въ усъ да въ рыло. Я былъ глубоко возмущенъ и оскорбленъ сценой Гурьева со старшиной-посредникомъ, которому онъ вздумалъ-было читать нравоученіе, но который что-то на это возразилъ ему. Я вступился за старшину и рѣзко высказалъ Гурьеву всю неумѣстность его начальническаго тона, его угрозъ оштрафовать старшину, его повышеніе голоса и тому подобное Татарство; я прямо сказалъ, что старшина призванъ въ нашу среду, какъ человѣкъ, пользующійся правами совершенно равными со всѣми нами; и, для прекращенія скандала, просилъ хозяина дома, Мирового Посредника Рыкачева, отпустить старшину домой. Грустно и больно видѣть это Татарство, худо прикрытое лоскомъ моднаго современнаго либерализма; для меня откровенный и честный крѣпостный (sic. крѣпостникъ?) лучше этихъ псевдо-либераловъ.

Digitized by Google

13-го марта.

Крестьяне наши стали наконецъ убѣждаться въ справедливости многихъ указаній моихъ, дѣлаемыхъ имъ въ періодъ составленія Уставныхъ Грамотъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ они увидѣли наконецъ всю нелѣпость своихъ несбыточныхъ ожиданій и всю неосновательность своего упрямства, которое послужило во вредъ ихъ же собственнымъ интересамъ. Слова мои, относящіяся къ предмету ихъ поземельнаго устройства, оправдались со всею очевидностью, и недавно еще бывшіе у меня крестьяне дер. Кадникова вполнѣ сознались въ своей ошибкѣ, отказавшись отъ законнаго пользованія частью пуст. Запрудья, о чемъ именно они и просили меня теперь. То же самое относится и къ крестьянамъ дер. Лаптева, посадившихъ себя на уменьшенный надѣлъ, при которомъ имъ положительно нельзя жить; они тоже сознаютъ свою ошибку и должны будутъ войти со мной въ добровольное соглашеніе объ уступкѣ имъ во временное пользованіе нѣкоторой части земли изъ пуст. Красной горы. Безъ сомнѣнія, всѣ крестьяне вообще удивлены, что силою обстоятельствъ, которыхъ они не понимаютъ, и долго еще не поймутъ, они пришли къ тому противъ чего такъ долго неразумно и безплодно боролись, т.-е. пришли къ нормальнымъ условіямъ среды, гдѣ дѣйствуетъ нравственный и экономическій законъ: превосходство силы капитала передъ трудомъ, образованія передъ невѣжествомъ и нравственныхъ, качественныхъ данныхъ передъ матеріальными, количественными. Два года колеблящихся, шаткихъ и натянутыхъ отношеній двухъ сторонъ, т.-е. крестьянъ и помѣщиковъ, могли пугать людей близорукихъ и не понимающихъ того, что всякое коренное преобразованіе въ обществѣ сопровождается явленіями, можетъ быть, повидимому опасными, но совершенно естественными и преходящими, которые, подобно болѣзненнымъ физическимъ явленіямъ, сопровождающимъ всегда періодъ роста физическаго организма, могутъ безпокоить только врачей неопытныхъ, т.-е. не знающихъ того, что всѣ эти болѣзненныя явленія, составляющія собой необходимую реакцію организма, пройдутъ сами собой, безъ всякой помощи, и что послѣ нихъ организмъ выиграетъ въ здоровьѣ, свѣжести и крѣпости силъ. Многое уже установилось на почвѣ правильныхъ и покойныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; такъ, напр., поземельное устройство тѣхъ и другихъ; но есть все-таки не мало вопросовъ непочатыхъ, колеблящихся и приводящихъ въ смущеніе кажущеюся невозможностью ихъ правильнаго разрѣшенія людей опять-таки бли-

Digitized by Google

зорукихъ. Я разумѣю. напр.. вопросы порубокъ. потравъ. неисполненія обязательствъ со стороны наемныхъ работниковъ и. наконецъ, уклоненіе нѣкоторыхъ деревень отъ уплаты оброковъ. Я твердо убѣжденъ, что во всемъ этомъ непремѣнно восторжествуютъ общепринятыя, современныя начала справедливости и истины, т.-е. неприкосновенность права собственности; да иначе и быть (не) можетъ: крестьяне наши болѣе всего сами стоятъ за собственность. они далеки отъ малѣйшаго пониманія истинъ соціализма. этого идеала общественныхъ. человѣческихъ отношеній; напротивъ того, будучи менѣе образованы и развиты другихъ классовъ общества. они имѣютъ самый узкій взглядъ на право собственности; они необыкновенно стяжательны. необыкновенно цѣнятъ матерьяльныя блага; не понимая возможности многихъ высшихъ нравственныхъ удовольствій, идеалъ ихъ счастья есть чисто матерьяльный; и послѣ всего этого боятся. что право собственности не установится у насъ на самыхъ незыблемыхъ основаніяхъ. Манифестъ 19 февраля сразу распаталъ безчисленное множество условій и отношеній, утвердившихся вѣками и потому считавшихся незыблемыми и прочными. Вотъ уже 2 года, какъ все превратилось изъ прочныхъ положеній въ вопросъ. а потому. куда ни обратишься. вездѣ вопросы и вопросы. но нигдѣ нѣтъ разрѣшенія имъ, значитъ вездѣ и все въ броженіи, ничто не установилось, все въ ожиданіи, все въ переходномъ состояніи. Положеніе ненормальное и тяжелое, особенно въ деревенской средѣ, въ этомъ вѣковомъ затишьѣ, въ этой неподвижной средѣ. гдѣ все какъ будто замерзло въ рутинѣ, въ преданіи. въ предразсудкѣ и въ старинѣ. Можно ли встрѣтить иначе, какъ въ деревнѣ, привычку относиться къ давно прошедшимъ обстоятельствамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ настоящимъ, и искать въ нихъ прецедентовъ и указаній для настоящаго; мой отецъ умеръ, напр.. болѣе 15 лѣтъ, но я до сихъ поръ встрѣчаю, особенно у крестьянъ, указанія на его дѣятельность. имѣвшую основаніе въ свое время, но не долженствующую, однако, вѣчно повторяться. Привычка эта возможна только въ средѣ старовѣрческой, не обновляющейся новымъ. современнымъ движеніемъ, условіями. потребностями и взглядами. Ясно, что въ общественныхъ отношеніяхъ то же самое повторяется ежедневно, и что помѣщики, какъ и крестьяне. какъ-будто растерялись, очутившись на почвѣ, гдѣ все шатко и не установилось, гдѣ все вопросы и вопросы. и гдѣ нельзя приложить къ дѣлу старыхъ привычекъ. прошедшихъ прецедентовъ. Возьму, напр.. отношенія хозяевъ къ наемнымъ работникамъ,—какая взаимная неопредѣленность (правда. что въ продолженіе прошлаго года многое уже выяснилось

Digitized by Google

и многое, безъ сомнѣнія, установится). Но тутъ, безъ сомнѣнія, восторжествуютъ правильныя отношенія, а не анархическія, которыя такъ безпокоятъ всѣхъ недальновидныхъ г-дъ Загарныхъ съ компаніею. Г-да эти хотятъ, чтобы все сдѣлалось сразу, и не хотятъ заплатить за это дорогою цѣною личныхъ хлопотъ, безпокойствъ, неудовольствій, даже матеріальныхъ лишеній; подобная нетерпѣливость сродна только людямъ съ ограниченнымъ кругозоромъ, живущимъ для настоящаго дня и непривыкшимъ къ пониманію общихъ законовъ, крупныхъ явленій, напротивъ того, кропотящихся постоянно въ мелочахъ частностей, далѣе которыхъ они ничего не понимаютъ. Г-да эти, увидѣвъ вездѣ одни вопросы и вопросы, приходятъ въ отчаяніе, въ апатію, а иногда и въ раздраженіе, потому что не находятъ средства сразу порѣшить всѣхъ ихъ; правда, что нѣкоторые г-да сразу порѣшили, бросивъ, напр., свои хозяйства или отдавъ свои поля исполу, но, безъ сомнѣнія, они скоро раскаятся и обратятся къ болѣе правильному и терпѣливому образу дѣйствій. По моему мнѣнію, разрѣшить сразу, въ одинъ мигъ, всѣхъ поднятыхъ вопросовъ нѣтъ ни матеріальной, ни нравственной возможности, а потому лучше и благоразумнѣе рѣшать ихъ по одному, постепенно, терпѣливо, не раздражаясь и не сокрушаясь при видѣ постоянно и неотвязчиво окружающихъ васъ неразрѣшенныхъ еще вопросовъ. По моему мнѣнію, нужно было сперва разрѣшить собственно крестьянскій вопросъ въ главныхъ, общихъ его чертахъ, и мало-по-малу доходить до его подробностей; я лично такъ и сдѣлалъ съ нашими крестьянами, и только въ нынѣшнемъ году, когда они поняли и усвоили себѣ новыя свои отношенія къ помѣщику, я требую съ нихъ плату за отрѣзныя земли, которыми они пользовались безвозмездно въ прошлый годъ и не отъ моего однако великодушія, а силою обстоятельствъ, которымъ нужно было уступить. До сихъ поръ, напр., я почти не обращалъ вниманія на безвозмездное пользованіе дровами, лучиной, а въ прошлое лѣто смотрѣлъ также и на потравы и порубки. Настало время и возможность направить и это на правильный путь, т.-е. позатянуть узелъ правильныхъ взаимныхъ моихъ отношеній къ крестьянамъ, и я это сдѣлалъ безъ жалобъ и безъ боя на жизнь или смерть, также безъ взаимнаго раздраженія, а силою самихъ обстоятельствъ и времени, созрѣвшихъ теперь для этого дѣла. Крестьяне этому подчинятся какъ будто сами собой, и именно потому, что нравственныя силы торжествуютъ всегда надъ матерьяльными.—это такой неумолимый законъ, отъ котораго избѣгнуть нельзя; даже самые революціонные, самые крупные, анархическіе перевороты не долго выдерживали отъ напора на нихъ

Digitized by Google

началъ истины и справедливости, усвоенныхъ большинствомъ людей образованныхъ.

15-го марта.

На дняхъ я получилъ черезъ Мирового Посредника оффиціальное извѣщеніе о совершившемся выкупѣ двухъ нашихъ деревень: Мамоновщины и Дорофеева со срока 1 февраля сего года; но я, предугадывая этотъ срокъ, раньше уже разсчиталъ ихъ оброкомъ по это число. Крестьяне наши недѣли за двѣ раньше, смущенные вѣроятно какими-нибудь новыми, нелѣпыми слухами, ходили въ волостное правленіе, чтобы узнать тамъ, «нельзя ли это дѣло оставить», по ихъ выраженію, т.-е. нельзя-ли отмѣнить выкупъ. Лучшее доказательство ихъ темноты во всякомъ нѣсколько новомъ для нихъ дѣлѣ, во всякомъ малѣйшемъ нарушеніи ихъ прежнихъ общественныхъ условій, это то, что они сознательно и самостоятельно никогда ничего не могутъ сдѣлать и начать для себя, хотя съ легкостью, поворчавъ, разумѣется, нѣсколько, подчиняются совершившемуся факту, какъ какому-то неизбѣжному року, который нужно терпѣливо принять и сносить, какъ нѣчто сильнѣйшее ихъ. Но нельзя все-таки пройти невниманіемъ, что два прошедшіе года подвинули нѣсколько нашихъ крестьянъ на болѣе разумный и сознательный путь. Особенно же замѣтно улучшеніе ихъ въ одномъ нравственномъ отношеніи: крестьяне получили равноправность человѣка и, освободившись отъ крѣпостной зависимости отношеній, вообще очеловѣчились (s'humanisèrent); они стали свободнѣе въ своихъ разговорахъ съ помѣщиками, но вмѣстѣ съ тѣмъ они почтительнѣе и обходительнѣе; они смотрятъ открытѣе, смѣлѣе и независимѣе прежняго, но они учтивы и понимаютъ громадность разстоянія, которое отдѣляетъ человѣка образованнаго, по ихнему — ученаго, отъ человѣка невѣжи, по ихнему — темнаго; они чувствуютъ, наконецъ, что это есть сила, которая торжествуетъ и рано-ль или поздно подчиняетъ себѣ ихъ силу, исключительно физическую. Въ настоящее время происходитъ сборъ денегъ на Мировыя учрежденія по 24 к. с. съ души отъ крестьянъ и по 48 к. с. съ души отъ помѣщиковъ. Какъ тѣ, такъ и другіе тяготятся этимъ сборомъ, недовольны имъ, считаютъ его ненужнымъ и сѣтуютъ на самую причину сбора. Вообще всякій налогъ на общественную потребность встрѣчаетъ у насъ большое несочувствіе, и всѣ въ одинъ голосъ говорятъ: «пускай правительство платитъ деньги, зачѣмъ собираютъ ихъ съ насъ», и т. д., словомъ, мы совершенно не привыкли самостоятельно относиться къ общественнымъ нуж-

Digitized by Google

дамъ и довольствоваться своей личной инициативой въ дѣлѣ удовлетворенія общественныхъ потребностей. Можетъ быть наши общественныя нужды, возбужденныя въ насъ нѣсколько искусственнымъ образомъ, застали насъ матеріально несостоятельными удовлетворять имъ, другими словами. — мы, можетъ быть, не такъ богаты, чтобы оплачивать всѣ тѣ общественныя учрежденія, которыя сопровождаютъ собой благоустроенное, образованное общество. Самоуправленіе, получившее нынче повсемѣстно репутацію краеугольнаго камня для прочной общественной организаціи и дѣйствительно составляющее собой первое основаніе благоустройства. не можетъ существовать однако безъ довольно большой доли матерьяльныхъ средствъ, удѣляемыхъ обществомъ на его содержаніе; такимъ образомъ общество наше, удовлетворявшее до сихъ поръ нуждамъ однихъ правительственныхъ, т. е. государственныхъ учрежденій, должно удѣлить часть своихъ средствъ. т.-е. должно платить на содержаніе общественныхъ, земскихъ учрежденій. Несмотря на самое ограниченное число ихъ. расходъ этотъ все-таки довольно значителенъ; если же прибавить сюда расходъ. необходимый для содержанія благотворительныхъ и образовательныхъ общественныхъ учрежденій. о которыхъ теперь почти нельзя и подумать, потому что они не дешево стоятъ. — то матерьяльная тягость самоуправленія будетъ довольно чувствительна. Въ Америкѣ, напр., общество платитъ очень много за свое самоуправленіе: изъ статей, которыя мнѣ пришлось на дняхъ прочитать въ Revue des Deux Mondes, оказывается, что содержаніе однихъ благотворительныхъ и образовательныхъ учрежденій одного города Нью-Іорка, безъ сомнѣнія. превышаетъ въ нѣсколько кратъ все. что въ состояніи выдержать въ этомъ отношеніи цѣлая наша Губернія. Въ американскомъ обществѣ сознаніе необходимости налога на этотъ предметъ такъ велико, что тамъ никто не тяготится податью. и платитъ ее; у насъ же совершенно иначе: мы какъ будто привыкли къ даровому управленію, т.-е. къ правительственному, опекунскому, и потому у насъ возможны и даже натуральны жалобы крестьянъ, что съ нихъ собираютъ. напр., деньги на ихъ мірское управленіе, т.-е. волостное и сельское, которое положительно находится въ ихъ собственныхъ рукахъ, внѣ всякаго контроля: «что ни день, то съ насъ требуютъ деньги въ волостное правленіе», говорятъ мнѣ крестьяне, «совсѣмъ насъ разорили», и я никакъ не могу доказать имъ, что это для ихъ же пользы и нужды, что размѣръ этого сбора совершенно зависитъ отъ нихъ. но что безъ него, разумѣется, обойтись нельзя. Я не говорю уже о школахъ, теперь объ этомъ у насъ нельзя заикнуться. и у насъ пока возможно только даровое

Digitized by Google

или обязательное, т.-е. по приказанію, обученіе для крестьянъ. Въ нашемъ приходѣ, напр., оно совершенно даровое, и потому крестьяне этимъ довольны, очень благодарны, желаютъ, наконецъ, чтобы дѣтей ихъ выучили грамотѣ; но попробуй собирать съ нихъ деньги,—половина учащихся непремѣнно перестанетъ ходить въ школу. О благотворительности коллективной, т.-е. общественной, и думать нечего; личное подаяніе бѣднымъ у насъ въ обычаѣ,—это дѣлается во имя Бога, и крестьяне наши очень добры въ этомъ отношеніи; но если бы кто вздумалъ, напр., устроить лазаретъ или богадѣльню, то встрѣтилъ бы, безъ сомнѣнія, полное несочувствіе къ своему предпріятію.—Нужно для этого время и время.

19-го марта.

На дняхъ у насъ былъ нашъ Мировой Посредникъ, и говорилъ мнѣ, что въ настоящее время онъ чрезвычайно покоенъ и что у него нѣтъ совершенно занятій, кромѣ мелкихъ текущихъ дѣлъ; я совершенно этому повѣрю: въ нашемъ участкѣ барщины вовсе нѣтъ, всѣ крестьяне перешли на оброкъ; значитъ, платежи оброковъ остались только какъ предметъ столкновеній между помѣщиками и крестьянами. Этотъ досугъ, выпавшій теперь на долю Мировыхъ Посредниковъ, дастъ имъ возможность обратить бо́льшее вниманіе на одну часть ихъ занятій, которая до сихъ поръ была въ порядочномъ запущеніи,—я разумѣю судебно-полицейскій разборъ проступковъ по порубкамъ, потравамъ и т. п. Проступки эти, не могущіе вообще принести большого матеріальнаго ущерба въ хозяйствѣ помѣщиковъ, тѣмъ не менѣе не должны и не могутъ быть терпимы какъ безпорядокъ, нарушающій спокойствіе владѣльца и заставляющій его тратить свое время и силы на безполезное очень часто преслѣдованіе проступковъ, во всякомъ случаѣ, выражающихъ собой неуваженіе къ собственности и наклонность пользоваться чужимъ добромъ. Въ продолженіе послѣдняго времени я совершенно случайно напалъ на 4—5 случаевъ подобныхъ попытокъ пользоваться нашимъ лѣсомъ со стороны крестьянъ-сосѣдей; но я не могу жаловаться, чтобы возстановленіе нарушеннаго права моей собственности было бы сопряжено для меня съ большими хлопотами и проволочками, дѣло рѣшалось каждый разъ очень просто и скоро,—я самъ налагалъ на крестьянина штрафъ, предлагая ему или тотчасъ же уплатить его мнѣ, или ожидать для этого разбора и рѣшенія Мирового Посредника, и каждый разъ назначаемый штрафъ тотчасъ же приносился; правда, я назначалъ

Digitized by Google

его нѣсколько меньше того, что потребовалъ бы при искѣ у Мирового Посредника. Безъ сомнѣнія, крестьяне соглашались на мой штрафъ собственно потому, что знаютъ мою настойчивость и неотступность въ подобнаго рода дѣлахъ, и каждый провинившійся говорилъ мнѣ: «зачѣмъ доходить до Посредника, вѣдь то же самое будетъ, такъ лучше порѣшимъ дѣло промежъ насъ, по хорошему». Такъ какъ наше имѣніе покончило совершенно съ крестьянскимъ вопросомъ, то не лишено интереса знать, что стоило намъ самое производство этой реформы: на Мировыя Учрежденія до 19 февраля 1864 года за 213 душъ нужно уплатить 204 р. 48 к. с., да за планы крестьянскихъ надѣловъ уплачено 93 р. с., — значитъ все стоило около 300 р. с.

2-го апрѣля.

Праздникъ Святой недѣли, соединенный для крестьянъ съ поздравленіями (по старому обычаю), съ Христосованьемъ и угощеніемъ водкой, далъ мнѣ возможность устроить поземельныя дѣла нѣкоторыхъ деревень. Лаптевскіе крестьяне вполнѣ сознались въ невозможности для нихъ остаться при томъ уменьшенномъ надѣлѣ, который они сами себѣ устроили; они просили меня отдать имъ въ пользованіе почти всю пуст. Красную гору, на что я согласился, опредѣливъ имъ плату работой; и хотя мы окончательно еще не сошлись, но, зная на опытѣ, что сразу крестьяне ни на что не рѣшаются, я все-таки считаю это дѣло оконченнымъ, нужно будетъ только осмотрѣть отводимую землю въ натурѣ и написать условіе. Кадниковскіе крестьяне продолжали настаивать на необходимости взять себѣ назадъ пустошь Запрудье, отъ которой они отказывались сперва съ такою настойчивостью: они увидѣли, что всѣ ихъ мечты разрушились, и что дѣйствительность сильнѣе несбыточныхъ ихъ желаній; я не могъ согласиться отдать имъ Запрудье по хозяйственнымъ соображеніямъ имѣнія, т.-е. для того, чтобы имѣть выгонъ для своего скота; но я предложилъ крестьянамъ этимъ взять себѣ въ надѣлъ отрѣзную землю дер. Мамоновщины, около 40 дес., объ чемъ они придутъ потолковать со мной, считая предложеніе мое для нихъ выгоднымъ. Сегодня я отдалъ въ наймы исполу въ пуст. Гвоздовѣ наши суки подъ посѣвъ овса на 3 года на условіяхъ, совершенно для насъ выгодныхъ, показывающихъ, что цѣнность земли, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ барщинныхъ отношеній, значительно увеличилась даже по сравненію съ прошлымъ годомъ; по нѣскольку крестьянъ ежедневно приходятъ ко мнѣ и ищутъ въ наемъ земли, но за неимѣніемъ ея

Digitized by Google

не могутъ получить желаемаго; это обстоятельство обѣщаетъ еще болѣе увеличить плату за земли. Словомъ. въ эти дни у насъ перебывали почти всѣ наши крестьяне и откровенно сознавались въ своихъ прошедшихъ ошибкахъ; одинъ изъ нихъ припомнилъ мнѣ слова. сказанныя имъ мною въ прошломъ годѣ: «что они теперь дѣти, ничего не понимаютъ, никому не вѣрятъ и никого не слушаютъ. но настанетъ время, когда они увидятъ. что я былъ во всемъ правъ. и время это наконецъ пришло теперь».

12-го апрѣля.

Всю эту недѣлю я бродилъ съ крестьянами по отрѣзаннымъ землямъ и межамъ. и. окончательно ознакомившись со всѣмъ, вижу, что крестьяне. постоянно жалуясь на свою землю. не имѣли для этого никакого справедливаго основанія. Крестьяне деревни Мамоновщины, постоянно увѣрявшіе меня. что отрѣзная земля ихъ такая дрянь, что объ ней и говорить не стоитъ, не только что брать, вдругъ всполошились, когда узнали. что я отдаю ее въ надѣлъ крестьянамъ деревни Кадникова. и теперь, бросившись изъ одной крайности въ другую, они увѣряютъ меня съ такою же самою настойчивостью, съ какою бранили эту землю, что безъ нея жить нельзя. что они были согласны взять ее въ свое пользованіе за тѣ повинности, какія я предложилъ имъ и т. д. Въ нынѣшній годъ я рѣшилъ отдать имъ эту землю, собственно потому, что у нихъ напахана тамъ рожь, и потому косить другимъ крестьянамъ. т.-е. Кадниковскимъ, неудобно; но съ новаго года земля эта всетаки поступаетъ. по Уставной Грамотѣ, крестьянамъ деревни Кадниково. Дорофеевскіе крестьяне берутъ свою отрѣзную землю на два слѣтья, Лаптевскіе берутъ Красную гору, отъ которой они такъ упорно отказывались, на 5 лѣтъ по условію, на основаніи котораго они должны будутъ выставить ежегодно къ дому 54 саж. дровъ. дать 54 дня косьбы и возки пазьма и выжать по 2 дес. ржаного и яроваго поля. Земля. которую они берутъ, поступаетъ въ ихъ полное распоряженіе, около 300 дес. Наши крестьяне вообще какъ-то не могутъ проникнуться тою мыслью. что имъ вѣчно придется пользоваться тою же самою землею, какою они всегда пользовались; имъ все кажется. что это не такъ, они какъ-то смутно ожидаютъ какихъ-то другихъ земель и потому дѣлаютъ условія на короткіе сроки, не понимая, что имъ было бы выгоднѣе сдѣлать условіе теперь. когда земля подешевле, чѣмъ ежегодно терпѣть отъ увеличенія цѣнности ея; но что земля возвышается въ своей цѣнѣ,

Digitized by Google

не въ смыслѣ прямой ея покупки, а въ смыслѣ платы за ея пользованіе, то это фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію. Крестьяне, сдѣлавшись нынѣче свободнѣе, ищутъ земли для обработки; ежедневно они приходятъ къ помѣщикамъ за этимъ; они также ищутъ покосовъ. и нынѣче никто изъ нихъ не торгуется за покосы исполу, т.-е. по ровной части, тогда какъ въ прошломъ годѣ объ этомъ торговались. Работники, по той же самой вышеприведенной причинѣ, нынѣче у насъ подешевѣли, и до Новаго года. т.-е. на $8^1/_2$ мѣсяцевъ, никому не даютъ у насъ болѣе 30 р. с. Словомъ, вопросъ землевладѣльцевъ въ хозяйственномъ отношеніи начинаетъ проясняться, и если только г-да помѣщики займутся съ терпѣніемъ и характеромъ сами лично своими дѣлами. то все пойдетъ хорошо и доходы съ имѣній увеличатся относительно того, что получалось отъ барщины при крѣпостномъ правѣ. Кажется, уже нѣкоторые помѣщики стали сдаваться и измѣнять свои бывшія старовѣрческія воззрѣнія на болѣе справедливыя и современныя. А то г-да помѣщики до того громко жаловались на свое безсиліе овладѣть потеряннымъ, до того слабодушничали, до того наговорили всѣмъ и каждому, что имѣнія ихъ, при вольнонаемномъ трудѣ, никакого дохода давать не могутъ. до того горевали. что ежедневно у нихъ бываетъ столько непріятностей, хлопотъ и заботъ по хозяйству и что. наконецъ, они рады бы были отъ всего освободиться, — что явились къ намъ. такъ называемые, г-да арендаторы, которые предлагаютъ помѣщикамъ свои услуги, чтобы освободить ихъ отъ непріятности имѣть имѣнія. Условія этихъ арендаторовъ преоригинальныя,—они чуть не прямо говорятъ: вы тяготитесь вашимъ имѣніемъ. вы говорите, что оно не можетъ приносить вамъ дохода, то дайте мнѣ ваше имѣніе, а я этимъ самымъ освобождаю васъ отъ хлопотъ по нему. У насъ былъ, напр., вчера Нѣмецъ, арендаторъ, который говоритъ такъ: я буду управлять имѣніемъ, вы за все будете платить. т.-е. весь оборотный капиталъ вашъ, а мы раздѣлимъ пополамъ все, что получимъ, при чемъ я имѣю отъ васъ даромъ помѣщеніе и домашнюю провизію. Предложеніе это можно выразить другими словами: я беру отъ васъ половину вашего капитала, но вовсе ни въ чемъ не рискую, потому что, въ случаѣ неудачъ, оборотный капиталъ тоже всегда вашъ. Я далъ понять этому г-ну, что если уже мы—Русскіе помѣщики не можемъ справиться сами со своими имѣніями, то лучше отдать ихъ исполу крестьянамъ, которые этимъ самымъ обогатѣютъ. значитъ обогатятъ Россію, а отдать наши имѣнія такимъ лицамъ, которыя, похозяйничавъ сколько имъ будетъ нужно, увезутъ потомъ въ своихъ карманахъ наши имѣнія куда-нибудь

Digitized by Google

въ Baltisch Prowinzien (sic), а у насъ оставять здѣсь одно раззоренiе и опустошенiе,—неразсчетливо и нехорошо. Эти г-да Нѣмцы считаютъ насъ просто за дурней, и дѣйствительно, мы такъ громко и жалобно жаловались на наше безвыходное положенiе, что они имѣютъ отчасти на это право. Должны же, наконецъ. понять наши помѣщики-дворяне. что они вмѣстѣ съ крестьянами составляютъ земство. что безъ имѣнiя т.-е. своего собственнаго хозяйства. жизнь въ деревнѣ для дворянина невозможна, что отдать свои имѣнiя въ чужiя руки. а самимъ отстранiться отъ всего, это значитъ отказаться отъ своей связи съ крестьянами, отъ своего положенiя въ средѣ земства; наши ежедневныя сношенiя съ крестьянами происходятъ нынѣче только вслѣдствiе того, что мы хозяева и сосѣди ихъ, этимъ самымъ скрѣпляются наши взаимныя узы, наше взаимное знакомство; отказаться отъ этого — неблагоразумно; хозяйничая сами. мы образуемъ, воспитываемъ народъ; я говорю. что нынѣче это есть долгъ гражданскiй. не говоря уже объ экономическомъ разсчетѣ. Я лично имѣю ежедневно тысячи отношенiй съ крестьянами—съ чужими и со своими только оттого. что они обращаются ко мнѣ. какъ къ хозяину; наконецъ, крестьяне наши никого не уважаютъ больше, какъ хозяевъ. а этихъ г-дъ петербургскихъ баръ, пріѣзжающихъ на лѣто въ деревню. они могутъ любить за ихъ доброту, попеченiе о нихъ и т. п.. но уважать они ихъ не уважаютъ; это баринъ, а это хозяинъ, съ этимъ только говорятъ, а съ этимъ дѣло дѣлаютъ, т.-е. отъ послѣдняго прямая идетъ польза. По моему мнѣнiю, лучше худо хозяйничать, но хозяйничать самому; опытъ и необходимость доведутъ и нашихъ помѣщиковъ до всѣхъ тонкостей хозяйства; и оттого, что Нѣмецъ возьметъ имѣнiе на аренду, или мы будемъ работать съ нѣмецкими работниками. отъ этого еще не будетъ большой пользы. Я не знаю пока ни одного имѣнiя, которое бы уничтожилось при личномъ хозяйствѣ помѣщика. но знаю много раззоренныхъ отъ управителей и арендаторовъ. Правда, трудно хозяйничать, но безъ хлопотъ, непрiятностей и труда не было бы и самыхъ радостей на землѣ.

19-го апрѣля.

Нынѣшнiй хозяйственный годъ начался уже у насъ; всѣ нанятые работники наши собрались 14 числа. и съ 16 начали орьбу подъ яровое поле. У насъ нанято 9 человѣкъ мужчинъ и 2 женщины; цѣною: работники отъ 25 до 32 р. с. до Новаго года, а женщины по 16 р. с.; харчи ихъ на застольной. но хлѣбъ получа-

Digitized by Google

ютъ мукой: мужчина 1 п. 30 ф., женщины 1 п. 15 ф. въ мѣсяцъ; измѣненіе это противъ прошлогодняго содержанія работниковъ сдѣлано въ видахъ уничтоженія кражи хлѣба на застольной; были дни, когда на человѣка въ день выходило по 7 ф. печенаго хлѣба; ясно, что это была кража Но хотя хозяйство наше поставлено совершенно на вольнонаемную ногу, тѣмъ не менѣе, какъ у насъ, такъ и вообще у всѣхъ нашихъ помѣщиковъ, полевое хозяйство никогда не можетъ имѣть чистаго денежнаго разсчета и учета. Крестьяне наши выставляютъ намъ довольно большое число обязательныхъ работниковъ: при возкѣ назема, косьбѣ и жнивѣ, за свои отрѣзныя земли; я разсчитываю, напр., на 100 подводъ для назема, на 100 человѣкъ косцовъ и на 5 десятинъ выжатаго ржаного и ярового поля. Словомъ, у насъ всегда будетъ смѣшанный видъ хозяйства, а не чисто вольнонаемный, потому что хотя и можно привести на деньги всю выговоренную крестьянскую работу, то это будетъ не совсѣмъ вѣрно на томъ основаніи, что чисто денежная плата, т.-е. рента за тѣ же самыя отрѣзныя земли всегда выходитъ гораздо меньшая относительно отбываемой крестьянами работы, переведенной на деньги по ходячимъ цѣнамъ. Не знаю, какъ пойдетъ у насъ хозяйство въ нынѣшій годъ и будетъ ли удача, но вѣрно одно, что прибыли, т.-е. денежнаго дохода, никакого не будетъ, но убытка тоже не будетъ; годъ проживутъ, хозяйство поддержатъ, капиталъ не убудетъ, словомъ, концы съ концами сведутъ; но если всему сдѣлать разсчетъ цифрами, то окажется вѣрный убытокъ, другими словами, окажется убыточнымъ хозяйничать. У насъ есть поговорка: «пахать землю—сытъ будешь, богатъ не будешь»—совершенно вѣрная; поговорка эта примѣнялась до сихъ поръ къ крестьянамъ-хлѣбопашцамъ, которые ведутъ, повидимому, свое хозяйство въ явный себѣ убытокъ, особенно если перевести все на деньги; между тѣмъ они хозяйничаютъ и не терпятъ нужды; то же самое будетъ и съ помѣщиками, не бросившими свои хозяйства и не бросившимися сразу на приманку разныхъ дорогихъ улучшеній, причиняющихъ всегда вѣрный убытокъ, если они не были примѣнены съ крайнею осторожностью и полною раціональностью. Завтра я отправлюсь въ Новгородъ на Мировой Съѣздъ.

1-го мая.

Я возвратился изъ Новгорода, гдѣ Мировой Съѣздъ не состоялся, по случаю неприбытія г-дъ Мировыхъ Посредниковъ; но зато я побывалъ въ Губернскомъ Присутствіи, гдѣ, послушавъ бывшія въ докладѣ дѣла, еще болѣе убѣдился въ неправильномъ

Digitized by Google

образѣ дѣйствій нѣкоторыхъ Посредниковъ Новгородскаго уѣзда. Г-да эти престраннымъ образомъ поняли свою обязанность: въ періодъ составленія Уставныхъ Грамотъ, вообще въ періодъ опредѣленія взаимныхъ поземельныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ они исключительно и открыто преслѣдовали соблюденіе интереса помѣщика въ ущербъ законной справедливости и интереса крестьянъ; по моему мнѣнію, они дѣйствовали такъ для стяжанія себѣ репутаціи защитниковъ дворянской собственности. Понятно, что когда дѣло касалось только теоретическаго, т.-е. кабинетнаго или бумажнаго разрѣшенія вопроса, то было очень легко и просто рѣшать, т.-е. вершить дѣла въ пользу помѣщика, такъ, напр., отрѣзать отъ крестьянъ пашню, назначить увеличенный оброкъ и т. д., вообще во всемъ не соблюдать закона по отношенію крестьянъ; но когда нужно было осуществить на практикѣ всѣ эти пристрастныя и незаконныя рѣшенія, то г-да Посредники оказались крайне несостоятельными, т.-е. не могутъ добиться отъ крестьянъ исполненія подобныхъ рѣшеній; итакъ, крестьяне оброковъ не платятъ, Посредниковъ не слушаютъ, словомъ, пріучаются не уважать законъ въ самомъ существенномъ его отношеніи, т.-е. не исполняютъ его на дѣлѣ. Понятно также, что г-мъ Посредникамъ вообще нужно имѣть гораздо болѣе характера, терпѣливости, неутомимости, чтобы добиться отъ крестьянъ исполненія своихъ рѣшеній, чѣмъ написать на бумагѣ свои рѣшенія; но что же вышло на дѣлѣ: г-да эти, столь упорно защищающіе на бумагѣ интересы помѣщиковъ, оказываются въ настоящее время совершенно несостоятельными защитить ихъ на практикѣ, и чтобы свалить со своихъ плечъ всѣ хлопоты и заботы объ исполненіи своихъ рѣшеній, словомъ, въ ту именно минуту, когда имъ пришлось заявить себя, они отклоняютъ отъ себя свою прямую обязанность исполненія рѣшеній, возлагая это на земскую полицію, которая рѣшительно ничего не можетъ сдѣлать И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать полиція тамъ, гдѣ Мировой Посредникъ своимъ незаконнымъ образомъ дѣйствій довелъ крестьянъ до пассивнаго сопротивленія по отношенію исполненія повинностей; правда, что можно иногда устрашить крестьянъ наказаніемъ, правда, что они, убоявшись полицейскихъ взысканій, иногда тотчасъ же уплатятъ оброкъ; но все это очень непрочно, все это до перваго случая. Г-да нѣкоторые Посредники Новогородскаго уѣзда, видя, что и полиція ничего не дѣлаетъ (и въ самомъ дѣлѣ, какой интересъ для полиціи быть ревностной тамъ, куда посылаетъ ее Посредникъ), жалуются на нее Губернскому Присутствію, которое является такимъ образомъ исполнителемъ рѣшеній Посредниковъ. Словомъ, въ Новаго-

Digitized by Google

родскомъ уѣздѣ дѣло сложилось слѣдующимъ образомъ: Посредники на бумагѣ рѣшили не по закону, а по личному своему произволу, а Губернское Присутствіе приводи въ исполненіе эти рѣшенія. И подѣломъ ему: само Губернское Присутствіе постоянно смотрѣло на крестьянское дѣло, какъ и сами г-да эти Посредники, но оно не подозрѣвало, что ему самому придется быть исполнителемъ невозможныхъ рѣшеній; помѣщики жалуются, что законныя ихъ требованія не исполняются, доказывая, что само Присутствіе признало это законнымъ; теперь же, когда пришло осуществить на дѣлѣ эти законныя требованія, то само Присутствіе сѣтуетъ на Посредниковъ, говоря, что это было беззаконно, а потому и невыполнимо. Дѣло не дошло еще до очень серьезныхъ размѣровъ, но я пророчу для Новгородскаго уѣзда нехорошій конецъ.

5-го мая.

Я отмѣчаю сегодня два явленія, которыя совершенно противны воззрѣнію литературы (или, лучше сказать, взгляду нѣсколькихъ литераторовъ, мало видѣвшихъ и знакомыхъ съ Россіей) на слѣдующіе два предмета. Многіе изъ литераторовъ, начавшихъ у насъ славянофильство, такъ же, какъ и всѣ вообще славянофилы, дѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы приблизиться къ русскому народу; для этой цѣли, напр., они усвоили себѣ костюмъ, такъ называемаго, простонародья. Что же оказывается на дѣлѣ? что русскій мужикъ, къ которому они желаютъ приблизиться своимъ костюмомъ, съ своей стороны нимало не заботясь о томъ, что всякій истинно русскій человѣкъ непремѣнно долженъ ходить въ рубахѣ и въ поддевкѣ, мало-по-малу самъ удаляется отъ національнаго костюма и начинаетъ носить нѣмецкое платье. Въ нашей мѣстности, напр., къ крайней, вѣроятно, досадѣ славянофиловъ, въ то время, когда едва только что показались русскія рубахи и поддевки на плечахъ баръ, народъ, т.-е. мужикъ, не только не цѣнитъ совершенно барскаго сближенія съ нимъ, выраженнаго въ этой формѣ, самъ съ своей стороны сталъ утрачивать національный костюмъ. Всякій франтъ изъ крестьянъ часто заводится фуражкой съ козырькомъ и, безъ сомнѣнія, дойдетъ скоро до еще большей реформы по отношенію туалета. На дняхъ я подивился, встрѣтивъ нашихъ крестьянъ не въ круглыхъ, низкихъ шляпахъ, а въ картузахъ, которыми они, кажется, очень гордились и франтили. Второе замѣчаніе, которое я часто уже дѣлалъ, но къ которому я прибавлю сегодня еще одинъ фактъ, состоитъ въ неправильномъ воззрѣніи на русскаго крестьянина, будто бы коммуниста по своимъ понятіямъ и привычкамъ. Я каждый день убѣждаюсь въ противномъ

Google

и каждый день вижу, что нѣтъ человѣка болѣе любящаго частную собственность и ненавидящаго общественную собственность, какъ нашъ крестьянинъ. На дняхъ у насъ разбирали хлѣбъ изъ запаснаго магазина; крестьяне рѣшительно не хотятъ признать, что это есть общественная собственность, никому изъ нихъ въ частности не принадлежащая, и всякій крестьянинъ считаетъ лично за собой столько-то четвертей хлѣба. Поэтому всякій, совершенно не нуждающійся въ хлѣбѣ, непремѣнно беретъ его на свою часть въ то время, когда его разбираютъ неимущіе; «какъ же это такъ, онъ беретъ, а я не беру, значитъ онъ воспользуется моею частью». Я не буду больше говорить объ этомъ и ограничусь только однимъ указаніемъ на этотъ фактъ.

12-го мая.

Я совершенно покончилъ всѣ дѣла съ нашими крестьянами по отношенію отрѣзныхъ земель, заключивъ съ ними условія, засвидѣтельствованныя въ волостномъ правленіи. Я снялъ также на планъ черезъ бывшаго у насъ землемѣра ту часть земли, которая должна будетъ съ новаго года поступить Кадниковскимъ крестьянамъ по Уставной Грамотѣ; по возвращеніи моемъ съ майскихъ Мировыхъ Съѣздовъ я напишу самую Грамоту и покончу ее съ крестьянами.

4-го іюня.

Въ продолженіе мая мѣсяца, начиная съ 15 числа, я былъ на трехъ Мировыхъ Съѣздахъ, изъ которыхъ только Старорусскій имѣлъ дѣла, нѣсколько интересныя и заслуживающія вниманія. Съѣздъ этотъ продолжался почти недѣлю, отъ 25 числа, и первые дни онъ исключительно былъ занятъ разборомъ восьми или болѣе прошеній, самаго кляузнаго содержанія, отъ помѣщика Сурина, человѣка въ высшей степени дурного во всѣхъ отношеніяхъ. Помѣщикъ этотъ страшно жалъ своихъ крестьянъ въ продолженіи двухъ или трехъ лѣтъ своего владѣнія имѣніемъ, купленнымъ имъ съ аукціона; онъ сослалъ нѣсколькихъ крестьянъ въ Сибирь на поселеніе; даже по изданіи Положенія, пользуясь забитостью своихъ рабовъ, онъ продолжалъ тѣснить ихъ неслыханнымъ для этого времени образомъ; крестьяне до того были запуганы этимъ чудовищемъ, что молчали и безропотно сносили всѣ его придирки, всѣ незаконныя его дѣйствія. Мнѣ просто странно было слышать о всѣхъ тѣхъ происшествіяхъ, которыми сопровождалось, напр., со-

Digitized by Google

ставленіе Уставной Грамоты, а главное отводъ надѣла крестьянамъ; Мировой Съѣздъ насилу, т.-е. силою, настоялъ, чтобы это было сдѣлано; Суринъ, не обозначивъ межевыми признаками черту крестьянскаго надѣла. преслѣдовалъ ихъ на каждомъ шагѣ. угрожалъ имъ за каждый ихъ шагъ. сдѣланный внѣ ихъ. совершенно не обозначеннаго въ натурѣ. пользованія землей. Своимъ гнуснымъ поведеніемъ, какъ помѣщикъ, Суринъ довелъ Мировыхъ Посредниковъ своего уѣзда до того, что въ этотъ Мировой Съѣздъ они сдѣлали постановленіе просить Губернскаго Представителя дворянъ сдѣлать Сурину приличное внушеніе, иначе они принуждены будутъ отдать его подъ судъ. Ужъ вѣрно хорошъ г-нъ, когда его собратья. тѣ же дворяне. люди вообще не настолько самостоятельные и независимые въ своихъ убѣжденіяхъ, чтобы не быть нѣсколько снисходительными къ помѣщику, рѣшились на такой шагъ. И дѣйствительно, насколько я могъ составить себѣ понятіе объ этомъ г-нѣ на Мировыхъ Съѣздахъ. то я вполнѣ согласенъ. что Суринъ человѣкъ вредный для благоустроеннаго общества, алчный для денегъ и не имѣющій никакихъ другихъ соображеній, кромѣ своего личнаго интереса, для котораго онъ, не задумавшись, идетъ на всякую пакость: кляузныя прошенія, обманъ и т. д. Но довольно объ этомъ нравственномъ уродѣ. Весь интересъ послѣдняго Старорусскаго Съѣзда сосредоточивался для меня на дѣлѣ разверстанія угодій помѣщика Вейса (онъ же и Посредникъ) съ его крестьянами. По жалобѣ, поданной крестьянами Губернскому Присутствію. оно командировало своего члена П. Н. Толбухина на мѣстѣ разобрать это дѣло; но Толбухинъ еще болѣе запуталъ его, потому что, вѣроятно, смотрѣлъ на него съ преднамѣренностью найти всѣ дѣйствія помѣщика правильными.

Находясь въ Новгородѣ въ то время, когда Губернское Присутствіе получило отъ Толбухина его длиннѣйшее описаніе всего случившагося въ деревнѣ Песковѣ и между тѣмъ, напр., того, что онъ посадилъ въ острогъ одного крестьянина за грубость. и что всѣ. всѣ вообще крестьяне очень непослушны, не засѣяли своихъ яровыхъ полей и не хотятъ возить назема,—я былъ приглашенъ въ Присутствіе для обсужденія этого дѣла. такъ какъ разверстаніе это было уже раньше утверждено Съѣздомъ. Губернское Присутствіе имѣло чутье усмотрѣть. что разверстаніе въ деревнѣ Песковѣ совершено незаконно, а я сумѣлъ устроить, что оно было уничтожено и что Старорусскому Мировому Съѣзду было поручено отправиться на мѣсто, разобрать вновь это разверстаніе и произвести другое на точномъ законномъ основаніи. Мы пробыли у помѣщика Вейса 30 и 31 мая, осмотрѣли въ натурѣ всѣ крестьянскія земли.

Digitized by Google

и мнѣ стало совершенно понятно, что прежнее разверстаніе было сдѣлано обидно для крестьянъ, а что Толбухинъ былъ крайне пристрастенъ къ помѣщику. Мы сумѣли расположить къ себѣ крестьянъ и нравственно успокоить ихъ; и я, главнымъ образомъ, приписываю этотъ результатъ откровеннымъ образамъ нашихъ дѣйствій; я преслѣдовалъ помѣщика на каждомъ шагѣ, дѣлалъ вслухъ мои замѣчанія насчетъ незаконности произведеннаго имъ разверстанія и прямо показывалъ крестьянамъ, что истина и правда дороже всего. Я прочиталъ мои замѣчанія и впечатлѣнія, послѣ подробнаго обзора земли, всему Мировому Съѣзду, а также и помѣщику Вейсу, и совершенно откровенно изложилъ всю незаконность разверстанія для крестьянъ. Нужно сказать, что Вейсъ человѣкъ хорошій, честный и добрый, но, вѣроятно, нѣсколько скупой: и я теперь все-таки не совсѣмъ понимаю, какъ и отчего онъ сдѣлалъ подобное разверстаніе. Мой образъ дѣйствій приводилъ въ ужасъ Предводителя дворянства Норманскаго, который, при отправленіи нашемъ въ Песково, говорилъ, что даже не нужно вовсе объявлять крестьянамъ, что прежнее разверстаніе ихъ уничтожено Губернскимъ Присутствіемъ, и что намъ поручено составить новое; онъ полагалъ также, что это взбунтуетъ крестьянъ, которые, по его допотопнымъ понятіямъ, не должны даже воображать себѣ, что есть какія-либо дѣйствія помѣщиковъ незаконныя, а жалобы крестьянъ законныя и справедливыя, но что крестьяне имѣютъ, такъ сказать, все отъ щедротъ своего барина, а не вслѣдствіе своего на это права. Я рѣшительно объявилъ Норманскому, что онъ можетъ поступать, какъ ему угодно, но что я все объявлю крестьянамъ, какъ есть на самомъ дѣлѣ; но мнѣ не нужно было этого исполнять.—Уѣздный Исправникъ, по порученію Губернатора, объявилъ раньше крестьянамъ о цѣли нашей поѣздки въ Песково и объ уничтоженномъ Присутствіемъ разверстаніи. Раньше рѣшенія дѣла на законномъ основаніи мы предложили помѣщику Вейсу покончить его добровольнымъ соглашеніемъ съ крестьянами, и Вейсъ, будучи самъ Посредникомъ и, безъ сомнѣнія, нѣсколько сконфуженный тѣмъ, что Мировой Съѣздъ долженъ разбирать его дѣла съ крестьянами, сдѣлалъ симъ послѣднимъ необыкновенно выгодное для нихъ предложеніе; онъ отдавалъ имъ лѣса около 15 дес., который въ этой мѣстности очень цѣненъ, кромѣ того свой очищенный покосъ, словомъ, онъ округлялъ ихъ владѣніе, оставляя однако его въ прежнемъ видѣ, по предмету сдѣланнаго разверстанія своихъ полей съ крестьянами. Крестьяне, сбитые съ толку и, вѣроятно, нѣсколько изъ упрямства, настаивали на законномъ разверстаніи; впрочемъ, кто имѣлъ дѣло съ ними, тотъ

Digitized by Google

хорошо знаетъ, какъ недовѣрчивъ крестьянинъ ко всѣмъ наивыгоднѣйшимъ предложеніямъ для него, если только дѣло тянется долго и если законъ не былъ сразу соблюденъ. Мы проектировали разверстаніе на законномъ основаніи, оно вышло для крестьянъ гораздо лучше прежняго, но не столь хорошо, какъ предложенное помѣщикомъ; съ другой стороны самъ помѣщикъ остался нѣсколько стѣсненнымъ. Мы указали крестьянамъ, куда они должны возить пазьмъ и какъ устраиваются ихъ три поля. Крестьяне скоро опомнились; они разобрали, что предложеніе помѣщика было для нихъ выгодно, но дѣло было уже окончено, и помѣщикъ не согласился на то, что раньше предлагалъ; впрочемъ я надѣюсь, что дѣло это все-таки окончится добровольнымъ соглашеніемъ, потому что разверстаніе, сдѣланное нами, стѣснительно для обѣихъ сторонъ, прежде же оно было только стѣснительно для крестьянъ. Мы оставили крестьянъ примиренными съ своимъ помѣщикомъ; они благодарили насъ за нашъ образъ дѣйствій, они были съ нами очень тихи и покорны, у Толбухина же не хотѣли итти въ поле; словомъ, дѣло это, безъ сомнѣнія, уладится миромъ, что очень важно, особенно въ нынѣшнее смутное время, когда крестьянамъ какіе-то г-да тайно раздаютъ, такъ-называемыя, золотыя Грамоты, обѣщающія имъ даровую землю и всякое неслыханное благополучіе. Я не могу понять тѣхъ г-дъ помѣщиковъ, которые не хотятъ видѣть, что добрыя отношенія ихъ со своими крестьянами необыкновенно нынѣче важны, и что объ нихъ именно и можетъ при случаѣ разбиться вся заграничная пропаганда, желающая взволновать нашихъ крестьянъ. Я постоянно твержу этимъ близорукимъ г-мъ помѣщикамъ, что они хлопочутъ о копейкахъ, а черезъ это могутъ потерять рубли, что они видятъ въ крестьянахъ только своихъ оброчниковъ, которые поэтому, разумѣется, за нихъ не постоятъ въ нуждѣ; но что если бы они отнеслись къ нимъ, какъ всякій человѣкъ къ человѣку, то этимъ самымъ водворилось бы взаимное довѣріе, которое даже болѣе выгодно теперь, чѣмъ барская спесь и холопская подчиненность.

6-го іюня.

Вотъ уже два года, какъ я живу въ деревнѣ, и въ этотъ небольшой промежутокъ времени (если обратиться мысленно назадъ) совершилась у насъ въ деревнѣ громадная перемѣна къ лучшему, правильному, человѣчному порядку вещей. Куда ни обратишь свой взоръ, всюду преданія стараго времени замѣнились новымъ порядкомъ, новыми условіями, новыми отношеніями. Понятно, что все

Digitized by Google

это пугаетъ, не веселитъ отживающее поколѣніе; но сколько надеждъ, сколько даже увлекательности представляетъ все это для людей, которымъ старый строй нашего общества всегда казался какою-то нелѣпицею, какою-то невозможностью. Я не буду описывать, не буду сопоставлять всего, что есть теперь хорошаго, съ тѣмъ, что было дурного два года тому назадъ; я хочу только почесть наше настоящее словомъ отрадной надежды еще лучшаго будущаго, которое непремѣнно вытечетъ изъ этого настоящаго. Но есть много и неотраднаго въ деревенской средѣ, есть явленія грустныя, которыя, кажется, долго, очень долго останутся достояніемъ нашего русскаго народа. Я хочу, напр., коснуться вопроса непочатаго еще въ Россіи, вопроса народной гигіены; какія ужасныя физическія страданія переноситъ нашъ деревенскій людъ вслѣдствіе совершеннаго неустройства медицинской части въ деревнѣ. Можно ли вообразить себѣ, что у меня въ продолженіе 2-хъ лѣтъ, или лучше сказать $1^1/_2$ лѣтъ, потому что, безъ сомнѣнія, я былъ въ отъѣздѣ болѣе 6 мѣсяцевъ, перелѣчилось 512 человѣкъ больныхъ; въ числѣ ихъ были страданія застарѣлыя, хроническія, наслѣдственныя, а сколько было безвыходныхъ болѣзней. Наблюдая ежедневно больныхъ, я удивляюсь терпѣливости народа къ перенесенію ужасныхъ болей, равнодушію ихъ къ своему здоровью и покорности ихъ къ своей судьбѣ при безпомощности болѣзни. Съ другой стороны я вижу, что русскій простолюдинъ въ своемъ физическомъ мужествѣ почерпаетъ себѣ ту нравственную стойкость, ту непоколебимость, которыя онъ выказывалъ не одинъ разъ въ годины испытаній нашего отечества. Кто-то сказалъ, что мы, русскіе, сарматы въ этомъ отношеніи, и дѣйствительно это такъ. Народъ нашъ выказываетъ равнодушіе ко всѣмъ страданіямъ, а такой народъ задавить, покорить—нельзя.

С. Исаково. 11-го іюня 1863 г.

На прошлой недѣлѣ у насъ вывозили пазьмъ, а потому все это время на нашихъ поляхъ работало довольно большое количество народа. Въ подобныхъ случаяхъ меня всегда поражаетъ въ нашемъ народѣ сочетаніе двухъ совершенно противуположныхъ явленій: рядомъ съ самыми нѣжными и привѣтливыми выраженіями, названіями, оборотами рѣчи и прочее, вы видите, однако, самое грубое обращеніе крестьянъ между собою. Я долго нарочно стоялъ на одномъ мѣстѣ, чтобы прислушаться къ этимъ быстрымъ переходамъ или, правильнѣе сказать, къ этимъ одновременнымъ

Digitized by Google

выраженіямъ нѣжностей и грубостей. Вотъ болѣе или менѣе тѣ обороты рѣчи, которые мнѣ удалось услышать. Мальчикъ ведетъ по полю телѣгу съ навозомъ; женщина, сканальщица (sic). нѣжнымъ голосомъ кричитъ ему: «дружочекъ, становись на рядъ, сыночекъ. поѣзжай сюда». мальчикъ подъѣхалъ; вдругъ быстрый переходъ въ интонаціи голоса: «каторжный. чтобъ те прорвало. куда сталъ, стой!» И такъ далѣе. все въ этомъ родѣ. Другая сцена: вы подходите къ жницамъ на полосѣ и слышите, что онѣ очень усердно щебечутъ между собой: «сестрица, родная. бра», и т. д.. вотъ названія. которыми онѣ пересыпаютъ свой разговоръ; вдругъ пошло: «анаѳема посуда, чертовка», и т. д.; и безъ всякой видимой причины совершаются эти внезапные и неожиданные переходы отъ пьяно къ фортиссимо. отъ бемольнаго тона въ минорный. Отчего это происходитъ? Нашъ народъ въ общежитіи своемъ необыкновенно грубъ. у него есть обычаи и обороты рѣчи грубые до цинизма; есть нѣкоторыя слова. которыя, положительно и постоянно, замѣнены на языкѣ народномъ словами грубыми и невозможными ни въ какой печати; напр.. всякій знаетъ, какими словами замѣняются слова: испортить. ничего нѣтъ; ну, ничего; и многія другія; съ другой стороны, всякій знаетъ. что слова: «батюшка, дядюшка, тетушка, кровинушка, горячее сердечушко, ясное солнышко, желанное дитятко. голубушка» слышатся въ деревнѣ на каждомъ шагу. А если прислушаться, какъ бесѣдуютъ между собой мужики, я не говорю уже, когда они съ сердцовъ ругаются, то просто невозможно сообразить такого безпорядочнаго сочетанія всякихъ ругательныхъ словъ и низкихъ, гадкихъ выраженій. Эта народная черта есть одно изъ неотрадныхъ явленій.

23-го іюня.

Мнѣ кажется, что съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости крестьянъ. т.-е. съ введеніемъ вольнонаемнаго труда въ хозяйствахъ, цѣнность помѣщичьихъ имѣній измѣнила свое мѣрило. Въ прежнее время цѣнность имѣнія зависѣла отъ числа душъ крестьянъ, или. выражаясь языкомъ экономическимъ, отъ количества рабочихъ, обязательныхъ рукъ барщинниковъ, т.-е. отъ количества труда. представлявшаго въ это время оборотный капиталъ имѣнія. которое было тѣмъ богаче и цѣннѣе. чѣмъ болѣе прилагался въ немъ этотъ даровой элементъ богатства. Въ настоящее время, совершенно иначе. цѣнность имѣнія зависитъ отъ величины основного капитала. употребленнаго на улучшеніе земли. на постройки, скотъ, земледѣльческія орудія и т. д; такимъ образомъ имѣніе

Digitized by Google

при одинаковомъ числѣ рабочихъ нанятыхъ рукъ имѣетъ нынче совершенно разную цѣнность. и если хотятъ нынче сравнить два имѣнія, то никогда никто не скажетъ: «въ одномъ столько-то рабочихъ, а въ другомъ столько-то», подобно тому, какъ сперва прямо говорилось: столько-то душъ крестьянъ, и всякому становилась понятнымъ цѣнность имѣнія. Нынче же, чтобы опредѣлить цѣнность имѣнія, нужно знать величину основного капитала, лежащаго въ имѣніи; и часто маленькія имѣнія, по старинным понятіямъ. но хорошо устроенныя въ хозяйственномъ отношеніи, выигрываютъ нынче относительно большихъ имѣній, сила которыхъ была исключительно основана на силѣ обязательнаго труда. Правда, что мы не скоро дойдемъ до вѣрнаго опредѣленія цѣнности имѣній; для этого нужно кадастръ; но мало-по-малу у насъ пріучаются къ новому воззрѣнію на это дѣло, и. безъ сомнѣнія, мы скоро дойдемъ до правильнаго экономическаго начала.

25-го іюня.

Имѣя въ виду нѣсколько помѣщичьихъ хозяйствъ. ведущихся вольнонаемнымъ трудомъ, интересно знать, какое главное условіе необходимо совмѣщать въ себѣ хозяину. чтобы обезпечить большій успѣхъ дѣлу. По моему разумѣнію. въ настоящее время, т. е. въ такое время. когда хозяйства наши учатся ходить. когда система полеводства осталась пока прежнею. т.-е. трехпольною. и когда всякій пробуетъ себя, самое важное условіе для хозяина есть его характеръ, а не умѣнье. т.-е. познанія. Умѣнье. или познанія въ хозяйствѣ, въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ. разумѣется, необходимы, но это принадлежитъ будущему; въ настоящее время все сводится на распорядительный элементъ хозяйства. ба администрацію, на завѣдываніе рабочими, далеко не привыкшими исполнять своихъ обязанностей, на сохраненіе своихъ лѣсовъ, полей и луговъ отъ порубокъ и потравъ. вообще на водвореніе порядка въ хозяйствѣ. Со временемъ, когда дѣятельность общественныхъ сельскихъ властей не будетъ столь шаткою, какъ теперь. когда въ самомъ народѣ усвоятся понятія соблюденія закона и правъ другого лица. когда разовьется въ рабочемъ классѣ свойство честнаго соблюденія контракта и своихъ обязанностей, а съ другой стороны, когда несоблюденіе всего вышеизложеннаго сдѣлается невозможнымъ, вслѣдствіе быстраго дѣйствія закона и вслѣдствіе невозможности безнаказанно нарушить чужое право,—тогда. и тогда только умѣнье хозяина выдвинется на первый планъ; до сихъ же поръ. при ру-

Digitized by Google

типномъ веденіи хозяйства и при отсутствіи общественнаго обезпеченія въ ненарушимости права, личный характеръ хозяина замѣняетъ для него многія гарантіи, которыхъ недостаетъ въ общественномъ устройствѣ. Возьму для примѣра какое-нибудь дѣло по потравѣ или порубкѣ, и мнѣ кажется, что нужно имѣть характеръ, т.-е. настойчивость и терпѣливость, чтобы возстановить нарушенное право; многіе хозяева выходятъ изъ себя; crient à l'ennemi et aux voleurs, т.-е. видятъ преступленіе тамъ, гдѣ только проступокъ; пишутъ Посредникамъ раздирательныя, ужасательныя и нерѣдко ругательныя прошенія, бранятся съ самими крестьянами, и т. д; но изъ всего этого ровно ничего не выходитъ, кромѣ пустого шума. По моему, поменьше шума, но больше настойчивости и благоразумія, побольше терпѣнія, словомъ, побольше характера, и ни одна порубка или потрава не останется безъ законнаго удовлетворенія; болѣе того, число случаевъ потравъ и порубокъ будетъ рѣже, потому что сосѣди станутъ этого остерегаться, вразумившись, что при подобномъ безпорядкѣ жить обоюдно нельзя, и что для сосѣдства нужны правильныя, честныя отношенія, а не стремленіе вредить и портить другъ другу. Я скажу то же самое и по отношенію рабочихъ; нужно держать ихъ серьезно въ смыслѣ соблюденія ихъ контрактныхъ условій и обязанностей; нужно большое умѣнье, чтобы внушить имъ, что всякое отступленіе отъ ихъ обязанностей вредитъ и хозяину, и имъ самимъ; но съ другой стороны, не нужно быть мелочно притязательнымъ, педантически суровымъ; словомъ, нельзя создать никакихъ письменныхъ правилъ для умѣнья обращаться съ людьми, но это одно изъ необходимыхъ условій въ хозяйствѣ. Одна доброта только вредитъ, ею всѣ станутъ злоупотреблять, наконецъ она доведетъ до взаимныхъ неудовольствій, гораздо большихъ, чѣмъ даже при одной строгости. Опять-таки ясно, что нуженъ характеръ для хозяина, и что при этомъ личномъ условіи дѣло его пойдетъ хорошо и для него, и для людей, его окружающихъ. Насколько наши хозяева удовлетворяютъ этому условію,—это другой вопросъ; и мнѣ кажется, что всѣ ихъ хлопоты, неудачи и убытки происходятъ отъ неимѣнія характера.

26-го іюня.

Въ настоящее время у насъ кончаетъ работу по перестройкѣ скотнаго двора плотницкая артель, человѣкъ 12 временно-обязанныхъ крестьянъ Ржевскаго уѣзда. Во все время пребыванія ихъ у насъ я не могу не отдать имъ полной справедливости какъ въ

Digitized by Google

отношеніи добросовѣстнаго выполненія ими работы, такъ и въ отношеніи личнаго ихъ характера. Люди эти, чрезвычайно предупредительные, услужливые, вѣжливые и вмѣстѣ съ тѣмъ смышленые и расторопные, представляютъ собой не малую разницу съ нашими туземцами. Они также бывшіе помѣщичьи крестьяне; но, будучи съ малолѣтства на заработкахъ въ разныхъ углахъ сосѣднихъ съ ними Губерній, они гораздо развитѣе нашихъ доморощенцевъ. Въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ будучи не рѣдкими свидѣтелями толковъ нашихъ крестьянъ, ихъ споровъ со мной, ихъ воззрѣній, особенно по отношенію крестьянскаго освобожденія, плотники подсмѣивались надъ нашими крестьянами и недоумѣвали: можно ли такъ долго не понимать или такъ смутно понимать все относящееся къ новому устройству быта крестьянъ. Я не сравниваю ихъ съ рабочими при господскомъ хозяйствѣ; послѣдняя категорія людей долго еще будетъ жить преданіями барщины, считая всякое отношеніе къ господскому хозяйству продолженіемъ прежнихъ барщинныхъ, лѣнивыхъ и недобросовѣстныхъ отношеній; но я сравниваю ихъ съ нашими людьми, нанятыми по вольной цѣнѣ для распиловки досокъ, и какая громадная разница не въ пользу нашихъ. Наши люди до сихъ еще поръ смутно понимаютъ, что личная выгода каждаго работника должна бы заставлять его работать прилежно, а не сидѣть, какъ бывало, и не ожидать подгонки со стороны барина; а мнѣ не разъ приходилось понукать работу нашихъ пильщиковъ, которые могли бы гораздо скорѣй покончить распиловку досокъ, чѣмъ они это сдѣлали; напр., они провели двѣ недѣли послѣ Егорія, т.-е. 24 апрѣля, въ безплодныхъ толкахъ по деревнямъ о передѣлѣ земли, и за это должны были копчать свою работу теперь, и то послѣ сильной настойчивости съ моей стороны, а то пожалуй еще и всей работы не кончили бы, чѣмъ задержали бы меня и лишились бы рублей 20 денегъ, которыхъ я не отдалъ бы имъ въ видѣ неустойки въ работѣ. И я больше хлопоталъ, чѣмъ они сами, чтобы не лишить ихъ этихъ денегъ. Одно время можетъ подвинуть впередъ нашихъ доморощенцевъ; а до тѣхъ поръ нечего дѣлать.

29-го іюня.

Вчера я окончилъ пріемку канавъ, вычищенныхъ и сдѣланныхъ вновь канавщиками дер. Головкова. Канавъ, по измѣренію, оказалось на 5950 саженъ, т.-е. безъ малости на 12 верстъ въ одномъ только, такъ называемомъ, Лантевскомъ полѣ. Я считаю, что съ уничтоженіемъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, бывшаго почти

Digitized by Google

дарового элемента, труда барщинныхъ крестьянъ, нужно стараться замѣнить его другимъ элементомъ: улучшеніемъ самаго хозяйства, т.-е. вмѣсто количественнаго элемента прилагать къ дѣлу качественный. Въ какой степени этотъ послѣдній элементъ игралъ у насъ до сихъ поръ второстепенную роль, можно видѣть изъ того, что онъ, напр., въ нашемъ имѣніи, оставался безъ примѣненія цѣлыхъ 40 лѣтъ, т.-е. съ самой смерти нашего дѣда П. М. Полторацкаго, который, будучи вполнѣ образованнымъ европейскимъ человѣкомъ въ свое время, всѣ свои надежды полагалъ на этотъ элементъ и примѣнялъ его въ большихъ размѣрахъ. До сихъ еще поръ видны въ нашемъ имѣніи слѣды этого элемента, и можно съ грустью сосчитать нѣсколько ступеней нашего движенія не впередъ, а назадъ въ этомъ отношеніи. Обращусь хоть къ канавамъ; безъ нихъ въ нашей мѣстности всякое хлѣбопашество пойдетъ не впередъ, а назадъ. У насъ вообще плохіе покосы, а безъ сѣна нельзя держать скота; и ежегодно наши покосы ухудшались, вмѣстѣ съ заплытіемъ старыхъ канавъ; въ старину, пожалуй, объ этомъ немного горевали, и даровой трудъ являлся на выручку; вмѣсто того, чтобы косить 100 десятинъ хорошаго покоса, заставляли косить 200 дес. плохого, и результатъ выражался однимъ и тѣмъ же количествомъ кучъ сѣна; въ настоящее время косить 200 дес. и платить за это вдвое—невыгодно, и всякій хозяинъ волей-неволей обратится въ другую сторону. Понятно, что въ настоящее время хозяину очень тяжело, ибо ему приходится сразу употреблять въ большихъ размѣрахъ качественный элементъ, чтобы этимъ уравновѣсить потерю количественнаго элемента; но со временемъ, прилагая ежегодно, мало-по-малу, элементъ улучшенія хозяйства, хозяинъ достигнетъ наконецъ желаннаго результата, т.-е. его дѣятельность будетъ сосредоточена на маломъ пространствѣ; но пространство это, т.е. земля, будетъ улучшена и обработана до такой степени, что доходъ съ нея будетъ не менѣе дохода, получаемаго въ прежнее время съ большого пространства земли. Но для этого нуженъ хозяину нѣкоторый капиталъ; напр., одинъ канавы въ одномъ полѣ стоили 163 р. с., значитъ въ 3-хъ поляхъ это будетъ стоить не менѣе 500 р. с.

30-го іюня.

Сегодня воскресенье, и ко мнѣ, по обыкновенію, въ этотъ день приходитъ большее число больныхъ, чѣмъ въ прочіе дни. Крестьяне, особенно лѣтомъ, занятые полевыми работами, не имѣютъ времени лѣчиться, а потому они всегда приходятъ въ край-

Digitized by Google

немъ случаѣ. когда болѣзнь сильно развилась, и тѣмъ самымъ отняла уже у нихъ всякую возможность работать, такъ что волей-не-волей приходится лѣчиться. Тогда они обращаются ко мнѣ, но многіе раньше этого попытаютъ счастье у деревенскихъ знахарокъ, которыя доводятъ болѣзни, а особенно раны, нарывы, рожи и изъязвленія до крайней степени. Вообще крестьяне страдаютъ въ разныя времена года однообразными болѣзнями, что происходитъ отъ одинаково ровныхъ условій ихъ жизни: лѣтомъ. напр., вслѣдствіе пребыванія на жарѣ. они много страдаютъ глазными болѣзнями и рожами. всякій разрѣзъ или уколъ принимаетъ рожистый характеръ; осенью и весной преобладаютъ разные виды горячки и воспаленія; зимой. и тоже осенью,—ломотныя болѣзни, происходящія отъ быстраго перехода крестьянъ отъ стужи и мороза къ огню и горячей печкѣ; но женщины, какъ моющія бѣлье, гораздо болѣе подвержены ломотнымъ болямъ, чѣмъ мужчины. У крестьянъ встрѣчаются часто глисты. что называютъ «сосетъ подъ сердцемъ»; эта болѣзнь имѣетъ свой корень, по моему мнѣнію. въ мучной по преимуществу пищѣ крестьянъ, а главное въ болотной водѣ, которую они пьютъ во время полевыхъ работъ; опять-таки я встрѣчалъ женщинъ. и по преимуществу не молодыхъ, подверженныхъ этой болѣзни. Но чѣмъ чрезвычайно часто страдаютъ наши крестьяне, это изъязвленіями на ногахъ; частью раны эти живутъ на цинготной почвѣ. синеваты, имѣютъ глубокія дырки и источаютъ иногда кровь,—это болѣе у мужчинъ; женщины же страшно много страдаютъ Ulcera pedis отъ простуды ногъ во время стирки бѣлья и отъ худой обуви во время осеннихъ работъ. Раны эти необыкновенно велики и упорны. видъ ихъ часто страшенъ; теперь я привыкъ къ этому. но мнѣ говорили доктора, что болѣзнь эта принимаетъ иногда у крестьянъ такой видъ, какой никогда не встрѣтишь въ городской больницѣ. Дѣти крестьянъ страдаютъ золотухой, вообще худосочіемъ и поносами отъ кислой пищи; иногда корь или скарлатина уноситъ на половину дѣтей въ деревнѣ. Оспы не бываетъ, потому что у насъ ее прививаютъ крестьянскимъ дѣтямъ. Когда приходитъ больной. то онъ считаетъ всегда необходимымъ разсказать не ходъ своей болѣзни,—этого отъ него добиться трудно. потому что самъ онъ мало замѣчалъ его.—но всѣ житейскія свои обстоятельства. при которыхъ приключилась эта болѣзнь. Мнѣ нерѣдко приходится выслушивать тысячу разнообразнѣйшихъ исторій о тещахъ, зятьяхъ, свекровяхъ и т. д., которые въ это время сказали то-то. сдѣлали то-то, были тамъ-то; но мнѣ очень долго приходится добиваться, чѣмъ боленъ пришедшій. въ какомъ видѣ болѣзнь была раньше, давно ли она, и т. п. У крестьянина

Digitized by Google

всегда отвѣтъ коротокъ: «нутеръ болитъ, сердце сосетъ» и т. д. въ этомъ родѣ; они имѣютъ о болѣзни представленіе, какъ о какомъ-то злѣ, вредномъ началѣ, живущемъ особо въ невидимомъ мірѣ и внѣдряющемся время отъ времени въ человѣка; они говорятъ, напр.: «кашель присталъ; сорвать съ души (рвота); лихорадка привязалась» и т. д., они очень часто вспоминаютъ о какой-(то) «грызи», которая бываетъ и разсыпная, и перекатная, и въ рукѣ, и въ ногѣ; лихорадку нужно, по ихъ мнѣнію, прижечь, а пупъ сорвать; они очень часто говорятъ о веснухѣ,—и тысячи разныхъ видовъ болѣзней, созданныхъ ихъ воображеніемъ и передаваемыхъ по преданію отъ одного поколѣнія къ поколѣнію. Объ волосѣ и о томъ, какъ нужно его гнать, также и объ накидкѣ горшковъ на животъ говорить не стоитъ; такъ, вѣра въ эти панацеи общая у крестьянъ; но я все-таки не привелъ и десятой доли различныхъ названій, даваемыхъ крестьянами своимъ болѣзнямъ, которыя нужно, по ихъ мнѣнію, выгонять вонъ изъ тѣла въ невидимый міръ внѣшнимъ способомъ, т.-е. такъ, какъ, напр., выталкиваютъ кого изъ комнаты; поэтому-то они любятъ ѣдкія, горькія лѣкарства, пластырь, кровопусканія, банки, вообще все, что матеріальнымъ образомъ проявляетъ свою цѣлебную дѣятельность. Число больныхъ съ каждымъ днемъ увеличивается въ моемъ спискѣ, и до нынѣ ихъ перебывало у меня 552 человѣка. Устроить же что-нибудь въ видѣ больницы и завести фельдшера пока невозможно: никто на это не согласится изъ крестьянъ.

1-го іюля.

Я когда-то говорилъ объ той неотвязчивости и настойчивости, съ которыми крестьяне вообще выторговываютъ себѣ лишнюю копейку каждый разъ, когда приходится имѣть съ ними дѣло; они точно также надоѣдливы, когда выпрашиваютъ себѣ какой-либо милости или чего-нибудь нужнаго, и, по-правдѣ сказать, въ это время въ нихъ совершенно отсутствуетъ чувство всякаго личнаго достоинства. Съ другой стороны, крестьяне точно также надоѣдливы и настойчивы, когда предлагаютъ вамъ взять что-нибудь, отдаривая васъ или отплачивая вамъ за какую-нибудь ожидаемую или оказанную имъ уже услугу. Въ обоихъ случаяхъ они ставятъ васъ въ непріятное положеніе; но въ первомъ случаѣ есть всегда возможность: или рѣшительно отказать, или уступить имъ, потому что самому нетрудно быть судьей въ своемъ собственномъ интересѣ; во второмъ же случаѣ трудность положенія усложняется

Digitized by Google

тѣмъ, что нужно имѣть особенное чутье, чтобы узнать, дѣйствительно ли вашъ отказъ можетъ обидѣть крестьянъ, или сей послѣдній соблюдаетъ только форму условнаго приличія, внутри себя желая, чтобы вы отказались отъ его приношенія. Я имѣю ежедневно борьбу съ моими пацієнтами, которые настойчиво навязываютъ мнѣ яйца, ягоды и прочую дрянь; но я едва научился теперь распознавать, когда отказъ вашъ обижаетъ больного, изъ которыхъ положительно всякій считаетъ своимъ долгомъ обѣщать вамъ придти поработать: пожать, сѣна погресть и прочее; и хотя никто никогда этого не дѣлалъ и никогда никого бы на работу не приняли, тѣмъ не менѣе тотчасъ по приходѣ всякій больной сулитъ вамъ что-нибудь. Это страшно скучно и первое время сердило меня, потому что вы разспрашиваете больного о его болѣзни, а онъ городитъ вамъ вздоръ. Народъ нашъ привыкъ ко всякаго рода взяточничеству, и онъ не можетъ понять, что можно было бы взятокъ не давать и взятокъ не брать. Это язва, привитая къ нему древнимъ кормежемъ бояръ и нынѣшнимъ чиновничествомъ.

4-го іюля.

Вчера я обходилъ окружную межу въ пуст. Рафена для указанія ея нашимъ крестьянамъ, взявшимъ на аренду эту землю отъ помѣщицы Синицыной. Земля эта взята на 9 лѣтъ, по 2 р. с. за десятину ежегодно, т.-е. 120 р. с. за 60 дес. земли: плата эта, представляя собой 5-ть процентовъ съ капитала, доводитъ цѣнность земли до 40 р. с. за десятину, тогда какъ цѣна ея, въ случаѣ прямой ея продажи, прямо при всей уплатѣ денегъ, равнялась бы не болѣе 20 р. с. за десятину. Я не могъ освободиться отъ слѣдующей мысли, преслѣдовавшей меня какъ во время обзора земли, такъ и при написаніи условія аренды. Собственникъ, едва знающій границы и объемъ своей собственности, сидя покойно на диванѣ, въ хорошей комнатѣ, получитъ безъ малѣйшаго съ своей стороны труда, т.-е. безъ малѣйшаго физическаго и умственнаго усилія, одной аренды въ продолженіе 9 лѣтъ, почти стоимость всей земли, которая все таки будетъ его собственностью и будетъ продолжать приносить процентъ при той же недѣятельности и беззаботности самого собственника. Съ другой стороны, труженикъ, работающій въ потѣ лица своего и съ усиліемъ доброй лошади, долженъ еще благодарить собственника за то, что сей послѣдній позволилъ ему употребить свой трудъ для пріобрѣтенія себѣ средствъ существованія. Правда, этотъ труженикъ получитъ себѣ барышъ, но если

Digitized by Google

сравнить между собой трудъ собственника получить 120 р. с. аренды съ трудомъ труженика, получить себѣ доходъ, то безъ сомнѣнія на каждый рубль, полученный собственникомъ, труженикъ долженъ бы былъ получить 10 р. с.; но этого далеко нѣтъ, и это свидѣтельствуетъ только о преимуществѣ капитала надъ трудомъ. Какимъ образомъ разрѣшится въ будущемъ, и вѣроятно очень отдаленномъ, вопросъ собственности, это загадка, и я считаю страннымъ и смѣшнымъ всѣ бывшіе планы и предположенія соціальнаго устройства общества; предугадать будущее невозможно, сама жизнь разрѣшитъ вопросъ этотъ совершенно негаданнымъ образомъ. Я считаю преждевременнымъ заявлять синтезисъ вопроса, анализъ же его необходимъ всегда, т.-е. необходимо уяснять себѣ многія ненормальныя стороны вопроса собственности и зло, отсюда истекающее.

19-го іюля.

Я получилъ 10-го числа письмо отъ министра внутреннихъ дѣлъ, коимъ извѣщаюсь, что я назначенъ предсѣдателемъ Повѣрочной Коммиссіи въ Дриссенскій уѣздъ, Витебской губерніи, куда я отправляюсь около 24 числа. — Пробывъ въ Исаковѣ два года и два мѣсяца въ средѣ крестьянъ, я совершенно привыкъ къ нимъ и ко всѣмъ, съ кѣмъ приходилось имѣть дѣло. Я уѣзжаю съ тѣмъ же взглядомъ на крестьянскій вопросъ, съ какимъ и пріѣхалъ; безъ сомнѣнія, практика жизни уяснила мнѣ многое, чего я не могъ знать, живя въ Петербургѣ. Я надѣюсь начать новую мою дѣятельность съ тѣмъ же сочувствіемъ къ дѣлу уничтоженія послѣднихъ остатковъ крѣпостной зависимости, съ какимъ постоянно смотрѣлъ на вопросъ въ продолженіе прожитаго мною здѣсь времени.

1864 годъ января 18-го.

Послѣ пятимѣсячнаго отсутствія моего изъ Исакова, я на время пріѣхалъ сюда. Я полагаю, что впечатлѣніе всего окружающаго меня сходно съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое пріобрѣтаетъ человѣкъ, отвернувшійся на нѣсколько времени отъ наблюдаемаго имъ предмета за тѣмъ, чтобы, сразу снова взглянувъ на предметъ, судить потомъ вѣрнѣе о немъ. Предметъ, о которомъ я говорю, есть крестьянскій вопросъ. Мнѣ кажется, что онъ вошелъ теперь въ

Digitized by Google

болѣе опредѣленную рамку, отбросивъ все то, что было примѣшано къ нему въ первое время. Крестьянскій вопросъ сдѣлался теперь серьезнымъ, практическимъ вопросомъ и отдѣлался отъ негодной для него примѣси мечтаній, поползновеній и стремленій, ему не присущихъ, а навязанныхъ ему людьми съ неопредѣленными тенденціями, — людьми, которые сами ясно не сознавали, куда они хотятъ и зачѣмъ они хотятъ. Всѣ много перемѣнились, всѣ тверже осѣли, подобно взрытой землѣ, которая осѣдаетъ отъ времени; всѣ вошли въ сферу дѣятельности практической жизни и истинныхъ своихъ интересовъ,— я говорю и про помѣщиковъ, и про крестьянъ; но послѣдніе отстали въ этомъ отношеніи отъ первыхъ, и немудрено; все-таки сословіе дворянъ образованнѣе и развитѣе крестьянъ. Крестьяне все еще шатаются, все еще спотыкаются на каждомъ шагѣ, все еще не совсѣмъ понимаютъ истинныхъ своихъ интересовъ; но и для нихъ придетъ время, нужно терпѣливо ждать и руководить ихъ. Въ настоящее время они подверглись вліянію гибельной страсти къ винѣ; страсть эта выражается фактически: страшнымъ употребленіемъ вина и пренебреженіемъ къ своимъ домашнимъ дѣламъ, во имя минутнаго удовлетворенія своей страсти. Люди развитые укрощаютъ свои страсти разсудкомъ; люди неразвитые останавливаются въ ней, испытавъ фактически всѣ дурныя ея послѣдствія; и крестьянъ никакъ нельзя остановить теперь первымъ путемъ; они соглашаются во всемъ, что имъ говоришь, они дѣйствительно въ эту минуту сознаютъ свои ошибки, но не могутъ все таки устоять отъ соблазна. Второй путь измѣнитъ ихъ, безъ сомнѣнія, но не скоро; они могутъ долго еще идти по немъ. Грустно и тяжко быть свидѣтелемъ всей той школы, чрезъ которую они должны будутъ пройти; но это есть общій путь всѣхъ Русскихъ перерожденій, это есть исторически сложившійся путь, и мы всѣ безъ изъятія, Русскіе, вообще идемъ по немъ. Я не говорю въ смыслѣ грубыхъ, безнравственныхъ сторонъ человѣческой природы; это переработано въ насъ собственно воспитаніемъ, хотя дурнымъ, но все-таки мы его получили; крестьяне же никакого не имѣютъ. Мнѣ кажется, что все выходитъ на болѣе прямой, вѣрный путь, и если есть отступленія отъ него, то нельзя говорить въ отчаяніи: «все потеряно, мы ни къ чему негодны, мы неспособны жить и развиваться и т. п.» — Правда, нужно много силы воли, много терпѣнія, сдержанности въ своихъ порывахъ къ идеалу и т. д.; но безъ этихъ свойствъ живутъ только дѣти, взрослые же люди не должны быть дѣтьми. Но никакъ нельзя предугадать, къ чему мы придемъ, въ какую форму выльются всѣ тѣ бродячіе элементы, изъ которыхъ по преимуществу слагается наша Русь въ настоя-

щую эпоху. Чего у насъ нѣтъ, чего у насъ не хотятъ, но жизнь все-таки идетъ своимъ плавнымъ, медленнымъ, разумнымъ путемъ; а въ недавно обнародованномъ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ я вижу одинъ шагъ впередъ; шагъ небольшой, но правильный, неспѣшный и обдуманный. Какъ-то это учрежденіе привьется у насъ; при новомъ возвращеніи моемъ сюда я увижу, безъ сомнѣнія, много перемѣнъ, много новыхъ силъ, вызванныхъ изъ дремоты, и много блудящихъ силъ, приведенныхъ къ порядку.

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ:

				Напечатано:	Должно быть:
Стр.	58	строка	9 сверху	Дружище	Гнутище
				Палашно	Палагино
»	144	»	5 снизу	Полѣсской	Польской
»	164	»	16 сверху	Мелеги	Мелечи

Digitized by Google

Digitized by Google

Н. Н. БУЛИЧЪ.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И

ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ начала XIX вѣка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., д. 28.
1900.

Digitized by Google

Digitized by Google

Печатается по постановленію Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель *Н. Карѣевъ*.

Digitized by Google

ЛЕКЦІЯ I.

Значеніе литературы въ обществѣ.—Отношеніе ея къ жизни.—Зависимое положеніе нашей литературы. — Причина непрочности литературной славы нашихъ писателей.—Взгляды славянофиловъ.

Приступая къ изложенію исторіи движенія русской мысли и литературы въ нашемъ отечествѣ съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія, я считаю необходимымъ предпослать этому изложенію нѣсколько общихъ мыслей и опредѣленій. Онѣ дадутъ намъ возможность лучше и яснѣе понять тотъ предметъ, съ которымъ мы будемъ имѣть дѣло.

Сравнительно съ прошлымъ вѣкомъ понятіе о литературѣ, вмѣстѣ съ развитіемъ общества и политическимъ ростомъ нашей страны, значительно измѣнилось. Измѣненіе это есть необходимое историческое явленіе, и намъ, въ теченіе настоящаго курса, придется указывать, какимъ образомъ совершалось это измѣненіе и какія явленія жизни вызывали его. Прежде главною стороною литературныхъ явленій была сторона *художественная*. Даже по взгляду Бѣлинскаго, литературное произведеніе должно было быть *плодомъ свободнаго вдохновенія* и „дружныхъ усилій людей, созданныхъ для искусства". Конечно, онъ уже требовалъ отъ литературы, чтобъ она выражала и духъ народа, и внутреннюю жизнь его, но прежде всего онъ требовалъ, чтобы произведенія ея были изящны. Онъ говорилъ, что литература есть народное самопознаніе, цвѣтъ и плодъ народной жизни, что ее невозможно отдѣлить отъ развитія общества, которому она служитъ выраженіемъ. Опредѣленія эти и теперь имѣютъ всю свою силу и значеніе, но значеніе литературы въ обществѣ, а слѣдовательно и понятіе о ней сдѣлалось гораздо шире. Въ наше время литература гораздо прямѣе и непосредственнѣе служитъ обществу и государственной жизни, чѣмъ было то прежде; она стоитъ ближе къ жизни. Едва ли будетъ справедливо требовать отъ литературы, посвящающей себя служенію жизни и обществу, занятой но

Digitized by Google

необходимости временнымъ, высокаго художественнаго совершенства. Многое въ этомъ отношеніи утрачено современною русскою литературою; слишкомъ малое въ ней носитъ на себѣ печать художественнаго творчества, но близость ея къ общественной и политической жизни очевидна для всякаго, кто слѣдитъ за современностью, и въ этомъ надо видѣть успѣхъ нашей литературы.

Указывая на этотъ успѣхъ сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, мы далеки однако отъ мысли, что она достигла полнаго совершенства, что не остается болѣе ничего желать для нея, и что она дѣлаетъ свое дѣло вполнѣ достойнымъ образомъ. Нѣтъ, многаго еще приходится желать ей и всѣми силами нужно содѣйствовать ей, потому что она составляетъ глубоко національное дѣло. Но дальнѣйшее развитіе ея обусловлено вполнѣ развитіемъ общества, въ которомъ она существуетъ. Чѣмъ больше жизни и мысли въ этомъ обществѣ, тѣмъ полнѣе и живѣе литературная дѣятельность. Она не создаетъ жизни и ея явленій, а содѣйствуетъ только правильному ходу ея: жизнь, напротивъ, создаетъ литературу и даетъ ей смыслъ и содержаніе. Стоитъ только вспомнить о замѣчательномъ пробужденіи русской мысли и литературы въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, чтобъ понять, какъ зависитъ литература отъ жизни общества.

Приписывать поэтому литературѣ сильное и преобладающее вліяніе на жизнь общества, говорить, напримѣръ, о томъ, что она можетъ измѣнить нравы и обычаи народа, было бы вполнѣ несправедливо. Въ XVIII вѣкѣ, во время процвѣтанія такъ называемой просвѣтительной литературы, когда свободная мысль, зародившись въ одномъ, болѣе другихъ свободномъ государствѣ, господствовала въ литературѣ европейскихъ странъ въ незначительномъ числѣ ея представителей, въ то время, какъ общества и государства европейскія не сбросили еще съ себя оковъ феодальнаго быта, литературѣ и ея вліянію приписывали слишкомъ много значенія, думали, что она въ состояніи измѣнить условія жизни и нравы общественные. Послѣ французской революціи, когда въ европейскихъ обществахъ стала господствовать реакція, представители этой реакціи обвиняли литературу за революцію, за всѣ ея преувеличенія и ошибки, даже за убійства и преслѣдованія. Во всемъ, что только не нравилось тогда реакціи, должны были быть виноваты Руссо и Вольтеръ. Нѣтъ, историческія событія не вызываются литературою; они приходятъ сами собою, вслѣдствіе неизбѣжныхъ условій жизни, и нравы народа измѣняются не словомъ, не мыслію, а историческими обстоятельствами самой народной жизни. Литература не создаетъ общественнаго мнѣнія, а можетъ только уяснить его, старается направить его въ ту или другую сторону, смотря по тому, изъ какой партіи раздается

Digitized by Google

голосъ литературы. Власти надъ жизнію литература не имѣетъ. Отсюда понятно, какъ нелѣпы вообще бываютъ нападенія на вредное будто бы дѣйствіе литературы, вызывающей страсти и волненія, какъ безцѣльно стѣснять ея голосъ цензурою и преслѣдованіями. Только свобода и независимость литературы даетъ ей возможность быть полезною и служить жизни и общественному развитію. Литература только тогда имѣетъ полное право назваться литературою и заслуживать общее уваженіе, когда она подаетъ свой голосъ обо всемъ, что́ происходитъ важнаго въ общественной жизни, когда она смотритъ на явленія жизни свободно, со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, когда она ничѣмъ не стѣсняется въ изслѣдованіи причинъ существованія факта. Такая литература въ состояніи руководить общественнымъ мнѣніемъ; она можетъ приготовить и облегчить улучшенія въ національной жизни, ея указанія и совѣты спасаютъ общество отъ ошибокъ и бѣдствій.

Всѣмъ извѣстно, что наша литература далеко не достигла еще такого положенія въ обществѣ; утверждать, что она руководитъ его мнѣніемъ, было бы слишкомъ преждевременно, и зато слава Богу, если она успѣетъ развить достаточнымъ образомъ ту или другую мысль, зародившуюся въ обществѣ. Этотъ несмѣлый, нетвердый голосъ литературы зависитъ главнымъ образомъ отъ самого общества, отъ недостатка въ немъ развитія, отъ его вялости и косности. Литература развивается только параллельно съ нимъ, вслѣдъ за нимъ. При всякомъ пробужденіи общества, при болѣе дѣятельной жизни въ немъ—и въ литературѣ тотчасъ же проявляется жизнь и движеніе; она служитъ отголоскомъ имъ и говоритъ тѣмъ громче и убѣдительнѣе, чѣмъ важнѣе дѣло, ею защищаемое. Поэтому направленіе и содержаніе литературы служитъ намъ самою вѣрною мѣркою того, къ чему стремится общество, что́ волнуетъ его, чего оно желаетъ и добивается. Но при этомъ необходимо условіе, чтобъ литература не стѣснялась разными посторонними обстоятельствами. Мысль сдавленная и прижатая—и робка, и нерѣшительна; невольно она искривляется въ одну сторону и дѣлается неправильною. Въ нашей исторической жизни мы не можемъ, къ сожалѣнію, указать ни на одну эпоху, въ которой мысль и слово пользовались бы широкимъ просторомъ и безусловною свободою. Такихъ счастливыхъ временъ не бывало, и мы можемъ говорить только о такихъ эпохахъ, когда положеніе мысли и слова облегчалось въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ, когда самая власть, задумывая реформы, настоятельно требуемыя ходомъ событій, рѣшалась обращаться къ голосу своей страны и народа. Это благопріятное для жизни явленіе происходило въ началѣ трехъ царствованій: Ека-

Digitized by Google

терины II, Александра I и Александра II. Но вслѣдъ за этимъ непродолжительнымъ пробужденіемъ снова начиналась боязнь мысли и стѣсненіе слова. Эта боязнь мысли есть одинъ изъ главныхъ нравственныхъ недостатковъ нашего общества,—наслѣдіе отдаленной, еще византійской поры нашего развитія, и она преслѣдуетъ насъ до сихъ поръ. Слѣдствія этой боязни мысли были до крайности не выгодны для нашего духовнаго развитія. Она, по нашему мнѣнію, породила тотъ скептицизмъ, то жалкое недовѣріе къ силамъ и собственнымъ, и общественнымъ, которые такъ часто слышатся въ нашей литературѣ. Она отнимаетъ отвагу и смѣлость у голоса литературы. Рядомъ съ мелочностью, апатіей и равнодушіемъ, въ такой литературѣ развивается и невѣжественная, и безстыдная похвальба собою.

Болѣе полутораста лѣтъ, вслѣдствіе реформы Петра, мы, русскіе, вдвинуты въ общую духовную жизнь Европы, и сдѣлались участниками ея духовной дѣятельности и ея стремленій, а между тѣмъ много ли русскихъ именъ, въ особенности въ наукѣ, извѣстно европейскому міру? Сравнительно съ богатою областью западной науки, у насъ поражаетъ изобиліе посредственности, безсиліе и слабость. Нашей науки едва достаетъ на наши домашнія потребности, и гдѣ уже гордиться ею предъ Европою?

Національная исторія наша представляетъ другое, также въ высшей степени невыгодное обстоятельство: это слишкомъ малый, тѣсный кругъ для дѣйствія нашихъ литературныхъ идей. Напрасно обольщаемся мы громкими именами въ нашей литературѣ, говоримъ о народномъ значеніи того или другого писателя: всѣ эти громкіе слова въ концѣ концовъ оказываются пустыми и безсодержательными фразами. Посмотрите, какъ недолговѣчна слава нашихъ великихъ писателей, какъ скоро забываются имена ихъ, какъ то, что было великимъ и прекраснымъ для одного поколѣнія, теряетъ все свое значеніе для послѣдующаго. Мы не должны сожалѣть объ этомъ столько извѣстномъ всѣмъ явленіи нашей общественной жизни; скорѣе явленію этому надобно радоваться, потому что въ немъ высказывается ростъ духовныхъ силъ и развитіе сознанія, этимъ явленіемъ восполняется мало по малу тотъ разрывъ въ обществѣ русскомъ, который произвела Петровская реформа. Эта реформа отдѣлила массу народа отъ такъ называемаго образованнаго общества, въ которомъ только и могло начаться дѣйствіе литературы, какъ выраженіе слишкомъ малаго и ограниченнаго круга. Народъ остался при своихъ вѣковыхъ идеалахъ, при бѣдной и грубой жизни, при своихъ заунывныхъ пѣснях: образованное же общество ринулось въ путь перобразованій, открытый для него исторіей, и, увлекаясь европейскими идеалами,

Digitized by Google

постаралось вскорѣ создать для себя свою литературу, которая была бы его выраженіемъ. Вся послѣдующая со временъ реформы духовная дѣятельность русскаго общества направлена была и должна быть направлена въ будущемъ къ тому, чтобы первоначально незначительный по числу кругъ образованныхъ людей дѣлался все шире и шире, чтобъ болѣе и болѣе выходило личностей изъ массы народа и примыкало къ образованному кругу. Вмѣстѣ съ образованіемъ народа, которое теперь представляетъ сознанную государственную потребность, будетъ расширяться значеніе литературы, становиться плодотворнѣе ея дѣйствіе, а имена великихъ ея представителей станутъ получать по праву названіе народныхъ. Понятно теперь, что первый кругъ образованныхъ людей былъ весьма незначителенъ по числу, и тотъ писатель, который слылъ за великаго или, по крайней мѣрѣ, замѣчательнаго въ немъ, долженъ былъ потерять свое значеніе, какъ скоро кругъ дѣлался шире. Вотъ причина непрочности литературной славы нашихъ писателей и того, что они такъ скоро теряютъ свое значеніе, замѣняясь другими.

Но несмотря на это естественное и необходимое развитіе дѣйствія литературы, мы должны сознаться, что кругъ, въ которомъ она дѣйствуетъ, слишкомъ малъ и незначителенъ до сихъ поръ, особенно если мы сравнимъ его съ литературами западно-европейскими. Напрасно поэтому говорить о могущественномъ вліяніи литературы на общество. Вся масса нашего народа уходитъ изъ подъ этого вліянія; народу совершенно нѣтъ дѣла до тѣхъ литературныхъ восторговъ, которыми мы пробавляемся; онъ не знаетъ прославленныхъ именъ въ нашей литературѣ. Все дѣйствіе нашей литературы происходитъ покуда въ кружкѣ, съ тѣмъ или другимъ направленіемъ, а не въ народѣ. Оттого такими узкими представляются наши литературные взгляды, такими мелкими ея стремленія: она не опирается на народъ. Объемъ понятій, та или другая широта ихъ зависитъ отъ пространства, въ которомъ раздается голосъ литературы. Русскій народъ въ этомъ отношеніи уступаетъ много европейскимъ націямъ, литературы которыхъ превосходятъ нашу и широтою своего дѣйствія и глубиною своего содержанія, развитого болѣе богатою историческою и политическою жизнію.

Такимъ образомъ просвѣщеніе массы народа, поднятіе ея до образованія общече-человѣческаго, слитіе ея съ образованными кругами—представляется глубоко-національнымъ дѣломъ и приготовитъ широкое поприще для будущей литературы, которая уже не станетъ вращаться въ тѣсномъ кругу избранныхъ. Литература сопутствуетъ только образованію; она развивается только вмѣстѣ съ образованностью, и нѣтъ сомнѣнія, что вмѣстѣ съ развитіемъ круга своей

Digitized by Google

дѣятельности. съ приближеніемъ къ широкой массѣ народа, она ближе станетъ къ дѣйствительной жизни и будетъ заниматься интересами не мнимыми, не кажущимися только, а дѣйствительными и существенно-важными.

Говоря объ этомъ отношеніи литературы къ „массѣ" нашего народа, стѣсняющемъ кругъ литературнаго дѣйствія и отнимающемъ много силы у него, мы должны упомянуть здѣсь о взглядахъ партіи, извѣстной подъ именемъ славянофильской. Разсматривая отношеніе массы народа къ образованнымъ слоямъ его, славянофилы являются противниками нашего образованія и цивилизаціи, потому только, что они заимствованы. На начала народности смотрятъ они съ какимъ-то мистическимъ уваженіемъ, считаютъ ихъ вѣчными и неподвижными, считаютъ за грѣхъ нарушеніе ихъ. Такой взглядъ, прямо противоположный высказанному нами, останавливаетъ движеніе, мѣшаетъ прогрессу. Если начала нашей народности неподвижно-священны, то всякое нарушеніе ихъ, всякое удаленіе отъ нихъ есть дѣло анти-національное. Къ счастію такой взглядъ логически не вѣренъ, и нѣтъ въ мірѣ ни одной народности, которая не уступила бы ходу впередъ исторіи и не промѣняла своихъ темныхъ преданій на свѣтъ цивилизаціи. Такимъ образомъ реформа Петра какъ въ концѣ XVII вѣка была дѣломъ спасительнымъ, такъ и теперь осталась таковымъ же. Вся будущая исторія нашего отечества должна идти по дорогѣ, имъ указанной, и внѣ ея нѣтъ спасенія. Какъ только Россія сбивалась съ этой дороги,—ея исторія останавливалась.

Реформа Петра, съ ея неисчислимыми послѣдствіями, составляетъ у насъ глубоко-національное дѣло, и ей должна по необходимости уступить наша народность, сама развиваясь и уступая цивилизаціи. Огорчаются потерею народности, сглаживаніемъ будто бы оригинальныхъ чертъ въ физіономіи нашего народа, но это сожалѣніе совершенно напрасно. Можно быть увѣреннымъ, что черты народности не сохраняются насильственно, что если и есть въ ней что-нибудь крѣпкое, не подвергающееся разложенію, то оно останется навсегда при народѣ и пріобрѣтетъ еще болѣе глубокое значеніе при свѣтѣ цивилизаціи. Посмотрите на англичанъ: это самый просвѣщенный и самый оригинальный народъ въ мірѣ. Можно надѣяться, что и мы, русскіе, со временемъ будемъ привѣтствовать свою народность, развитую цивилизаціей, а не темное преданіе, завѣщанное языческою стариною. Но до тѣхъ поръ надобно пройти еще длинную дорогу развитія, устраняя съ нея множество разныхъ препятствій. А препятствій этихъ въ самомъ дѣлѣ весьма много, особенно въ области мысли и слова, которая не можетъ похвалиться вполнѣ прочнымъ существованіемъ и должна выдерживать глухую борьбу съ обску-

рантизмомъ и невѣжествомъ и въ обществѣ и въ правящихъ сферахъ, которыя иногда святотатственно даже призывали на помощь „духъ народа“ и его византійскую простоту, чтобъ опереться на нихъ въ борьбѣ съ свободою мысли.

Передъ русскимъ развитіемъ, начиная съ XVIII вѣка, нѣтъ другой задачи, какъ сближеніе съ Европою, заимствованіе и усвоеніе отъ нея, какъ пріемовъ науки, такъ и господствующихъ идей въ европейскомъ обществѣ, вызванныхъ его движеніемъ. Но это усвоеніе чужого, что̀ мы будемъ наблюдать въ XIX вѣкѣ, усвоеніе необходимое и постоянное, не мѣшало, однако, особенно въ области художественнаго творчества, пробиваться самостоятельности, и чѣмъ больше зрѣла и воспитывалась мысль подъ европейскими вліяніями, тѣмъ попытки на самостоятельныя созданія были глубже и зрѣлѣе. Да, европейское вліяніе имѣло и будетъ имѣть значеніе воспитательное для нашего общества. Это не пустое подражаніе, на которое нападаютъ славянофилы, оно имѣетъ разумныя основанія, и за усвоеніемъ слѣдуетъ разработка и распространеніе заимствованнаго въ своей собственной средѣ, самостоятельное примѣненіе его къ русской жизни и ея содержанію.

Вотъ тѣ общія мысли и общіе взгляды на предметъ насъ занимающій, т.-е. на исторію русскаго умственнаго и литературнаго движенія, начиная съ XIX вѣка, изучить которое намъ предстоитъ. Въ ходѣ нашего изложенія мы не отступимъ отъ высказанныхъ нами началъ, они должны быть руководительными...

ЛЕКЦІЯ II.

Вступленіе на престолъ Александра I. — Отношеніе къ нему общества. — Воспитаніе Александра. Замѣтки Протасова. Лагарпъ. Его юность.

Двадцатипятилѣтнее царствованіе императора Александра, которымъ началось для Россіи новое столѣтіе, представляетъ одну изъ замѣчательныхъ эпохъ ея исторіи. Въ теченіе ея совершилось такъ много событій, измѣнившихъ нашу исторію, внутренняя жизнь страны была такъ разнообразна, подвергалась такимъ различнымъ, непохожимъ другъ на друга, вліяніямъ и колебаніямъ, что эта первая четверть вѣка есть какъ бы цѣлый міръ, въ которомъ началось и окончилось извѣстное развитіе. Въ исторіи развитія вообще трудно указывать на такую внѣшнюю раму, какъ царствованіе государя, и съ его годами соединять факты внутренней жизни страны, но въ государствахъ самодержавныхъ, какова Россія, жизнь страны тѣсно сли-

Digitized by Google

вается съ личностію правителя, и часто ходъ событій зависитъ отъ его воли. Ничѣмъ это положеніе такъ сильно не подтверждается, какъ царствованіемъ Александра I. Его характеръ, его личныя убѣжденія, его колебанія, его измѣнчивость подъ вліяніемъ событій и внутренней личной его исторіи отражаются на жизни государства, направляютъ въ немъ движеніе мысли и общественное развитіе. Говорить поэтому о внутренней исторіи страны безъ уясненія личности государя едва ли будетъ возможно.

Вступленіе на престолъ Александра I послѣ четырехлѣтняго страннаго царствованія Павла было привѣтствовано всею страною съ глубокимъ, неподдѣльнымъ восторгомъ. По выраженію современника, „онъ возвратилъ Россіянамъ отечество“ [1]). Не одни высшіе классы общества, жалѣвшіе о льготахъ дней Екатерины и напуганные строгостями Павла, но весь народъ привѣтствовалъ молодого государя. „Всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, записываетъ другой современникъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе“ [2]). Въ запискахъ Ермолова, Комаровскаго, Вигеля, Саблукова можно познакомиться съ этимъ восторгомъ общества и народа. Незнакомые обнимались и цѣловались на улицахъ. Радость выражалась на всѣхъ лицахъ. Въ этой радости общества замѣчено было современниками очень много смѣшного легкомыслія, возможнаго только въ обществѣ, привыкшемъ къ рабству и лишенномъ тѣни свободы; пожилые и знатные люди походили на мальчишекъ, вырвавшихся изъ строгой школы [3]). Судить о восторгѣ общества по одамъ нашихъ стихотворцевъ того времени, конечно, нельзя, но къ чести этихъ поэтовъ нужно замѣтить, что муза ихъ все же молчала болѣе или менѣе въ царствованіе Павла и теперь вдругъ заговорила чрезвычайно громко. Ни по какому случаю не было написано столько разныхъ стихотвореній, какъ на восшествіе на престолъ и коронацію Александра [4]). Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ стихотвореній была „Ода“ Державина, которая по разнымъ намекамъ, высказаннымъ въ ней насчетъ царствованія Павла и по внушенію тогдашняго генералъ-прокурора Беклешова, могла быть напечатана только черезъ восемь лѣтъ. Правда, почти то же писалъ Державинъ и при воцареніи Павла; (говорятъ, что самъ Александръ велѣлъ это замѣтить Державину), но тѣмъ не менѣе ода эта пользовалась большимъ уваженіемъ между современниками, и долго потомъ цѣнители

---

[1]) Р. Арх. 1863 г., 730. „Отрывокъ жизни Вас. Пассека, имъ самимъ сочин.“.

[2]) Р. Вѣстн. 1864 г. мартъ „Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля“, 162.

[3]) Вигель. Р. Арх. 1869 г., 1947.

[4]) Русск. Архивъ 1867 г., 987—988.

Digitized by Google

Державина удивлялись въ ней смѣлости поэта. Надобно замѣтить, что Александръ при жизни отца очень хорошо видѣлъ и понималъ всю нелюбовь къ нему, слышалъ глухой, сдержанный ропотъ въ обществѣ, а съ другой стороны Александръ слышалъ постоянно кругомъ себя искреннія сожалѣнія и воспоминанія „о славныхъ дняхъ Екатерины“ отъ людей, которые видѣли въ порядкахъ того времени или источникъ личныхъ выгодъ и наживы для себя, или славныя военныя воспоминанія. Этимъ можно объяснить, почему Александръ въ манифестѣ, изданномъ имъ въ день своего восшествія на престолъ, обѣщается „править Богомъ врученный ему народъ по закону и по сердцу премудрой бабки своей“. Это обѣщаніе было по душѣ всѣмъ. Извѣстно, что онъ былъ любимъ Екатериною, что желая отстранить отъ престола роднаго сына, она хотѣла возвести на него внука, что въ этомъ смыслѣ было заготовлено ею завѣщаніе, истребленное при воцареніи Павла. Державинъ умѣлъ въ своей одѣ, гдѣ намекалъ на суровость Павла, воспользоваться и этими обстоятельствами. Въ ней выводитъ онъ Екатерину:

„Стоитъ въ порфирѣ—и вѣщала,
Сквозь дверь небесну долу зря:
„Давно я зло предупреждала,
Назначивъ внука вамъ въ царя,
Но вы внимать мнѣ не хотѣли,
Забывъ мою къ себѣ любовь,
Напасти безъ меня терпѣли;
Я нынѣ васъ спасаю вновь.“

Несмотря на запрещеніе печатать, ода разошлась во множествѣ списковъ: такъ близко подходила она къ настроенію общества. Александръ, еще до вступленія своего на престолъ, былъ любимъ народомъ. Крутость Павла пріучила смотрѣть на наслѣдника престола, какъ на избавителя, а первыя его распоряженія еще больше увеличили къ нему любовь народную и общій восторгъ. Тотчасъ уничтожена была Тайная Экспедиція, возвращено до 12 т. сосланныхъ Павломъ; виновные по политическимъ преступленіямъ должны были судиться теперь въ общихъ присутственныхъ мѣстахъ, а не особеннымъ судомъ; отмѣненъ былъ указъ Павла, которымъ запрещался ввозъ въ Россію всего печатнаго, даже музыкальныхъ произведеній, и т. п. Общество вздохнуло свободно; восторгъ его былъ неописанный, хотя, конечно, не многіе возлагали на молодого царя прогрессивныя надежды для всей Россіи. „Дней Александровыхъ прекрасное начало“, по выраженію Пушкина, было дѣйствительно одною изъ свѣтлыхъ эпохъ русской политической жизни. Эти первые свѣтлые годы царствованія Александра были временемъ значительнаго возбужденія

Digitized by Google

общественной мысли и большихъ надеждъ. Общество проснулось отъ обычной апатіи своей и смутно ждало чего-то, неопредѣленно надѣялось на что-то... Мысль, запуганная реакціонными преслѣдованіями Екатерины въ послѣдніе годы ея царствованія, когда она такъ боялась французской революціи, и совершенно не находившая мѣста при Павлѣ, теперь стала возбуждаться; къ ней обратилась даже сама власть за совѣтами. Всѣ понимали, что настаетъ новое время, и что идти по прежнему направленію уже невозможно. Преобразованія внутри государства сознавались какъ крайняя необходимость, и первые годы правленія Александра до того времени, какъ Россія вступила въ борьбу съ Наполеономъ, по справедливости могутъ назваться эпохою преобразованій.

Обширныя завоеванія Екатерины и слава Россіи за границею въ ея царствованіе стоили государству громадныхъ пожертвованій, и необходимость лучшаго внутренняго устройства его, о которомъ заботилась Екатерина въ началѣ своего царствованія, была забыта въ ея увлеченіи внѣшнею политикою. Внутренняя администрація воеводъ и намѣстниковъ Екатерины напоминала нравы XVII вѣка, и внутри имперіи росло недовольство въ то время, когда не залѣчены еще были всѣ раны, нанесенныя Пугачевскимъ бунтомъ. Высшая власть находилась въ рукахъ бездарныхъ любимцевъ Екатерины, для которыхъ, на старости лѣтъ, она не жалѣла ничего; всѣ они отличались нечестностью, всѣ они грабили государство, прикрываясь именемъ императрицы, которая смотрѣла на этотъ грабежъ сквозь пальцы. Финансы были въ полномъ разстройствѣ, даже самые знаменитые и прославленные „орлы Екатерины“ отличались полною распущенностію. Екатерина, подъ конецъ царствованія, потеряла въ народѣ всю свою прежнюю популярность; ее любили, поминали и жалѣли при Павлѣ только придворные и сановники изъ-за личныхъ выгодъ своихъ, да распущенные офицеры гвардіи, для которыхъ была при ней такая легкая служба. Люди мысли, хотя число ихъ у насъ въ ту пору было крайне незначительно, отвернулись отъ Екатерины за ея подозрительное преслѣдованіе масоновъ, за ссылки и недовѣріе къ литературѣ. Понятно, что царствованіе Павла, при его всѣмъ извѣстныхъ свойствахъ, не могло способствовать лучшему устройству государства, находившагося въ самомъ печальномъ положеніи. Александръ, въ послѣдніе годы жизни Екатерины, видѣлъ и понималъ это печальное состояніе Россіи. Памятникомъ его скорбной мысли по этому поводу осталось извѣстное письмо его къ другу его юности графу Кочубею, напечатанное въ книгѣ барона Корфа [1]). „Наши дѣла, писалъ онъ

[1]) „Восшествіе на престолъ имп. Николая I“, 3. „Nos affaires sont dans un désordre incroyable; on pille de tous cotés; tous les départements sont mal

Digitized by Google

между прочимъ въ этомъ письмѣ, — въ неимовѣрномъ безпорядкѣ: грабежъ со всѣхъ сторонъ, порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія стремится только къ расширенію своихъ предѣловъ".

Трудная задача предстояла такимъ образомъ императору Александру при его вступленіи на престолъ. Всѣ надежды страны, все ея дальнѣйшее развитіе, вся жизнь ея зависѣли отъ него, самодержавнаго государя. Но былъ ли онъ навысотѣ своего призванія, могъ ли онъ выполнить тѣ надежды, которыя возлагались на него? На вопросъ этотъ можно отвѣчать тѣми свѣдѣніями, какія имѣемъ мы теперь о его воспитаніи и о характерѣ до восшествія на престолъ, о тѣхъ вліяніяхъ, подъ которыми сложились и его характеръ, и его убѣжденія.

Александръ былъ любимымъ внукомъ Екатерины; ему предназначала она русскій престолъ вмѣсто сына, котораго не любила со дня его рожденія. Александра, какъ и прочихъ внуковъ своихъ и внучекъ, она разлучила съ отцемъ и матерью и взяла къ себѣ, чтобъ воспитывать подъ личнымъ надзоромъ. Философствующую государыню, знакомую съ просвѣтительными идеями своего вѣка, очень много занималъ вопросъ о воспитаніи, и она задумала примѣнить свои свѣдѣнія въ этомъ предметѣ къ воспитанію своихъ внучатъ. Такъ ею былъ написанъ „наказъ" или подробное наставленіе, какъ вести великихъ князей, въ которомъ замѣтны идеи Локка и Руссо, общія руководительныя идеи для воспитанія въ то время; съ этою же цѣлью она писала педагогическія сказки и нѣкоторыя другія сочиненія. Вообще, какъ видно, воспитаніе двухъ старшихъ внуковъ заботило Екатерину. Главный надзоръ за этимъ воспитаніемъ былъ ввѣренъ ею Никол. Ив. Салтыкову, потомъ графу и князю, который былъ также и попечителемъ великаго князя Павла Петровича въ его молодости. Это былъ человѣкъ, отличавшійся только придворными свойствами, вѣрный и точный исполнитель приказаній Екатерины, полезный для внѣшней стороны воспитанія, но не имѣвшій никакого вліянія на своего воспитанника въ умственномъ отношеніи, что видно и изъ писемъ къ нему Екатерины по поводу великихъ князей [1]). О воспитаніи Александра, о первыхъ проявленіяхъ свойствъ его и характера мы имѣемъ краткія, но очень любопытныя замѣтки одного изъ русскихъ воспитателей его, Протасова [2]). Изъ записокъ этихъ

---

administrés; l'ordre semble être banni de partout, et l'Empire ne fait qu'accroître ses domaines".

[1]) Р. Арх. 1864 г., 477—542. Письма Имп. Ек. II къ Н. И. Салтыкову.

[2]) Р. Арх. 1866 г., 94—111. Замѣтки одного изъ русскихъ воспитателей Имп. Александра Павловича. Въ полномъ видѣ изданы кн. Авг. Голицынымъ въ изд. „Русская Библіотека" Лейпцигъ, 1863 г.

Digitized by Google

видно, какъ непродолжительно было воспитаніе Александра. Съ самаго пріѣзда невѣсты его, баденской принцессы, когда ему исполнилось только 15 лѣтъ, онъ почти отсталъ отъ всякихъ занятій; свиданія съ невѣстой, забавы и увеселенія придворныя совершенно развлекли его. Послѣ брака (28 Сент. 1793 г.), когда ему не исполнилось и 16-ти лѣтъ, Александръ продолжалъ еще нѣкоторое время заниматься съ швейцарцемъ Лагарпомъ, но русское ученіе его кончилось. Зато, когда по „наказу" Екатерины пришло время „открыть Александру свѣтъ, каковъ есть и каковъ быть долженъ", то окружающіе великаго князя, тѣ люди, съ которыми онъ обращался ежедневно, представляли собою такіе дурные примѣры, говоритъ тотъ же Протасовъ: „что мнѣ оставалось только показать Его Высочеству противныя окружающему свойства, чтобъ показать сколь ненавистны пороки, драгоцѣнна добродѣтель" [1]). Такова была та придворная среда, которая окружала Александра. Тотъ же Протасовъ замѣчаетъ въ немъ различныя свойства: и честность, и лѣнь, и хитрость, и очень развитое самолюбіе, которое составило и потомъ одно изъ главныхъ свойствъ Александра. Больше замѣтокъ даетъ главный воспитатель Александра—Лагарпъ, но и по запискамъ Протасова замѣтна въ Александрѣ какая-то двойственность и невыдержанность характера. Вліяніе французскаго наставника сказывается въ замѣткѣ Протасова о спорѣ, который онъ имѣлъ съ своимъ воспитанникомъ, по вопросу о равенствѣ людей. Александръ хвалилъ равенство и осуждалъ въ 1791 г. французскихъ дворянъ, которые сожалѣли о своихъ прежнихъ привилегіяхъ; русскій воспитатель старался оспорить эти мысли и развить противное.

Собственно преподавателемъ русскаго языка у Александра былъ довольно извѣстный писатель въ концѣ XVIII вѣка, Мих. Никитичъ Муравьевъ, впослѣдствіи, въ царствованіе Александра, попечитель Московскаго университета и товарищъ министра народнаго просвѣщенія, покровитель Карамзина и Батюшкова, который былъ ему родственникомъ. На умѣ и сочиненіяхъ Муравьева отразилось вліяніе философіи XVIII вѣка, особенно французской, съ которою онъ былъ лучше знакомъ. Сочиненія его, напоминающія слогомъ Карамзина, написаны всѣ въ любимомъ тогда философско-сентиментальномъ родѣ. Въ нихъ говорилъ онъ объ отвлеченной любви къ человѣчеству, высказывалъ уваженіе къ свободѣ, закону, ненависть къ деспотизму и проч., но все это говорилось болѣе отвлеченнымъ образомъ и въ чрезвычайно мягкомъ, сглаженномъ тонѣ. Своему царственному воспитаннику Муравьевъ читалъ собственныя сочиненія, заставлялъ его

[1]) Р. Арх. 1866 г., 107.

Digitized by Google

переводить „Эмиля“ Руссо, Монтескье, Гиббона и такимъ образомъ способствовалъ развитію въ Александрѣ того отвлеченнаго идеализма, главнымъ проводникомъ котораго были уроки швейцарца Лагарпа. Но Муравьевъ былъ слишкомъ мягокъ по характеру и ненастойчивъ и едва ли онъ могъ имѣть сильное вліяніе на своего ученика. Даже успѣхъ его собственнаго преподаванія русскаго языка болѣе чѣмъ сомнителенъ; Александръ писалъ неправильно по-русски и никогда не любилъ русской словесности; воспитаніе его, какъ русскаго человѣка, отличалось главнымъ недостаткомъ того времени: онъ былъ воспитанъ по современнымъ идеаламъ Европы вдали отъ роднаго содержанія.

Главнымъ лицомъ въ этомъ воспитаніи, имѣвшимъ весьма сильное вліяніе на умъ и образъ мыслей Александра, былъ швейцарецъ Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ [1]). Отношенія этого человѣка къ императору Александру не походили на обыкновенныя отношенія наставника къ своему воспитаннику; оба они, послѣ того какъ Лагарпъ принужденъ былъ противъ своей воли оставить еще не конченное дѣло воспитанія и Россію, были связаны другъ съ другомъ тѣсною, искреннею дружбою. Опубликованныя записки и письма Александра къ Лагарпу, писанныя въ то время, когда онъ принужденъ былъ съ нимъ разстаться, и потомъ, когда онъ сдѣлался императоромъ, когда онъ „всталъ во главѣ несчастной своей страны“—по его собственному выраженію, даютъ намъ положительныя свѣдѣнія о привязанности, существовавшей между ними, и о томъ вліяніи, которое имѣлъ Лагарпъ на своего воспитанника, хотя письма эти, по всей вѣроятности, напечатаны не всѣ [2]). „Всѣмъ обязанъ я вамъ, пишетъ 19-лѣтній Александръ къ Лагарпу, моимъ нравомъ, принципами, нравственностью, немногими моими познаніями, которыя могли бы быть гораздо обширнѣе, если бы я лучше воспользовался неисчислимыми попеченіями вашими обо мнѣ и за которыя я не иначе могу расплатиться съ вами, какъ безграничною привязанностью и уваженіемъ къ вамъ, мой милый другъ“ [3]). Въ этихъ письмахъ выражается трогательная печаль Александра, когда онъ принужденъ былъ разстаться съ Лагарпомъ или когда императоръ Павелъ запретилъ ему съ нимъ переписываться.

---

[1]) Ф. Ц. Лагарпъ.—Сухомлиновъ. Изслѣд. и статьи т. II, 35—143.

[2]) Сб. рус. Ист. об. т. V, 1870 г., 1—121.

[3]) Ibid. 25. C'est bien juste, vous devant tout: mes moeurs, mes principes, ma morale, le peu de connaissances que j'ai et qui auroit pu être, en plus grand nombre si j'avois profité d'avantage des peines sans nombre que vous vous êtes données pour moi, et que je ne saurois jamais être en état d'acquiter envers vous que par mon attachement et mon estime pour vous, qui sont sans bornes, mon cher ami.

Digitized by Google

Ему повѣряетъ онъ тайныя мысли свои, которыя, безъ сомнѣнія, не могъ высказывать своимъ окружающимъ, „когда онъ чувствовалъ, по словамъ его, себя одинокимъ при дворѣ, имъ ненавидимомъ и содрогаясь отъ одной мысли о своемъ будущемъ предназначеніи". Онъ мечтаетъ не о царствѣ, которое онъ охотно готовъ уступить за ферму подлѣ Лагарповой; онъ въ высшей степени недоволенъ своимъ положеніемъ и высказываетъ твердое и неизмѣнное намѣреніе отдѣлаться со временемъ отъ предназначеннаго ему бремени. „Положеніе мое, пишетъ онъ къ Лагарпу, день ото дня становится все невыносимѣе для меня по всему, что я вижу вокругъ себя. Непостижимо, что происходитъ здѣсь; всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка; это ужасно" [1]). Такія сердечныя изліянія, доказательства глубокаго дружескаго чувства, указываютъ на не совсѣмъ обыкновенныя отношенія Александра къ Лагарпу. Дружба ихъ не измѣнилась въ теченіе сорока лѣтъ, и на нее не имѣли вліянія ни люди, ни колебанія общественной и политической жизни, которыми такъ богато было вообще время Александра. Онъ былъ, какъ мы видѣли, по его собственному признанію, очень многимъ обязанъ Лагарпу. Дѣйствительно, все то, что возбуждало въ современикахъ страстную любовь къ Александру, всѣ либеральныя гуманныя стремленія его, широкая любовь къ человѣчеству, рыцарская честность характера, однимъ словомъ—вся свѣтлая сторона натуры Александра создалась подъ воспитательнымъ вліяніемъ Лагарпа. Видѣли это очень хорошо современники; они замѣтили, что всѣми своими конституціонными стремленіями императоръ Александръ былъ обязанъ урокамъ Лагарпа. Извѣстный французскій писатель реакціоннаго закала и сардинскій посланникъ при нашемъ дворѣ въ началѣ царствованія Александра, гр. Жозефъ де Местръ, высказываетъ это прямо, хотя и не безъ примѣси желчи. „Императоръ философъ, говоритъ онъ, и, если смѣю такъ выразиться, слишкомъ философъ. Лагарпъ произвелъ на его юное сердце неизгладимое впечатлѣніе и изъ этого вышло нѣчто совершенно непонятное для тѣхъ, кто не изучалъ этого явленія на мѣстѣ. Все, что окружаетъ императора, все, что пользуется его довѣріемъ, также расположено къ новымъ идеямъ" [2]). По окончаніи воспитанія въ 1795 году Лагарпъ еще разъ воротился въ Россію, когда Александръ сдѣлался уже императоромъ; они не разъ видались другъ съ другомъ въ Европѣ, во время частыхъ путешествій Александра; пе-

[1]) Ibid. 23. Elle (ma charge) me devient de jour en jour plus insuportable par tout ce que je vois faire au tour de moi. C'est incomprehensible ce qui se passe: tout le monde pille, on ne rencontre presque pas d' honête homme; c'est affreux".

[2]) P. Арх. 1871 г., 68. Письма изъ Петербурга въ Италію графа Жозефа де Местра.

Digitized by Google

переписка ихъ продолжалась безъ перерыва. Лагарпъ принималъ непосредственное участіе въ разработкѣ вопросовъ по главнѣйшимъ отраслямъ государственнаго управленія и даже въ дѣлахъ внѣшней политики. При его посредствѣ Александръ сближался съ замѣчательными людьми изъ умственной и политической сферы Европы и Америки. Лагарпъ пересылалъ и представлялъ своему воспитаннику разные и многочисленные проекты и планы реформъ и преобразованій въ государственной жизни Россіи, такъ что первая, хорошая пора царствованія Александра, когда онъ и его ближайшіе совѣтники заняты были преобразованіями, прошла не безъ значительной доли участія во всемъ этомъ со стороны Лагарпа. Невольно такимъ образомъ имя этого швейцарца соединяется съ историческою жизнію нашего отечества въ началѣ XIX столѣтія, и изслѣдователю этой жизни не безполезно познакомиться съ личностью этого не совсѣмъ обыкновеннаго человѣка и съ тѣмъ родомъ вліянія, которое онъ воспитаніемъ имѣлъ на императора Александра.

Лагарпъ родился въ 1754 году въ городкѣ Ролле на берегу Женевскаго озера и принадлежалъ къ дворянской фамиліи Ваатландскаго кантона. Это не помѣшало ему, по словамъ его автобіографіи, съ дѣтства питать ненависть ко всѣмъ, кто считаетъ себя въ правѣ быть несправедливымъ. Его рожденіе въ свободной странѣ Европы, его воспитаніе, идеи вѣка и историческія событія, особенно французская революція, сдѣлали Лагарпа республиканцемъ, напоминавшимъ своими свойствами гражданъ древней Греціи или Рима, хотя онъ и попалъ въ воспитатели самодержавнаго государя. Первоначальное ученіе его происходило въ училищѣ родного города, до 15-лѣтняго возраста, и здѣсь уже чтеніе „Древней исторіи“ Роллена развило въ немъ восторженное уваженіе къ людямъ древности и республикамъ, которое не покидало его всю жизнь. Такой образъ мыслей еще болѣе утвердился въ немъ пребываніемъ въ Гальденштейнской семинаріи. Семинарія была устроена по образцу римской республики, со всею ея внѣшнею обстановкою. Глубокое знакомство съ классическимъ міромъ еще болѣе укрѣпило въ немъ его наклонности. Въ Тюбингенѣ пріобрѣлъ онъ степень доктора правъ и жилъ нѣкоторое время въ Лозаннѣ и Бернѣ, занимаясь адвокатурою. Не находя, по словамъ его, свободы на своей родинѣ, Лагарпъ собрался ѣхать въ Сѣверную Америку, гдѣ тогда велась борьба за независимость, какъ вдругъ судьба привела его въ страну, по своимъ свойствамъ совершенно противоположную Америкѣ.

Digitized by Google

ЛЕКЦІЯ III.

Прибытіе Лагарпа въ Россію.—Дальнѣйшая судьба его.—Уроки Лагарпа.—Вліяніе ихъ на Александра. — Воспоминанія Адама Чарторыскаго. — Столкновеніе Александра съ жизнью.

Лагарпъ попалъ въ Россію совершенно случайно. Вѣроятно, о странѣ этой, гдѣ его дѣятельность оставила такіе глубокіе слѣды въ умѣ молодого государя, онъ не имѣлъ прежде никакого понятія. Лагарпъ собирался, какъ мы сказали, въ Америку, недовольный положеніемъ дѣлъ на своей родинѣ. Въ 1782 году, въ качествѣ ученаго, онъ провожалъ въ путешествіи по Италіи одного изъ русскихъ вельможъ, брата извѣстной княгини Дашковой, графа Сем. Роман. Воронцова, какъ въ Римѣ получилъ чрезъ Гримма приглашеніе Екатерины пріѣхать въ Россію, чтобы быть наставникомъ великихъ князей Александра и Константина, изъ которыхъ старшему было только пять лѣтъ. На другой годъ онъ былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ оставался около двѣнадцати лѣтъ.

Лагарпъ неожиданно очутился въ средѣ русской придворной жизни, которая такъ противорѣчила его республиканскимъ убѣжденіямъ и вовсе не отличалась чистотою и нравственностію, особенно въ послѣдніе годы царствованія Екатерины. Строго и честно понимая свою обязанность, Лагарпъ старался спасти своего питомца отъ растлѣвающаго вліянія придворной жизни. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи Лагарпъ успѣлъ внушить Александру глубокую ненависть ко двору, которая высказывается въ интимныхъ письмахъ его къ наставнику и которая не покидала его всю жизнь. Но такъ какъ людей приближенныхъ, совѣтниковъ, помощниковъ въ работѣ государственной, Александру по необходимости приходилось искать около себя, въ той же ненавидимой имъ придворной сферѣ, то здѣсь же заключается источникъ его постояннаго недовѣрія къ людямъ. Понятно, какъ трудно было Лагарпу со своими взглядами и убѣжденіями, развитыми до фанатизма, ужиться при русскомъ дворѣ. Со всѣхъ сторонъ окружали его неудачи и противорѣчія, но онъ стойко держался, стараясь спасти ввѣренное ему дѣло, важность котораго онъ глубоко понималъ. Екатерина сначала благоволила къ Лагарпу и была довольна его воспитательною дѣятельностью, но когда началась французская революція, такъ сильно напугавшая старые дворы Европы и Екатерину, когда провозглашенные ею принципы стали поселять глубокій разладъ между людьми и поколѣніями, когда невольно при-

Digitized by Google

ходилось Лагарпу ежедневно спорить о принципахъ съ окружающими его и входить съ своими учениками въ разговоры о великихъ событіяхъ времени, положеніе Лагарпа измѣнилось. Ученики его, несмотря на все противодѣйствіе окружающей среды, увлеченные личностію своего учителя, раздѣляли его убѣжденія.

Это не могло нравиться Екатеринѣ, а враги Лагарпа, нажитые имъ при дворѣ изъ-за убѣжденій, старались чернить его въ ея глазахъ, какъ якобинца. Волненія революціи коснулись и его родины, Швейцаріи; онъ захотѣлъ издали служить своему кантону и отъ имени своихъ согражданъ написалъ просьбу къ Бернскому правительству, требуя собранія депутатовъ для уничтоженія существующихъ злоупотребленій. Эта просьба и другія сочиненія Лагарпа, памфлеты имъ написанные, вызвали республиканское движеніе въ Ваатландѣ, недовольство зависимостью отъ аристократовъ Берна и волненія, которыя со стороны Берна были подавлены силою. Лагарпъ былъ объявленъ главнымъ виновникомъ этихъ волненій, и аристократы бернскіе написали на него доносъ въ Петербургъ. Сначала Екатерина повидимому не придала значенія этому; она удовлетворилась объясненіями Лагарпа и потребовала отъ него, чтобъ онъ не мѣшался въ дѣла швейцарскія, пока находится въ русской службѣ; но новые доносы на него, новый разговоръ съ императрицею, гдѣ Лагарпъ высказалъ прямо и откровенно свои республиканскія убѣжденія, привели къ прекращенію его дѣятельности, какъ наставника. Занятія послѣ женитьбы Александра не продолжались уже безостановочно, и въ началѣ 1795 года Лагарпъ принужденъ былъ оставить Россію съ весьма незначительнымъ пенсіономъ; Павелъ, не любившій всѣхъ республиканцевъ, лишилъ его этого пенсіона и запретилъ сыну переписываться съ нимъ. Дальнѣйшая жизнь Лагарпа сначала вся посвящена была дѣламъ Швейцаріи, въ которыхъ онъ принималъ непосредственное участіе; былъ недолгое время директоромъ Гельветической республики, но потомъ оставилъ совершенно политическое поприще и жилъ въ своей фермѣ Плесси-Пике, въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ въ 1814 году посѣтилъ его императоръ Александръ. Здѣсь Лагарпъ просилъ его о помощи родному кантону, и въ самомъ дѣлѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ Александръ удовлетворилъ желаніямъ Лагарпа. Послѣ этого конгресса Лагарпъ поселился въ Лозаннѣ, гдѣ и умеръ въ 1834 году, не прерывая сношеній съ царскою фамиліей, особенно при жизни Александра.

Такова была личность человѣка, имѣвшаго глубокое вліяніе на императора Александра, а съ нимъ вмѣстѣ и на судьбу всей Россіи, на которую государь долго смотрѣлъ глазами Лагарпа. Конечно, дѣло воспитанія было насильственно прервано, но все же оно оставило

Digitized by Google

глубокій слѣдъ въ умѣ Александра, и вліяніе возобновилось, когда онъ вступилъ на престолъ и уже свободно снова могъ войти въ сношенія съ страстно любимымъ учителемъ своимъ. Эта любовь внушалась строгостью Лагарпа въ отношеніи къ своему дѣлу, чистотою нравственныхъ убѣжденій и ихъ устойчивостью. Эта любовь къ наставнику и это вліяніе его на учениковъ поддерживались и тѣмъ родомъ ученія, тѣмъ его направленіемъ и объемомъ, которые выбралъ Лагарпъ. Воспитаніе это, полное высокихъ идеальныхъ стремленій, подымало сердце юноши, соотвѣтствовало тѣмъ мечтамъ, которыя живутъ во всякомъ чистомъ молодомъ сердцѣ, и наполняло его душу возвышенными мечтами о свободѣ, равенствѣ и блаженствѣ человѣчества. Такимъ идеальнымъ воспитаніемъ былъ полонъ XVIII вѣкъ, весь направленный къ измѣненію прежнихъ общественныхъ порядковъ по мѣркѣ отвлеченной, но благородной идеи. Мы имѣемъ достаточно данныхъ для сужденія объ объемѣ и направленіи уроковъ Лагарпа [1]) и знаемъ, что это воспитаніе соотвѣтствовало общимъ руководительнымъ идеямъ вѣка въ этомъ отношеніи. Главный предметъ уроковъ Лагарпа, согласно духу времени, была исторія. Она преподавалась очень обширно, и преподаваніе состояло по большей части въ чтеніи самихъ сочиненій, древнихъ или новыхъ, но на языкѣ французскомъ. Исторія должна была дать главные уроки будущему царю. Лагарпъ былъ убѣжденъ, что „общественный дѣятель долженъ искать въ исторіи не безплодные разсказы о битвахъ, а нѣчто другое; онъ, по его собственнымъ словамъ, старался ознакомить великихъ князей съ знаменательными историческими событіями, и въ особенности съ тѣми, выходящими изъ ряда людьми, добродѣтели или пороки которыхъ, достойныя дѣла или ошибки должны главнымъ образомъ служить наставленіемъ для людей, призванныхъ играть роль на театрѣ свѣта“ [2]). „Исторія есть школа государственнаго человѣка“ повторяетъ Лагарпъ въ другомъ мѣстѣ [3]) и вообще исторія въ его преподаваніи является полнымъ курсомъ нравственной философіи; изъ нея почерпалъ Лагарпъ всѣ свои нравственные уроки великимъ князьямъ. Мы сказали, что на обязанность свою онъ смотрѣлъ очень строго; впереди его была благородная цѣль — не столько воспитаніе самодержца надъ тридцатью милліонами людей, сколько человѣка вообще. Этою цѣлью онъ оправдываетъ свою строгость съ учениками; онъ не льститъ ихъ недостаткамъ

---

[1]) Отчеты его Салтыкову. Русск. Стар. 1870 г.; Богдановичъ. „Учебныя книги и тетради А. П.“ Сборн. р. ист. общ., т. I., 369—384.

[2]) Русск. Стар. 1870. I., 43.

[3]) Ibid. 130.

Digitized by Google

и порокамъ, какъ сдѣлали бы на его мѣстѣ многіе придворные воспитатели, но настойчиво и упорно преслѣдуетъ ихъ и старается исправить. Ему не нравится привычка мѣшать игры съ серьезными занятіями, и вообще онъ расходится съ подобными взглядами Екатерины на воспитаніе. Строгіе воспитательные идеалы въ древнихъ греческихъ республикахъ больше всего нравятся Лагарпу, и вообще восхваленіе свободы и республиканскихъ учрежденій, съ полною откровенностью и искренностью со стороны учителя, составляли сущность воспитанія Лагарпа. Увлекаясь, подобно всѣмъ лучшимъ современникамъ, древнею Греціею и Римомъ, читая съ учениками своими очень часто жизнеописанія Плутарха и другихъ историковъ древняго міра, знакомя ихъ даже съ произведеніями греческихъ поэтовъ, конечно, въ переводахъ, Лагарпъ перечиталъ съ ними почти всѣхъ извѣстныхъ въ XVIII вѣкѣ историковъ. Вмѣстѣ съ ними онъ жалѣетъ о паденіи древняго міра и видитъ въ исторіи среднихъ вѣковъ только „жалкіе раздоры монаховъ“, которые смѣнили суевѣріемъ науки и искусства древняго міра. [1]). Лагарпъ излагалъ великимъ князьямъ и тотъ вопросъ, который занималъ современниковъ, „о происхожденіи обществъ“, вѣроятно подъ вліяніемъ Contrat social Руссо, но изложеніе этого вопроса было прервано; онъ знакомилъ Александра съ сочиненіями Адама Смита, заставлялъ его читать газеты, и такимъ образомъ и современность не уходила отъ вниманія его питомца. Любовь къ политической экономіи и пониманіе ея пользы для государства были, безъ сомнѣнія, внушены Лагарпомъ Александру. Въ 1800 году, когда Александръ былъ наслѣдникомъ престола, онъ заказывалъ Мартынову, извѣстному потомъ переводчику греческихъ классиковъ, переводы нѣкоторыхъ англійскихъ сочиненій по политической экономіи, которые и были отчасти напечатаны въ журналахъ первыхъ годовъ его царствованія.

Изъ этого идеальнаго воспитанія Александръ вынесъ въ жизнь множество понятій, которыя были въ устахъ и въ сердцѣ лучшихъ людей XVIII столѣтія и развивались всею освобождающею литературою времени. Онъ мечталъ о благѣ человѣчества, о свободѣ, ненавидѣлъ деспотизмъ и рабство, жаждалъ благородной самоотверженной дѣятельности и проч. Жозефъ де Местръ замѣчаетъ, что „Александръ, будучи уже императоромъ, въ глубинѣ души уважаетъ республиканскій образъ правленія и по всей вѣроятности считаетъ его болѣе законнымъ, чѣмъ тотъ, къ которому онъ призванъ рожденіемъ“ [2]). Это философское воспитаніе сдѣлало Александра благороднымъ, чи-

[1]) Ibid. 129.

[2]) Р. Арх. 1871 г., 110. Письма Жоз. де Местра.

Digitized by Google

стымъ мечтателемъ; идеальная любовь къ свободѣ была развита въ немъ чрезвычайно; онъ былъ полонъ энтузіазма и самыхъ благородныхъ стремленій. Эти чистыя мечты юноши составляли основаніе души и характера Александра; несмотря на постоянныя колебанія свои и измѣнчивость, несмотря на двусмысленность характера своего, происходящаго отъ глубокаго недовѣрія вообще къ людямъ, обманувшимъ его идеальныя ожиданія, несмотря на позднѣйшія проявленія деспотизма, самаго глухого и грубаго, онъ никогда открыто не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ, вынесеннымъ имъ изъ воспитанія, и, если рѣшался впослѣдствіи на крутыя и дикія мѣры, то вѣроятно съ болью въ сердцѣ, увлекаемый совѣтами и требованіями тѣхъ консерваторовъ, которыми такъ изобильно было его царствованіе. Либеральныя мечты составляли святыню его сердца; онѣ были дороги ему, какъ старику счастливые дни его молодости и молодыя воспоминанія. Но все это было и оставалось только мечтами; у Александра не было силы воли и характера, чтобъ настойчиво реализировать и проводить въ жизнь свои стремленія. Воспитаніе, полученное имъ у Лагарпа, было слишкомъ идеально и отвлеченно; въ немъ незамѣтно было никакого положительнаго знакомства съ страною, обществомъ и народомъ, которое одно только можетъ дать человѣку настоящую, а не отвлеченную любовь къ нимъ, любовь, могущую превратиться въ сознательное дѣло добра. Онъ не зналъ страны, править судьбами которой былъ призванъ, и едва ли могъ любить ее. По крайней мѣрѣ, когда къ концу царствованія въ немъ сильно развились инстинкты самовластія, для умныхъ наблюдателей было ясно, что Александръ не уважалъ своего народа, что судьбы Европы были дороже ему бѣдной родины, и въ то время, когда онъ, превратившись, по выраженію поэта, въ „кочующаго деспота", занимался на разныхъ конгрессахъ двадцатыхъ годовъ жалкими вопросами европейской реакціи, Россія страдала и корчилась въ грубыхъ и грязныхъ лапахъ Аракчеева,—Александръ допускалъ эти страданія и смотрѣлъ на нихъ хладнокровно.

Внутреннее настроеніе духа Александра, его мечты и стремленія тотчасъ послѣ уроковъ Лагарпа, въ послѣдній годъ царствованія Екатерины, прекрасно рисуются въ воспоминаніяхъ объ этомъ времени князя Адама Чарторыскаго, переведенныхъ на русскій языкъ [1]). Извѣстный польскій патріотъ князь Адамъ, который былъ семью годами старше Александра, человѣкъ съ широкимъ современнымъ образованіемъ и свободнаго направленія, уже въ молодыхъ лѣтахъ сра-

[1]) Р. Арх. 1871., 697. Разсказъ князя Адама Чарторыскаго о сближеніи его съ имп. Ал. Павл.

Digitized by Google

жался противъ Россіи, а въ 1795 году, по распоряженію Екатерины, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ, и оба они состояли при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ. Очень рано между Александромъ и старшимъ изъ Чарторыскихъ завязалась самая искренняя дружба; эта дружба длилась много лѣтъ. Адамъ принималъ живое и дѣятельное участіе въ первыхъ преобразованіяхъ государства, задуманныхъ Александромъ, долго былъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ, и, безъ сомнѣнія, особенная любовь къ Польшѣ, попытки возстановить ее и дать ей либеральныя учрежденія, все это благоволеніе къ Польшѣ, такъ сильно возмущавшее русскихъ патріотовъ, развились въ сердцѣ Александра подъ вліяніемъ друга его молодости. Адамъ Чарторыскій пережилъ Александра 40 годами; воспоминанія его молодости и его переписка съ Александромъ изданы были вскорѣ послѣ смерти Адама, и у насъ нѣтъ никакихъ основаній, чтобъ заподозрить ихъ искренность и истину.

Въ воспоминаніяхъ Чарторыскаго о его весеннихъ прогулкахъ по аллеямъ Таврическаго сада, передъ нами возникаетъ образъ царственнаго юноши, полнаго самыхъ благородныхъ стремленій и идеальныхъ мечтаній. „Въ словахъ и поведеніи этого царственнаго юноши, говоритъ Адамъ, было столько искренности, чистоты, столько рѣшительности, повидимому несокрушимой, столько самозабвенія и великодушія, что онъ показался мнѣ существомъ избраннымъ свыше, ниспосланнымъ Провидѣніемъ для блага человѣчества и моей родины.“ [1]). Такая идеальная фигура тѣмъ болѣе должна была поразить Чарторыскаго, что до знакомства своего съ Александромъ онъ не встрѣчалъ ничего подобнаго, особенно при деспотическомъ дворѣ Екатерины, гдѣ, разумѣется, тогдашнія либеральныя идеи предавались проклятію, гдѣ все дышало раболѣпствомъ и ненавистью къ новому. Александръ откровенно и съ увлеченіемъ высказывалъ свои тогдашнія либеральныя убѣжденія. Онъ говорилъ, что „ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что любитъ свободу, на которую имѣютъ право всѣ люди [2]). Онъ высказывалъ свое живое участіе къ французской революціи, за событіями которой слѣдилъ со вниманіемъ, и, осуждая ея ужасныя крайности, желалъ республикѣ успѣховъ и радовался имъ. Высказывая эти мнѣнія, Александръ съ глубокимъ уваженіемъ вспоминалъ Лагарпа и говорилъ, какъ много онъ обязанъ ему въ своемъ развитіи. Въ своихъ мечтахъ объ общемъ благѣ человѣчества онъ забывалъ свое положеніе. Такъ „онъ утверждалъ, что наслѣдственность престола есть установленіе несправед-

[1]) P. Арх. 1871, 702.
[2]) Ibid. 700.

Digitized by Google

ливое и нелѣпое, что верховную власть долженъ даровать не случай рожденія, а приговоръ всей націи" [1]), которая сумѣла бы избрать достойнѣйшаго для управленія ею. Александръ боялся будущаго своего назначенія; онъ чувствовалъ всю тяжесть его и повидимому не сознавалъ, сколько бы могъ онъ сдѣлать добра странѣ своей, при самодержавной власти, въ соединеніи съ рѣшительностью и твердою волею—качествами, которыхъ у него, къ несчастію его и Россіи, не было. Мнѣнія и убѣжденія Александра, по словамъ Чарторыскаго, напоминали собою школьника 1789 года, на зарѣ революціи, который желалъ бы вездѣ видѣть республику и считалъ эту форму правленія самою справедливою и согласною съ правами и желаніями человѣчества. Онъ любилъ земледѣльцевъ, простые нравы ихъ, но онъ не зналъ русскихъ крестьянъ и смотрѣлъ на нихъ глазами поэтической идилліи XVIII вѣка. Онъ мечталъ о сельскихъ трудахъ, вдали отъ двора и отъ свѣта, но въ странѣ цвѣтущей, на хорошенькой фермѣ, нѣчто въ родѣ идеализированной швейцарской жизни въ буколикахъ Гесснера и Броннера. Естественно, что при русскомъ дворѣ того времени онъ оставался одинъ съ своими юношескими мечтами; онъ берегъ ихъ, какъ святыню, и боялся холода насмѣшки. Единственнымъ повѣреннымъ его была молодая жена, но необходимость дружбы и изліяній, столь понятная въ молодости, облегчающая душу, необходимость дѣлиться мечтами, соединила его съ Чарторыскимъ, и онъ беззавѣтно и отъ всего сердца повѣрялъ ему свои молодыя грезы. Павелъ при вступленіи на престолъ разорвалъ эту дружбу, пославъ Чарторыскаго повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Сардинію, и вокругъ Александра образовалась нравственная пустыня.

Таковъ былъ Александръ передъ самымъ вступленіемъ своимъ на русскій престолъ, такимъ воспиталъ и приготовилъ его Лагарпъ. Вліяніе идеальнаго наставника находило себѣ сильное противодѣйствіе въ нравахъ цѣлаго общества, во всемъ положеніи Россіи. Principes libérales, въ которые онъ вѣровалъ, мало находили сочувствія кругомъ его, и едва ли онъ былъ приготовленъ къ тому, чтобы проводить ихъ въ жизнь съ логическою послѣдовательностью. Онъ таилъ ихъ про себя и еще болѣе долженъ былъ скрывать ихъ, когда началось суровое царствованіе Павла... Извѣстно, какимъ холодомъ пахнуло на дворъ и петербургское общество при воцареніи Павла, когда онъ сталъ заводить вездѣ свои порядки. Время царствованія Павла имѣло сильное вліяніе на Александра, на образованіе его характера и увлекло его далеко въ сторону отъ республиканскихъ меч-

[1]) Ibid. 707.

Digitized by Google

таній. Въ первый разъ сошелся онъ теперь лицомъ къ лицу съ реальною жизнью и долженъ былъ забыть о всякой самостоятельности. Изъ сферы идеальныхъ мечтаній о благѣ человѣчества онъ долженъ былъ спуститься въ мелочныя подробности фронта и вахтъ-парада, за нарушеніе которыхъ Павелъ преслѣдовалъ жестоко. Военное губернаторство отнимало все время у Александра. Часто Александръ долженъ былъ выдерживать тяжелую внутреннюю борьбу, не разъ приходилось ему измѣнять человѣколюбивымъ принципамъ своего воспитанія, характеръ его портился. И онъ и братъ его были въ постоянномъ страхѣ капризовъ Павла. Въ качествѣ командировъ полковъ они ежедневно подвергались за малѣйшія ошибки на парадахъ и ученіяхъ выговорамъ, которые они вымещали на офицерахъ и солдатахъ [1]). Кромѣ того, Александръ былъ инспекторомъ всей пѣхоты. Въ такой школѣ онъ получилъ вкусъ къ военнымъ упражненіямъ и воображалъ себя великимъ полководцемъ, экзерцируя гвардію. Жизнь вставала передъ нимъ въ уродливомъ видѣ, и, вступая на престолъ, онъ имѣлъ право назвать свою страну несчастною. Тѣми реформами, какія были задуманы при воцареніи, онъ желалъ доставить ей счастіе.

ЛЕКЦІЯ IV.

Двойственность характера Александра.—Борьба принциповъ на западѣ.—Отраженіе этой борьбы въ Россіи.—Направленіе нашего общественнаго движенія.—Приближенные Александра.

Намъ знакомо теперь то внутреннее развитіе, которое образовало характеръ Александра и должно было приготовить къ реформамъ, необходимымъ въ ту пору къ преобразованію тогдашняго „безобразнаго зданія государственнаго“—по выраженію самыхъ приближенныхъ къ Александру лицъ. Былъ ли по силамъ ему предстоящій трудъ, приготовленъ ли былъ самъ императоръ для упорнаго и настойчиваго преслѣдованія великой цѣли—реформы, намъ уже легко составить себѣ понятіе по внутренней исторіи его первой молодости. При самыхъ широкихъ мечтахъ объ общемъ благѣ,—онъ не способенъ на трудъ и тяготится имъ. У него нѣтъ ни знанія жизни дѣйствительной, ни энергіи; самые либеральные планы его и намѣренія чрезвычайно смутны; это то, что въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка носило общее неопредѣленное названіе principes. Съ другой стороны—проти-

[1]) Р. Арх. 1869 г., 1927. Изъ записокъ Н. А. Саблукова.

Digitized by Google

воположныя привычки воспитанія, обстановка двора, преданія, вѣковое раболѣпство окружающихъ, крутость Павла, все говорило о деспотизмѣ, все напоминало Александру, что власть его не ограничена; онъ самъ повторялъ это, когда встрѣчалъ противодѣйствіе своей волѣ, —и либеральныя мечты мгновенно улетучивались. Вотъ отчего вторая половина Александрова царствованія такъ не похожа на первую; но начала, задатки позднѣйшей реакціи положены были рано.

Эти постоянныя колебанія Александра то въ одну, то въ другую сторону, эта двойственность его характера и убѣжденій имѣли источникомъ своимъ и общее политическое состояніе времени, ту борьбу идей, которая происходила кругомъ и въ сферѣ жизни государственной и въ сферѣ мысли въ Европѣ, и которая должна была отразиться и въ нашемъ обществѣ. Великій политическій переворотъ конца прошедшаго вѣка, разрушившій историческую жизнь старой Франціи и вызвавшій къ жизни такъ много началъ и основаній, на которыхъ должна была строиться новая общественная жизнь, оставилъ глубокій слѣдъ въ умахъ и долженъ былъ породить въ нихъ упорную борьбу, каторая и теперь еще не прекратилась. Враждовали поколѣнія и убѣжденія, старое съ новымъ. Все молодое въ обществѣ, все дѣятельное въ немъ стояло за новыя революціонныя идеи; ихъ содержаніе должно быть примѣнено къ народной жизни. Съ другой стороны—новому движенію впередъ противодѣйствовали старыя партіи, партіи застоя и консерватизма. Онѣ стояли за старую жизнь, за старыя начала, старыя привилегіи, или подорванныя или разрушенныя; онѣ хотѣли возвратить назадъ исторію. Не слѣдуетъ думать, чтобъ консервативная партія имѣла источникомъ своимъ только личныя выгоды, въ чемъ ее обыкновенно обвиняютъ прогрессисты. Въ ней могли быть и дѣйствительно были люди высокой честности; разница та только, что они иначе, хотя и искренно, понимали исторію. Борьбою этихъ двухъ взглядовъ была полна тогда Европа, и она естественно должна была отразиться у насъ, такъ какъ мы шли за Европой и болѣе или менѣе участвовали въ ея духовной жизни. Эта борьба у насъ замѣтна была однако болѣе всего въ правительственныхъ сферахъ, въ тѣхъ людяхъ, которые ближе стояли къ власти и имѣли непосредственное вліяніе на дѣла. Что касается до общества, до литературы у насъ, то здѣсь великая борьба принциповъ была едва замѣтна. Общество не имѣло тогда, да и долго потомъ, никакой политической жизни, никакого мнѣнія и убѣжденія. Реформамъ, задуманнымъ и приводимымъ въ исполненіе въ началѣ царствованія Александра, оно не могло оказать никакой нравственной поддержки. Правительство съ своими планами преобразованій стояло совершенно одиноко, потому что и литература, это выраженіе обще-

ства, не имѣла голоса. И общество, и литература лишены были просвѣщенія, разумнаго развитія; умственное бездѣйствіе царило повсюду, и къ реформамъ новаго царствованія всѣ относились безсознательнымъ образомъ. Онѣ возбуждали или пустой, раболѣпный восторгъ, или, когда реформы затрогивали тѣ или другіе личные интересы и выгоды, наивный дѣтскій ропотъ, въ которомъ не могло быть ничего сознательнаго и политическаго. Правительство составляло все въ государствѣ; оно должно было отвѣчать за все. Первые годы царствованія Александра оживили общественную мысль; возбужденный въ обществѣ интересъ къ дѣламъ внутренняго устройства, пока войны съ Наполеономъ не уничтожили его, далъ оживленіе, какъ мы увидимъ, и литературѣ, въ особенности періодической, болѣе близкой къ непосредственной жизни общества; появилось даже множество рукописныхъ проектовъ по дѣламъ внутренняго устройства страны. Но это оживленіе общества и мысли, къ сожалѣнію, было у насъ и случайно, и недолговѣчно; оно не шло правильнымъ, стройнымъ путемъ, а походило скорѣе на неустановившееся броженіе, которое легко могло быть задавлено гнетомъ реакціи, что и случилось подъ конецъ царствованія Александра. Но тѣмъ не менѣе все оно, со всѣми своими колебаніями и противорѣчіями замѣчательно и по людямъ и по идеямъ, которыя возникли тогда. Въ это двадцатипятилѣтіе совершилось болѣе прочное, болѣе близкое сближеніе съ Европою, передача ея идей, и духовныхъ и политическихъ, то-есть еще болѣе укрѣпился тотъ историческій путь, по которому суждено намъ идти. Главное направленіе въ общественномъ движеніи было политическое; оно было вызвано французской революціей, всеобщимъ стремленіемъ къ реформамъ и постояннымъ дѣятельнымъ участіемъ нашимъ въ дѣлахъ Европы, вслѣдъ за успѣхами нашего оружія въ продолжительной борьбѣ съ Наполеономъ. Наша общественная мысль крѣпла, число образованныхъ людей у насъ увеличивалось; ихъ мысль была занята вопросами политическими; она интересовалась внутренними дѣлами, ихъ устройствомъ. Правда, это возбужденіе общественной мысли, и высшее образованіе, и либеральное направленіе, и честныя гражданскія убѣжденія въ царствованіе Александра мы встрѣчаемъ только въ рядахъ привилегированнаго, дворянскаго сословія, и, страннымъ образомъ, преимущественно въ сферѣ военной, потому что для нея прежде всего открылась Европа, но и это былъ уже значительный успѣхъ въ обществѣ, сравнительно съ прежнимъ.

Въ первые, преобразовательные годы своего царствованія Александръ былъ окруженъ двумя поколѣніями людей, между которыми раздѣлены были власть и вліяніе на дѣла и между которыми господствовали вражда и взаимное недовѣріе. Съ одной стороны стояли дѣльцы Ека-

Digitized by Google

терининскаго времени, старые, опытные, люди привычки и рутины, не возмущавшіеся недостатками и злоупотребленіями, къ которымъ они привыкли и среди которыхъ они выросли. Съ другой стороны, болѣе чѣмъ люди стараго поколѣнія, къ императору приближались новые люди, выросшіе и воспитанные въ томъ же широкомъ, либеральномъ кругу идей, въ которомъ воспитывался и онъ. Въ складѣ ума ихъ и въ объемѣ ихъ стремленій выразилось то же гуманитарное, общечеловѣческое содержаніе, та же проповѣдь свободы и развитія, которая господствовала въ литературѣ XVIII вѣка, только къ ней присоединились теперь начала болѣе практическія, выработанныя жизнію и въ особенности французской революціей. Понятно, что сердце Александра лежало на сторонѣ этихъ болѣе молодыхъ и свѣжихъ людей. Съ ними соединяли его дружба и одинаковость убѣжденій; ихъ совѣтамъ, ихъ участію въ дѣлахъ онъ обязанъ былъ блескомъ, окружавшимъ первые годы его царствованія, надеждами общества, любовью народа.

Первые указы и мѣры имѣли цѣлью поправить зло, произведенное царствованіемъ Павла. Александръ, казалось, такъ бодро шелъ впередъ; вмѣстѣ съ самодержавіемъ, открывалась ему широкая возможность дѣлать такъ много добра, онъ помнилъ недавній примѣръ всѣхъ неудобствъ произвола, а потому въ основу своихъ дѣйствій и распоряженій старался положить начало законности, то уваженіе къ закону, стоящему выше власти, которое онъ вынесъ изъ наставленій Лагарпа. Не прошло еще трехъ мѣсяцевъ послѣ воцаренія, какъ появился указъ объ устройствѣ „Коммиссіи для составленія законовъ“, подъ предсѣдательствомъ одного изъ фаворитовъ Екатерины, графа Завадовскаго; началось переустройство Сената, потерявшаго въ государствѣ всю власть и значеніе, а вскорѣ потомъ послѣдовало и образованіе министерствъ, которыя также вели къ одной цѣли, къ ограниченію произвола въ управленіи.

Знакомясь постепенно съ частями управленія, изучая его со всѣхъ сторонъ, Александръ самъ, при доброй волѣ, легко могъ видѣть и недостатки, и злоупотребленія. Государство и управленіе представлялись въ невообразимомъ хаосѣ, по выраженію одного изъ первыхъ дѣятелей въ это царствованіе, графа А. Воронцова [1]). Онъ же высказываетъ замѣчательное убѣжденіе, что „Россія, къ сожалѣнію, никогда прямо устроена не была, хотя еще съ царствованія Петра Великаго о семъ весьма помышляемо было“ [2]). Правосудія въ ней не

---

[1]) Чт. въ Общ. Ист. и древн. Рос. 1859 г. I, 96. Примѣч. гр. А. Р. Воронцова на нѣкот. статьи, касающіяся до Россіи.

[2]) Ibid. 91.

Digitized by Google

было никакого; несмотря на указы Екатерины, въ ней существовала даже пытка, уничтоженная снова въ первый годъ царствованія Александра.... Нужно было смягчить самодержавіе вообще, дать ему законную по возможности форму, распространить въ обществѣ страхъ передъ закономъ, а не передъ произволомъ, нужно было облегчить положеніе крѣпостного народа, необходимо было развязать робкую мысль, чтобъ она приносила пользу жизни, необходимо было создать науку, просвѣщеніе, общественное воспитаніе, которыхъ или вовсе не было, или которыя существовали по старой, сгнившей рутинѣ; однимъ словомъ, предстояла всеобщая ломка, радикальная перестройка „безобразнаго зданія государственнаго". Тутъ едва ли можетъ быть рѣчь о правильномъ, постепенномъ ходѣ развитія. Помощниками въ великомъ дѣлѣ преобразованія всей страны и всего ея управленія является нѣсколько личностей, составляющихъ кружокъ близкихъ къ императору людей, связанныхъ съ нимъ по духу общими убѣжденіями, одинаковымъ воспитаніемъ, кружокъ, прозванный имъ въ шутку, но совершенно справедливо, „комитетомъ общественнаго спасенія", потому что дѣло его заключалось въ спасеніи страны. Въ рукахъ ихъ сначала была дѣйствительная власть, хотя сами они стояли какъ бы на заднемъ планѣ. Въ этомъ кружкѣ обсуждались планы преобразованій и новые освободительные указы Александра. Люди эти выдвинулись впередъ не случайно, а по талантамъ, знаніямъ, убѣжденіямъ и по личной волѣ государя, а потому только въ немъ одномъ они и могли находить поддержку, несмотря на то, что сами по рожденію принадлежали къ высшимъ слоямъ общества. Приближенностью къ Александру, одинокостью своего положенія, стремленіемъ къ реформамъ и къ уничтоженію закоренѣлаго зла, они возбудили къ себѣ сильную вражду консервативнаго большинства, вражду, которая, выражаясь въ запискахъ ихъ современниковъ, пережила даже давно и ихъ, и всѣ слѣды ихъ дѣятельности, какъ это видно изъ книги Богдановича о царствованіи Александра. Богдановичъ не умѣлъ отдать имъ надлежащей справедливости и повторилъ общеизвѣстныя обвиненія, дышащія враждою современниковъ.

Всѣ лучшіе люди наши въ царствованіе Александра прошли общую французскую школу, потому что она имѣла широкое воспитательное значеніе, и одна только могла сдѣлать ихъ настоящими людьми. Всѣ они болѣе или менѣе воспитывались въ заграничныхъ университетахъ—путь, указанный еще Екатериною въ началѣ ея правленія. Въ ихъ-то средѣ, при участіи самого Александра, возникали планы конституціоннаго устройства государства, которое должно было положить конецъ всякому произволу. Конституціонныя стремленія Александра извѣстны; они не покидали его всю жизнь... и лучшая

Digitized by Google

либеральная и образованная часть общества долго ждала ихъ осуществленія отъ Александра, отъ времени котораго дошло до насъ даже нѣсколько проектовъ полныхъ конституцій.

Самыми близкими къ Александру лицами были: Новосильцевъ, Строгановъ, Кочубей и Чарторыскій. Умнѣе и дѣльнѣе прочихъ былъ Н. Н. Новосильцевъ, принимавшій самое главное участіе въ реформѣ просвѣщенія въ то время. Ему было уже сорокъ лѣтъ (род. въ 1762 г.), а потому никакъ нельзя назвать его неопытнымъ и рьянымъ юношей, жаждавшимъ только перемѣнъ. „Онъ головою выше своихъ товарищей, говоритъ о Новосильцевѣ Жозефъ де Местръ. Онъ знаетъ Францію наизусть, и сверхъ всего этого, онъ хватилъ не малую дозу нѣмецкаго яда“[1])... Новосильцевъ, сынъ побочной сестры графа А. С. Строганова, извѣстнаго знатока и покровителя искусствъ и президента Академіи художествъ, получилъ блестящее воспитаніе въ домѣ своего дяди и отличался чрезвычайно тонкимъ и обширнымъ умомъ. При Екатеринѣ онъ довольно долго служилъ въ военной службѣ и даже участвовалъ въ кампаніяхъ, но при воцареніи Павла, тотчасъ же вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Англію, гдѣ и прожилъ все время его царствованія. Все свое пребываніе въ Лондонѣ онъ посвятилъ собственному своему образованію и наукѣ, и несмотря на лѣта свои, учился наравнѣ со студентами. Отсюда, когда онъ пріѣхалъ въ Россію по приглашенію Александра, знавшаго его прежде въ домѣ Строганова, онъ воротился совершеннымъ англоманомъ, съ глубокимъ уваженіемъ къ либеральному устройству Англіи, которое онъ ставилъ въ образецъ для всякой страны. Кромѣ того въ Англіи онъ сошелся съ представителями науки, литературы, съ нѣкоторыми общественными дѣятелями и удивлялъ англичанъ своимъ умомъ и свѣдѣніями. Онъ отличался глубоко либеральнымъ направленіемъ, которому впослѣдствіи измѣнилъ въ концѣ царствованія Александра и при Николаѣ I, когда достигъ самаго высокаго званія въ имперіи: предсѣдателя государственнаго совѣта и комитета министровъ. Новосильцевъ умеръ въ 1838 году. Въ началѣ царствованія Александра на него возложено было множество дѣлъ и должностей, и надобно удивляться его неутомимой. обширной дѣятельности по самымъ разнообразнымъ предметамъ, изъ которыхъ народное просвѣщеніе было главнымъ. Новосильцевъ былъ чрезвычайно близокъ къ Александру, жилъ въ Зимнемъ дворцѣ и имѣлъ всегда къ нему свободный доступъ.

Графъ П. А. Строгановъ, двоюродный братъ Новосильцева. Его воспитателемъ въ домѣ отца былъ французъ Роммъ, одна изъ передовыхъ личностей Горы во французскомъ конвентѣ, погибшій какъ

[1]) Р. Арх. 1871 г., 109. Письма Ж. де М.

Digitized by Google

приверженецъ Робеспьера. Въ началѣ революціи Строгановъ былъ въ Парижѣ и, вѣроятно при посредствѣ прежняго наставника своего, участвовалъ въ засѣданіяхъ клуба якобинцевъ и былъ знакомъ со многими изъ извѣстныхъ республиканцевъ. Это дошло до свѣдѣнія Екатерины, не понравилось ей, и она вызвала Строганова изъ Парижа. Онъ былъ поклонникомъ Мирабо и, ничѣмъ не стѣсняясь, высказывалъ свободный, республиканскій образъ мыслей. И онъ вѣрилъ въ конституцію и надѣялся, что она осуществится въ началѣ царствованія Александра. Впослѣдствіи онъ ненавидѣлъ Наполеона, какъ врага свободы. Съ Александромъ онъ и жена его были соединены самою тѣсною дружескою связью, но въ преобразовательной работѣ надъ государствомъ Строгановъ выдается менѣе другихъ. Онъ служилъ болѣе посредникомъ.

Графъ, потомъ князь, Викторъ Павловичъ Кочубей, по матери былъ роднымъ племянникомъ знаменитаго Екатерининскаго канцлера—графа Безбородка, въ домѣ котораго онъ воспитывался, а потомъ три года учился въ Женевѣ. Дядя приготовлялъ его къ дипломатическому поприщу и отправилъ учиться политикѣ къ нашему посланнику въ Лондонѣ—графу Сем. Ром. Воронцову. Жизнь его здѣсь принесла ему дѣйствительную пользу, такъ что будучи 24-хъ лѣтъ отъ роду, назначенный чрезвычайнымъ посланникомъ въ Турцію, Кочубей при дворѣ султана могъ съ честью поддержать достоинство Россіи и императрицы. При Павлѣ, до смерти своего дяди, Кочубей получилъ въ короткое время высшія отличія, но благоволеніе Павла длилось обыкновенно недолго: онъ былъ уволенъ отъ службы и долженъ былъ уѣхать въ деревню. Александръ, давно знавшій Кочубея и дружески къ нему расположенный, тотчасъ по вступленіи на престолъ вызвалъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ въ 1802 году министромъ внутреннихъ дѣлъ. Подъ его покровительствомъ въ первый разъ выдвинулся впередъ Сперанскій, котораго достоинства и способности онъ успѣлъ оцѣнить.

Князь Адамъ Чарторыскій, объ отношеніяхъ котораго къ Александру мы уже говорили, былъ, можетъ быть, самымъ ближайшимъ и довѣреннымъ другомъ его. И онъ, подобно другимъ совѣтникамъ, получилъ блестящее современное образованіе, которое еще больше укрѣпилось долговременнымъ пребываніемъ его въ Англіи, гдѣ онъ изучалъ ея политическія учрежденія. Александръ призвалъ его тотчасъ по вступленіи на престолъ; князь Чарторыскій принималъ участіе въ задуманныхъ въ первые годы преобразованіяхъ Россіи, но насколько искренно было это участіе,—судить теперь трудно. Чарторыскій былъ полякъ; судьба его родины была конечно для него дороже, чѣмъ судьба страны ему чуждой и враждебной; какъ всякій

Digitized by Google

полякъ, любящій свою родину, онъ мечталъ о прошедшемъ, о возстановленіи погибшаго прежняго, что́ весьма понятно было тогда, въ первые годы XIX столѣтія, въ годы политическихъ переворотовъ. Въ Александрѣ онъ могъ видѣть и орудіе для осуществленія своихъ политическихъ и патріотическихъ надеждъ. Война 12-го года и занятіе Наполеономъ Польши, когда полякамъ казалось такъ близко осуществленіе ихъ надеждъ, раздѣлили Александра съ Чарторыскимъ, хотя онъ и продолжалъ состоять на русской службѣ, пока не эмигрировалъ во Францію, послѣ революціи 30-го года.

Таковы были личности, окружавшія Александра съ начала его вступленія на престолъ, хотя то, что́ называется тайнымъ комитетомъ, просуществовало очень не долго—до конца 1803 или 1804 года. Всѣ эти люди раздѣляли взгляды и понятія Александра. Они составляли меньшинство общества и были лучшими, мыслящими представителями его. Въ ихъ планахъ, въ ихъ намѣреніяхъ не было ничего чуждаго, насильственно навязываемаго странѣ. Далеко не были они радикальны. А между тѣмъ эти лица и ихъ преобразовательныя стремленія возбудили къ себѣ сильную вражду въ представителяхъ поколѣнія Екатерининскихъ сановниковъ и въ массѣ общества, которой дорогъ ея покой, и которая всегда готова внимать консервативнымъ воплямъ. Эта вражда отражается и въ запискахъ современниковъ и въ литературѣ. Ихъ обвиняли въ незнаніи Россіи, въ неопытности, въ крутости задуманныхъ ими перемѣнъ и преобразованій, во вліяніи ихъ на государя, который будто бы безусловно подчинился имъ и во всемъ ихъ слушался, и т. п. Всѣ эти обвиненія большею частью ложны; весь этотъ комитетъ можно обвинить развѣ въ томъ, что онъ просуществовалъ недолго и мало сдѣлалъ для Россіи, не смотря на всѣ благія намѣренія лицъ, его составлявшихъ, но это уже зависѣло не отъ него, а отъ личной воли самого Александра, который соединилъ вокругъ себя людей одного съ нимъ направленія и распустилъ ихъ, когда пересталъ въ нихъ нуждаться и пошелъ по другой дорогѣ.

ЛЕКЦІЯ. V.

Роль императора Александра I въ «комитетѣ».—Планъ организаціи народнаго образованія.— Учрежденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія и Главнаго Правленія Училищъ.—Первый по времени министръ Народнаго Просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій и его сотрудники.

Слѣды дѣятельности лицъ, упомянутыхъ въ предыдущей лекціи, можно найти въ протоколахъ засѣданій комитета, писанныхъ на французскомъ языкѣ и сохранившихся въ бумагахъ одного изъ чле-

Digitized by Google

новъ—графа П. А. Строганова [1]). Разсматривая эти отрывки, мы видимъ, что въ засѣданіяхъ, или дружескихъ бесѣдахъ при императорѣ, вовсе не проявляется того незнанія Россіи, въ которомъ обыкновенно обвиняютъ друзей Александра того времени. Изъ нихъ видно также, что несмотря на свой умъ, на свое развитіе, на близость и дружбу къ государю, ни одинъ изъ этихъ людей и всѣ они вмѣстѣ не имѣли значительнаго вліянія на Александра. Онъ давалъ всему начало и ставилъ вопросы: его самодержавная воля господствовала. Воля эта въ самомъ дѣлѣ направлена была къ конституціонному устройству Россіи, но прежде конституціи должна была произойти реформа администраціи во всѣхъ ея частяхъ. Съ этою цѣлью замышлено было и отчасти приведено въ исполненіе переустройство Сената, что въ особенности привело въ негодованіе Державина и другихъ старыхъ сенаторовъ. Въ преобразованіи Сената послѣдніе видѣли „ограниченіе самодержавной воли монарха“, а въ этомъ и заключалось собственное желаніе Александра, ненавидѣвшаго тогда произволъ. Шли въ комитетѣ, и довольно часто, рѣчи о вопросѣ, задѣвавшемъ частные интересы самаго вліятельнаго тогда въ государствѣ сословія, единственнаго сословія, имѣвшаго въ немъ власть и голосъ, вопросѣ о крѣпостномъ владѣніи, составлявшемъ прерогативу дворянства. Но и Александръ и друзья его были слишкомъ робки и нерѣшительны; зная благородство послѣднихъ, мы не думаемъ обвинять ихъ въ своекорыстіи, но они боялись вообще переворота, боялись дворянскаго противодѣйствія. Этотъ крестьянскій вопросъ кажется и породилъ въ обществѣ тѣ мрачные толки и неудовольствіе, которые въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ стали доводить до свѣдѣнія Александра другіе его приближенные. Александръ дѣйствовалъ въ комитетѣ самостоятельно; характеръ его отличался упорствомъ, этимъ признакомъ слабости, но послѣдняя и была конечно причиною, почему толки, носившіеся въ обществѣ, должны были въ свою очередь повліять на него. Главный недостатокъ людей, окружавшихъ его въ первые годы царствованія, состоялъ въ томъ, что всѣ они, несмотря на свой умъ, блестящее образованіе и благія намѣренія, ихъ одушевлявшія, лишены были строго послѣдовательнаго, логическаго развитія; у нихъ не было общаго плана реформы государственнаго зданія, какъ выраженія одной теоретической идеи, строго проведенной по всѣмъ частямъ преобразованія. Этого плана добивался Александръ и, когда онъ встрѣтилъ человѣка съ такимъ планомъ въ головѣ, съ умомъ логическимъ, выработаннымъ въ настоящей

[1]) В. Евр. 1866 г. № 1, 155—194 и Богдановичъ, Исторія царствов. Александра I. Т. I, прилож. 88—91.

Digitized by Google

школѣ, онъ замѣнилъ имъ однимъ прежнихъ совѣтниковъ своихъ, друзей своей молодости, и съ нимъ однимъ, подъ шумъ европейской войны съ Наполеономъ, въ которой и онъ и Россія принимали участіе, разрабатывалъ планы дальнѣйшихъ преобразованій и будущей конституціи. Лицо это былъ извѣстный Сперанскій, единственный сотрудникъ во второмъ періодѣ преобразовательной дѣятельности Александра до 1812 года, когда отечественная война и потомъ европейскія событія, въ которыхъ мы участвовали, прекратили совершенно эту дѣятельность.

Но это первое время и тѣ первыя вліянія, подъ которыми Александръ вступилъ на престолъ, обратили его вниманіе къ вопросамъ внутренняго устройства, раскрыли передъ нимъ многія стороны жизни страны, до тѣхъ поръ ему неизвѣстныя, и должны были невольно и естественно возбудить движеніе мысли въ обществѣ, спавшемъ непробуднымъ сномъ. Конечно, оживленіе это было слишкомъ непрочно и случайно; только немногіе сочувствовали и новымъ идеямъ, и новому движенію. масса же общества попрежнему находилась въ бездѣйствіи; но и то уже должно было расшевеливать ее. что движеніе въ жизни исходило отъ правительства, въ которое она столько вѣковъ привыкла вѣровать. Притомъ молодое поколѣніе въ обществѣ воспитывалось подъ вліяніемъ этого новаго движенія идей и вносило ихъ въ жизнь; такимъ образомъ совершалось прогрессивное движеніе.

Прогрессивное движеніе русской жизни болѣе всего обязано этому времени Александрова царствованія, потому что въ теченіе его была задумана и приведена въ исполненіе самая полезная, самая долговѣчная и вліятельная мѣра. Это была реформа нашего образованія въ томъ почти общемъ видѣ, въ какомъ существуетъ у насъ оно и теперь, то-есть въ системѣ университетовъ, гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Реформа эта, составляющая главную заслугу царствованія Александра, по всей справедливости есть трудъ членовъ его интимнаго комитета, которые понимали такимъ образомъ, въ чемъ заключался главный недостатокъ русской жизни, и что мѣшало ея дальнѣйшему развитію.

Вопросъ о народномъ образованіи поднятъ былъ въ интимномъ комитетѣ Александра въ концѣ 1801 года, когда приготовлялось первое устройство министерствъ, замѣнившихъ собою прежнюю коллегіальную форму. Иниціативою въ этомъ дѣлѣ послужила записка, полученная отъ Лагарпа, который предлагалъ для дѣла образованія въ странѣ учредить особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ министра. Сотрудники государя доказывали, что у насъ дѣло образованія представляетъ необычайную смѣсь и пестроту, а потому не-

Digitized by Google

обходимо привести его въ одну систему и организовать по одной идеѣ. Гр. Строгановъ предлагалъ взять въ примѣръ Францію, съ ея системою заведеній для общаго образованія, за которымъ уже слѣдуетъ спеціальное. Александръ говорилъ, что не все удобно вводить у насъ изъ того, что хорошо за границею, что у насъ существуютъ уже старыя учрежденія, и что къ нимъ надобно присоединять новыя. Тогда положено было образовать особую коммиссію для этого дѣла. Оно было до того ново для самихъ членовъ комитета, что между ними вышелъ даже смѣшной споръ о томъ, какъ назвать будущее министерство, которое будетъ завѣдывать учеными и учебными учрежденіями: министерствомъ ли общественнаго *образованія* или *воспитанія?* Послѣ долгихъ споровъ остановились на названіи *просвѣщенія.*

Министерство народнаго просвѣщенія, попеченіямъ котораго ввѣрены были наука и образованіе всей страны, возникло, вмѣстѣ съ прочими министерствами, въ 1802 году. Оно должно было замѣнить собою учрежденную еще при Екатеринѣ въ 1782 году коммиссію объ училищахъ, состоявшую съ самаго начала подъ предсѣдательствомъ графа П. В. Завадовскаго. Учрежденіе новаго министерства не упразднило однако этой коммиссіи; она явилась какъ бы органомъ самого министерства, личный составъ ея былъ усиленъ людьми частью изъ интимнаго комитета государя, частью другими, представителями науки и образованія, искренно любившими ихъ. Эти люди работали весьма дѣятельно надъ различными частями своей задачи. Коммиссія эта, подъ предсѣдательствомъ министра, должна была прежде всего разработать общій планъ устройства учебной части по всей имперіи. Планъ этотъ былъ готовъ очень скоро и утвержденъ 24 января 1803 года, подъ названіемъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія [1]). Въ этомъ планѣ опредѣлена была вся система ученія, т.-е. роды училищъ, отъ приходскаго училища до университета, ихъ взаимная зависимость и отношеніе ихъ другъ къ другу, ихъ общее устройство и управленіе. Въ нихъ впервые говорилось объ университетахъ, какъ главныхъ разсадникахъ просвѣщенія. Кромѣ существовавшихъ, въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ, должны были быть открыты еще три: въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ; предназначались кромѣ того для университетовъ города: Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ-Великій и другіе, по мѣрѣ способовъ. Тогда же учреждались и учебные округа, и прежняя коммиссія училищъ переименовывалась въ „главное правленіе училищъ", которое, будучи устроено въ коллегіальномъ порядкѣ, подъ предсѣ-

[1]). Сб. постановл. по Мин. Нар. Просв. I, 13—21.

Digitized by Google

дательствомъ министра, дѣлалось совѣщательнымъ и распорядительнымъ его органомъ по дѣлу народнаго просвѣщенія. Люди, бывшіе членами его, были назначены по личному выбору Александра, который захотѣлъ соединить въ немъ и старыхъ Екатерининскихъ дѣятелей и людей новаго поколѣнія, близкихъ къ нему.

Таковъ былъ широкій планъ народнаго просвѣщенія, задуманный и приведенный въ исполненіе близкими къ Александру людьми. Никто въ обществѣ, конечно, кромѣ самаго малаго числа людей, лично заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, не интересовался имъ; между посторонними умными людьми скорѣе замѣтно было къ нему какое-то недовѣріе. „Университетскія школы о сю пору всѣ въ упадкѣ, пишетъ къ пріятелю своему Македонцу извѣстный Евгеній, впослѣдствіи митрополитъ, а тогда префектъ Александро-Невской Академіи. Теперь готовятъ новый университету штатъ и жалованье умножаютъ вдвое. Что-то будетъ!... Но отъ русскихъ профессоровъ, каковы тамъ теперешніе, нельзя лишняго надѣяться“ [1]). „Правила предварительныя о просвѣщеніи хороши, продолжаетъ онъ же, но исполненіе еще далеко. Вспомните, что еще въ 1788 году былъ также указъ о учрежденіи университетовъ, но и о сю пору они не учреждены. Бездѣлицы недостаетъ—людей, могущихъ учить, да денегъ, могущихъ ободрить людей [2])“.

Первымъ по времени министромъ народнаго просвѣщенія былъ у насъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій (1738—1812). Оффиціальные біографы его: Мартыновъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія при немъ [3]), Янъ Снядецкій, ректоръ Виленскаго университета [4]), затѣмъ Сухомлиновъ [5]) и оффиціальный историкъ царствованія Александра, генералъ Богдановичъ, слишкомъ много приписываютъ этому лицу въ дѣлѣ народнаго образованія и долго останавливаются на немъ. Завадовскій въ ту пору былъ уже старъ и послѣ долгой и исполненной разныхъ треволненій жизни, едва ли былъ способенъ къ дѣятельности, требовавшей свѣжихъ силъ. Судьба его, какъ многихъ людей Екатерининскаго времени, замѣчательна. Завадовскій былъ сыномъ казака или священника въ Малороссіи, именно въ Черниговской губерніи. Дѣдъ его, подкоморій Ширай, отдалъ его учиться въ іезуитское училище въ Оршу, откуда онъ

---

[1]) Р. Арх. 1870. 812. Выдержки изъ писемъ Евгенія къ Васил. Игн. Македонцу.

[2]) Ibid. 821.

[3]) Сынъ Отеч. 1831 г. № 19, 238-257.

[4]) Dziela, 1837., t. III.

[5]) Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе имп. Ал. I. Изслѣдованія и статьи, т. I.

Digitized by Google

поступилъ въ Кіевскую духовную академію. Завадовскій получилъ такимъ образомъ богословское образованіе того времени, а въ іезуитскомъ училищѣ и въ академіи онъ хорошо познакомился съ языкомъ латинскимъ, почему и слылъ при дворѣ Екатерины за человѣка ученаго. Гельбигъ разсказываетъ, что отецъ привезъ его въ Петербургъ на службу и оставилъ жить въ домѣ земляка своего, графа Разумовскаго, гдѣ онъ и знаменитый впослѣдствіи Безбородко, который былъ моложе его десятью годами, жили, какъ бѣдные люди, чѣмъ-то въ родѣ служителей. Разумовскій помѣстилъ ихъ обоихъ къ фельдмаршалу графу Румянцеву, подъ начальствомъ котораго Завадовскій сначала состоялъ въ военной службѣ, а потомъ былъ вмѣстѣ съ Безбородкомъ однимъ изъ главныхъ дѣльцовъ въ канцеляріи фельдмаршала. Когда Екатерина просила Румянцева рекомендовать ей кого-нибудь въ кабинетъ-секретари, Румянцевъ прислалъ ей Завадовскаго и товарища его, Кузьмина. Одно изъ важныхъ достоинствъ Завадовскаго для того времени состояло въ томъ, что онъ былъ очень красивъ собою и Екатерина замѣтила это. Румянцевъ рекомендовалъ его въ 1775 году, а уже въ концѣ этого года онъ сдѣлался оффиціально ея любимцемъ, хотя она и скрывала эти отношенія отъ Потемкина. Впрочемъ „фаворъ“, какъ говорили тогда, Завадовскаго не продолжался и двухъ лѣтъ, хотя онъ успѣлъ сдѣлаться графомъ, получить болѣе 100 т. крестьянъ и великолѣпное имѣніе въ Черниговской губерніи, прозванное имъ Екатеринодаромъ, съ домомъ-дворцомъ, выстроеннымъ собственно для него на казенныя деньги. Пользуясь своею силою и значеніемъ при дворѣ, Завадовскій увеличивалъ свои имѣнія и насиліемъ: онъ присвоивалъ себѣ монастырскія земли и отнималъ земли у сосѣдей. Когда при Екатеринѣ смѣнилъ его новый фаворитъ Зоричъ, Завадовскій былъ единственнымъ изъ всѣхъ ея фаворитовъ, который продолжалъ ѣздить ко двору и не потерялъ значенія. Онъ былъ главнымъ директоромъ государственнаго банка. Какъ человѣкъ, слывшій ученымъ, онъ долженъ былъ изготовлять указы и манифесты, и дѣловой слогъ его вообще хвалили. Въ качествѣ ученаго же, ему предоставлено было предсѣдательство въ Коммиссіи народныхъ училищъ. Павелъ сначала благоволилъ къ Завадовскому и сдѣлалъ его даже опекуномъ графа Бобринскаго, несмотря на то, что послѣдній былъ женатъ и самъ имѣлъ дѣтей, но потомъ сослалъ его въ деревню, подъ строгій надзоръ полиціи. Александръ возвратилъ ему всѣ прежнія его должности и сдѣлалъ его министромъ, но вовсе не по признаннымъ заслугамъ его, а въ угожденіе старикамъ Екатерининскимъ. Вотъ любопытный отзывъ самого Александра о Завадовскомъ въ письмѣ къ Лагарпу, который былъ недоволенъ этимъ назначеніемъ: „Сожалѣнія ваши о на-

Digitized by Google

значеніи Завадовскаго министромъ Народнаго Просвѣщенія весьма бы уменьшились, еслибъ вамъ была извѣстна организація его министерства. Это совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторыскаго, Новосильцева и другихъ, который всѣмъ управляетъ; нѣтъ ни одной бумаги, которая не была бы ими обработана, нѣтъ человѣка, не назначеннаго ими. Частыя сношенія мои, въ особенности съ двумя послѣдними (т.-е. съ Чарторыскимъ и Новосильцевымъ), мѣшаютъ министру ставить какія-либо преграды тому добру, которое мы стараемся дѣлать. Вообще, мы сдѣлали его снисходительнымъ до нельзя, настоящею овцою; наконецъ онъ ничтоженъ и посаженъ въ министры только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ" [1]). Изъ этого видно, какое дѣятельное личное участіе принималъ Александръ въ дѣлѣ и успѣхахъ молодого нашего просвѣщенія.

Вторымъ лицомъ въ этомъ министерствѣ былъ воспитатель Александра уже упомянутый нами М. Н. Муравьевъ. Онъ сдѣланъ былъ и попечителемъ Московскаго университета и товарищемъ министра. Несмотря на особую любовь свою къ классической филологіи, онъ не былъ однако исключительнымъ и, получивъ широкое образованіе, одинаково любилъ науки. Его кратковременная дѣятельность, какъ попечителя Московскаго университета (1803 — 1807), весьма замѣчательна въ исторіи этого университета. Подъ его наблюденіемъ университетъ былъ преобразованъ согласно новому уставу, и въ этомъ преобразованіи Муравьевъ самъ принималъ живое и дѣятельное участіе. Главный существенный недостатокъ преобразованнаго и вновь учрежденныхъ университетовъ состоялъ въ отсутствіи необходимаго числа профессоровъ для того, чтобы университетъ представлялъ собою дѣйствительно полноту наукъ и соотвѣтствовалъ тому понятію о высшемъ образовательномъ заведеніи, которое сложилось въ исторической жизни Европы. Муравьевъ вызвалъ въ Московскій университетъ во время своего управленія нѣсколько замѣчательныхъ профессоровъ изъ-за границы; этому похогди личныя сношенія Муравьева съ европейскими учеными. Его имя сдѣлалось извѣстно въ Европѣ. Эти вызванные изъ-за границы ученые должны были обра-

---

[1]) Сборн. Русск. Ист. Общ. V, 59. Vos regrets sur la nomination de Zavadovsky à la place de Ministre de l'Instruction publique, seraient diminués, si vous étiez au fait de l'organisation de son Minstère. Il est nul. C'est un conseil composé de Mouravief, Klinguer, Czartoryski, Novosiltzoff etc. qui regit tout, il n'y a pas un papier qui ne soit travaillé par eux, pas un homme qui ne soit placé par eux. La fréquence de mes rapports avec les deux derniers surtout, empêche le ministre d'apposer le moindre obstacle au bien que nous tachons de faire. Au reste, nous l'avons rendu coulant au possible, un vray mouton, enfin il est nul et n'est dans le ministère que pour ne pas crier s'il en fût exclu.

Digitized by Google

зовать новое поколѣніе молодыхъ русскихъ профессоровъ, о чемъ такъ сильно заботился Муравьевъ. По его мысли отправлено было нѣсколько лучшихъ молодыхъ людей изъ Московскаго университета для приготовленія къ профессорскому званію; въ судьбѣ ихъ Муравьевъ принималъ дѣятельное участіе; онъ близокъ былъ съ ними, переписывался съ ними, помогалъ ихъ работамъ и путешествіямъ [1]). Особое оживленіе университету придали ученыя общества, основаніе которыхъ даже вызывалось новымъ уставомъ. По мысли Муравьева и при его дѣятельномъ участіи учреждено было извѣстное „Общество исторіи и древностей Россійскихъ", труды и изданія котораго принесли такую громадную пользу разработкѣ отечественной исторіи.

Изъ остальныхъ членовъ Главнаго Правленія Училищъ въ первое время учрежденія министерства мы укажемъ, во-первыхъ, на личныхъ друзей Александра: Строганова, Новосильцева, Чарторыскаго, которымъ самъ государь предначалъ дѣятельную роль въ новомъ министерствѣ. Изъ нихъ Новосильцевъ былъ попечителемъ С.-Петербургскаго округа, а Чарторыскій—Виленскаго. Въ первое время послѣдній оказывалъ большое содѣйствіе трудами своими Главному Правленію Училищъ. Ему собственно принадлежитъ планъ устройства учебныхъ заведеній во всей Имперіи, которымъ руководствовались члены. Какъ попечитель Виленскаго университета и округа, Чарторыскій, въ качествѣ польскаго патріота, задался идеею полонизаціи края, сдѣлался проводникомъ чисто польскихъ патріотическихъ началъ и стремленій. На этомъ поприщѣ, въ концѣ царствованія Александра, ему пришлось столкнуться съ прежнимъ другомъ своимъ Новосильцевымъ, которому поручено было разрушить или, по крайней мѣрѣ, ослабить задушевное дѣло Чарторыскаго въ Виленскомъ университетѣ.

Совсѣмъ другую польскую личность въ Главномъ Правленіи Училищъ представляетъ первый попечитель Харьковскаго университета, графъ Северинъ-Потоцкій. Заслуги его по водворенію просвѣщенія въ краѣ, которымъ онъ призванъ былъ управлять въ учебномъ отношеніи, были чрезвычайно велики и должны быть съ благодарностью помянуты въ исторіи просвѣщенія нашего отечества. Чуждый исключительно польскихъ тенденцій, въ чемъ нельзя не обвинить Чарторыскаго, Потоцкій считалъ распространеніе наукъ и образованія своимъ истиннымъ призваніемъ, дѣломъ души своей и убѣжденій. Онъ самъ былъ чрезвычайно образованный человѣкъ и съ искреннимъ участіемъ относился къ каждой наукѣ и поощрялъ ее, что воз-

[1]) Письма профессоровъ къ Муравьеву. Чтенія въ Общ. ист. и древн. Росс. 1861, кн. III, 22—72.

Digitized by Google

буждало и оживляло дѣятельность въ молодомъ университетѣ. Въ особенности онъ усердно заботился объ образованіи и пріобрѣтеніи для него преподавателей, среди которыхъ встрѣчались и русскія имена, что было тогда большою рѣдкостью. Его рѣчи на торжественныхъ актахъ университета, въ которыхъ онъ такъ много говорилъ о наукѣ и ея значеніи, ставили университетъ въ близкое отношеніе къ обществу, которое пріучалось цѣнить и уважать его. Этому способствовало положеніе Потоцкаго въ обществѣ, гдѣ онъ являлся лицомъ вліятельнымъ по своему происхожденію, богатству, уму и блестящему образованію. „Свободный отъ всякаго рода предразсудковъ, чуждаясь сословной исключительности, онъ чуждъ былъ и религіознаго фанатизма", говоритъ о немъ г. Сухомлиновъ. „Вельможа и католикъ, онъ посѣщалъ хаты сельскихъ учителей и былъ усерднымъ ходатаемъ о лицахъ православнаго духовенства, сколько-нибудь послужившихъ дѣлу народнаго образованія. Если бы идеалы были возможны въ дѣйствительной жизни, Потоцкаго слѣдовало бы назвать идеаломъ попечителя, какъ понималось это званіе первымъ уставомъ русскихъ университетовъ. Попеченіе Потоцкаго объ университетѣ выразилось именно въ тѣхъ формахъ, которыя однѣ, не стѣсняя и не подавляя университета, содѣйствуютъ его движенію и процвѣтанію. Не вмѣшиваясь во всѣ нити администраціи, не нарушая автономіи, безъ которой университетская жизнь то же, что тѣло безъ души, Потоцкій былъ достойнымъ вождемъ университета, открывалъ ему способы къ развитію ученой дѣятельности и былъ дѣйствительнымъ представителемъ его" [1]).

Прочіе члены Главнаго Правленія Училищъ были болѣе или менѣе извѣстны тогда въ наукѣ и литературѣ. Таковы, напр., попечитель Дерптскаго университета, генералъ-маіоръ Клингеръ (1753—1831), извѣстный нѣмецкій писатель по части романовъ и комедій. Онъ былъ чтецомъ при Павлѣ, когда тотъ былъ наслѣдникомъ престола. Первымъ попечителемъ Казанскаго университета былъ Румовскій, указанный и выбранный, какъ человѣкъ съ талантомъ, изъ студентовъ Невской Академіи еще Ломоносовымъ, который замѣтилъ въ немъ любовь къ наукѣ и взялъ его въ Академію Наукъ. Учился онъ математикѣ у Эйлера въ Берлинѣ и потомъ былъ въ Академіи Наукъ профессоромъ астрономіи. Онъ извѣстенъ учеными астрономическими путешествіями въ восточную Сибирь, разными мемуарами, трудами по россійской словесности и переводомъ Тацита.

Изъ старыхъ дѣятелей по просвѣщенію членомъ Гл. Пр. Училищъ былъ Янковичъ де Мирьево, ученый австрійскій сербъ, вызванный въ Россію Бецкимъ; онъ пріобрѣлъ видное мѣсто въ исторіи

[1]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 25.

Digitized by Google

просвѣщенія устройствомъ у насъ при Екатеринѣ народныхъ училищъ. Правителемъ дѣлъ департамента и тоже членомъ Главнаго Правленія Училищъ былъ И. И. Мартыновъ, родомъ малороссъ, получившій свое образованіе въ Невской Академіи. Мартыновъ извѣстенъ какъ переводчикъ греческихъ классиковъ, но онъ зналъ и другіе языки, былъ знакомъ съ естественными науками, переводилъ по этой отрасли знаній, составлялъ словари и учебники, издавалъ два журнала, въ которыхъ высказывалось полное сочувствіе къ реформамъ Александра, и былъ вообще всесторонне-образованный человѣкъ. Какъ дѣлопроизводитель, Мартыновъ сочинялъ всѣ уставы министерства и былъ близокъ къ Завадовскому.

Были два члена изъ Академіи Наукъ: одинъ русскій ученый—Озерецковскій, путешествовавшій съ гр. Бобринскимъ за границей и учившійся въ Страсбургѣ и Лейденѣ, гдѣ онъ получилъ степень доктора медицины, и нѣмецъ Фусъ, ученикъ Эйлера и Бернулли—представитель чистой математики въ Академіи Наукъ и потомъ долго ея непремѣнный секретарь.

Вотъ тѣ личности, которымъ было ввѣрено дѣло просвѣщенія и науки въ первые годы царствованія Александра. Имена ихъ должны быть помянуты въ исторіи нашего образованія по результатамъ ихъ дѣятельности.

ЛЕКЦІЯ VI.

Заботы Главнаго Правленія Училищъ о развитіи просвѣщенія въ Россіи. — Уставы Университетовъ 1804 г.—Студенты и русскіе профессора въ Университетахъ Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ.

Членамъ Главнаго Правленія Училищъ, которымъ ввѣрено было Александромъ дѣло образованія и просвѣщенія страны, предстояла усиленная дѣятельность. Программа этой дѣятельности высказана въ упомянутыхъ мною предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія. Они должны были преобразовать старые или открыть новые университеты, завести множество среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, вовсе не существовавшихъ во многихъ городахъ, двинуть, однимъ словомъ, впередъ все просвѣщеніе народа и вложить въ него новыя начала, которыя соотвѣтствовали бы требованіямъ жизни и духу времени. Это первое время существованія министерства, время управленія имъ Завадовскаго, вообще отличается организаторскою дѣятельностію. Конечно, самымъ важнымъ и главнымъ предметомъ вниманія новаго министерства должны были сдѣлаться и дѣйстви-

Digitized by Google

тельно были университеты. Они должны были быть центрами просвѣщенія въ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ предполагалось ихъ учрежденіе; они должны были служить разсадниками просвѣщенія; отъ нихъ зависѣла цѣлая масса подчиненныхъ училищъ, и они же ставились въ очень близкое отношеніе къ обществу, въ жизнь котораго, кромѣ знанія, вносили новыя формы и обычаи, незнакомые прежде.

Наши университеты, вліяніе которыхъ на воспитаніе общества не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, не были продуктами саморазвивающейся общественной жизни, потребности науки и стремленія къ ней. Ни въ какомъ случаѣ не могли они походить на тѣ средневѣковые памятники—университеты, на судьбахъ, устройствѣ и правахъ которыхъ такъ ярко отражается многовѣковая жизнь общества. Наши университеты—продукты новаго развитія и не общественной, а государственной потребности, а потому правительству обязаны они своимъ возникновеніемъ и существованіемъ. Со временъ Петра оно хлопотало о разсадникахъ образованныхъ и годныхъ людей для развивающейся государственной жизни. Но передъ началомъ XIX вѣка у насъ существовалъ только одинъ Московскій университетъ, основанный въ половинѣ XVIII вѣка по мысли и при участіи въ составленіи его устава Ломоносова, по образцу, хотя и въ слабомъ видѣ, средневѣковыхъ германскихъ университетовъ, хорошо знакомыхъ Ломоносову. Екатерининская коммиссія училищъ, въ которой главную роль игралъ Бецкій, проектировала было съ своей стороны нѣсколько новыхъ университетовъ въ Россіи; Потемкинъ тоже задумывалъ основать университетъ на югѣ Россіи; но все это осталось безъ осуществленія. Въ послѣдніе годы жизни Екатерина стала подозрительно смотрѣть на науку и просвѣщеніе; она пугалась мысли, да, кромѣ того, частыя и продолжительныя войны и безпрестанныя смѣны любимцевъ стоили государству и націи очень много денегъ, такъ что нельзя было думать о новыхъ и дорогихъ реформахъ.

Движеніе мысли въ наукѣ и литературѣ, широкое и свободное въ XVIII вѣкѣ, за которымъ послѣдовали такъ быстро политическіе перевороты, общее преслѣдованіе подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка и, наконецъ, совершенное изгнаніе изъ всѣхъ государствъ Іезуитовъ, имѣвшихъ до тѣхъ поръ въ рукахъ своихъ дѣло общественнаго воспитанія,—обратили особенное вниманіе и мыслителей и государственныхъ людей на дѣло народнаго образованія. Оно стало считаться теперь государственнымъ дѣломъ; прежнія средневѣковыя формы его и условія не удовлетворяли новымъ идеямъ и новой жизни съ ея потребностями. Написано было нѣсколько плановъ общаго устройства народнаго просвѣщенія въ государствѣ, въ которыхъ всѣ учебныя заведенія являлись школами, приготовляющими другъ для друга.

Digitized by Google

тѣсно связанными между собою, и всѣ служили государству. Всѣ желали, чтобъ образованіе въ странѣ носило однообразный и національный характеръ. Таковъ былъ планъ знаменитаго французскаго министра при Людовикѣ XV—Тюрго (1775); тѣмъ же характеромъ проникнутъ и планъ, представленный Кондорсе въ 1792 году французскому законодательному собранію. Этотъ послѣдній планъ былъ знакомъ членамъ нашего Главнаго Правленія Училищъ и принятъ былъ въ соображеніе, но ошибочно было бы думать, что съ нашей стороны было только подражаніе. Общая система учебныхъ заведеній и общая зависимость ихъ другъ отъ друга была общею идеею времени. Всѣ училища находились подъ вѣдѣніемъ университетовъ; послѣдніе приготовляли преподавателей во всѣ мѣста, отъ университета зависѣвшія, ревизовали ихъ чрезъ своихъ членовъ и т. п.

Составленіе университетскихъ уставовъ требовало много труда и обдуманности. Члены Главнаго Правленія Училищъ не могли въ этомъ дѣлѣ положиться только на свои свѣдѣнія и опытность; они хотѣли пополнить ихъ со всѣхъ сторонъ. Они были знакомы вообще съ литературою этого вопроса и обращались за совѣтами къ спеціалистамъ этого дѣла, къ нѣмецкимъ ученымъ и профессорамъ. Ихъ мнѣнія, высказанныя и прежде въ литературѣ, подвергались тщательному обсужденію. Въ числѣ этихъ заграничныхъ ученыхъ въ особенности замѣчателенъ и по вліянію своихъ сочиненій, посвященныхъ преимущественно исторіи образованія и реформѣ нѣмецкихъ университетовъ, и по непосредственнымъ сношеніямъ съ составителями нашихъ университетскихъ уставовъ, геттингенскій профессоръ Мейнерсъ. Въ университетскомъ вопросѣ Мейнерсъ отличался свободнымъ, свѣтлымъ взглядомъ и, если его взгляды и мнѣнія имѣли какое-нибудь вліяніе на составителей нашихъ уставовъ, то, конечно, первоначальное устройство нашихъ молодыхъ университетовъ обязано Мейнерсу многими хорошими сторонами своими, напр., свободою преподаванія, которая такъ грубо потомъ была нарушена во вторую половину царствованія Александра I. Выборное начало, которое потомъ часто, къ сожалѣнію, примѣнялось не къ чести и не къ пользѣ университета, было порицаемо Мейнерсомъ, а такое положеніе попечителей, при которомъ они не могли бы нарушать своимъ вмѣшательствомъ автономіи университетской жизни, и свободныя отношенія корпораціи студентовъ, рекомендовались имъ. Мысли Мейнерса были очень здравы и очень важны, но ими не пользовались безусловно, а подвергали ихъ строгой и осмотрительной критикѣ; все то, что было несогласно съ условіями нашей жизни—не было принято.

На глазахъ у составителей уставовъ былъ и прежній опытъ въ русской жизни, прежнія рѣшенія этого вопроса. Такъ при Екатеринѣ

Digitized by Google

еще былъ очень отчетливо разработанъ планъ будущихъ русскихъ университетовъ. Передъ ними былъ уже существующій, оправданный исторіей образецъ—университетъ Московскій; предполагаемымъ университетамъ въ XVIII вѣкѣ желали придать народный характеръ преподаваніемъ на языкѣ отечественномъ и замѣщеніемъ каѳедръ русскими профессорами, но главная основа преподаванія должна была заключаться въ изученіи классическаго міра. Къ чести этого стараго Екатерининскаго плана слѣдуетъ упомянуть, что и онъ признавалъ свободу преподаванія необходимымъ условіемъ университетской жизни и не дѣлалъ препятствій для вступленія въ университетъ ни въ возрастѣ, ни въ сословіи. Это должно было быть открытое, всѣмъ доступное заведеніе.

Такимъ образомъ новые уставы университетовъ разработывались членами Правленія Училищъ не на основаніи одной реформаторской горячки, а болѣе разумнымъ образомъ: передъ ними были и современные европейскіе труды по университетскому вопросу и опыты прежнихъ лѣтъ въ самой Россіи. Самое большое участіе въ написаніи уставовъ университетскихъ принимали академики—Фусъ и Озерецковскій, а связь университета съ подчиненными ему учебными заведеніями, отъ гимназіи до сельскаго училища, и устройство всѣхъ ихъ разработаны были Екатерининскимъ педагогомъ Яковичемъ де Мирьево. Уставы трехъ собственно русскихъ университетовъ: Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго были утверждены 5 ноября 1804 года.

Намъ нѣтъ надобности входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ уставовъ, которые положили начало у насъ высшему образованію, не существовавшему прежде, кромѣ университета Московскаго. Намъ достаточно указать въ нихъ ту разницу, которая отличала ихъ отъ уставовъ настоящаго времени, и тѣ мѣры, которыя заключались въ нихъ, чтобъ вызвать въ обществѣ любовь къ наукѣ и стремленіе къ высшему образованію. Въ университетѣ были тѣ же четыре факультета, что и теперь, но въ нихъ не было ни подраздѣленій, ни полнаго состава каѳедръ, вызваннаго научнымъ развитіемъ послѣдующаго времени. Тогдашній университетъ имѣлъ, повидимому, больше правъ: совѣтъ былъ высшею инстанціею по дѣламъ учебнымъ и судебнымъ, касательно подчиненныхъ ему лицъ и мѣстъ; на его рѣшенія можно было жаловаться только въ Сенатъ. Уставъ, такимъ образомъ, съ идеальной точки зрѣнія первыхъ годовъ царствованія Александра, предполагалъ въ лицахъ, призываемыхъ къ преподаванію высшихъ наукъ, полное безпристрастіе и большія нравственныя достоинства. Этому совѣту университета предоставлено было право цензуры надъ всѣми выходящими въ его округѣ сочиненіями; въ

членахъ его предполагалось и достаточно знаній, и достаточно уваженія къ мысли, чтобъ быть цензорами въ томъ смыслѣ, какъ послѣдніе тогда понимались. Главною цѣлью уставовъ, по отношенію къ профессорамъ, было вызвать къ жизни науку, поселить къ ней уваженіе. Имъ предоставлена была полная свобода преподаванія. Собраніямъ университетскаго совѣта уставъ старался придать ученый или научный характеръ. Онъ требовалъ, напр., чтобъ каждый мѣсяцъ устраивалось такое собраніе, въ которомъ профессора и почетные члены разсуждали бы о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, по предложенію ректора или кого-либо изъ членовъ. Обязанность профессоровъ заключалась въ томъ, чтобы читать лекціи лучшимъ и понятнѣйшимъ образомъ; они должны были пополнять ежегодно свои курсы тѣми открытіями, которыя дѣлались въ европейской наукѣ. Заботясь, такимъ образомъ, о расширеніи научной дѣятельности профессоровъ, о томъ, чтобъ вызвать въ нихъ самихъ любовь къ своему призванію, уставъ противорѣчилъ самому себѣ, давая университету еще обязанность управленія подвѣдомственными ему заведеніями, предоставляя ему опредѣленіе учителей и пр., наконецъ цензуру. Все это не научное содержаніе профессорскихъ обязанностей должно было отвлекать ихъ отъ прямого ихъ призванія, развивать въ нихъ стремленія, чуждыя наукѣ. Мейерсъ, въ своихъ идеяхъ о реформѣ нѣмецкихъ университетовъ, не допускалъ за совѣтомъ даже права избранія своихъ членовъ посредствомъ баллотировки, основываясь на томъ, что большинство членовъ совѣта остается равнодушно къ выборамъ, а меньшинство не всегда дѣйствуетъ безпристрастно, руководясь личными разсчетами и намѣренно удаляя опаснаго соперника. Уставъ 1804 года поступилъ иначе: и право избранія, и широкую долю самоуправленія онъ предоставилъ нашимъ университетскимъ совѣтамъ, относясь къ нимъ съ уваженіемъ и не раздѣляя мыслей нѣмецкаго профессора, которому ближе было знакомо дѣло по собственному опыту.

Студенты, которымъ предоставлено было носить мундиръ и шпагу, составляли, по уставу 1804 года, корпорацію, вполнѣ зависимую отъ суда университета, и подчинялись только правиламъ, изданнымъ имъ; отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ дѣла и отношенія, напр. городской полиціи, ревниво оберегало ихъ свое начальство. Связь ихъ съ профессорами требовалась даже уставомъ, который установлялъ бесѣды между профессорами и студентами, бесѣды научныя, гдѣ профессора обязаны были исправлять сужденія студентовъ и самый образъ ихъ выраженія и пріучать ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли.

Уставъ требовалъ, чтобъ университетъ сближался съ обществомъ

Digitized by Google

и развивалъ бы такую учено-литературную дѣятельность, въ которой могло бы принимать участіе и общество. Съ этою цѣлью университетъ могъ открывать при себѣ ученыя общества, задавать темы для сочиненій и награждать ихъ преміями. Согласно характеру и направленію того времени, при всѣхъ университетахъ вскорѣ открылись литературныя общества, существовавшія долго.

Что касается до наукъ, предполагаемыхъ къ преподаванію въ университетахъ по уставу 1804 года, то въ этомъ отношеніи члены Главнаго правленія училищъ шли за современностью, какъ она существовала въ европейскихъ университетахъ, но были сдѣланы уступки и требованіямъ тогдашняго общества, не понимавшаго значенія науки въ жизни и съ неудовольствіемъ смотрѣвшаго на лишніе годы университетскаго курса, какъ на безполезную помѣху къ скорѣйшему открытію для молодаго человѣка служебной карьеры. „Вы все дожидаетесь открытія Харьковскаго университета, пишетъ въ 1804 году Евгеній къ другу своему Македонцу, но и открытые едва дышатъ о сю пору. Ни учить, ни учиться некому. Посудите, у насъ въ модѣ записывать дѣтей на службу съ 15 лѣтъ; а университетскій курсъ самъ по себѣ требуетъ лѣтъ десяти прохожденія (т.-е. съ гимназіею). Кто же будетъ дожидаться конца его? Науки мыслепныя у насъ еще не въ модѣ. Да и обо всѣхъ почти наукахъ твердятъ Иппократово слово: Ars longa, vita brevis, occasio momentosa, experientia periculosa. Родимся же мы на свѣтъ не умствовать, а дѣйствовать“ [1]). Дворянство русское, съ тѣхъ поръ какъ Петръ Великій призвалъ его къ дѣятельной службѣ государству, всегда предпочитало службу военную, а такъ какъ большинство молодыхъ людей, поступавшихъ въ русскіе университеты того времени, принадлежало къ этому сословію, то и предположено было открытіе каѳедры военныхъ наукъ. Это было тѣмъ болѣе естественно, что дворянство, напр., Харьковской губерніи прямо заявило, что оно жертвовало значительныя суммы на университетъ Харьковскій въ той увѣренности, что въ немъ будутъ преподаваться военныя науки, необходимыя для дворянина. Съ другой стороны, предположено было и открытіе въ университетахъ богословскаго факультета, по примѣру университетовъ европейскихъ, но предположеніе это, какъ и слѣдовало ожидать, нашло противодѣйствіе въ Св. Синодѣ, который сохранилъ богословіе для своихъ духовныхъ заведеній.

Приведеніе въ дѣйствіе новыхъ университетскихъ уставовъ возложено было на попечителей; имъ предстояла очень трудная и многосложная задача въ борьбѣ съ неприготовленнымъ и невѣжественнымъ обществомъ. Особенно трудно было въ этомъ отношеніи положеніе

[1]) Р. Арх. 1870, 838.

Digitized by Google

попечителей въ Харьковѣ и Казани, тогда какъ попечителю московскому Муравьеву было сравнительно легче въ Москвѣ, гдѣ уже полвѣка существовалъ университетъ. Кругомъ ихъ была общественная среда, которая смутно сознавала и даже вовсе не сознавала потребности университетскаго образованія. „Не чувствуя благотворнаго вліянія наукъ или имѣя о нихъ самое темное понятіе, пишетъ министру попечитель Харьковскаго университета, графъ Северинъ Потоцкій, не радѣли они (т.-е. харьковскіе дворяне) о воспитаніи дѣтей своихъ, будучи лишены всѣхъ нужныхъ къ тому средствъ; они лучше соглашаются записать ихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели продолжать науки и усовершать ихъ знанія: они не могутъ рѣшиться дозволить дѣтямъ своимъ выше четырнадцатилѣтняго возраста посѣщать гимназіи, которыя впрочемъ не приведены еще въ желаемое состояніе. Поэтому, если бы университетъ сохранилъ въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, которыми долженъ руководствоваться въ пріемѣ студентовъ, то онъ не имѣлъ бы нынѣ ни одного студента, и цѣлому поколѣнію пришлось бы заградить путь къ образованію. Убѣждаясь такими причинами, я нахожусь вынужденнымъ учредить при университетѣ приготовительный курсъ, въ которомъ молодые люди пріобрѣтутъ достаточныя свѣдѣнія къ слушанію высшихъ наукъ". Это и было приведено въ исполненіе. Въ Казани, для того, чтобъ въ университетъ могли поступить съ открытіемъ его студенты, сочли нужнымъ воспитывать въ гимназіи на казенный счетъ сорокъ воспитанниковъ, съ обязательствомъ съ ихъ стороны сдѣлаться студентами. Какъ мало были приготовлены эти, вновь поступившіе въ Казанскій университетъ въ 1805 году студенты, можно видѣть изъ извѣстныхъ „Воспоминаній" Аксакова.

Если такъ трудно было наполнить молодые университеты студентами, то еще труднѣе было замѣстить каѳедры и найти для нихъ достойныхъ преподавателей. На первыхъ порахъ, до образованія университетскихъ совѣтовъ, это затруднительное дѣло было возложено Главнымъ Правленіемъ Училищъ на попечителей. Всѣ три попечителя русскихъ университетовъ: и Муравьевъ, и Потоцкій и Румовскій, были дѣятельны въ этомъ отношеніи и доставили новымъ университетамъ нѣсколько замѣчательныхъ и полезныхъ профессоровъ, получившихъ извѣстность въ наукѣ. Конечно, выборъ былъ не всегда удаченъ, встрѣчались ошибки, но на первыхъ порахъ онѣ были неизбѣжны. Стоитъ только вспомнить это время, когда только что зарождалась въ Россіи университетская жизнь, чтобы понять, что единственными людьми знанія, способными занять профессорское мѣсто въ университетѣ, могли быть или лица, приготовленныя къ тому Московскимъ университетомъ, или независимыя отъ него отдѣльныя

Digitized by Google

личности, сколько-нибудь извѣстныя въ наукѣ и литературѣ. Но университетъ Московскій и самъ нуждался въ преподавателяхъ, а науки и просвѣтительной литературы вовсе не было. Духовныя академіи наши приготовляли только схоластиковъ для спеціальныхъ своихъ цѣлей. Поэтому, естественно, на первыхъ порахъ пришлось обратиться за профессорами къ богатому наукой міру европейскому, и сначала перевѣсъ иностранныхъ професоровъ преобладалъ, но потомъ отношеніе измѣнялось въ пользу русскаго элемента. Всѣхъ счастливѣе въ этомъ отношеніи былъ университетъ Московскій, гдѣ дѣятельность Муравьева и богатыя средства самого университета скоро доставили возможность образовать новое поколѣніе русскихъ ученыхъ. „Иначе нельзя завести своихъ профессоровъ, пишетъ Муравьевъ въ своихъ „Запискахъ", какъ посылая ихъ въ чужіе края, чтобъ они выучились тамъ своимъ правамъ, трудолюбію и должностямъ" [1]). Тогда образовались извѣстные профессора: Чеботаревъ, Двигубскій, Мудровъ и др., и при непосредственномъ участіи самого Муравьева—извѣстный критикъ, эстетикъ и замѣчательный поэтическій талантъ — профессоръ россійской словесности — Мерзляковъ, имѣвшій значительное вліяніе на литературу, группировавшуюся около университета.

Въ Харьковскомъ университетѣ мы встрѣчаемъ съ перваго года его открытія нѣсколько русскихъ именъ, профессорская дѣятельность которыхъ осталась не безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу этого университета. Таковы были: Рижскій, профессоръ россійской словесности, и Осиповскій, профессоръ чистой математики. Рижскій, первый ректоръ Харьковскаго университета, человѣкъ весьма солиднаго и разностороннаго образованія и обширныхъ знаній, авторъ „Реторики", „Введенія въ кругъ словесности" и др. сочиненій, которыя были приняты какъ руководства при преподаваніи словесности и въ другихъ университетахъ, до профессорства былъ выбранъ Россійской Академіей въ свои члены, что и указало на него Потоцкому, пригласившему Рижскаго въ Харьковъ. Осиповскій получилъ свое образованіе первоначально во владимірской семинаріи, а потомъ въ петербургской учительской гимназіи, переименованной въ 1786 году въ Педагогическій институтъ, гдѣ онъ впослѣдствіи сдѣлался самъ профессоромъ. Съ этой должности, по приглашенію Потоцкаго, Осиповскій отправился въ Харьковъ. Здѣсь служилъ онъ болѣе двадцати лѣтъ, напечаталъ нѣсколько сочиненій, уважаемыхъ въ наукѣ, и образовалъ нѣсколько поколѣній студентовъ математическаго факультета; въ числѣ ихъ былъ извѣстный математикъ Остроградскій.

[1]) Шевыревъ. Ист. Моск. Унив. 344—345.

Digitized by Google

Третьимъ замѣчательнымъ лицомъ Харьковскаго университета былъ профессоръ русской исторіи, извѣстный авторъ „Опыта повѣствованія о древностяхъ россійскихъ", книги, которая и теперь имѣетъ значеніе въ литературѣ,—Гавріилъ Успенскій. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ сѣвской семинаріи, а потомъ, подобно Осиповскому, учился въ петербургской учительской гимназіи, откуда, по окончаніи курса, получилъ мѣсто учителя главнаго народнаго училища (гимназіи) въ Воронежѣ. Отсюда приглашенъ онъ былъ въ Харьковскій университетъ, гдѣ читалъ много самыхъ разнообразныхъ предметовъ, пользуясь общимъ уваженіемъ и дружбою извѣстныхъ ученыхъ и писателей.

Не такъ былъ счастливъ, въ началѣ своего существованія, Казанскій университетъ въ выборѣ русскихъ профессоровъ. Здѣсь не было ни одного имени, которое бы осталось въ наукѣ. Сколько нибудь выдающеюся личностью былъ первый профессоръ русской исторіи, Илья Яковкинъ. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ вятской семинаріи, а потомъ учился въ учительской гимназіи въ Петербургѣ, въ которой самъ былъ учителемъ. Яковкинъ извѣстенъ составленіемъ и переводомъ нѣсколькихъ учебниковъ и по французскому языку, и по русской исторіи и географіи. Въ 1799 году онъ переселился въ Казань, въ качествѣ директора гимназіи, а отсюда въ университетъ, соединенный долгое время съ гимназіей и представлявшій какъ бы высшіе классы ея. Здѣсь, какъ администраторъ, онъ былъ лицо самовластное и не всегда дѣйствовалъ съ чистыми побужденіями. Было нѣсколько преподавателей—воспитанниковъ Московскаго университета, но всѣ они не выдавались ничѣмъ.

Русскіе профессора могли быть приготовлены не вдругъ. По новому уставу, студенты, удостоенные степени кандидата, оставались при университетѣ для выдержанія экзамена на степень магистра и потомъ, для дальнѣйшаго образованія, отправлялись въ Москву, Петербургъ, Дерптъ и за границу.

ЛЕКЦІЯ VII.

Недостатокъ въ профессорахъ.—Профессора иностранцы и ихъ просвѣтительное вліяніе. — Значеніе нѣмецкой философіи въ то время. — Отношеніе русскихъ университетовъ начала XIX в. къ обществу и народному образованію.—Характеристика профессорской среды.

Главный недостатокъ только-что основанныхъ университетовъ заключался въ неимѣніи людей для пополненія каѳедръ. Причина этого недостатка лежала въ слабости, вообще, нашего научнаго обра-

Digitized by Google

зованія, въ неимѣніи школъ для высшихъ наукъ и въ томъ, что общество, не сознавая потребности въ наукѣ, относилось къ ней равнодушно, а иногда съ боязнію и подозрительно. Необходимость заставила поэтому обратиться къ единственному источнику науки и поручить каѳедры въ университетахъ, незамѣщенныя русскими преподавателями,—приглашеннымъ иностранцамъ. Недостатка въ европейскихъ ученыхъ для наукъ общаго содержанія не могло быть; мотивовъ для переселенія ихъ въ Россію было много: и то высокое значеніе, которое придавало наукѣ и знанію новое русское правительство, и матеріальныя выгоды, которыми оно окружало людей науки. Непрочное политическое состояніе Германіи, начинавшей тогда тяжелую и продолжительную борьбу съ Наполеономъ, побуждало еще болѣе нѣмецкихъ ученыхъ выселяться изъ отечества. Конечно, въ массѣ европейскихъ ученыхъ, появившихся на каѳедрахъ нашихъ только-что основанныхъ или преобразованныхъ университетовъ, были и безполезныя личности, привлеченныя въ Россію не любовію къ наукѣ, а хорошимъ жалованьемъ; но были и высоко одаренныя личности, съ безкорыстною любовію къ наукѣ и съ даромъ преподаванія, который, даже несмотря на незнаніе или плохое знаніе ими русскаго языка, увлекалъ русскихъ студентовъ въ ту или другую научную область. Они оставили по себѣ много хорошихъ воспоминаній въ университетахъ; нѣкоторые изъ нихъ давали даже надолго направленіе научной дѣятельности университета, и тѣ факультеты, въ которыхъ они дѣйствовали или оставили учениковъ,—на продолжительное время остались лучшими, сравнительно съ другими. Эти люди часто въ глуши тогдашней провинціальной жизни составляли для русскаго юноши идеальный типъ человѣка дѣйствительной науки, какого они не встрѣчали между русскими. Отъ нихъ узнавали они впервые о великихъ движеніяхъ европейской мысли и о знаменитыхъ представителяхъ его. Такъ, философскія системы Канта и Фихте, преслѣдуемыя потомъ съ такимъ ожесточеніемъ во времена реакціи, не разъ излагались съ каѳедръ тогдашнихъ русскихъ университетовъ и служили къ воспитанію молодой русской мысли. Изъ этихъ лучшихъ иностранныхъ ученыхъ, приглашенныхъ въ Россію въ то время, достойны упоминанія въ исторіи нашего образованія, по своему вліянію на развитіе у насъ науки и по собственной дѣятельности,—въ Московскомъ университетѣ: Буле, авторъ исторіи философіи и извѣстный издатель Аристотеля, Грельманъ, изслѣдователь загадочной исторіи цыганъ, Шлецеръ-сынъ—историкъ и статистикъ, Маттеи—филологъ, первый познакомившій Европу съ греческими рукописями Синодальной библіотеки, Фишеръ фонъ Вальдгеймъ—естествоиспытатель и др. Въ Харьковскомъ университетѣ: Шадъ, послѣдователь

Digitized by Google

Фихте и ненавистникъ клерикальнаго направленія. Роммель, профессоръ древнихъ литературъ, оставившій любопытныя воспоминанія объ этомъ первомъ времени Харьковскаго университета, и др. Въ Казани, вслѣдствіе собственной научной дѣятельности попечителя Румовскаго и его связей за границею, явились на каѳедру знаменитые европейскіе математики: Бартельсъ изъ Брауншвейга и Литтровъ, профессоръ астрономіи, изъ Кракова. Они создали здѣсь математическій факультетъ и оставили замѣчательныхъ учениковъ, которые въ свою очередь сдѣлались наставниками послѣдующихъ поколѣній математиковъ. Въ Казанскомъ же университетѣ дѣйствовалъ долгое время докторъ медицины, профессоръ естественной исторіи и ботаники—Фуксъ, извѣстный въ Казани какъ врачъ и авторъ равныхъ мѣстныхъ этнографическихъ сочиненій. Первое начало дѣятельности знаменитаго оріенталиста Френа происходило въ Казанскомъ университетѣ; онъ оставилъ здѣсь учениковъ и положилъ, такимъ образомъ, начало факультету восточныхъ языковъ.

Если между русскими профессорами первыхъ годовъ нашихъ университетовъ преобладало направленіе чисто литературное, исключительное занятіе россійской словесностью,—явленіе, происходившее вслѣдствіе долгаго преданія и всего того реторическаго характера, который имѣла наша литература въ XVIII вѣкѣ, чуждавшаяся жизненныхъ вопросовъ,—то, вслѣдствіе подобныхъ же историческихъ причинъ, дѣятельность заграничныхъ нашихъ ученыхъ, особенно профессоровъ — нѣмцевъ, приглашенныхъ въ наши университеты, была направлена къ философіи. Это было вполнѣ естественно. Главнѣйшее господствующее направленіе въ нѣмецкой наукѣ того времени было философское. Начала философіи проникали всѣ области знанія, всѣ науки, которыя являлись частію одного цѣлаго, звеномъ въ одной духовной цѣпи знанія. Въ началѣ XIX вѣка въ Германіи возникали одна за другою великія философскія системы, поражающія своимъ логическимъ построеніемъ и идеальнымъ синтезомъ всего существующаго, вдвинутаго въ стройныя рамы системы. Ни одна наука не ушла отъ вліянія философіи и не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ Европы; увлеченіе философіей было всеобщее, и заграничные профессора въ нашихъ университетахъ, какую бы науку ни излагали они съ каѳедры, непремѣнно были послѣдователями той или другой системы. Великія имена Канта, Фихте, Шеллинга дѣлались извѣстными русскому юношѣ; даже таинственный, не всѣмъ понятный языкъ тогдашней философіи, мистическій туманъ, закрывавшій ея формулы, за которымъ предчувствовалось что-то свѣтлое, всеобъемлющее и всеразрѣшающее, влекли его къ себѣ, тѣмъ болѣе, что жизнь не представляла ему никакихъ дѣйствительныхъ, реальныхъ интере-

Digitized by Google

совъ, могшихъ заинтересовать его. Нѣтъ сомнѣнія, что философское направленіе первой поры нашихъ университетовъ имѣло глубокое нравственное вліяніе на тогдашнихъ студентовъ.

Философія, въ первые годы существованія нашихъ университетовъ, преподавалась въ нихъ въ очень обширномъ видѣ. Ее любили и профессора и студенты. Ея идеи проникали почти всѣ науки, входившія въ составъ преподаванія; о реализмѣ, о чистомъ опытѣ не могло быть и рѣчи; философія съ своимъ синтезомъ вторгалась и въ науку о природѣ и даже въ медицину. Въ большинствѣ тогдашнихъ университетскихъ рѣчей каждый преподаватель считалъ своимъ долгомъ говорить о философіи, наукѣ наукъ. Одни изъ нихъ являлись поклонниками Канта, другіе—Фихте, третьи—Шеллинга. Впослѣдствіи вся эта философія обречена была на изгнаніе изъ нашихъ университетовъ, какъ продуктъ „лженменнаго разума", по тогдашнему выраженію; но на первыхъ порахъ она сдѣлала много добра для развитія молодыхъ поколѣній студентовъ.

Говорить много о научной дѣятельности профессоровъ того времени было бы большимъ преувеличеніемъ. Въ ту пору начала нашей университетской жизни печатная въ наукѣ дѣятельность нашихъ профессоровъ едва была замѣтна. Положеніе профессоровъ было совсѣмъ другое, чѣмъ теперь. Имъ приходилось очень часто защищать свою науку, посреди окружавшаго ихъ невѣжественнаго общества, говорить о ея пользѣ и значеніи для жизни, твердить ея азы, а потому вся ихъ учено-литературная дѣятельность ограничивается или составленіемъ учебниковъ по своему предмету, или чтеніемъ актовыхъ рѣчей. Въ послѣднихъ, обращенныхъ къ обществу, и выражается общій характеръ науки того времени, о которомъ мы говорили.

Съ тѣмъ же взглядомъ на науку и съ тою же цѣлью познакомить съ нею общество, нѣкоторые изъ тогдашнихъ профессоровъ основывали въ провинціальныхъ городахъ періодическія изданія и заводили литературныя собранія. Дѣйствіе этой періодической печати, особенно въ провинціи, было совершенно ничтожно, но въ литературныхъ кружкахъ при университетахъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли свои печатные, хотя и слабые, органы, поддерживалась связь профессоровъ съ молодымъ поколѣніемъ, и оно заохочивалось къ литературнымъ трудамъ въ духѣ того времени. Въ этихъ литературныхъ кружкахъ замѣчались лучшія изъ молодыхъ силъ, и тѣ, которые обнаруживали въ себѣ любовь къ наукѣ, охотно оставлялись при университетѣ для приготовленія къ профессорству. Число кандидатовъ, магистровъ и докторовъ, т.-е. развитіе университетской науки, увеличивалось съ каждымъ годомъ. Тамъ, гдѣ были лучшіе профес-

сора, оказывалось и больше успѣховъ со стороны студентовъ. Такъ, значительные успѣхи первыхъ студентовъ Казанскаго университета въ наукахъ математическихъ,—успѣхи, о которыхъ съ изумленіемъ вспоминаетъ Бартельсъ въ своихъ запискахъ, происходили отъ достоинства преподаванія его и Литтрова.

Въ этомъ общемъ видѣ представляется намъ собственно научная дѣятельность нашихъ университетовъ, составъ ихъ силъ, ихъ вліяніе на общество и на учащееся въ нихъ молодое поколѣніе. Но университеты того времени имѣли и другую цѣль: они служили центрами, къ которымъ примыкали всѣ училища округа, связанныя съ университетомъ и учебными и административными отношеніями; создавая это положеніе для университетовъ, власть руководствовалась уваженіемъ къ просвѣщенію и тою справедливою мыслію, что въ провинціи, въ мѣстностяхъ глухихъ вообще, только одни университетскіе преподаватели могли быть настоящими судьями въ дѣлѣ просвѣщенія. Безъ университетовъ, которые одни только могли дать хорошихъ преподавателей подчиненныхъ ему заведеній, прочное существованіе послѣднихъ было немыслимо. Едва ли поэтому будутъ справедливы нападенія Карамзина и другихъ, раздѣлявшихъ его образъ мыслей, на правительство Александра за то, что созданіе національнаго образованія оно начало сверху, съ высшихъ органовъ его и не позаботилось о просвѣщеніи народа. Вотъ, напр., какой упрекъ дѣлаетъ Гервинусъ: „Выстроена была блестящая верхушка университетовъ и академій, а необходимый фундаментъ—народныя и элементарныя школы—едва только были начаты; онѣ значились только на бумагѣ“ [1]). Упрекъ этотъ справедливъ безотносительно, но не въ связи съ только-что основанными университетами, безъ вліянія которыхъ долго бы еще дремала въ обществѣ мысль о необходимости просвѣщенія въ народѣ. Правительство Александра, дѣйствительно, ничего не сдѣлало для просвѣщенія народныхъ массъ даже и тогда, когда русскій народъ въ 1812 году принесъ такія великія жертвы отечеству. Это явленіе происходило оттого, что не пришло еще время сознать всю необходимость мысли о просвѣщеніи народа, что само общество не доразвилось до нея, а правительство чувствовало себя безсильнымъ бороться и со зломъ крѣпостного права, и съ произволомъ своихъ собственныхъ административныхъ органовъ, главныхъ охранителей народнаго невѣжества. Власть, принадлежавшая правительству императора Николая, какъ извѣстно, отличалась гораздо большею энергіею, но и она не сдѣлала ничего для образованія народа. Только тогда,

[1]) Gervinus. Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts. Leipzig. 1856. B. II, 704.

Digitized by Google

когда пало крѣпостное состояніе, дѣло народнаго образсванія нѣсколько двинулось впередъ.

Вотъ почему усилія первыхъ нашихъ университетовъ, поставленныхъ при Александрѣ во главѣ народнаго просвѣщенія, не могли имѣть ни силы, ни настойчивости тамъ, гдѣ имъ приходилось имѣть дѣло съ первоначальнымъ образованіемъ народа. Эти усилія разбивались о слишкомъ крѣпкія преграды. Университетамъ приходилось дѣйствовать въ средѣ крайне неблагопріятной для научныхъ занятій, невѣжественной и даже враждебной наукѣ. Тѣмъ не менѣе первымъ нашимъ университетамъ общество должно быть обязано тѣмъ, что они внесли въ него и уваженіе къ труду умственному, и много здравыхъ понятій о воспитаніи. Нельзя утверждать, что они стояли въ обществѣ совершеннымъ особнякомъ, не возбуждая нисколько его сочувствія. Обществу, по крайней мѣрѣ высшему, было хорошо извѣстно то значеніе, какое Александръ придавалъ наукѣ и просвѣщенію вообще, положивъ ихъ въ основаніе всѣхъ предполагаемыхъ имъ реформъ, а потому оно, въ лицѣ своихъ представителей, не могло не отозваться сочувственно на все то, что заводимо было въ государствѣ для просвѣщенія. Ни одно время въ нашей исторіи не отличается такимъ множествомъ пожертвованій на образованіе, какъ это время. Въ особенности много шуму надѣлало пожертвованіе богача Демидова и деньгами, и имѣніемъ, и библіотекою, и кабинетами, всего на сумму до милліона рублей,—пожертвованіе, сдѣланное имъ въ пользу университета Московскаго и другихъ, предположенныхъ къ открытію, и для основанія высшаго училища, получившаго названіе Демидовскаго Лицея. Демидовъ писалъ къ Завадовскому, что къ пожертвованію его возбудили „Предварительныя Правила Народнаго Просвѣщенія", изданныя въ 1803 году. Другое подобное пожертвованіе сдѣлано было дворянствомъ Харьковскимъ въ пользу своего университета, въ количествѣ 400 т. р. Было множество мелкихъ пожертвованій, сдѣланныхъ лицами высшаго сословія въ пользу университетовъ и школъ, имъ подчиненныхъ по разнымъ губерніямъ: Потоцкимъ, Безбородкомъ, Голицынымъ, Дашковою и др. Сумма этихъ пожертвованій была весьма значительна. Не забудемъ, что ко времени же императора Александра относятся и богатыя пожертвованія, сдѣланныя графомъ Н. П. Румянцевымъ, на счетъ котораго были предприняты изданія, обогатившія тогда науку русской исторіи.

Внутренняя жизнь и распорядокъ нашихъ университетовъ въ Александровское время представляетъ много оригинальныхъ чертъ, и онѣ были отчасти подмѣчены нашею мемуарною литературою, несмотря на ея бѣдность, отчасти сохранились во множествѣ дѣлъ университетскихъ архивовъ, важныхъ для историка просвѣщенія. Поло-

Digitized by Google

женіе университета было и независимо и почетно въ обществѣ; отъ него вполнѣ зависѣло сохранить это положеніе.

Но, какъ это часто бывало и въ послѣдующіе, болѣе зрѣлые годы университетской жизни, корпорація профессоровъ представляла изъ себя неутѣшительное зрѣлище борьбы партій. Она мѣшала спокойному занятію наукой, и, къ сожалѣнію, въ борьбѣ этой наука и забывалась и оскорблялась. Главною причиною борьбы тогдашнихъ университетскихъ партій была племенная вражда, отголоски которой сохранились до сороковыхъ и до пятидесятыхъ годовъ, а тогда, когда нѣмцевъ и, вообще, иностранцевъ въ университетахъ было болѣе, чѣмъ русскихъ, эта вражда была естественно сильнѣе. Иностранцы составляли тогда совершенно отдѣльную колонію, не похожую на все, ихъ окружавшее, и по языку, и по обычаямъ, и по развитію. Съ ними завязывалась борьба партіи русскихъ, и часто споры и ссоры останавливали ходъ университетскихъ дѣлъ. Между иностранцами, конечно, много было превосходныхъ людей, принесшихъ пользу странѣ, ихъ призвавшей: нѣкоторыя имена ихъ нами упомянуты; но были и такіе, которые оставляли свое отечество только изъ матеріальныхъ выгодъ и думали только о нихъ однѣхъ. Многіе изъ нихъ безстыдно грабили казну въ свою пользу. Конечно, нельзя сказать и о русскихъ профессорахъ, чтобы они отличались полнымъ безкорыстіемъ; воспоминанія современниковъ и архивныя дѣла могутъ раскрыть довольно отвратительной грязи; стоитъ только вспомнить о богатыхъ студентахъ-нахлѣбникахъ у профессоровъ, преимущественно изъ юридическаго факультета, о разныхъ экзаменахъ на ученыя степени, о писаніи кандидатскихъ диссертацій и т. п., для убѣжденія, что много было печальныхъ сторонъ въ частностяхъ благотворной для жизни Россіи реформы народнаго просвѣщенія. Къ этому надобно присоединить извѣстный указъ 6 августа 1809 года, изданный по проекту Сперанскаго съ благою цѣлью поднять уровень образованія и знаній въ средѣ чиновничьяго міра. По этому указу никто не могъ быть произведенъ въ чинъ коллежскаго ассесора или статскаго совѣтника, не выдержавъ въ университетѣ, если въ немъ не учился, особаго экзамена на эти чины. Указъ этотъ вызвалъ въ тогдашнемъ обществѣ много и смѣшныхъ и печальныхъ явленій. Нашлись профессора, которые не стыдились брать взятки съ экзаменующихся чиновниковъ, часто покрытыхъ сѣдинами. Этотъ неожиданный источникъ университетскихъ доходовъ поселилъ еще больше вражды между существовавшими уже партіями; тутъ люди, призванные къ дѣлу науки, грызлись изъ за кости. Русскіе профессора того времени отличались рабскими свойствами: чинопочитаніемъ, крючкотворствомъ, инсинуаціями всякаго рода противъ чести товарища и т. п. Нѣмцы, разумѣется, не

Digitized by Google

отставали, и передъ обществомъ провинціальнымъ, въ которомъ тогда не было ни жизни, ни развлеченій, завязывалась, на потѣху его, непристойная вражда. Нравы самого этого общества часто ставили его въ оригинальныя отношенія къ университету, теперь немыслимыя.

Нравы университетской молодежи того времени, при ея незначительномъ числѣ и при корпоративномъ духѣ, неизбѣжно связанномъ съ мундиромъ и шпагой, выдѣлялись тогда рѣзче на фонѣ общественной жизни, хотя неминуемо должны были носить на себѣ отпечатокъ ея содержанія. Эта молодежь, по своимъ духовнымъ стремленіямъ, стояла тогда въ извѣстной мѣрѣ выше общества. Современники сохранили прекрасныя воспоминанія о своей жизни въ прежнихъ университетахъ и съ восторгомъ говорятъ о томъ, какъ много добрыхъ началъ вынесли они изъ нея въ жизнь дѣйствительную. Бѣдности было тогда меньше въ университетахъ; учились или люди достаточные, или бѣдняки на полномъ университетскомъ хозяйствѣ, которое вполнѣ обезпечивало матеріальную жизнь студента, а потому и не встрѣчалось тогда той жадной погони за деньгами, которая, къ стыду общества, дѣлаетъ изъ молодого человѣка промышленника.

Въ то время, подъ общимъ вѣяніемъ идей, возбужденныхъ въ началѣ царствованія Александра, и его собственныхъ гуманныхъ стремленій, сама власть относилась гораздо снисходительнѣе къ университетской молодежи, чтобъ удержать ее въ предѣлахъ долга и обязанностей. Она прибѣгала къ нравственному вліянію, къ убѣжденіямъ, къ совѣтамъ, старалась возбудить и поддержать въ молодыхъ людяхъ чувство чести, и студенты перваго времени были лучше и чище, чѣмъ тогда, когда, подъ вліяніемъ реакціи, стали вводиться въ университеты репрессивныя мѣры Магницкихъ, Руничей и др.

Въ такомъ видѣ представляется намъ главная реформа первой, лучшей поры царствованія Александра, имѣвшая непосредственное вліяніе на возбужденіе мысли и литературной дѣятельности въ обществѣ. Правительство не ограничилось этимъ; оно обратило заботы свои и на другія образовательныя учрежденія: Россійскую Академію, Вольное Экономическое общество. Медико-Хирургическую Академію, Академію Художествъ, Академію Наукъ и пр. Ихъ уставы были расширены, штаты увеличены; они призывались къ новой жизни. Императоръ покровительствовалъ открытію ученыхъ и литературныхъ обществъ, покровительствовалъ вообще наукѣ и литературѣ, щедро раздавая ученымъ и писателямъ ордена, награды, пенсіи. Его цѣль была вызвать образованіе, создать науку, двинуть мысль, чтобъ она помогала общественному развитію, а для этого надобно было освободить ее отъ разныхъ произвольныхъ и стѣснительныхъ мѣръ, суще-

Digitized by Google

ствовавшихъ въ то время. Вопросъ о цензурѣ и о гарантіяхъ литературной мысли возникалъ самъ собою.

ЛЕКЦІЯ VIII.

Цензура и ея значеніе въ русской литературѣ. — Пушкинъ о цензорѣ Александровскаго времени.—Цензура при Екатеринѣ II и отзывъ о ней Радищева.

Говорить о русской литературѣ, не упоминая о неизбѣжныхъ условіяхъ, въ которыя она поставлена, значило бы высказывать очень невѣрныя сужденія. Между разными жизненными явленіями, въ зависимости отъ которыхъ она находится, есть одно, перенесенное изъ Европы. Я говорю о цензурѣ. Кому неизвѣстна та внутренняя связь, какая существуетъ между литературными явленіями и цензурою? Кто не слыхалъ о временахъ безсмысленнаго преслѣдованія мысли, когда цензура дѣлалась жестокимъ орудіемъ полнаго презрѣнія къ странѣ и народу, неуваженія ея мысли и внутренней жизни? Были эпохи и въ русской духовной жизни, когда литература чуть дышала подъ гнетомъ и преслѣдованіями цензоровъ, когда существованіе ея было едва замѣтно, когда въ ней убивалась всякая, даже невинная мысль, преслѣдовалось, напр., стихотвореніе самаго благонамѣреннаго поэта потому только, что слишкомъ осторожному цензору вдругъ вздумалось видѣть въ немъ намеки на что-то, ни для кого неясное. Бывали и такія эпохи, когда тяжелая рука цензора дѣлалась легче, обращалась нѣжнѣе съ литературными произведеніями, и мысль становилась бодрѣе, и слово произносилось громче, звучнѣе. Направленіе цензуры, ея строгость и снисходительность зависѣли вполнѣ отъ направленія, господствовавшаго въ правительствѣ; цензура—это его послушное орудіе, слѣпая исполнительница его воли. Исторія нашей литературы не можетъ представлять вполнѣ свободнаго и самостоятельнаго развитія, ея голосъ часто былъ полузадавленъ, и жизнь мысли спутывалась и переплеталась съ анекдотами о цензурѣ. Общественное развитіе Россіи привело впослѣдствіи правительство къ убѣжденію во вредѣ предварительной цензуры; оно замѣнило ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ называемой карательной, гдѣ преступленіе печати не предупреждается, а наказывается судомъ, гдѣ литературѣ предоставлено право самозащиты. Безъ сомнѣнія, власть руководствовалась въ этомъ случаѣ уваженіемъ къ литературѣ и къ тому положенію, которое она заняла теперь въ обществѣ, способствуя его развитію и помогая самому правительству въ его начинаніяхъ. Власть хотѣла освободить мысль и литературу отъ произвола. Произволъ этотъ былъ

Digitized by Google

безграниченъ. Вотъ какъ Пушкинъ характеризуетъ его въ одномъ изъ своихъ энергическихъ обращеній къ цензору:

„А ты, глупецъ и трусъ! Что дѣлаешь ты съ нами?
Гдѣ должно бъ умствовать, ты хлопаешь глазами.
Не понимая насъ, мараешь и дерешь,
И чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру—пасквилемъ, поэзію—развратомъ,
Гласъ правды—мятежомъ, Куницына—Маратомъ.
Рѣшилъ, а тамъ поди, хоть на тебя проси.
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебѣ, не видимъ книгъ доселѣ?
И, если говорить задумаютъ о дѣлѣ,
То, славу русскую и здравый умъ любя.
Самъ Государь велитъ печатать безъ тебя...
...О, варваръ! Кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ;
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца „Пировъ“ [1]), столь чистый, благородный,
Ничто не трогаетъ души твоей холодной.
На все кидаешь ты косой, невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ, во всемъ ты видишь ядъ“.

Самое положеніе цензора было оригинально:

„Все правда,—скажешь ты, не стану спорить съ вами,
Но можно ль цензору по совѣсти судить?
Я долженъ то того, то этого щадить,
Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу.
Читаю, да крещусь, мараю на удачу;
На все есть мода, вкусъ. Бывало, напримѣръ,
У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ;
А нынче и Миллотъ [2]) попался въ наши сѣти.
Я бѣдный человѣкъ; къ тому жъ жена и дѣти“...[3]).

Зависимое положеніе литературы естественно должно было оказать вредное вліяніе на ея духъ и содержаніе. Могла ли она имѣть какое либо значеніе, могъ ли голосъ ея быть властнымъ и громкимъ, когда случалось, что авторъ, отдавъ свою рукопись въ журналъ, потомъ не узнавалъ въ печати собственной статьи своей? Литература была робка и зависима.

Невыгодное положеніе нашей литературы, сравнительно съ богатыми и вліятельными литературами Европы, по отношенію къ цен-

---

[1]) Баратынскаго.
[2]) Всеобщая исторія аббата Миллота, 14 ч., Спб. 1820.
[3]) Соч. А. Пушкина. Первое посланіе къ цензору.

Digitized by Google

зурѣ, состояло въ томъ, что въ странахъ западныхъ и мысль, и слово, и свобода совѣсти, т.-е. свобода религіозная, успѣли развиться прежде, чѣмъ утвердилась центральная правительственная власть. Всѣ эти явленія духовной жизни націи окрѣпли въ независимости отъ нея, и ей уже трудно было бороться съ національнымъ достояніемъ, дорого стоившимъ народу. У насъ литература явилась въ обществѣ только тогда, когда приняла въ ней участіе сама власть; ее встрѣтили снисходительно, но власть, имѣя передъ глазами опыть европейскихъ правительствъ, которыя ожесточенно боролись съ мыслію въ XVIII вѣкѣ, подозрѣвала и у насъ подобныя же уклоненія печати и съ этой цѣлью установила очень рано цензуру, забывая, что содержаніе нашей общественной жизни вообще было слабо, что литература ограничивалась интересами чисто художественными, не касаясь вовсе сколько-нибудь современныхъ вопросовъ.

Слово у насъ всегда было ограничено. Даже съ Петра В. старались сначала предупредить разномысліе религіозное, потомъ эта система ограниченія печати распространилась мало по малу и на сферы жизни гражданской. Екатерина, воспитанная въ идеяхъ свободной философіи вѣка, въ первые годы вступленія своего на престолъ старалась смотрѣть съ уваженіемъ на мысль и слово, въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ какихъ они могли существовать тогда въ Россіи. Доказательствомъ этого тогдашняго взгляда ея могутъ служить нѣкоторыя мѣста „Наказа“ и кратковременное развитіе журнальной сатирической литературы. Но самовластная Екатерина умѣла сдерживать всякое поползновеніе на большую свободу выраженія, и не прибѣгая къ организованной цензурѣ. Такъ, она допустила „вольныя типографіи“, какъ допускаютъ фабрики и рукодѣлія, на общихъ основаніяхъ, и этотъ совершенно естественный фактъ приводилъ въ восторгъ современниковъ. Надзоръ за ними и за печатаемыми въ нихъ книгами былъ ввѣренъ общей полиціи, а въ столицахъ — управамъ благочинія. Но вольныя типографіи скоро возбудили къ себѣ подозрѣніе Екатерины издательскою дѣятельностію Новикова, у котораго книги были отняты, а самъ онъ заключенъ въ крѣпость. Надѣлавшее столько шума появленіе книги Радищева, напечатанной, съ нарушеніемъ тогдашнихъ цензурныхъ правилъ, въ собственной типографіи автора, и успѣхи французской революціи увеличили еще болѣе подозрительность Екатерины; вольныя типографіи были закрыты, строгость внутренней цензуры была усилена, а въ различныхъ пограничныхъ пунктахъ учреждены были цензурныя управленія для разсмотрѣнія иностранныхъ книгъ, ввозимыхъ въ Россію, чего прежде не было. Причиною этого, кромѣ страха революціи, было и то обстоятельство, что свободная французская печать того времени слишкомъ

Google

безцеремонно обращалась съ личностью самой Екатерины и не щадила ея частной жизни. Какъ отозвались на обществѣ эти стѣсненія, намъ не извѣстно; но, по свидѣтельству Шторха, строгое преслѣдованіе ввозимыхъ въ Россію иностранныхъ книгъ не достигало своей цѣли. „Строгость преслѣдованія, говоритъ онъ, именно была причиною, почему стоило рисковать ввозомъ самыхъ пикантныхъ сочиненій изъ подверженныхъ запрещенію; къ намъ привозились именно тѣ сочиненія, по поводу которыхъ состоялось запрещеніе. Нѣсколько книгопродавцевъ, между которыми были эмигранты, занимались этою выгодною торговлею съ чрезвычайною смѣлостью. Ихъ магазины почти всѣмъ были извѣстны, но однако не нашлось ни одного доносчика". До насъ дошелъ энергическій голосъ изъ конца царствованія Екатерины противъ всякаго цензурнаго стѣсненія мысли и слова. Онъ принадлежитъ Радищеву. Его рѣзкія нападенія на цензуру находятся въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву". Радищевъ понимаетъ, что дозволеніе, данное Екатериною, заводить вольныя типографіи— значитъ немного, при существованіи цензуры. „Теперь свобода имѣть всякому орудія печатанія; но то, что печатать можно, состоитъ подъ опекою. Цензура сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, которые ходятъ на помочахъ, отъ чего у нихъ бываютъ нерѣдко кривыя ноги. Гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтные, незрѣлые разумы, которые собою править не могутъ. Если же всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долженъ ходить на помочахъ и совершенной на возрастѣ будетъ калѣка. Таковы бываютъ вездѣ слѣдствія обыкновенной цензуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствія ея пагубнѣе" [1]) Радищевъ возстаетъ противъ тогдашней цензуры, ввѣренной управѣ благочинія. „Одинъ несмысленный уредникъ благочинія, говоритъ онъ, можетъ сдѣлать величайшій просвѣщенію вредъ и на многія лѣта остановить шествіе разума, запретя полезное изобрѣтеніе, новую мысль и лишивъ всѣхъ чрезъ то великаго". „Мундирный цензоръ, по его выраженію, есть самый жестокій врачъ просвѣщенію". Радищевъ исходитъ изъ понятій, высказанныхъ „Наказомъ" Екатерины: „Слова не суть дѣянія, размышленія жъ не преступленія", и требуетъ полной свободы для печатнаго слова во всемъ, доказывая вредъ цензуры. По его убѣжденію она, своими запрещеніями, защищаетъ не Бога, не нравственность, не личность, но незаконную власть, по робкое правительство, для котораго страшна всякая вольность мыслей. Общій выводъ его заключается въ слѣдующемъ:

[1]) О поврежденіи нравовъ въ Россіи, князя М. Щербатова, и Путешествіе А. Радищева. Съ предисловіемъ Искандера. Лондонъ. 1858. стр. 247—49.

Digitized by Google

„Цензура печатаемаго принадлежитъ обществу; оно даетъ сочинителю вѣнецъ или употребитъ листы на обертки; равно какъ одобреніе театральному сочиненію даетъ публика, а не директоръ театра. Наистрожайшая полиція не можетъ такъ запретить дурныхъ мыслей, какъ негодующая публика". „Если свободно всякому мыслить и мысли свои объявлять всѣмъ невозбранно, то естественно, что все придуманное и изобрѣтенное будетъ извѣстно; великое будетъ велико и истина не затмится. Правители народовъ не дерзнутъ удалиться отъ стези правды и убоятся: ибо пути ихъ злости и ухищренія обнажатся. Вострепещетъ судія, подписывая неправедный приговоръ, и раздеретъ его. Устыдится имѣющій власть управлять ею только на удовлетвореніе своихъ прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежомъ, прикрытое убійство убійствомъ. Убоятся всѣ злые строгаго взора истины. Спокойствіе будетъ дѣйствительно, ибо не будетъ въ немъ заквасу. Нынѣ поверхность только гладка, но илъ на днѣ лежащій мутится и тмитъ прозрачность воды" [1]). Въ заключеніе Радищевъ представляетъ съ этой же свободной точки зрѣнія краткую исторію цензуры въ древности и въ европейскихъ государствахъ.

Эти *мысли* Радищева далеко опередили и время и общество, къ которому принадлежалъ Радищевъ.

Императоръ Павелъ въ теченіе кратковременнаго своего царствованія отличался еще большею ненавистью къ французской революціи, чѣмъ Екатерина. Во Франціи, въ ея литературѣ, видѣли источникъ зла, тотъ ядъ, который разливается по умамъ. Въ одномъ изъ указовъ Павла прямо говорится (II. С. З. XXV, № 18524), что правительство французское „старается распространить посредствомъ сочиненій свои безбожныя правила; они заключаются въ сочиненіяхъ и газетахъ. Газетчики, съ своей стороны, отступаютъ отъ прямой цѣли должности своей и ищутъ подражать имъ и къ сожалѣнію власти нѣкоторыя взираютъ на сіе съ спокойнымъ духомъ". Павелъ видѣлъ, что запрещеніе тѣхъ или другихъ сочиненій не вело ни къ чему, и именно попадали въ Россію сочиненія запрещенныя, а потому и рѣшился запретить указомъ ввозъ въ Россію всего печатнаго, даже нотъ [1]). Первымъ изъ дѣйствій Александра, по вступленіи на престолъ, было возстановить прежній порядокъ вещей въ этомъ отно-

---

[1]) Ibid. стр. 25.

[1]) „Такъ какъ чрезъ ввозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ, впредь до указа, повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку" (Полн. Собр. Зак. т. XXVI № 19387).

Digitized by Google

шеніи. Внутренняя цензура сочиненій при Павлѣ отличалась самымъ крайнимъ произволомъ; въ ея дѣйствіяхъ не было ничего опредѣленнаго и разумнаго, гнетъ лежалъ на умахъ и литературѣ того времени, которая безмолвствовала. Карамзинъ, издававшій въ 1798 году свой невинный „Пантеонъ иностранной словесности", въ которомъ онъ помѣщалъ переводныя статьи изъ нѣкоторыхъ французскихъ писателей, горько жаловался въ письмахъ своихъ къ И. И. Дмитріеву на притѣсненіе тогдашней цензуры. „Я перевелъ нѣсколько рѣчей изъ Демосѳена, пишетъ онъ, которыя могли бы украсить „Пантеонъ"; но цензоры говорятъ, что Демосѳенъ былъ республиканецъ, и что такихъ авторовъ переводить не должно, и Цицерона также и Саллюстія также... grand Dieu! Что же выдетъ изъ моего Пантеона?..

Если бы экономическія обстоятельства не заставляли меня имѣть дѣло съ типографіей, то я, положивъ руку на алтарь Музъ и заплакавъ горько, поклялся бы не служить имъ болѣе ни сочиненіями, ни переводами [1])... Цензура, какъ черный медвѣдь стоитъ на дорогѣ; къ самымъ бездѣлицамъ придираются. Я, кажется, и самъ могу знать, что позволено и что не должно позволять; досадно, когда въ безгрѣшномъ находятъ грѣшное" [2]).

Въ новыхъ изданіяхъ прежняго цензоры вымарывали и поправляли въ запуски другъ передъ другомъ. Такъ, въ Ригѣ, напр., былъ запрещенъ къ напечатанію нѣмецкій переводъ „Писемъ Русскаго путешественника" Карамзина [3]). Державинъ въ своихъ „Запискахъ" также жалуется на строгости цензуры при Павлѣ. За нѣсколько стиховъ въ одѣ на „Рожденіе Михаила Павловича" въ обществѣ разнеслась молва, что его сошлютъ, и друзья его отвернулись отъ него... Московская цензура въ одѣ „Изображеніе Фелицы" не пропустила два стиха: „Самодержавства скиптръ желѣзный Моей щедротой позлащу" и едва согласилась оставить для нихъ пустое мѣсто [4]). Императоръ Павелъ, въ оригинальной заботѣ о русскомъ языкѣ, издалъ даже Высочайшее повелѣніе, въ которомъ одни русскія слова замѣнялись другими и запрещалось употребленіе нѣкоторыхъ. Такъ, между прочимъ, слово *общество* не велѣно было вовсе писать и печатать, а слова: *граждане* и *отечество* замѣнялись словами жители или обыватели и государство. Цензоры обязаны были строго смотрѣть за этимъ [5]). Преслѣдованіе тѣхъ или другихъ книгъ происходило случайно и не было ни на чемъ основано. Такъ, въ 1799 году по Вы-

---

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву СПБ. 1866, с. 97.
[2]) Ibid. 90.
[3]) Ibid. с. 115.
[4]) Державинъ. Соч. VI ст. 747—749.
[5]) Русс. Стар. 1871, ст. 531—532.

Digitized by Google

сочайшему повелѣнію С.-Петербургскимъ Военнымъ Губернаторомъ Паленомъ были отобраны изъ книжныхъ лавокъ и истреблены 1211 экз. „Ябеды" комедіи Капниста. Съ восшествіемъ на престолъ Александра должны были восторжествовать по отношенію къ печатному слово и къ мысли иныя болѣе гуманныя начала. Возстановленъ былъ на первыхъ порахъ цензурный порядокъ, существовавшій при Екатеринѣ. Но опредѣлить точнѣе отношеніе печатнаго слова къ государству и необходима ли вообще или нѣтъ—цензура, Александръ предоставилъ тому же учрежденію, которое составило планъ просвѣщенія цѣлой страны — Главному Правленію Училищъ. Либеральные члены его смотрѣли на цензуру, какъ на печальную необходимость; видѣли въ ней стѣсненіе мысли и вообще дѣятельности разума. Вліяніе свободныхъ идей XVIII вѣка и общій восторгъ, произведенный въ обществѣ воцареніемъ Александра и его первыми освободительными указами, господствовалъ и въ Главномъ Правленіи Училищъ. Можно было думать и надѣяться, что слову дана будетъ безусловная свобода, особенно когда Новосильцевъ по поводу устава о книгопечатаніи предлагалъ ввести къ намъ датское законоположеніе. Извѣстно, что датскій король Христіанъ VII (1766—1808), подъ вліяніемъ знаменитаго министра своего, потомъ казненнаго графа Струензе, воспитанника свободныхъ стремленій и духа философіи XVIII вѣка, далъ полную свободу печатному слову въ своемъ государствѣ. Манифестъ его по этому поводу говорилъ: „Находя въ высшей степени вреднымъ для безпристрастнаго изслѣдованія истины и открытія закоренѣлыхъ заблужденій и предразсудковъ запрещеніе гражданамъ, одушевленнымъ любовью къ отечеству и къ общему благу, свободно высказывать свои убѣжденія и обличать злоупотребленія и предразсудки, мы рѣшились дать неограниченную свободу книгопечатанію и окончательно уничтожить всякаго рода цензуру [1]). Но этотъ манифестъ былъ только временнымъ увлеченіемъ и имѣлъ силу недолго. Съ паденіемъ Струензе начались преслѣдованія мысли и писателей. Новый манифестъ, изданный въ 1799 году, хотя и говорилъ о свободѣ книгопечатанія, но указывалъ также и на пагубныя слѣдствія ея и установлялъ для нея разныя препятствія и ограниченія въ положительномъ законѣ, который назначалъ различныя кары и наказанія, и притомъ весьма строгія, за злоупотребленія печатнымъ словомъ. Слѣдовательно датскій законъ былъ законъ о цензурѣ карательной, т.-е. преслѣдовалъ преступленіе печати судомъ, и члены Правленія Училищъ, которымъ Новосильцевъ представилъ переводъ датскаго закона, просили его же написать, примѣнялсь къ нему, и русское законо-

[1]) Сухомлиновъ, Изслѣд. статьи, т. I, с. 405.

Digitized by Google

положеніе, что и было сдѣлано Новосильцевымъ; но свободное книгопечатаніе не распространялось однако на книги духовнаго содержанія, наблюденіе за которыми попрежнему было предоставлено Св. Синоду. Разсматривая этотъ проектъ, члены Главнаго Правленія Училищъ пришли къ убѣжденію, что устройство у насъ цензурныхъ комитетовъ скорѣе поведетъ къ цѣли, чѣмъ законоположеніе, подобное датскому. Они думали, что преслѣдованіе судомъ не вполнѣ предохраняетъ общество отъ вреда, наносимаго книгою, что полная свобода печати, въ соединеніи съ строгой отвѣтственностью по суду, убьетъ русскую литературу въ самомъ зародышѣ, и многія личности совсѣмъ не рискнутъ выйти на литературную арену подъ такими тяжелыми, грозящими условіями и что, наконецъ, весьма затруднителенъ судебный приговоръ надъ книгою за неимѣніемъ компетентныхъ для того судей. Учрежденіе цензурныхъ комитетовъ представляло гораздо больше удобствъ въ этомъ отношеніи; но чтобъ оградить сочиненіе и спасти мысль отъ произвольныхъ толкованій мнительнаго или робкаго цензора, должны быть составлены подробныя наставленія и правила для цензоровъ, ограждающія мысль. Въ такомъ видѣ цензура предупредительная почти не будетъ отличаться отъ датскаго закона о свободномъ книгопечатаніи. Проектъ такихъ постановленій о цензурѣ былъ составленъ, по порученію Гл. Пр. Училищъ, академиками Озерецковскимъ и Фусомъ, и изъ него образовался цензурный уставъ 1804 года, просуществовавшій до 1826 года. Это былъ самый мягкій изъ всѣхъ нашихъ цензурныхъ уставовъ, по крайней мѣрѣ онъ былъ составленъ съ цѣлію дать большій просторъ мысли и печатному слову, былъ выраженіемъ лучшей поры царствованія Александра. Цензурный комитетъ, по этому уставу, тогда только могъ преслѣдовать автора, когда въ его сочиненіи отвергалось положительно бытіе Божіе, когда авторъ возставалъ противъ вѣры и законовъ отечества, оскорблялъ верховную власть и высказывалъ мысли, совершенно противныя духу общественнаго порядка и спокойствія (§ 19). Уваженіе устава къ свободѣ научнаго изслѣдованія выразилось въ слѣдующихъ словахъ (§ 22): „Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законодательства, государственнаго управленія или какой бы то ни было отрасли правительства, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою печати, возвышающею успѣхи просвѣщенія“. Уставъ требовалъ отъ цензора совершеннаго безпристрастія и снисхожденія даже въ тѣхъ случаяхъ цензурныхъ, въ тѣхъ мѣстахъ сочиненія, которыя могли бы показаться сомнительными: „Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ“, говоритъ § 21, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное

Digitized by Google

выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать". Гуманнѣе этого, конечно, трудно было что либо придумать въ то время.

Уставомъ 1804 года остались довольны всѣ; послѣ недавнихъ строгостей цензуры, его мягкое отношеніе къ печатному слову и уваженіе мысли обрадовали писателей. Уставъ этотъ обѣщалъ быстрое развитіе и успѣхи литературы, и дѣйствительно, въ первые годы жизни цензурнаго устава 1804 г. между литературою и цензурою вовсе не видно разлада: онѣ помогаютъ какъ бы другъ другу. Конечно, были тогда въ обществѣ люди, которые шли гораздо дальше умѣренныхъ постановленій устава и становились на точку зрѣнія Радищева. Таковъ былъ неизвѣстный авторъ „Записки", представленной въ Гл. Пр. Училищъ [1]), требовавшей освобожденія печатнаго слова отъ всякаго рода цензуры. Авторъ доказываетъ здѣсь ничтожность русской литературы, безсиліе, слабость въ ней мысли; даже въ переводахъ философскихъ сочиненій, говоритъ отъ, рука русскаго цензора умѣла убить ихъ духъ. Съ большой энергіей и силою убѣжденія доказываетъ авторъ благія и прочныя слѣдствія свободы печати, доказываетъ, что вредъ отъ нея и случаенъ и скоропреходящъ, что строгость цензуры истребляетъ въ сердцѣ искренность, любовь къ истинѣ, задерживаетъ ходъ просвѣщенія, а что, напротивъ того, свобода мыслить и писать есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ къ возвышенію народнаго духа и пр. Записка эта не имѣла вліянія и составители устава были гораздо умѣреннѣе и не шли такъ далеко. Но и ихъ дѣло удовлетворяло потребностямъ времени и желаніямъ большинства.

ЛЕКЦІЯ IX.

Проектъ Баккаревича. С.-Петербургскій журналъ. Начало литературной дѣятельности Карамзина.

На первыхъ порахъ цензурный уставъ 1804 года, а скорѣе всего общій духъ времени и потребности общества вызвали появленіе *періодической литературы*.

Понятно, что правительство Александра не должно было чуждаться періодической печати, а стараться вызвать ее и развить. У насъ есть несомнѣнныя доказательства, что оно, а главнымъ образомъ молодые администраторы и въ ихъ числѣ первый министръ внутрен-

[1]) Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи просв. с. 18—21.

Digitized by Google

нихъ дѣлъ, Кочубей, сильно желали обсужденія дѣйствій власти, какъ это дѣлается во всѣхъ странахъ съ болѣе свободною печатью. Они были убѣждены, что правительство должно вести свои дѣла открыто, не скрывая отъ публики своихъ дѣйствій, и желали, чтобы въ странѣ развивалось и окрѣпло общественное мнѣніе, безъ котораго немыслима правильная государственная жизнь. Это доказывается тѣми оффиціальными періодическими журналами, которые стали появляться вслѣдъ за утвержденіемъ цензурнаго устава, опредѣлившаго болѣе правильнымъ и раціональнымъ образомъ отношенія печати. Самый этотъ уставъ цензурный былъ написанъ съ цѣлію вызвать общественное мнѣніе и дать свободу мысли. Тогдашнее правительство Александра желало поддержки и сочувствія людей мыслящихъ, которые могли бы объяснить обществу путемъ печати значеніе новыхъ мѣръ, предпринятыхъ для обновленія Россіи.

Что мыслящіе люди понимали это новое значеніе печатнаго слова, видно изъ проекта бывшаго адъюнкта Московскаго университета *Баккаревича*, составившаго еще до утвержденія цензурнаго устава, планъ обширнаго періодическаго изданія, которое онъ думалъ назвать „правительственнымъ журналомъ“. Планъ Баккаревича былъ очень широкъ и никогда впослѣдствіи не былъ исполненъ въ такой широтѣ. По этому плану въ предполагаемый журналъ должна была войти въ полной гласности вся внѣшняя и внутренняя жизнь государства. Въ составъ его входили всѣ государственные акты и бумаги, всѣ новые законы и уставы, отчеты министровъ и реляціи полководцевъ, примѣчательнѣйшія письма къ государю или знаменитымъ государственнымъ особамъ, голоса и мнѣнія сенаторовъ по важнымъ дѣламъ, примѣчательнѣйшія тяжбы и уголовные процессы и проч.

Предполагалось далѣе помѣщать въ журналѣ краткія біографіи великихъ россійскихъ патріотовъ и героевъ, прославившихъ или спасшихъ отечество; затѣмъ всѣ новые, одобренные проекты, всѣ новыя полезныя открытія всякаго рода, всѣ разсужденія, имѣющія отношенія къ общественной пользѣ, всякія патріотическія мысли, всякія характеристическія черты россійскаго народа, примѣры добродѣтели и проч. „Словомъ, говоритъ составитель этого проекта, это будетъ хранилище всѣхъ домашнихъ, такъ сказать, важнѣйшихъ государственныхъ происшествій“. Проектъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ и дающій намъ понятіе о томъ, какъ понимали мыслящіе люди новую жизнь Россіи и чего ждали отъ нея. Сочинитель проекта смотрѣлъ на предполагаемое изданіе нѣсколько съ научной точки зрѣнія; онъ полагалъ, что его изданіе будетъ чѣмъ-то въ родѣ архива или сборника матеріаловъ для будущихъ русскихъ историковъ. „Ро-

Digitized by Google

дится, писалъ онъ, россійскій Тацитъ, россійскій Робертсонъ и найдетъ въ семъ обширномъ хранилищѣ богатый запасъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ". Журналъ такой поэтому долженъ былъ имѣть важное значеніе, и редактору его Баккаревичъ полагалъ представить званіе „исторіографа россійской имперіи". Матеріалы въ журналъ должны доставляться отъ министровъ и главноуправляющихъ разными частями государственнаго управленія.

Замѣчательный проектъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Баккаревичъ представилъ его черезъ Новосильцева министру народнаго просвѣщенія, которому и должно было быть подчинено все изданіе. Но Завадовскій, человѣкъ, какъ мы знаемъ, мало заинтересованный въ новой государственной жизни, современникъ Екатерины, по лѣтамъ и по связямъ своимъ принадлежащій къ приверженцамъ старины, не одобрилъ изданія и въ докладѣ своемъ государю представлялъ, что едвали можно частному человѣку предоставить право печатать государственные акты и законы, такъ какъ онъ легко можетъ издать ихъ невѣрно и съ ошибками, и что слишкомъ трудно найти людей, довольно способныхъ и просвѣщенныхъ, чтобъ быть редакторомъ такого важнаго и обширнаго изданія и, наконецъ, что еслибъ даже и нашлись подобные люди, то они потребовали бы слишкомъ большого содержанія, почему и самое изданіе едвали бы окупилось [1]). Эти причины, приводимыя Завадовскимъ противъ проекта, очевидно, весьма слабы. По всей вѣроятности была другая причина, гораздо болѣе сильная и уважительная и для государя и для представителей администраціи: это непривычка къ гласности, боязнь ея со стороны тѣхъ лицъ, которыя въ качествѣ начальства были прямо заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Правительство Александра, какъ мы знаемъ, состояло изъ двухъ противоположныхъ и даже враждебныхъ партій, самъ онъ склонялся то въ ту, то въ другую сторону; ни у него, ни у людей, его окружавшихъ, не было опредѣленной системы дѣйствій, единодушія и твердыхъ убѣжденій. Желали, можетъ быть, искренно, гласности, но не имѣли твердости духа рѣшиться на нее. Только одинъ изъ друзей государя, графъ Кочубей, какъ только былъ утвержденъ цензурный уставъ, отчасти осуществилъ широкій планъ Баккаревича въ замѣчательномъ изданіи, выходившемъ съ 1804 года при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подъ названіемъ „С.-Петербургскій Журналъ" (23 ч. 1804—1807 г.).

Что въ обществѣ русскомъ первыхъ годовъ царствованія Александра пробудилось желаніе знакомиться съ вопросами внутренней и внѣшней политики государства, явилась потребность судить о разныхъ

[1]) Истор. свѣд. о ценз. въ Россіи, с. 12.

Digitized by Google

явленіяхъ государственной жизни и интересоваться не одними чисто литературными и эстетическими вопросами въ печати, доказывается замѣчательнымъ успѣхомъ „Вѣстника Европы“, журнала, издававшагося Карамзинымъ въ 1802 и 1803 годахъ, еще при старыхъ цензурныхъ условіяхъ, до появленія новаго цензурнаго устава. Карамзинъ угадалъ въ этомъ журналѣ вкусъ и направленіе публики и потому имѣлъ чрезвычайный по времени успѣхъ, придававшій еще больше извѣстности имени и блеска славѣ этого уже прославленнаго московскаго писателя.

Карамзинъ въ русской литературѣ того времени пользовался уже значительною извѣстностью; въ Москвѣ онъ составлялъ уже центръ литературный, вокругъ котораго группировались и друзья его молодости, бывшіе поклонниками его таланта и убѣжденій, и болѣе молодые его современники, подражавшіе ему и въ слогѣ и въ направленіи и мало по малу успѣвшіе уже образовать вокругъ него школу. Карамзину было уже 36 лѣтъ въ годъ изданія имъ „Вѣстника Европы“; его убѣжденія уже сложились, взгляды установились, и если и замѣтно потомъ незначительное измѣненіе въ нихъ, то измѣненіе это по всей вѣроятности, только кажущееся, мнимое: Карамзинъ былъ слишкомъ осторожный человѣкъ, воспитанъ былъ въ томъ обществѣ, которое боится прямого и откровеннаго выраженія мысли и убѣжденія, и скорѣе скрываетъ ихъ подъ мягкими и красивыми формами выраженія, чѣмъ высказываетъ ихъ. И въ качествѣ публициста Карамзинъ является именно такимъ: онъ мягко и осторожно касается предметовъ обсужденія, но чѣмъ вкрадчивѣе его рѣчь, тѣмъ она сильнѣе дѣйствуетъ и тѣмъ больше находитъ себѣ сторонниковъ. Вліяніе, если не сочиненій, то имени и общественнаго положенія Карамзина, тѣхъ государственныхъ, тѣхъ нравственныхъ, тѣхъ общественныхъ идеаловъ, которые онъ указывалъ и развивалъ въ своихъ сочиненіяхъ, было такъ велико и продолжительно, что вражда противоположныхъ убѣжденій, сталкивавшихся около этого имени, и возвеличиваемаго и ненавидимаго, дошла почти до нашихъ дней. Все это служитъ доказательствомъ значительнаго литературнаго таланта въ Карамзинѣ, а потому мы считаемъ необходимымъ вспомнить прошедшее этого человѣка, хотя въ общемъ краткомъ очеркѣ, пока мы не познакомимся съ нимъ болѣе подробно въ его литературныхъ отношеніяхъ къ новому времени, къ обновленной русской жизни.

Карамзинъ былъ одаренъ отъ природы значительнымъ литературнымъ талантомъ, который обнаружился въ немъ въ ранней молодости, и онъ выступилъ писателемъ въ ту пору своей жизни, когда образованіе его не кончилось, когда онъ не вынесъ изъ него никакихъ твердыхъ началъ и убѣжденій, и сталъ развиваться уже потомъ,

Digitized by Google

подъ вліяніемъ жизненныхъ впечатлѣній. Способность развитія, способность пониманія многаго и значительное общее образованіе вынесъ онъ изъ первоначальной школы своей въ университетскомъ пансіонѣ профессора Шадена и въ массонскомъ обществѣ Новикова и друзей его. Свѣдѣнія, вынесенныя Карамзинымъ изъ пансіона, не были ни глубоки, ни обширны, а стремленія, господствовавшія въ Новиковскомъ обществѣ, были слишкомъ туманны и неопредѣленны, чтобы остановить на себѣ его вниманіе болѣе продолжительное время. Карамзинъ былъ безспорно умный человѣкъ; онъ не могъ не понимать, что въ исторіи человѣческаго духа начиналась новая эпоха, чуждая мистицизму и тѣмъ алхимическимъ таинствамъ и формуламъ, которыми пробавлялись честные, но слабые люди, въ родѣ Новикова и друзей его. Тѣмъ не менѣе вліяніе на Карамзина увлеченій „Дружескаго общества“ сказалось въ немъ въ томъ тоскливомъ, чуждомъ всякой дѣйствительности, мистическомъ отношеніи къ жизни и природѣ, которое составило сущность его литературнаго направленія и извѣстно подъ именемъ сентиментальности. Еще больше, чѣмъ общее европейское литературное направленіе, еще больше, чѣмъ собственный фонъ характера, сказалось въ этомъ направленіи вліяніе Дружескаго общества. Дружескому же обществу Карамзинъ былъ обязанъ своимъ литературнымъ образованіемъ и, главнымъ образомъ, знакомствомъ съ нѣмецкою литературою, что было большою рѣдкостью тогда въ русскомъ обществѣ. Онъ былъ знакомъ также съ явленіями французской и англійской литературы, конечно, безъ связи, безъ системы, съ тѣми писателями, которые считались тогда модными и о которыхъ говорили въ обществѣ Новикова. Едва ли Карамзинъ былъ знакомъ съ тѣми, которыхъ оно не долюбливало. Рано получилъ Карамзинъ и наклонность къ поэзіи, но кому извѣстно, что такое была поэзія въ XVIII вѣкѣ и въ чемъ заключалось ея содержаніе, тотъ пойметъ, что и въ Карамзинѣ она была чѣмъ-то внѣшнимъ и не выражала ни внутренняго состоянія души его, ни его отношеній къ дѣйствительности. Въ его убѣжденіяхъ не могло быть ни твердости, ни стойкости. Его сомнѣніе никогда не доходило до сильнаго и убѣдительнаго скептицизма; его либерализмъ останавливался на полъ-дорогѣ и носилъ дилетантскій характеръ. Надъ всѣмъ этимъ неопредѣленнымъ внутреннимъ міромъ души его былъ разлитъ меланхолическій сентиментальный туманъ и эту сентиментальность онъ искалъ вездѣ въ знакомыхъ ему литературахъ. Положимъ, что многое въ этомъ содержаніи Карамзинскихъ взглядовъ и направленія можетъ быть объяснено внѣшнимъ вліяніемъ, но ни у кого это содержаніе, чуждое дѣйствительности, не выражается такъ полно и съ такимъ талантомъ, какъ у Карамзина. Было однакожъ въ немъ и нѣчто твердое и устой-

Digitized by Google

чивое, что составляло подкладку его убѣжденій и мыслей, когда онъ обращался къ дѣйствительности и начиналъ говорить о ея явленіяхъ. Этими твердыми началами Карамзинъ обязанъ былъ своему дворянскому, помѣщичьему происхожденію. Въ ту пору русское дворянство и не предчувствовало будущей исторіи своей; любимое и лелѣемое Екатериной, которую оно возвело на престолъ, оно представляло изъ себя, какъ выражаются на языкѣ оффиціальномъ, оплотъ трону, было дѣйствительнымъ сословіемъ, съ извѣстными правами и привиллегіями, на которыя только оно одно имѣло въ государствѣ право. Дворянство сознавало ихъ и стояло за нихъ. Въ средѣ его образовалась особая, цѣльная система консервативныхъ идей, которая тоже была его привиллегіей. Карамзинъ, какъ публицистъ, выражалъ эти идеи, и мы увидимъ потомъ, съ какимъ глубокимъ негодованіемъ возставалъ онъ противъ реформъ Сперанскаго, которыя были, разумѣется, гораздо прогрессивнѣе и дальновиднѣе его дворянскихъ идеаловъ. Сперанскій былъ для него и поповичъ и выскочка, какъ многіе болѣе грубые представители сословія и называли его. Русское дворянство, какъ сословіе, существовало не долго; никакихъ политическихъ правъ оно не имѣло, и единственная привиллегія его, владѣніе крѣпостными, пала въ недавнее время. Но въ эпоху развитія Карамзина оно имѣло свой образъ мыслей, свои убѣжденія и они выразились въ тѣхъ статьяхъ, которыя онъ посвящалъ вопросамъ современной русской жизни и дѣйствительности. Съ этой общей литературной подготовкой и съ этими убѣжденіями молодой Карамзинъ отправился заграницу, чтобы окончить свое образованіе, какъ говорили въ то время. Опредѣленныхъ цѣлей, кромѣ литературныхъ знакомствъ и наслажденія красотами природы и искусства, у него не было. Послѣ двухгодового путешествія, Карамзинъ воротился въ Москву и вскорѣ сталъ издавать „Московскій журналъ“, гдѣ помѣщалъ во все время изданія свои знаменитыя „Письма русскаго путешественника“ и повѣсти, которыя тотчасъ же доставили ему литературную извѣстность, значительную популярность, поклонниковъ и подражателей. Въ этотъ періодъ литературной дѣятельности своей, Карамзинъ оказалъ тѣ услуги формальному развитію русской литературы, а отчасти и внутреннему ея содержанію, за которыя онъ пользуется почетнымъ мѣстомъ въ исторіи нашей литературы. Его „Бѣдная Лиза“ съ чувствительнымъ содержаніемъ въ первый разъ раскрыла предъ современнымъ обществомъ внутреннюю жизнь сердца и начала собою сентиментальное направленіе. Изъ міра ходульныхъ страстей и громкихъ трагическихъ тирадъ, которыми наполнялась поэзія наша въ XVIII вѣкѣ, она спустилась къ нѣсколько болѣе простому и болѣе понятному содержанію. Къ сожалѣнію, и здѣсь Карамзинъ отдалъ дань времени и сохранилъ

Digitized by Google

свою исключительность. Онъ старается изобразить нѣжныя чувства, любовь къ природѣ, простой бытъ, но все это совершенно не то, что люди находятъ въ дѣйствительности. Это Аркадія, идиллія, созданная болѣзненнымъ воображеніемъ, и съ этой аристократической точки зрѣнія Карамзинъ смотритъ на все. Спуститься до истинныхъ чувствъ и нуждъ простого народа было бы дико для Карамзина и его современниковъ.

Таково было внутреннее, общее содержаніе произведеній Карамзина въ это время. Мнѣ нечего говорить о внѣшней заслугѣ Карамзина въ литературѣ: о томъ, что онъ сдѣлалъ для русскаго языка, для слога, для литературной формы—извѣстно всѣмъ, и никакія нападенія Шишкова и другихъ старовѣровъ не подорвали этой заслуги. Самымъ важнымъ сочиненіемъ Карамзина изъ этого времени были его „Письма русскаго путешественника", важнымъ потому, что въ немъ раскрывается его взглядъ на западный міръ и раскрывается самъ онъ весь, со всѣми своими убѣжденіями и взглядами. Изъ него мы видимъ, какъ незначительны вообще и мелки были восторги, наблюденія и симпатіи Карамзина, какъ неопредѣленны его стремленія, проникнутыя меланхоліей и сентиментальностью. Его философскія и литературныя убѣжденія неясны и туманны, въ нихъ нѣтъ ничего положительнаго и реальнаго, съ одинаковымъ равнодушіемъ или съ одинаковымъ уваженіемъ и любопытствомъ онъ заводитъ знакомства съ людьми самыхъ противоположныхъ убѣжденій. Для Карамзина равно дороги: и Кантъ, творецъ критической философіи, и Лафатеръ, фантазеръ-мистикъ, чуть не духовидецъ.

Въ „Письмахъ" Карамзина мы найдемъ и его политическія убѣжденія или скорѣе взгляды, но и они также смутны и неопредѣленны, какъ и все остальное. Въ Руссо, этомъ дикомъ пророкѣ страдающихъ массъ, онъ видѣлъ только цвѣты чувствительности; въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ въ 1790 году, во время самаго разгара революціонныхъ страстей, онъ не видалъ этой новой политической жизни и, если и замѣтилъ движеніе, которое нельзя было не замѣтить, такъ какъ имъ была полна вся Франція, то симпатіи его на сторонѣ прежней неограниченной монархіи и пораженной народнымъ движеніемъ аристократіи; имъ онъ только сочувствуетъ, объ нихъ онъ проливаетъ слезы. Революція для него—бунтъ, который надобно подавить, и возстановить прежнее. И впослѣдствіи, когда торжество революціи сдѣлалось несомнѣннымъ, когда въ Парижѣ водворилось революціонное правительство, Карамзинъ въ разныхъ статьяхъ высказываетъ сентиментальную скорбь о разрушенномъ; всѣ его сожалѣнія относятся къ прошедшему, въ настоящемъ онъ видитъ только одно печальное разрушеніе. Всѣ его политическія консервативныя

Digitized by Google

убѣжденія уже созрѣли въ это время. Въ „Письмахъ“ онъ уже высказываетъ то, что высказывалъ и въ предисловіи къ своей „Исторіи“ и въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ. Возьмемъ, напр., слѣдующую тираду: „Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ, и въ самомъ *несовершенномъ* надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку... Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ счастія *добродѣтель* необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во *всякомъ* прачленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны... Предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно, конечно, имѣетъ свой планъ; въ Его рукѣ сердца государей и—довольно. Легкіе умы думаютъ, что все легко; *мудрые* знаютъ опасность *всякой* перемѣны и живутъ тихо. Французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ: подъ ея мирною сѣнію возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей, бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ... Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное древо“... И этотъ приторно-сладкій, сентиментальный, отвлеченный консерватизмъ Карамзина соединяется у него страннымъ образомъ съ столь же сентиментальными мечтами о благѣ человѣчества, о развитіи правъ человѣческихъ, о свободѣ, обо всемъ томъ, чему учила философія XVIII вѣка и что не дается людямъ безъ борьбы и страданій. Карамзинъ говоритъ, что онъ любитъ человѣчество, что онъ въ душѣ республиканецъ, что онъ ненавидитъ неравенство, безправіе, произволъ и пр., и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендуетъ людямъ умѣренность и аккуратность, покорность судьбѣ и квіетизмъ. „Паситесь, мирные народы, блага развитія спадутъ на васъ безъ борьбы, какъ манна съ неба“. Не ясно ли, что великія слова у Карамзина о человѣчествѣ были фразами, которыя ему ничего не стоили и навѣяны были общимъ духомъ времени; домашняя же закваска ума держала его въ предѣлахъ добродѣтельной покорности.

По отношенію къ русской жизни и русской исторіи, сравнительно съ будущимъ его пониманіемъ ихъ, Карамзинъ въ эпоху своихъ „Писемъ“, увлеченный Европою, является космополитомъ и на реформу Петра смотритъ совсѣмъ не съ той точки зрѣнія, какая развивается имъ въ „Запискѣ“ и за которую позднѣйшіе славянофилы причисляютъ его къ сонму своихъ предшественниковъ. Онъ въ восторгѣ отъ дѣла Петра В., сдѣлавшаго насъ европейцами; для него личность преобразователя является лучезарнымъ богомъ свѣта, освѣщающимъ вокругъ себя глубокую тьму. Карамзинъ — поклонникъ реформы Петра; онъ убѣжденъ, что путь просвѣщенія одинъ у всѣхъ

Digitized by Google

народовъ; онъ жестоко смѣется надъ тѣми, которые сожалѣютъ о русской старинѣ до преобразованія; онъ не видитъ въ ней ничего хорошаго и какъ бы мимоходомъ, но съ увлеченіемъ, бросаетъ свои знаменитыя слова: „Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло стать людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, для выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ". И потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, Карамзинъ не бросаетъ еще этой точки зрѣнія на реформу Петра. Онъ собирается писать похвальное слово преобразователю, въ которомъ хочетъ „доказать, что Петръ самымъ лучшимъ образомъ просвѣщалъ Россію, что измѣненіе народнаго характера, о которомъ твердятъ намъ его критики, есть ничто въ сравненіи съ источникомъ многихъ новыхъ благъ, открытымъ для насъ Петровою рукою". Этотъ взглядъ на реформу не былъ, однако, такимъ убѣжденіемъ Карамзина, которому бы онъ не измѣнялъ; напротивъ, кажется, что именно онъ и былъ случаенъ. Едва только воротился онъ изъ-за границы, какъ въ одной изъ повѣстей „Московскаго журнала", онъ уже высказываетъ сожалѣніе о прошедшемъ и жалобы на нашъ европеизмъ, а въ „Запискѣ" онъ унижаетъ все дѣло Петра В. Измѣнивъ прежнимъ своимъ взглядамъ на реформу, Карамзинъ долженъ былъ уже послѣдовательно сдѣлаться консерваторомъ, ибо въ европейскомъ развитіи для насъ онъ видѣлъ вредъ и несчастіе; онъ думалъ о какихъ-то устойчивыхъ началахъ въ древней Руси, искалъ въ нихъ противоположности западному развитію и смотрѣлъ уже не впередъ, а назадъ. Теперь уже онъ противополагаетъ народное общечеловѣческому, т.-е. не хочетъ возвышаться до послѣдняго. Изъ этого видно, какъ нетверды были политическія убѣжденія Карамзина. Императора Александра, тотчасъ по вступленіи его на престолъ, Карамзинъ привѣтствовалъ одой, въ которой болѣе всего останавливался на обѣщаніи Александра подражать Екатеринѣ. Та же мысль заставила его, современника и поклонника дѣйствій и царствованія Екатерины, написать ей „Похвальное слово", въ которомъ онъ старался такъ представить событія и дѣйствія этого царствованія, чтобы они служили какъ бы образцомъ для новаго государя. Тутъ проводилъ онъ свои собственные взгляды и указывалъ на тѣ стороны Екатерининскихъ дѣлъ, къ которымъ питалъ сочувствіе. Гуманныя начала, высказываемыя, однако, съ должною умѣренностью, соотвѣтствовали въ этомъ сочиненіи Карамзина духу новаго времени. Больше всего онъ говоритъ о необходимости просвѣщенія въ народѣ. Карамзинъ прославляетъ Екатерину за ея *народныя училища*, онъ считаетъ ихъ „полезнѣе всѣхъ академій въ мірѣ", потому что они дѣйствуютъ на первые элементы народа. Этотъ взглядъ онъ развилъ потомъ до

Digitized by Google

нападенія на Александровскіе университеты. Вообще „Похвальное слово“ представляло для Александра какъ бы программу царствованія, но на него не было обращено вниманія, и Карамзинъ сталъ издавать „Вѣстникъ Европы“ уже съ прямымъ и непосредственнымъ отношеніемъ къ настоящему.

ЛЕКЦІЯ X.

Вѣстникъ Европы.

Карамзинъ возобновилъ въ началѣ царствованія Александра свою самостоятельную литературную дѣятельность. При Павлѣ онъ издавалъ только незначительные сборники и занимался исключительно переводами, да и то съ сильными жалобами на цензуру. Новому императору онъ посвятилъ двѣ оды, одну на восшествіе на престолъ, другую на коронацію (не забудемъ, что и вступленіе Павла на престолъ онъ также привѣтствовалъ стихами). Въ одахъ Александру, зная образъ мыслей и направленіе государя, Карамзинъ старается высказать либеральныя мысли, говоритъ о святости закона, объ ужасѣ рабства, о свободѣ и пр. На эти оды мы не имѣемъ права смотрѣть иначе, какъ на всѣ подобнаго рода произведенія. Карамзинъ старался угадать мысли и желанія Александра и написать нѣсколько звучныхъ стиховъ подъ тонъ ихъ. За это получилъ онъ обычный подарокъ. Но стихи были стихами, фразами, и нисколько не убѣжденіями Карамзина.

Обѣщаніе Александра въ манифестѣ царствовать „по начинаніямъ премудрой бабки своей“, было, повидимому, поводомъ для Карамзина написать свой панегирикъ Екатеринѣ. Какая цѣль была у него при сочиненіи этого похвальнаго слова и зачѣмъ онъ выбралъ жалкую литературную форму, которая не рекомендуетъ его историческаго такта и историческаго пониманія? Какъ извѣстно, эта форма, согласно старинной реторикѣ, не допускаетъ критическаго, свободнаго отношенія къ предмету, и потому царствованіе Екатерины представлено въ однообразномъ розовомъ свѣтѣ, въ пышныхъ фразахъ, увлекательныхъ для современниковъ. И развѣ это была правда, и развѣ самъ Карамзинъ, какъ человѣкъ умный, полагалъ, что онъ говорилъ правду? Не говоря уже о томъ, что Карамзинъ, лично за себя, могъ жаловаться на Екатерину и дѣйствительно жаловался за стѣсненіе мысли въ своихъ интимныхъ письмахъ къ друзьямъ, не говоря о томъ, что преслѣдованіе близкихъ ему масоновъ должно было горько отозваться въ его сердцѣ, всѣми называемомъ чувствительнымъ, неужели же онъ,

и въ это время сознававшій уже свое историческое призваніе, не могъ не видѣть тѣхъ бѣдствій, какія лежали на народѣ въ царствованіе Екатерины, не смотря на внѣшній блескъ и громкія, прославленныя поэтами дѣла? Не могло же недавнее царствованіе Павла, со всею его ненавистью къ дѣламъ и учрежденіямъ Екатерины, затмить въ глазахъ Карамзина столь недавнее прошлое, пережитое имъ самимъ? Полагать надобно, что Карамзинъ, ухватившись за фразу манифеста, думалъ, что онъ попалъ въ тонъ молодого государя, изобразивъ предъ нимъ его бабку въ самомъ привлекательномъ видѣ. Но Карамзину, безъ сомнѣнія, были неизвѣстны личные взгляды и убѣжденія Александра о временахъ Екатерины, давно уже созрѣвшіе въ немъ, когда его, еще юношу, приводилъ въ негодованіе развратъ Екатерининскаго двора и безстыдный грабежъ ея вельможъ и фаворитовъ. Мы знаемъ жалобы Александра, высказанныя въ послѣдній годъ царствованія Екатерины, въ письмахъ къ Лагарпу и къ графу Кочубею, жалобы. доходившія въ немъ до глубокаго отчаянія, подъ вліяніемъ котораго онъ серьезно думалъ отказаться отъ русскаго престола. Александръ въ панегирикѣ Карамзина не могъ видѣть ничего другого, кромѣ лести, и хотя онъ наградилъ подаркомъ автора, когда сочиненіе было поднесено ему чрезъ Тропинскаго, но на Карамзина не обратилъ особаго вниманія.

Новое время съ большею относительно свободою слова, дававшее просторъ мысли, съ преобразованіями, уже совершившимися, и съ планами на новыя, привычка, наконецъ, къ литературнымъ предпріятіямъ, которыя давали Карамзину средства къ жизни, вызвали его въ 1802 году на поприще журналиста. Время, въ самомъ дѣлѣ, благопріятствовало тогда этого рода литературной дѣятельности и журналистъ съ убѣжденіемъ, съ знаніемъ внутренняго состоянія Россіи, могъ бы сказать очень многое русскому обществу, могъ бы научить его очень многому, какъ это и бывало у насъ въ тѣ времена, когда измѣнялся характеръ правительственной власти, и это измѣненіе давало толчекъ общественной мысли. „Вѣстникъ Европы", издававшійся Карамзинымъ два года. имѣлъ успѣхъ въ обществѣ, какъ имѣло успѣхъ все писанное Карамзинымъ, но онъ далеко не былъ тѣмъ, чѣмъ бы могъ быть журналъ въ то время. Карамзинъ является въ этомъ журналѣ тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ прежде. Новое время съ своими потребностями нисколько не обновило его убѣжденій и его направленія. Публикѣ онъ подноситъ прежнія консервативныя убѣжденія, выраженныя мягкимъ и вкрадчивымъ тономъ, или восхваленія новыхъ мѣръ новаго правительства, написанныя слогомъ панегирика, безъ всякаго сколько-нибудь критическаго отношенія къ нимъ. Цѣль своего изданія самъ Карамзинъ опредѣляетъ тѣмъ, что онъ

Digitized by Google

хотѣлъ „не учить, а единственно занимать русскую публику пріятнымъ образомъ, не оскорбляя вкуса ни грубымъ невѣжествомъ, ни варварскимъ слогомъ“ (объявленіе на 1803 годъ).

Сравнительно съ прежнимъ изданіемъ Карамзина „Московскимъ журналомъ“, „Вѣстникъ Европы“ имѣлъ болѣе широкую программу. Тамъ вовсе не было политическаго отдѣла и не заходила рѣчь о политическихъ событіяхъ, можетъ быть потому, что изданіе происходило въ самый разгаръ революціи и говорить о такихъ политическихъ событіяхъ при Екатеринѣ было не совсѣмъ удобно. Изъ современной политической жизни времени Карамзинъ старался говорить только о важнѣйшихъ событіяхъ, высказывая о нихъ собственныя сужденія и давая иногда общія обозрѣнія; такимъ образомъ Карамзинъ является въ качествѣ публициста, хотя онъ и рѣдко былъ самостоятельнымъ судьею въ политикѣ, заимствуя свои свѣдѣнія и переводя цѣлыя статьи изъ современнаго нѣмецкаго политическаго журнала Архенгольца „Минерва“. Для такого журналиста, каковъ былъ Карамзинъ, время какъ бы благопріятствовало журнальной работѣ; тогда легко можно было дѣлать общія обозрѣнія и сводить итоги событіямъ. Въ Европѣ господствовалъ полный миръ, Франціею правилъ первый консулъ, который старался возстановить многое, разрушенное революціею, въ особенности католичество и внѣшнюю обстановку монархической власти; онъ уже готовился быть императоромъ. Карамзинъ доволенъ современнымъ положеніемъ Европы: оно удовлетворяетъ его охранительнымъ принципамъ и нелюбви къ политическимъ потрясеніямъ. Онъ доволенъ консуломъ; онъ восхваляетъ его за то, что онъ „умертвилъ чудовище революціи“, хотя и не особенно благоволитъ къ нему, конечно, за то, что Наполеонъ самъ все-таки былъ созданіемъ этой революціи, а не легитимнымъ монархомъ. Къ этой легитимной монархіи лежатъ всѣ симпатіи Карамзина, отсюда понятно, что онъ не долюбливаетъ ни Англіи, ни Америки, ни Швейцаріи, когда рѣчь коснется о событіяхъ въ этихъ странахъ.

Весь кодексъ его политическихъ взглядовъ высказывается въ слѣдующей тирадѣ, находящейся въ статьѣ „Пріятные виды, надежды и желанія нашего времени“, которая есть не что иное, какъ повтореніе прежняго: „Революція объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ, даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства; что разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти;... что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать законы нравственному и политическому міру, должны остаться въ

Digitized by Google

книгахъ;... что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; что одно *время* и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ". По убѣжденію Карамзина, французская революція, вмѣсто того, чтобъ ниспровергнуть всѣ правительства, утвердила ихъ. Съ половины XVIII вѣка всѣ лучшіе умы желали измѣненія общественнаго устройства, всѣ, недовольные зломъ настоящаго, мечтали объ измѣненіяхъ; всѣ ждали бури, и когда „грянулъ громъ во Франціи, говоритъ Карамзинъ, мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой, благодарить небо за цѣлость крова нашего *и быть разсудительнымъ*". Чѣмъ же кончилась эта эпоха волненій и политическихъ переворотовъ, по словамъ Карамзина? Убѣжденіемъ, что status quo лучше всего и что всякая перемѣна вредна: „Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новизнѣ. Никогда согласіе ихъ не бывало столь явнымъ, искреннимъ и надежнымъ". Такимъ образомъ, по словамъ Карамзина, революція была тяжелою эпидеміею, не принесшею никакой пользы человѣчеству. Между тѣмъ, говоря о современности, Карамзинъ замѣчаетъ, что правительства чувствуютъ важность союза между собою и народомъ, значеніе общаго мнѣнія, нужду въ любви народной, необходимость истребить злоупотребленія. Откуда жъ это новое направленіе въ правительствахъ, неизвѣстное прежде? Конечно, этимъ новымъ отношеніямъ научилъ правителей жестокій опытъ революціи, и Карамзинъ не замѣчаетъ, что тутъ противорѣчитъ самъ себѣ. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не видно, чего собственно хочетъ Карамзинъ, такъ неясно, хотя и красиво онъ выражается. Видно, однако, что говоря объ общественномъ мнѣніи и о союзѣ государей и народовъ, Карамзинъ останавливается на этомъ предметѣ неохотно, мимоходомъ и спѣшитъ перейти къ рѣзкому осужденію общественныхъ движеній.

Въ журналѣ Карамзина, конечно, должно было много говориться о современномъ положеніи Россіи. Правительство Александра, съ своими планами преобразованій, уже высказалось; Карамзинъ могъ понимать, чего хотятъ новые люди, и что въ самомъ дѣлѣ нужно было Россіи въ то время. Цензура не могла мѣшать ему много, какъ въ Павлово время. Что же Карамзинъ высказалъ, въ какой степени помогъ онъ обновляющейся русской жизни и объяснилъ ея явленіе обществу? Прежде всего насъ поражаетъ безсодержательность фразы Карамзина. Никакого другого тона не найдемъ мы у него, кромѣ панегирическаго. „Взоръ русскаго патріота, собравъ пріятныя черты въ нынѣшнемъ состояніи Европы, съ удовольствіемъ обращается на

Digitized by Google

любезное отечество. Какой надежды не можемъ раздѣлять съ другими европейскими народами мы, осыпанные блескомъ славы и благотвореніями человѣколюбиваго монарха"? Говоря о событіяхъ внутренней жизни Россіи и о нѣкоторыхъ мѣрахъ правительства, Карамзинъ постоянно употребляетъ слова и выраженія похвальнаго слова, на все смотритъ въ розовомъ свѣтѣ, старается вовсе забыть явленія, которыя могли бы разрушить или, по крайней мѣрѣ, потрясти довольную вѣру и сладенькій квіетизмъ. Нѣтъ и помину о сколько-нибудь критическомъ отношеніи къ дѣйствительности. Лесть и лесть, возвышеніе самохвальства въ націи, отъ которой онъ требуетъ полной покорности—вотъ содержаніе фразъ Карамзина. Всѣ намѣренія и планы преобразованія Александра, по его мнѣнію, заключаются въ томъ, что, во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, русскій царь положилъ себѣ за правило, что добродѣтель и просвѣщеніе должны быть основой государственнаго благоденствія. Можетъ ли что нибудь быть туманнѣе пониманія журналистомъ программы того времени? Много бы дѣльнаго могъ высказать въ то время умный человѣкъ, какимъ безспорно былъ Карамзинъ. Что же онъ сдѣлалъ? Вотъ, напр., совершается реформа или скорѣе созданіе просвѣщенія для всей Россіи—и Карамзинъ уже видитъ впередъ всѣ послѣдствія новаго указа Александра: „Свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россіи; благородныя, истинно-человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ, разсудокъ утверждаетъ права свои и духъ Россіянъ возвышается" [1]). Указъ о просвѣщеніи Карамзинъ называетъ началомъ новой эпохи въ исторіи нашего *нравственнаго* образованія, великимъ *актомъ государственной филантропіи*, потому что просвѣщеніе есть единственное, вѣрнѣйшее средство для успѣха великодушныхъ намѣреній монарха: онъ „желаетъ просвѣтить россіянъ, чтобы они могли пользоваться его человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія". Указъ о просвѣщеніи онъ называетъ безсмертнымъ, онъ „есть сильнѣйшее доказательство небесной благости монарха", и, не входя въ разборъ его, Карамзинъ требуетъ отъ подданныхъ только исполненія. Доволенъ онъ въ особенности предположеніями объ устройствѣ сельскихъ школъ, которыя, однако, не осуществились, и то только съ точки зрѣнія нравственной, для развитія морали между крестьянами. Проектъ упоминалъ объ особомъ „нравственномъ катихизисѣ для крестьянъ", и Карамзинъ, сочувствуя этому, говоритъ, что онъ самъ сочинилъ книжку, въ которой объяснены „должности поселянина, необходимыя для его счастія". Едва ли не главная должность была

[1]) 1802 г. № 11.

Digitized by Google

тутъ повиновеніе властямъ и помѣщику, если судить по тону статьи Карамзина „Письмо сельскаго жителя“ [1]), гдѣ онъ жалуется на лѣнь, пьянство русскаго крестьянина, на то, что онъ не сумѣетъ воспользоваться свободой, если получитъ такую. Безъ сомнѣнія, Карамзинъ зналъ о личномъ взглядѣ императора Александра на крѣпостное состояніе, слышалъ о готовящихся по этому вопросу измѣненіяхъ и, конечно, не могъ имъ сочувствовать. Выражать прямо и откровенно свои убѣжденія, противоположныя тѣмъ, которыя господствовали тогда въ правительственныхъ сферахъ, было не совсѣмъ удобно, и Карамзинъ выражался въ этомъ случаѣ чрезвычайно осторожно и уклончиво. Онъ разсказываетъ будто бы свой собственный опытъ о дарованіи имъ крестьянамъ свободы, которою они не умѣли воспользоваться. Едва ли это такъ было, насколько намъ извѣстна біографія Карамзина, тѣмъ болѣе, что свобода, о которой онъ говоритъ въ статьѣ, была весьма ограниченная, и выводить изъ этого фиктивнаго разсказа, какъ дѣлаетъ г. Галаховъ, утвержденіе, что Карамзинъ „прежде стоялъ за свободу крестьянъ, потомъ нашелъ ее преждевременною, приносящею больше вреда, чѣмъ пользы“ [2]), вполнѣ несправедливо. Мы говорили уже о дворянской основѣ политическихъ и экономическихъ убѣжденій Карамзина, съ которой онъ не сходилъ. Онъ былъ бы невѣренъ самому себѣ, если бы сталъ утверждать что либо другое. Къ счастью въ 1802 году онъ выражался прямо: „Главное право русскаго дворянина — быть помѣщикомъ, главная должность его — быть добрымъ помѣщикомъ, кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству, какъ вѣрный сынъ, тотъ служитъ монарху, какъ вѣрный подданный: ибо Александръ желаетъ счастія земледѣльцевъ“. Дальше этого идеала *добраго помѣщика* Карамзинъ не шелъ. Конечно, не могъ онъ не знать, что были и есть не *добрые* помѣщики, но онъ говорилъ, что злоупотребленія господской власти истребляются просвѣщеніемъ,—„самая же эта власть помѣщика, по нашимъ законамъ, не есть тиранская и неограниченная“, забывая при этомъ, что сама администрація губерній дѣлала ее такою. „Россійскій дворянинъ, продолжаетъ Карамзинъ, даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и натуры! Вотъ его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ: вотъ его права!“ Такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ, прикрываясь эластичностью фразы и любовью къ человѣчеству и нравственности, Карамзинъ не желалъ

---

[1]) Ibid. 1803, № 17.

[2]) Галаховъ. Ист. р. слов. Т. II, 57. М. 1894 г.

Digitized by Google

никакихъ перемѣнъ; впослѣдствіи, когда представился случай и когда Александръ не могъ уже, въ силу обстоятельствъ, думать о дѣйствительномъ освобожденіи крестьянъ, Карамзинъ сталъ высказываться гораздо опредѣленнѣе.

Такимъ образомъ въ своемъ журналѣ Карамзинъ не шелъ дальше лести и восхваленія тѣхъ немногихъ мѣръ правительства, которыя были обнародованы тогда. Мы привели уже его восторженный отзывъ о реформѣ просвѣщенія. Карамзинъ какъ бы увѣряетъ, что все уже сдѣлано, что ничего лучшаго и ожидать не слѣдуетъ. Московскій университетъ находился въ это время подъ управленіемъ попечителя М. Н. Муравьева, который любилъ и покровительствовалъ Карамзину, а потомъ, по близости своей съ государемъ, доставилъ ему званіе исторіографа. Карамзинъ, чтобъ сдѣлать ему удовольствіе, напечаталъ въ 1803 году въ своемъ журналѣ статью о публичныхъ лекціяхъ въ этомъ университетѣ и такъ расхвалилъ его, что сталъ утверждать: „Мы не исполнимъ долга патріотовъ и даже поступимъ неблагоразумно, если будемъ еще отправлять молодыхъ людей въ чужія земли учиться тому, что преподается въ нашихъ университетахъ“. И въ другихъ немногихъ случаяхъ, гдѣ Карамзинъ касается въ своемъ журналѣ реформъ новаго царствованія, онъ не разсуждаетъ, а только хвалитъ, не покидая тона панегирика. Такъ поступилъ онъ при указѣ о правахъ и должностяхъ сената, при манифестѣ объ учрежденіи министерствъ, которыми были вообще недовольны люди его партіи. Все хорошо, все прекрасно; всѣ новые министры умнѣйшіе люди въ свѣтѣ и первѣйшіе патріоты. „Кто не увѣренъ въ патріотической ревности сихъ достойныхъ мужей, говоритъ Карамзинъ, возвеличенныхъ именемъ министровъ Россіи, державы, которая никогда не была столь близка къ исключительному первенству въ цѣломъ свѣтѣ, какъ нынѣ?.. Не одна Франція должна вѣчно хвалиться Сюлліями и Кольбертами, не одна Данія должна прославлять своихъ Бернсторфовъ... Уже прошло то время въ Россіи, когда одна милость государства, одна мирная совѣсть могли быть наградою добродѣтельнаго министра въ теченіе его жизни: умы созрѣли въ счастливый вѣкъ Екатерины II; теперь лестно и славно заслужить вмѣстѣ съ милостію государя и любовь просвѣщенныхъ Россіянъ!...“

Свободный ли это тонъ свободнаго гражданина-публициста? Въ теченіе двухлѣтняго изданія „Вѣстника Европы“ Карамзинъ не покидаетъ этого хвалительнаго тона и конечно онъ надоѣлъ бы своимъ читателямъ, еслибъ въ журналѣ не было другихъ статей, болѣе для нихъ интересныхъ. Безъ сомнѣнія, „Вѣстникъ“ имѣлъ относительный успѣхъ и пришелся по вкусу тогдашнихъ читателей не этими восхваленіями, напоминавшими приторныя оды прошлаго вѣка. Цѣль

Digitized by Google

журнала онъ высказывалъ въ предисловіи въ очень неясныхъ фразахъ: „сколь благородно, сколь утѣшительно помогать нравственному образованію такого великаго и сильнаго народа, какъ россійскій, развивать идеи, указывать новыя красоты въ жизни, питать душу моральными удовольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ съ благомъ другихъ людей!“ Это цѣль не журнала, а скорѣе личный взглядъ Карамзина на свое авторство. Изъ-за этихъ-то фразъ, изъза эластичности выраженія мнѣній, Карамзина нельзя прямо обвинить въ ретроградности и отсталости. Тутъ есть все: и любовь къ наукѣ, и уваженіе къ правамъ личности, и признаніе „общаго мнѣнія“ и новыхъ лучшихъ идей, и желаніе примирить непримиримое, напр., гуманность и крѣпостное право, такъ что Карамзинъ можетъ быть причисляемъ даже и къ прогрессистамъ. Но собственно говоря, онъ представлялъ середину; онъ не хотѣлъ казаться приверженцемъ крайней политической реакціи и боялся углубляться въ новыя прогрессивныя идеи, боялся доводить ихъ логически до послѣднихъ выводовъ. Массѣ журналъ былъ по плечу: онъ нравился своимъ разнообразіемъ. Карамзинъ хотѣлъ сообщать въ немъ новости текущей литературы и политической жизни, а новости любятъ всѣ. Критики, которая сдѣлалась потомъ главной принадлежностью русскихъ журналовъ, въ „Вѣстникѣ“ было мало, и Карамзинъ вообще не очень любилъ ее; зато стихотвореній было довольно, и въ „Вѣстникѣ“ пріобрѣлъ себѣ первую извѣстность Жуковскій.

Собственно, по отношенію къ Карамзину, „Вѣстникъ Европы“ важенъ тѣмъ, что многія статьи его, здѣсь напечатанныя, показываютъ его обращеніе къ предмету, который надолго потомъ займетъ всю его дѣятельность, именно къ русской исторіи. „Должно пріучать россіянъ къ уваженію своего собственнаго“, говоритъ онъ, и пишетъ нѣсколько статей, посвященныхъ разработкѣ разныхъ вопросовъ отечественной исторіи, доказывающихъ, что онъ сильно отдался этому предмету. Даже въ повѣсти, въ этой формѣ, которая доставила ему литературную извѣстность, Карамзинъ переносится въ прошедшее Россіи и старается представить свои государственные и политическіе идеалы. Въ этомъ отношеніи очень любопытна историческая повѣсть „Марѳа Посадница или покореніе Новгорода“, помѣщенная въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ ней вовсе нѣтъ сентиментальной любви, составлявшей сущность тогдашнихъ повѣстей; это скорѣе историческій стрывокъ, въ которомъ Карамзинъ какъ бы желалъ представить образчикъ своихъ воззрѣній на русскую исторію, хотя и не могъ освободиться отъ сентиментальнаго или скорѣе реторическаго тона, свойственнаго ему во всемъ. Карамзинъ хотѣлъ представить въ поэтическомъ свѣтѣ древнюю вольную жизнь Новгорода и послѣднюю

Digitized by Google

борьбу его за независимость. Но новгородцы были республиканцы; неловко было Карамзину сдѣлаться сторонникомъ и защитникомъ ихъ, и онъ весь на сторонѣ государственныхъ цѣлей Іоанна III. Онъ и въ исторіи его любимый государь, „однакожъ сопротивленіе новгородцевъ не есть бунтъ какихъ-нибудь якобинцевъ, говоритъ Карамзинъ; они сражались за древніе свои уставы и права, данные имъ отчасти самими великими князьями, напр., Ярославомъ, утвердителемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: *имъ должно было предвидѣть*, что сопротивленіе обратится въ гибель Новгороду, и благоразуміе требовало отъ нихъ добровольной жертвы". Вотъ и все сочувствіе Карамзина къ древнему Новгороду. Надъ борьбою за свободу новгородцевъ звучитъ ироническая рѣчь князя Холмскаго, въ которой заключаются всѣ политическія убѣжденія Карамзина. Она начинается слѣдующими знаменитыми словами: „Народы дикіе любятъ независимость, народы мудрые любятъ порядокъ, а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной"... Не вольность, часто гибельная, но благоустройство, правосудіе и безопасность суть три столпа гражданскаго счастія"...

Такова была программа будущей исторіи его, въ которой торжествовало начало государственное. Съ нею легко было ему просить себѣ мѣсто исторіографа. Первая мысль объ этомъ, какъ кажется, была внушена Карамзину другомъ его, И. И. Дмитріевымъ. Карамзинъ написалъ письмо къ Муравьеву, прося его ходатайства и доклада государю о его „ревностномъ желаніи написать исторію не варварскую и не постыдную для его царствованія". Желаніе Карамзина исполнилось очень скоро, и въ послѣдней книгѣ „Вѣстника Европы" за 1803 г., въ которой онъ прощался съ публикой, былъ напечатанъ указъ о наименованіи его исторіографомъ и о пожалованіи ему пенсіона въ 2000 р. Съ этихъ поръ Карамзинъ уединился для продолжительнаго труда надъ исторіей, но въ трудное время русской исторической жизни, онъ выступилъ предъ Александромъ съ своею чрезвычайно важною „Запискою".

ЛЕКЦІЯ XI.

Пнинъ.—„Петербургскій Журналъ".—„Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ".—„Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи".

Строгій судъ о дѣятельности Карамзина, какъ журналиста, возможенъ и необходимъ по тому значенію, которое вообще имѣетъ литературная дѣятельность Карамзина, по вліянію, которое онъ имѣлъ

Digitized by Google

не только на своихъ современниковъ-писателей, но даже на правительственныя сферы въ концѣ царствованія Александра и гораздо позднѣе, и въ особенности потому, что этотъ очень умный и съ большимъ литературнымъ талантомъ человѣкъ, привѣтствуя, какъ мы видѣли, восторженно, даже съ примѣсью лести, нѣкоторыя преобразовательныя мѣры Александра, восхваляя ихъ, потомъ, когда обстоятельства измѣнились, обрушился всею силою своего негодованія на то, что прежде хвалилъ, и, прикрываясь патріотическимъ чувствомъ, сталъ осуждать всякую реформу, всякое желаніе измѣненія. Содержаніе и направленіе его „Вѣстника Европы" достаточно намъ извѣстны; но судить однако объ этомъ журналѣ съ точки зрѣнія нашего времени было бы очень несправедливо. Журналъ имѣлъ успѣхъ въ современной публикѣ; онъ читался съ большимъ удовольствіемъ, и самъ Карамзинъ говоритъ, что онъ приносилъ ему доходу до 6000 руб.— цифра весьма значительная по тому времени. Было бы странно требовать отъ Карамзина такихъ журнальныхъ достоинствъ, какія возможны только въ настоящее время, но не забудемъ, что онъ первый началъ журнальную дѣятельность въ царствованіе Александра; въ послѣдніе годы Екатерины и при Павлѣ она почти не существовала, и ни одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ не говорилъ о современности и особенно о политикѣ.

Успѣхъ журнальной литературы, имѣющей непосредственное отношеніе къ обществу, находился у насъ въ постоянной зависимости отъ цензуры. Мы говорили уже о цензурномъ уставѣ 1804 года, дававшемъ значительный просторъ мысли и печати. Сначала цензурные комитеты, подъ вліяніемъ общаго духа, господствовавшаго въ правительственныхъ сферахъ, дѣйствовали въ либеральномъ направленіи и весьма снисходительно. Но едва цензурный уставъ появился на свѣтъ, какъ былъ уже окруженъ разными условіями и ограниченіями. Положимъ, что общее настроеніе правительства, отъ котораго такъ много зависитъ характеръ предварительной цензуры, благопріятствовало сначала успѣхамъ литературы, помогало ей, защищало ее. Такъ, напр., еще до введенія въ дѣйствіе устава, случилась слѣдующая цензурная исторія. Въ 1803 году въ Москвѣ генералъ-губернаторъ Салтыковъ велѣлъ захватить въ книжныхъ лавкахъ и опечатать всѣ экземпляры сатирическаго сочиненія, переведеннаго съ французскаго, подъ названіемъ „Кумъ Матвѣй", книги, дозволенной къ печати московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а книгопродавцевъ, у которыхъ она продавалась,—арестовать. Книгопродавцы принесли жалобу въ Петербургъ, и императоръ Александръ велѣлъ ихъ освободить, а книгу пустить въ продажу. Но на печать весьма немногіе могли смотрѣть съ полнымъ уваженіемъ: желаніе полной свободы ей, какъ мы видѣли,

Digitized by Google

было высказываемо очень немногими и самыми передовыми личностями, большинство же общества вовсе не привыкло видѣть въ ней самостоятельную независимую силу; оно просто боялось ея. А потому и возникли для цензурнаго устава разныя условія и ограниченія. Такъ, не все можно было говорить о такъ называемыхъ „государственныхъ предметахъ". Политическія событія времени, отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ, конституціонныя начала и въ особенности крѣпостное право—были такими предметами, о которыхъ или почти вовсе нельзя было разсуждать въ печати, или можно было разсуждать чрезвычайно осторожно, съ точки зрѣнія правительственной власти. Во всемъ противоположномъ этой точкѣ зрѣнія видѣли „буйство печати". Такъ пріостановлена была дѣятельность одного изъ замѣчательныхъ писателей того времени, рано умершаго *Пнина*.

Литературный дѣятель этотъ никогда не появлялся на страницахъ оффиціальной исторіи русской литературы и только въ самое недавнее время, когда мало-по-малу стали выходить на Божій свѣтъ нѣкоторыя дѣла изъ инквизиціонныхъ архивовъ прежнихъ цензурныхъ комитетовъ, имя Пнина сдѣлалось извѣстно, несмотря на его кратковременную литературную дѣятельность. Онъ составлялъ совершенную противоположность Карамзину и по характеру, и по направленію своего таланта. Если Карамзинъ любилъ безсодержательную фразу, то Пнинъ старался говорить только о дѣлѣ; если у Карамзина мы замѣчаемъ нѣсколько своекорыстныя убѣжденія, напр., въ крестьянскомъ вопросѣ, конечно, прикрытыя красивыми словами о гуманности и о морали, то у Пнина мы найдемъ прямое и честное отношеніе къ этому вопросу и притомъ съ знаніемъ главной, т.-е. экономической стороны его. Пнинъ былъ воспитанъ на идеяхъ человѣколюбивой философіи XVIII вѣка; онъ былъ преданъ этимъ идеямъ совершенно искренно и старался проводить ихъ не только въ литературу, но и въ жизнь. Содержаніе его сочиненій, какъ небольшихъ литературныхъ статей, такъ и переводовъ, даже стиховъ,—все было посвящено вопросамъ государственнымъ, т.-е. тому, что болѣе всего занимало современниковъ; во всѣхъ его произведеніяхъ заключались намеки и на тогдашнее положеніе Россіи.

О жизни и отношеніяхъ Пнина мы почти не имѣемъ свѣдѣній, кромѣ самыхъ скудныхъ указаній. Намъ извѣстно, что онъ былъ побочнымъ сыномъ князя Петра Ив. Репнина, откуда и усѣченная фамилія его. Родился онъ въ 1773 году, воспитывался сначала въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, а потомъ въ инженерномъ училищѣ, служилъ въ военной службѣ нѣсколько времени, командовалъ даже плавучею баттареею въ послѣднюю шведскую войну и затѣмъ, при образованіи министерствъ, поступилъ экспе-

Digitized by Google

дитором въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, куда былъ приглашенъ на службу, какъ кажется, П. И. Мартыновымъ, имѣвшимъ съ нимъ литературное знакомство. Здѣсь служилъ онъ не болѣе четырехъ лѣтъ, вышелъ по болѣзни въ отставку и умеръ 17 сентября 1805 г. отъ чахотки.

Литературная дѣятельность Пнина продолжалась не долго, но вся она имѣла одинъ общій характеръ, касаясь предметовъ государственнаго устройства и политической экономіи. Конечно, оригинальнаго въ этихъ сочиненіяхъ было очень мало, все дѣло ограничивалось по большей части переводами извлеченій изъ извѣстныхъ писателей по этому предмету въ XVIII вѣкѣ, но всюду проявляется желаніе примѣнить эти общія европейскія идеи публицистовъ, господствовавшія тогда въ литературѣ, въ русской жизни. „Не ограничиваясь метафизикой общественнаго устройства, говоритъ г. Сухомлиновъ, нѣкоторые писатели старались выйти на болѣе реальный путь, и мысли, вычитанныя изъ Монтескье, Беккаріи, Кондорсе и другихъ, пытались примѣнить, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, къ требованіямъ русской дѣйствительности“ [1]).

Первое литературное предпріятіе Пнина былъ „Петербургскій журналъ“, издававшійся имъ еще при Павлѣ, въ 1798 году. Въ немъ, конечно, было довольно и стиховъ, и всякой такъ называемой тогда журнальной смѣси, но по большей части печатались статьи политическаго и экономическаго содержанія—переводныя. Тутъ были переводы отрывковъ изъ Esprit des lois—Монтескье, извлеченіе изъ книги извѣстнаго итальянскаго экономиста, друга и сотрудника Беккаріи, графа Верри: объ умноженіи и уменьшеніи государственнаго богатства, главныя побужденія торговли и первоначальныя основанія цѣнъ, о купеческихъ и художническихъ обществахъ; подробное изложеніе политической экономіи Жака Стюарта и пр. Кто, кромѣ Пнина, былъ переводчикомъ—намъ неизвѣстно.

Съ воцареніемъ Александра, съ первыми планами государственныхъ преобразованій, съ толками о конституціи, которою молодой государь намѣревался подарить Россію, литературная дѣятельность Пнина по извѣстному политическому направленію получила какъ бы оправданіе, его желанія, повидимому, осуществлялись; это придало еще болѣе энергіи его дѣятельности, и онъ сталъ писать больше.

Въ самый первый годъ царствованія Александра, подъ вліяніемъ восторженнаго настроенія времени, въ Петербургѣ сошлось нѣсколько молодыхъ людей, близкихъ между собою дружескими связями и общимъ

[1]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи по русск. лит. и просв., т. I, стр. 430.

Digitized by Google

направленіемъ, которые сначала частно, а потомъ съ разрѣшенія правительства, при посредствѣ Новосильцева, образовали „Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ". Изъ членовъ этого общества немногіе впрочемъ пріобрѣли себѣ потомъ извѣстность въ литературѣ, и самое общество просуществовало недолго; большинство членовъ было занято службою, и многіе поэтому и не жили въ Петербургѣ. Но общество заявило о своемъ существованіи и нѣкоторыми изданіями. Въ 1802 и 1803 годахъ оно издало два тома сборника „Свитокъ Музъ", а въ 1804 году 1-ю часть своего „періодическаго изданія". Въ этихъ изданіяхъ, кромѣ множества неизбѣжныхъ въ духѣ времени стиховъ, гдѣ главными вкладчиками были знаменитый впослѣдствіи филологъ А. Х. Востоковъ, писавшій тогда множество стиховъ съ самыми разнообразными размѣрами и казанскій поэтъ, умершій въ томъ же 1804 году,—Каменевъ, авторъ первой въ романтическомъ родѣ, съ видѣніями, съ волшебствами и провалами баллады „Громвалъ" [1]), помѣщались и статьи политическаго и экономическаго содержанія, частію переводныя, частію оригинальныя. Переводчикомъ былъ Языковъ, а оригинальныя статьи писалъ В. Попугаевъ. Статьи послѣдняго, хотя и незначительныя по объему, очень разнообразны и, кромѣ предметовъ управленія и политики, посвящены русской литературѣ и вопросамъ о языкѣ. Въ изданіяхъ общества участвовали, и сыновья Радищева, служившаго въ это время въ Петербургѣ. Радищевъ, возвращенный изъ ссылки въ Илимскъ Павломъ тотчасъ по вступленіи его на престолъ, жилъ однако все время царствованія его безвыѣздно въ своихъ деревняхъ, но въ первый же мѣсяцъ своего воцаренія Александръ дозволилъ ему возвратиться въ столицу, возвратилъ ему чинъ и крестъ и помѣстилъ его на службу въ коммиссію о составленіи законовъ, образованную тогда подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго. Изъ этого примѣра отношеній императора Александра къ одному изъ самыхъ отъявленныхъ и крайнихъ радикаловъ того времени, видно уже, куда клонились его симпатіи. Радищева, прямо изъ ссылки, засадили за составленіе законовъ и именно уложенія гражданскаго; составленіе уголовнаго кодекса было поручено также ему, и для этой цѣли онъ собирался въ Англію, чтобъ изучить тамъ уголовный порядокъ. Ни годы, ни ссылка не измѣнили убѣжденій Радищева, онъ оставался вѣренъ тому, что вынесъ изъ знакомства съ французской мыслію XVIII вѣка и что такъ отчаянно смѣло высказалъ въ своей книгѣ. Къ нему собирались молодые люди, раздѣлявшіе образъ его мыслей, и въ томъ числѣ Пнинъ, глубоко уважавшій Радищева. Не стѣсняясь ничѣмъ, свободно высказывалъ Радищевъ, даже передъ начальствомъ,

[1]) Період. изд., стр. 110—127.

Digitized by Google

всѣмъ извѣстные взгляды свои и убѣжденія. Но графъ Завадовскій смотрѣлъ иными глазами на Радищева, чѣмъ государь и его молодые друзья. Въ одномъ изъ своихъ проектовъ Радищевъ высказалъ такія радикальныя мысли, что Завадовскій попрекнулъ его прежними заблужденіями, за которыя онъ такъ дорого поплатился. Угроза, говорятъ, такъ сильно подѣйствовала на несчастнаго Радищева, что онъ задумался о возможности новой ссылки, сталъ говорить о ней безпрестанно съ своими дѣтьми, впалъ въ душевную болѣзнь и въ припадкѣ меланхоліи рѣшился на самоубійство.

Вольное общество любителей словесности и наукъ, въ которомъ Пнинъ былъ тогда предсѣдателемъ, посвятило памяти Радищева прозаическую статью, написанную однимъ изъ членовъ, Борномъ, и стихи Пнина, въ которыхъ этотъ поклонникъ Радищева говоритъ о немъ съ глубокимъ уваженіемъ, доказывающимъ, что онъ былъ знакомъ съ его сочиненіями и мнѣніями, и что такимъ образомъ у насъ шла непрерывно традиція литературныхъ идей:

„То сердце, что добромъ дышало,
Постигъ ничтожества законъ;
Уста, что истину вѣщали,
Увы на вѣки замолчали,
И пламенникъ ума погасъ;
Кто къ счастью велъ путемъ свободы,
На вѣкъ, на вѣкъ оставилъ насъ,
Оставилъ и прешелъ къ покою...
Благословимъ его мы прахъ!
Кто столько жертвовалъ собою
Не для своихъ, но общихъ благъ,
Кто былъ отечеству сынъ вѣрный,
Былъ гражданинъ, отецъ примѣрный,
И смѣло правду говорилъ,
Кто ни предъ кѣмъ не изгибался,
До гроба лестію гнушался,
Я чаю—тотъ довольно жилъ [1]).

Изъ этого сочувствія къ Радищеву видно уже то направленіе, котораго держался въ литературѣ Пнинъ. Самыя оды Пнина,—а онъ писалъ оды въ угодность господствующему преданію,—похожи скорѣе на трактаты, въ которыхъ развивается какая-нибудь мысль и при томъ мысль живая, не отлеченная, и проникнутая тою философіей, которой Пнинъ оставался вѣренъ. Тутъ нѣтъ ничего похожаго на реторику прошлаго вѣка. Такова, напр., ода его „Человѣкъ“ [2]).

---

[1]) Свитокъ Музъ, 1803 г. ч. 2, стр. 116—144.
[2]) Брусиловъ, Журналъ Росс. Слов. 1805 г. ч. I, стр. 38—45.

Digitized by Google

Она замѣчательна и по глубинѣ мысли, и по силѣ выраженія. Кажется, что въ ней Пнинъ, въ противоположность Державину, написавшему свою прославленную оду о Богѣ, въ которой развиваетъ понятіе свое о его всемогуществѣ, желалъ представить идею о всемогуществѣ человѣка, опирающагося только на свои силы, на свой собственный духъ. „Какой умъ слабый, униженный, тебѣ дать имя *червя* смѣлъ?“—спрашиваетъ поэтъ и отвѣчаетъ, что человѣка могъ назвать червемъ только рабъ несчастный, заключенный, который не имѣлъ чувствъ. Описавъ разнообразную творческую дѣятельность человѣка, названнаго имъ Зиждителемъ. Пнинъ спрашиваетъ: откуда въ человѣкѣ его творческая сила:

„Скажи мнѣ наконецъ: какою
Ты силой свыше вдохновенъ,
Что все съ премудростью такою
Творить ты въ мірѣ наученъ?“

Къ сожалѣнію, отвѣтъ человѣка зачеркнутъ тогдашнимъ цензоромъ, но изъ заключительныхъ стиховъ этой оды видна тайная мысль поэта, что человѣкъ самъ причина всѣхъ дѣлъ своихъ, что трудомъ и опытностью онъ пріобрѣлъ самъ собою мудрость.

Такова и другая его философская ода, еще болѣе замѣчательная по силѣ выраженія „На Правосудіе“, съ эпиграфомъ изъ Гольбаха: „правосудіе есть основаніе всѣхъ общественныхъ добродѣтелей“ [1]). Въ ней также Пнинъ высказывалъ самыя дорогія свои убѣжденія, напр., въ слѣдующей строфѣ:

„Гдѣ ты—тамъ вопль не раздается
Несчастныхъ, брошенныхъ спроть;
Всѣмъ нужна помощь подается,
Не раболѣпствуетъ народъ.
Тамъ земледѣлецъ не страшится,
Чтобы насильствомъ могъ лишиться
Имъ въ потѣ собранныхъ плодовъ.
Любуется, смотря на ниву,
Въ ней видя жизнь свою счастливу,
Благословляетъ твой покровъ“...
Гдѣ ты, тамъ геній просвѣщенья,
Лучами мудрости своей,
Открывъ зловредны заблужденья,
Ведетъ на путь прямой людей.
Науки храмы тамъ имѣютъ,
Художества, искусства зрѣютъ,
Торговля богатитъ народъ,
Тамъ духъ зиждительной свободы,

[1]) Ibid. ч. III, стр. 67—73.

Digitized by Google

Проникнувъ таинства природы,
Сторичный собираетъ плодъ.

И затѣмъ рисуетъ обратную картину:

Гдѣ нѣтъ тебя—тамъ всѣ несчастны,
Отъ земледѣльца до царя;
Законы дремлютъ и безгласны,
Тамъ всякъ живетъ лишь для себя.
Нѣтъ ни родства, союза, вѣры;
Тамъ видны лишь злодѣйствъ примѣры;
Шипятъ пороки и язвятъ;
Тамъ выгодъ нѣтъ быть добрымъ, честнымъ,
Быть другомъ искреннимъ, нелестнымъ,
Тамъ чашу смерти пьетъ Сократъ...

Пнинъ былъ самыхъ свободныхъ убѣжденій насчетъ цензуры: онъ самъ пострадалъ отъ нея. Въ небольшомъ разговорѣ между цензоромъ и сочинителемъ, напечатанномъ уже по смерти его, онъ доказываетъ безполезность и вредъ цензуры. Авторъ приноситъ къ цензору свое сочиненіе, подъ названіемъ „Истина“; цензоръ отказывается пропустить ее, говоря, что „не всякая истина должна быть напечатана“. — „Почему же? спрашиваетъ сочинитель. Познаніе истины ведетъ къ благополучію. Лишать человѣка сего познанія значитъ препятствовать ему въ его благополучіи, значитъ лишать его способовъ сдѣлаться ему счастливымъ. Если можно не позволить одну истину, то должно уже не позволять никакой, ибо истины между собою составляютъ непрерывную цѣпь. Исключить изъ нихъ одну, значитъ отнять изъ цѣпи звено и ее разрушить. Притомъ же истинно великій мужъ не опасается слушать истину, не требуетъ, чтобъ ему слѣпо вѣрили, но желаетъ, чтобъ его понимали“ [1]). Цензоръ, на всѣ доводы сочинителя, защищающаго свою книгу, выставляетъ себя, какъ власть: „Я говорю съ вами, какъ цензоръ съ сочинителемъ“—съ гордостью отвѣчаетъ онъ ему. „А я говорю съ вами, какъ гражданинъ съ гражданиномъ“ — замѣчаетъ ему сочинитель. „Какая дерзость!“—послѣднее слово цензора.

Эта замѣчательная по духу и направленію статейка Пнина, вѣроятно, основывалась на его собственномъ горькомъ опытѣ. Въ 1804 г. онъ издалъ книгу, подъ названіемъ „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи“. Книга эта, при второмъ ея изданіи, возбудила преслѣдованіе тогдашняго петербургскаго цензурнаго комитета.

Широкая реформа образованія, задуманная правительствомъ и высказанная въ „предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣще-

[1]) Ibid. ч. III, стр. 166.

Digitized by Google

нія", изданныхъ главнымъ правленіемъ училищъ, естественно должна была вызвать сужденія писателей, интересовавшихся этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что реформа касалась такъ близко всей національной жизни. Мы видѣли, что Карамзинъ, въ качествѣ журналиста, ограничился только похвальнымъ отзывомъ объ этомъ предметѣ, сказавъ нѣсколько красивыхъ фразъ, и не пошелъ въ глубину предмета. Не такъ сдѣлалъ Пнинъ; подъ вліяніемъ философскихъ идей XVIII вѣка, которымъ онъ обязанъ былъ всѣмъ своимъ развитіемъ, подъ вліяніемъ болѣе близкаго знакомства своего съ русскою жизнію и ея условіями, онъ взглянулъ на вопросъ просвѣщенія съ соціальной точки зрѣнія. Онъ разсматривалъ подробно, въ чемъ должно состоять просвѣщеніе, что болѣе всего вызываетъ его и помогаетъ ему, и въ одинаковой ли степени должно оно быть распространяемо между всѣми слоями русскаго общества. Эпиграфомъ своего сочиненія онъ поставилъ слова Шапталя: l'instruction doit être modifiée selon la nature du gouvernement qui régit le peuple, и еще слова: „Блаженны тѣ государи и тѣ страны, гдѣ гражданинъ, имѣя свободу мыслить, можетъ безбоязненно сообщать истины, заключающія въ себѣ благо общественное". Эти два положенія составляютъ содержаніе всего сочиненія Пнина и развиваются въ немъ подробно.

Просвѣщеніе народа, по словамъ Пнина, находится въ тѣсной связи съ политическимъ устройствомъ страны, съ образомъ правленія и управленія; нельзя успѣхи образованности измѣрять числомъ ученыхъ и писателей, ибо не въ нихъ заключается просвѣщеніе, а въ равновѣсіи общественныхъ силъ, въ непреложномъ исполненіи долга, лежащаго на каждомъ членѣ государственнаго организма. Такимъ образомъ, авторъ требуетъ нравственнаго содержанія отъ образованія страны и не довольствуется только однимъ наружнымъ видомъ, существованіемъ только извѣстнаго рода заведеній по учебной части, а желаетъ, чтобъ вліяніе ихъ распространялось на жизнь. Переходя къ сословіямъ, изъ которыхъ состоитъ русское общество, Пнинъ говоритъ, что различіе сословій и различіе потребностей каждаго изъ сословій происходитъ первоначально отъ неравенства человѣческихъ силъ. Сословія эти, законныя и неизбѣжныя въ обществѣ, состоятъ изъ четырехъ: земледѣльческаго, мѣщанскаго, дворянскаго и духовнаго. Пнинъ для каждаго изъ нихъ предлагаетъ планъ умственнаго и нравственнаго образованія. Это раздѣленіе образованія, гдѣ каждое сословіе имѣетъ свой опредѣленный кругъ образовательныхъ предметовъ, какъ бы навсегда ему предназначенныхъ, и гдѣ сословіе дворянское пользуется, разумѣется, самымъ широкимъ образовательнымъ кругомъ, стояло ниже либеральной программы правительства, которое вовсе не допускало разграниченія образованія по сословіямъ и всѣмъ

Digitized by Google

и каждому равно дозволяло пользоваться его благами. Какъ вошло это кастическое дѣленіе въ свѣтлую вообще мысль Пнина — не беремся объяснить; развѣ только тѣмъ, что самое дѣло всесословнаго образованія было молодо у насъ.

Законы въ государствѣ, несмотря на все свое многоразличіе, по мнѣнію Пнина, должны стремиться къ одной главной цѣли—охраненію правъ собственности и личной безопасности гражданина. О ссбственности авторъ говоритъ съ глубокимъ уваженіемъ: „Собственность—священное право, душа общежитія, источникъ законовъ! Гдѣ ты уважена, гдѣ ты неприкосновенна, тамъ только спокоенъ и благополученъ гражданинъ. Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей, ты чуждаешься невольниковъ. Права твои не могутъ существовать ни въ рабствѣ, ни въ безначаліи: ты обитаешь только въ царствѣ законовъ". Эта мысль о собственности, на которой основываются законы, повела Пнина далѣе къ разсмотрѣнію нравственнаго состоянія русскихъ сословій. Очень неодобрительно отзывается онъ о купцахъ и о гражданскихъ чиновникахъ, доказывая, какъ нужно и тому и другому сословію настоящее образованіе, не щадитъ и системы управленія вообще. Но дольше всего онъ останавливается на состояніи или сословіи земледѣльческомъ, какъ лишенномъ собственности. Это сословіе, по словамъ Пнина, находится въ страдательномъ состояніи, будучи отдано во власть рабовладѣльцевъ, поступающихъ съ подвластными людьми хуже, чѣмъ со скотомъ. Законодательство теперь необходимо должно озаботиться огражденіемъ правъ собственности земледѣльцевъ; безъ этого оно совершенно будетъ лишено возможности образованія. Вы видите, какъ далеко, въ противоположность Карамзину, смотрѣлъ болѣе молодой авторъ „Опыта о просвѣщеніи". Онъ понималъ, что безъ освобожденія отъ крѣпостного состоянія нечего и думать о просвѣщеніи собственно народа, и будущее оправдало его мысли.

ЛЕКЦІЯ XII.

Цензурное дѣло Пнина.—Смерть Пнина.—С.-Петербургскій журналъ.—Мартыновъ—Сѣверный Вѣстникъ.

Книга Пнина „Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи", содержаніе которой было передано нами, появилась въ 1804 году, еще до утвержденія цензурнаго устава. Она разошлась очень быстро, и въ томъ же году понадобилось другое изданіе, почему она и представлена была сочинителемъ съ разными дополненіями, сдѣланными, по объясненію самого Пнина цензурѣ, по волѣ Монарха. Но цензура не пропустила второго изданія книги именно за то, что онъ выста-

Digitized by Google

вилъ въ очень черномъ цвѣтѣ положеніе у насъ крѣпостныхъ. „Авторъ съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется, говоритъ цензурный комитетъ, на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и даже самая жизнь, по мнѣнію его, находятся въ рукахъ какого-нибудь капризнаго паши... Хотя бы то и справедливо было, что русскіе крестьяне не имѣютъ ни собственности, ни гражданской свободы, однако зло сіе есть зло, вѣками укоренившееся, и требуетъ осторожнаго и повременнаго исправленія. Мудрые наши Монархи усмотрѣли давно его, но зная, что сильный переломъ всегда разрушаетъ машину правленія, не хотѣли вдругъ искоренить сіе зло, дабы не навлечь чрезъ то еще бо́льшаго бѣдствія. Правительство дѣйствуетъ въ семъ случаѣ подобно искусному врачу: мѣры его кротки и медленны, но тѣмъ не менѣе безопасны и спасительны. Если бы сочинитель нашелъ или думалъ найдти какое-нибудь новое средство, дабы достигнуть скорѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безопаснѣе къ предполагаемой имъ цѣли, то-есть къ истребленію рабства въ Россіи, то приличнѣе было бы предложить оное проектомъ правительству. А разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіею черную, губительную тучу". Это была обыкновенная манера цензурныхъ комитетовъ, продолжавшаяся очень долго, если только они желали, какъ въ этомъ случаѣ, вступать въ объясненіе съ авторомъ. На первыхъ порахъ цензура должна была входить въ эти объясненія, тѣмъ болѣе, что Пнинъ былъ извѣстенъ самому государю, который принималъ участіе въ его сочиненіи. Пнинъ оправдывалъ и защищалъ свой образъ мыслей: „Всякій писатель, пишущій о предметахъ государственныхъ, говорилъ онъ, никогда не долженъ терять изъ виду будущее. Ибо цѣлый народъ никогда не умираетъ, ибо государство, какимъ бы ни было подвержено сильнымъ потрясеніямъ, перемѣняетъ только видъ свой, но вовсе никогда не истребляется. И потому сочинитель обязанъ истины, имъ предусматриваемыя, представлять такъ, какъ онъ находитъ ихъ"... По его утвержденію онъ не высказалъ въ своей книгѣ ничего противозаконнаго: „Все сказанное мною о необходимости крестьянской собственности, всѣ истины, къ сему предмету относящіяся, почерпнулъ я изъ премудраго наказа Великія Екатерины. Она внушила мнѣ оныя. Она возбудила во мнѣ тотъ жаръ и энтузіазмъ, который цензоръ ставитъ мнѣ въ преступленіе". Несмотря на оправданія, книга не была дозволена.

Извѣстность и мѣсто въ исторіи русской литературы доставила Пнину его книга, причемъ его таланты, образованіе, убѣжденія и трудолюбіе обѣщали замѣчательнаго писателя. Пнинъ былъ и лично

извѣстенъ императору Александру и, по словамъ его некролога, „былъ осыпанъ благодѣяніями монарха". Онъ былъ въ цвѣтѣ силъ и лѣтъ и полонъ разныхъ литературныхъ предпріятій. Кромѣ „Опыта о просвѣщеніи" Пнинъ оставилъ еще неизданное разсужденіе: „Вопль невинности, отвергаемой закономъ" и незадолго до смерти писалъ сочиненіе „О возбужденіи патріотизма" и драму „Велизарій". Въ 1806 г. онъ имѣлъ намѣреніе издавать журналъ „Народный Вѣстникъ", программа котораго была уже имъ составлена; сочинитель некролога увѣренъ, что этотъ предполагаемый журналъ „далеко бы оставилъ за собою всѣ журналы, у насъ бывшіе". Но сильная простуда, обратившаяся въ скоротечную чахотку, быстро унесла его въ могилу, въ сентябрѣ 1805 года.

Пнинъ пользовался глубокимъ уваженіемъ и любовію литературныхъ друзей и вообще людей, близко его знавшихъ. Его любили какъ за литературный талантъ, такъ и за нравственныя свойства его характера и убѣжденія. Современники-писатели въ обществѣ литературномъ почтили его память торжественнымъ собраніемъ, на которомъ читали въ честь его и похвальное слово и стихи. По подпискѣ на общія деньги рѣшено было поставить Пнину надгробный памятникъ. Выставляли въ особенности человѣколюбіе Пнина, который, несмотря на свое небогатое состояніе, никогда не отказывалъ въ помощи несчастнымъ, къ нему обращавшимся, и деньгами и совѣтами. Это выражено въ стихахъ 18-лѣтняго Батюшкова, на смерть его:

„Несчастнымъ не одно онъ золото дарилъ,
Пнинъ былъ согражданамъ полезенъ,
Перомъ отъ злой судьбы невинность защищалъ" [1])

Скорбь друзей его была непритворна. Что касается до взгляда ихъ на литературныя заслуги Пнина, то и тутъ они правильно смотрѣли на его направленіе: „Пнинъ былъ рожденъ поэтомъ истины, говоритъ другъ его Брусиловъ. Лира его не гремѣла похвалъ лести — онъ хвалилъ иногда; но самая похвала его имѣла на себѣ печать истины. Осыпая похвалами, онъ умѣлъ давать уроки строгой добродѣтели" [2]).

Для насъ важно литературное направленіе Пнина и характеръ, къ сожалѣнію, весьма немногихъ его литературныхъ произведеній въ томъ отношеніи, что на нихъ и на всемъ его стремленіи отразились идеи современности и пробужденіе жизни Россіи. Была же, слѣдова-

---

[1]) Соврем. 1856 г. № 6, 168—169.
[2]) Журн. Рос. Словесн. ч. 3, стр. 61.

Digitized by Google

тельно, возможность писателю того времени идти по иной, а не Карамзинской только дорогѣ; была возможность, сочувствуя искренно начатымъ и задуманнымъ преобразованіямъ при Александрѣ, вести впередъ общество, развивая его правильнымъ образомъ и указывая настоящій путь прогресса. Къ сожалѣнію, прогрессивныя идеи времени въ періодической литературѣ, послѣ ранней смерти Пнина, не нашли себѣ сколько-нибудь талантливаго истолкователя, писателя съ литературнымъ именемъ и вліяніемъ. Петербургскіе журналы первыхъ годовъ царствованія Александра, въ которыхъ замѣтнѣе это прогрессивное направленіе, не были богаты литературными талантами, и зато тѣмъ сильнѣе господствовало и нравственное и литературное вліяніе на общество Карамзина.

Не надобно однакожъ придавать большаго значенія этому прогрессивному направленію петербургскихъ журналовъ того времени.... И желанія и надежды ихъ были очень скромны, никакъ не выходили изъ рамокъ цензуры и не шли дальше того, что обѣщало и вызывало само правительство. Отъ него одного они ждали всякаго развитія и улучшенія жизни: уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, ослабленія цензуры, освобожденія или, по крайней мѣрѣ, улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, лучшаго устройства безгласнаго, окруженнаго тайною суда и по крайней мѣрѣ печатанія рѣшеній по важнымъ тяжебнымъ дѣламъ, что во Франціи дѣлалось гораздо прежде революціи, и наконецъ,—весьма понятное желаніе—лучшаго, болѣе разумнаго и мягкаго устройства административной власти, которая отличалась крайнимъ произволомъ. Всего этого желало и само правительство Александра, а потому искать въ тогдашней періодической печати какихъ-нибудь оппозиціонныхъ элементовъ или того, что называется теперь „разнузданностію“ мысли, было бы очень несправедливо. Либерализмъ журналовъ былъ мягкій и сдержанный, при всякой мысли, казавшейся самимъ издателямъ смѣлою, они старались оговориться и объяснить, чего собственно они хотятъ. Но, къ сожалѣнію, и тогда были въ обществѣ люди, была партія, которая и въ этомъ робкомъ развитіи мысли видѣла или подозрѣвала опасность и хотѣла его остановить.

Правительство само желало гласности. Это доказывается тѣмъ, что послѣ образованія министерствъ и по введеніи цензурнаго устава, два министерства начали свои повременныя изданія, въ которыхъ хотѣли дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ обществу. Съ 1803 года министерство народнаго просвѣщенія начало свой журналъ, подъ названіемъ „Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія“, редакторомъ котораго былъ первоначально академикъ Озерецковскій. Журналъ этотъ сообщалъ всѣ сколько-нибудь замѣчательные факты изъ исторіи тогдашнихъ университетовъ

Digitized by Google

и другихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній, подмѣчалъ и отношеніе къ нимъ общества, такъ что служитъ хорошимъ сборникомъ матеріаловъ для исторіи нашего просвѣщенія въ царствованіе Александра.

Гораздо однако былъ замѣчательнѣе органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, обязанный безъ сомнѣнія своимъ существованіемъ мысли самого министра—Кочубея, друга государя. Это былъ „С.-Петербургскій журналъ", выходившій ежемѣсячно и просуществовавшій въ первоначальномъ видѣ своемъ съ 1804 по конецъ 1809 года. Ежемѣсячное появленіе книжекъ журнала объясняется, по словамъ издателей, необходимостью давать публикѣ отчетъ, что сдѣлано въ теченіе мѣсяца. Въ журналѣ было два отдѣла. Первый былъ собственно оффиціальный, но гораздо шире того, что разумѣлось подъ этимъ именемъ потомъ. Онъ посвященъ былъ „разнымъ учрежденіямъ по министерству внутреннихъ дѣлъ", и все, что дѣлалось въ этой области, начиная съ Высочайшихъ указовъ и другихъ дѣйствій и мѣръ правительства, до мелкихъ пожертвованій разныхъ лицъ по губерніямъ,—печаталось въ этомъ отдѣлѣ. Публика знакомилась здѣсь подробно съ теченіемъ дѣлъ. Второй отдѣлъ журнала составленъ былъ „изъ разныхъ сочиненій и переводовъ, вообще къ предметамъ управленія принадлежащихъ". Здѣсь, въ теченіе шести лѣтъ, обращено было вниманіе на весьма многіе предметы государственнаго управленія вообще, преимущественно однако на тѣ, которые входятъ въ область министерства внутреннихъ дѣлъ. Большею частію были это переводы извѣстныхъ писателей, авторитетовъ въ государственномъ управленіи. Статьи, имѣвшія отношеніе собственно къ Россіи, историческаго и географическаго содержанія, писанныя русскими, появлялись мало и то не въ первый годъ существованія журнала. Статьи переводныя были большею частію отрывки, но онѣ очень важны по содержанію и по желанію издателей примѣнить основанія ихъ къ русской государственной жизни. Въ самой первой книгѣ журнала помѣщены „Мысли, почерпнутыя изъ политическихъ разсужденій Бакона", съ краткою его біографіею. Издатели говорятъ съ уваженіемъ о творцѣ новой философіи и антагонистѣ схоластиковъ. Они согласны, что „политическія мнѣнія со времени его весьма много измѣнились", но находятъ, что „читателямъ не непріятно будетъ возобновить въ памяти сего славнаго человѣка, болѣе именемъ, нежели твореніями своими вообще нынѣ извѣстнаго". Особеннымъ уваженіемъ со стороны издателей пользовались сочиненія извѣстнаго англійскаго политическаго писателя *Бентама*, который при Екатеринѣ былъ въ Россіи. Въ 1802 году его сочиненія вышли во французскомъ переводѣ Дюмона и отсюда брали переводы свои на русскій языкъ издатели „*С.-Петербургскаго журнала*" и другіе поклонники Бен-

Digitized by Google

тама въ нашихъ періодическяхъ изданіяхъ [1]). Дюмонъ, въ началѣ царствованія Александра, самъ былъ въ Петербургѣ и оставилъ любопытныя замѣтки о дѣлахъ и о лицахъ того времени. Изъ Бентама издатели журнала министерства внутреннихъ дѣлъ перевели мысли „О пользѣ обнародованія отчетовъ“ (1804 г. № 1), „О распространеніи познанія законовъ“, „О пользѣ просвѣщенія“, „О свободѣ книгопечатанія“, на которую однако помѣщено возраженіе, вооружающееся противъ безусловной свободы печати (№ 2), „О необходимости утверждать законы на причинахъ“ (№ 6), „О безопасности (№ 11)“, „Паноптика или новый образъ устроенія тюремныхъ зданій“, въ переводѣ Мартынова (1806 г. №№ 7—11). Издателей интересовали сужденія европейскихъ мыслителей по такимъ вопросамъ государственнаго устройства, которые требовали тогда у насъ рѣшенія, напр., объ общественной благотворительности, о госпиталяхъ, о тюрьмахъ, о полиціи, о привилегіяхъ, торговлѣ, вопросы финансовые и экономическіе и т. п. Обо всемъ этомъ сообщались мысли замѣчательныхъ современныхъ европейскихъ писателей. Вопросъ объ устройствѣ государства занималъ даже исторически; изложены были теоріи древнихъ философовъ объ этомъ предметѣ и даже Платонова республика. Было нѣсколько отрывковъ чисто историческаго содержанія.

Въ 1807 году, во время войны съ французами, напечатано было „разсужденіе одного англичанина о вліяніи французской революціи на мысли и поведеніе его соотечественниковъ“ (№№ 2 и 3), гдѣ дѣлается сильное нападеніе на революцію съ точки зрѣнія нравственности, и издатели прибавляютъ отъ себя, что эти нападенія можно отнести и не къ одной Англіи, а и къ другимъ государствамъ. Издатели вызывали любителей принять участіе въ ихъ журналѣ и присылать статьи, но такихъ нашлось очень немного. Можно указать развѣ на письмо, касавшееся одного изъ крупныхъ злоупотребленій того времени, именно *продажи людей въ рекруты*, въ чемъ участвовали главнымъ образомъ помѣщики (1804 г. № 7). Таково общее содержаніе журнала. Статьи его затрогивали важные вопросы внутренней политики и внутренняго устройства государства.

Цѣль издателей—познакомить общество съ лучшими европейскими мнѣніями и взглядами на эти вопросы, и если, конечно, статьи эти мало распространялись въ обществѣ того времени, не привыкшемъ ни думать, ни знать о своихъ нуждахъ, то, по крайней мѣрѣ, ихъ обязаны были читать лица оффиціальнаго міра — чиновники. Нельзя не замѣтить въ этомъ журналѣ желанія, принадлежавшаго самому правительству, содѣйствовать общественному образованію

[1]) *Пыпинъ*, „Русскія отношенія Бентама“. Вѣстн. Евр. 1869 г. Февраль, стр. 783—820.

Digitized by Google

и развитію общественнаго мнѣнія. Журналъ этотъ былъ замѣченъ и Жозефомъ де Местромъ. Онъ удивляется и обширности программы его и гласности. Говоря о первомъ отчетѣ Кочубея императору, этотъ писатель называетъ его документомъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. „Все въ немъ раскрыто: и хорошее и дурное, даже не большія частныя возмущенія, вызванныя неудовольствіемъ; все въ немъ выставлено на чистоту“ [1]). На изданіе журнала было ассигновано 6000 рублей.

Изъ журналовъ, которые стали появляться съ 1804 года въ Петербургѣ и въ которыхъ сохранялось прогрессивное направленіе, больше другихъ заслуживаетъ вниманія „Сѣверный Вѣстникъ“, издававшійся въ 1804 и 1805 годахъ *Мартыновымъ*. Этотъ писатель, извѣстный впослѣдствіи, какъ переводчикъ греческихъ классическихъ авторовъ, родился въ 1771 году въ Полтавской губерніи и, происходя изъ духовнаго сословія, получилъ образованіе въ Полтавской семинаріи, гдѣ въ особенности такъ хорошо изучилъ древне-греческій языкъ, что по окончаніи курса сдѣлался тутъ же преподавателемъ его. Въ 1788 году, вмѣстѣ съ товарищами своими, сдѣлавшимися потомъ извѣстными въ литературѣ, Илличевскимъ и Котляревскимъ (переводчикомъ на изнанку на малороссійское нарѣчіе Энеиды), Мартыновъ отправился въ С.-Петербургскую Александро-Невскую семинарію для приготовленія къ учительскому званію. Въ числѣ товарищей Мартынова, одновременно прибывшихъ изъ губернскихъ семинарій для той же цѣли по указу Екатерины въ Петербургъ, былъ и Сперанскій. Съ этого времени завязалась между ними дружба, и Сперанскій, быстро выдвинувшійся впередъ своими необычайными талантами, много способствовалъ потомъ и служебной карьерѣ своего пріятеля. Мартыновъ отличался сильною любознательностію и, занимаясь въ Александро-Невской семинаріи, находилъ время ходить пѣшкомъ почти чрезъ цѣлый Петербургъ въ Академію Наукъ—слушать тамъ лекціи по естественнымъ наукамъ, которыя были любимымъ занятіемъ его, наравнѣ съ греческими классиками, до самой смерти его. Въ 1792 году, въ одно время съ Сперанскимъ, Мартыновъ сдѣлался въ семинаріи преподавателемъ греческаго языка и тогда же пустился въ литературу, начавъ печатать стихи свои въ журналѣ Крылова и Клушина „С.-Петербургскій Меркурій“, а подъ конецъ 1793 года даже завѣдывалъ этимъ журналомъ. Съ большимъ трудомъ въ 1795 году удалось Мартынову выйти изъ духовнаго вѣдомства и поступить въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ 1796 году онъ издаетъ уже свой собственный журналъ „Муза“, а на слѣдующій

[1]) Русск. Арх. 1871 г. № 6, стр. 67.

Digitized by Google

годъ поступаетъ учителемъ въ разныя женскія учебныя заведенія, находившіяся подъ покровительствомъ императрицы. Тогда же знанія языковъ, разнообразныя свѣдѣнія и дарованія сдѣлали Мартынова извѣстнымъ Александру, еще наслѣднику престола. Онъ и молодые друзья его рѣшили издать на русскомъ языкѣ нѣсколько извѣстныхъ сочиненій по политической экономіи; переводъ порученъ былъ Мартынову. Имъ переведено было, согласно его собственнымъ запискамъ, три части сочиненія англійскаго экономиста Стюарта, впрочемъ съ французскаго: Récherches sur l'économie politique, шесть частей сочиненія Кондорсе—Bibliotheque de l'homme publique и сочиненіе Верри: Economie politique. Всѣ эти переводы были напечатаны потомъ только въ отрывкахъ.

Царствованіе Александра подвинуло Мартынова впередъ по служебной карьерѣ. При образованіи министерствъ Муравьевъ и Сперанскій рекомендовали его графу Завадовскому, и въ 1803 году Мартыновъ былъ назначенъ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія и въ этомъ званіи очень много сдѣлалъ для организаціи новаго министерства, особенно послѣ того, какъ сдѣлался правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ. Но Мартыновъ не покидалъ однако науки, и въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, открытомъ тогда вмѣсто университета, читалъ лекціи эстетики, на которыя, до самаго конца курса, собиралось много слушателей [1]).

Изданіе журналовъ „Сѣверный Вѣстникъ“ въ 1804 и 1805 гг. и потомъ „Лицей“—въ 1806 году могло быть предпринято Мартыновымъ только съ денежною помощью отъ правительства; иначе едва ли бы онъ былъ въ состояніи издавать; по широтѣ программы, по таланту исполненія, они далеко уступаютъ журналу Карамзина. Отдѣла политическаго здѣсь вовсе не было, критика была слаба, какъ и во всѣхъ журналахъ того времени; ея главное достоинство заключалось въ томъ, что она стояла за новый слогъ противъ нападеній Шишкова. Главное содержаніе журналовъ Мартынова, какъ и слѣдовало ожидать отъ директора департамента народнаго просвѣщенія, было просвѣщеніе и вообще наука. Здѣсь не только развивались общія понятія о просвѣщеніи, которое еще надобно было защищать отъ нападеній тогдашнихъ обскурантовъ. но сообщались свѣдѣнія о всѣхъ новыхъ явленіяхъ въ области науки и просвѣщенія, печатались извѣстія о засѣданіяхъ разныхъ академій и ученыхъ обществъ, какъ нашихъ, такъ и заграничныхъ. Беллетристическій отдѣлъ состоялъ преимущественно изъ стиховъ. Если не было въ журналѣ политики, то взглядъ Мартынова выражался въ этомъ отно-

[1]) Колбасинъ: *Современникъ* 1856 г., №№ 3 и 4.

Digitized by Google

шеніи въ переводахъ изъ Тацита, Гиббона, Монтескье, Гольбаха и другихъ, и въ уваженіи къ государственному устройству Англіи, гдѣ авторъ доходитъ даже до аристократическихъ тенденцій. Такъ, въ статьѣ „Опытъ о Великобританіи“ [1]), неизвѣстный авторъ ея приходитъ въ восторгъ отъ англійской аристократіи, которая создала патріотизмъ, непреодолимую любовь къ своей родинѣ британца. Патріотизмъ британца имѣетъ однако особенныя основанія. „Британецъ привязанъ къ своему государю, говоритъ авторъ, потому, что онъ участвуетъ съ нимъ въ постановленіи законовъ, столь ему полезныхъ, и потому что исполнительная власть сей главы его отечества, приводящая все въ стройное движеніе, есть власть для каждаго подданнаго любезная, творящая единое благо“... „Британецъ любитъ своихъ перовъ или преимущественныхъ главъ дворянскихъ семействъ, потому что они раздѣляютъ съ нимъ трудъ въ народныхъ постановленіяхъ, потому что существуетъ *одинъ законъ* для всѣхъ состояній“ и пр.

Любовь къ родинѣ англичанъ есть источникъ того блестящаго положенія, въ которомъ находится Англія. Съ восторгомъ говоритъ авторъ *о конституціи* англійской, объ этихъ „священныхъ, твердыхъ постановленіяхъ для народо-управленія и производства правосудія“. Обращаясь къ Россіи, авторъ говоритъ о ея будущемъ величіи, но прибавляетъ, что она „никогда не достигнетъ до него существенно *безъ временныхъ измѣненій въ порядкѣ* народо-управленія, въ преимуществахъ и правахъ, и безъ живительнаго патріотизма *преимуществующаго* (т.-е. аристократическаго) состоянія народа“. Это далеко не былъ status quo Карамзина. Описавъ физическое и политическое могущество Россіи, неизвѣстный авторъ спрашиваетъ, отчего бы и въ ней патріотизмъ не принесъ такой же пользы, какъ въ Англіи? Къ сожалѣнію, онъ не видитъ на своей родинѣ патріотизма и съ горькимъ упрекомъ обращается къ сынамъ Россіи: „Россіяне чужды народнаго честолюбія и славы; они, въ низкое угожденіе мимоходящимъ пришлецамъ, слагаютъ обезображенные стихи на полуиностранномъ языкѣ и небрегутъ оградить себя отъ той укоризны, которая начертается на самихъ могилахъ ихъ негодованіемъ истинныхъ сыновъ Россіи; небрегутъ оградить себя отъ такой укоризны, которая произведетъ живую скорбь въ сердцахъ дѣтей ихъ. Теперь служатъ они предметами скрытой насмѣшки Галловъ, а со временемъ будутъ они предметы гнѣва и презрѣнія самыхъ чадъ своихъ“. Какъ поправить это зло? Перемѣны должны быть сдѣланы радикальныя: „Правленію надлежитъ принимать не робкія, но дальновидныя и великодушныя мѣры“. Авторъ требуетъ у насъ созданія ари-

[1]) Сѣв. Вѣстн. 1805 г. № 2, стр. 150—156 и № 3, стр. 247—260.

Digitized by Google

стократіи, въ родѣ англійской, требуетъ „положить преграды пагубному размноженію для государства дворянъ“. Затѣмъ „законы должны быть для всѣхъ состояній равные и непоколебимые“. О крѣпостномъ состояніи говорится только темнымъ намекомъ: „рогатый скотъ, овцы, лошади *и прочія*, находясь въ чьемъ либо исключительномъ владѣніи“... Но вредъ крѣпостного состоянія высказанъ журналомъ въ живомъ примѣрѣ. Кто-то ссобщилъ объ игрѣ московскихъ актеровъ. Между ними была замѣчательная актриса Баранчеева, но она была крѣпостная... „Можетъ ли Баранчеева, при хорошихъ способностяхъ, быть хорошею актрисою?“—спрашиваетъ авторъ—„пусть другой разсудитъ, а не я. Заключи Рубенса, Гаррика, Дица въ крѣпость,—они не были бы славою своего отечества“ [1]). Кѣмъ былъ написанъ панегирикъ Англіи и рекомендовалось аристократическое устройство государства, однако на свободномъ, конституціонномъ развитіи, — мы не знаемъ. Поклонникомъ англійской конституціи былъ у насъ въ то время Новосильцевъ; уваженіе къ англійской формѣ проглядываетъ и въ законодательномъ проектѣ Сперанскаго; многіе были не прочь отъ нея.

Главная и первая задача „Сѣвернаго Вѣстника“ было желаніе усовершенствовать воспитаніе и утвердить на прочныхъ основаніяхъ только что начавшееся въ государствѣ просвѣщеніе, у котораго естественно было въ то время много враговъ. Наука и разумъ имѣли тогда много дѣйствительныхъ враговъ, особенно между тѣми, которые связывали французскую революцію съ широкимъ и свободнымъ развитіемъ мысли въ XVIII вѣкѣ. „Привыкли мы уже слышать нареканіе, говоритъ издатель журнала, что просвѣщеніе въ наши дни произвело на Западѣ страшныя неустройства. Не оно, а невниманіе къ нему“. Сколько разъ приходилось повторять эту избитую мысль, но тогда она была еще новостью.

ЛЕКЦІЯ XIII.

Журналы: „Лицей“, „Журналъ Россійской Словесности“, „Журналъ для пользы и удовольствія“.—Макаровъ и его журналъ.

Журналъ Мартынова „Сѣверный Вѣстникъ“ долженъ былъ защищать образованіе противъ тѣхъ враговъ, которыхъ у него было такъ много въ обществѣ, долженъ былъ и объяснять его значеніе и свойства. Журналъ этотъ хотѣлъ воспитанія, основаннаго на твердыхъ

[1]) Сѣв. Вѣстн. 1804 г., ч. I, стр. 387.

Digitized by Google

правилахъ. И онъ, подобно Пнину, предполагалъ извѣстныя границы образованія, сообразно сословіямъ въ государствѣ: „Чѣмъ обширнѣе кругъ дѣйствій какого состоянія, либо лица, тѣмъ болѣе и обширнѣе надлежитъ быть ихъ познаніямъ; чѣмъ ограниченнѣе сей кругъ, тѣмъ менѣе могутъ приносить пользы такія познанія, которыхъ имъ ни на что употребить не можно“ [1]). Любопытна полемика Мартынова противъ тѣхъ внутреннихъ враговъ нашего просвѣщенія, которые, допуская науку и образованіе по необходимости, хотѣли однако ослабить вредныя дѣйствія ихъ такимъ родомъ ученія, формальнымъ, однообразнымъ, который не допускалъ бы въ человѣкѣ ни малѣйшаго признака саморазвитія и свободной мысли, пришедшей извнѣ. Авторъ такого проэкта [2]) требовалъ, чтобъ въ школы введена была единообразная и неизмѣнная метода, чтобъ учащіеся въ духовномъ отношеніи, т.-е. въ свѣдѣніяхъ и мысляхъ своихъ, представляли изъ себя нѣчто похожее на эскадронъ или полкъ, гдѣ каждый солдатъ пригнанъ къ другому. Тогда, какъ въ военномъ дѣлѣ, можно будетъ взыскивать только съ учителей, а не съ учениковъ, и надзоръ за первыми гораздо важнѣе. Какъ дикъ былъ взглядъ этого составителя проэкта, видно изъ слѣдующей замѣтки его: „Отъ чего въ аглинскомъ парламентѣ большая часть узаконеній всегда почти бываютъ оспариваемы? Отъ чего между судьями объ одномъ дѣлѣ и по однимъ законамъ бываютъ разныя мнѣнія? Отъ чего между учеными объ одной наукѣ разныя утвержденія, причиняющія не одни споры, но великія и вредныя ссоры?... Главная сему причина недостатокъ единообразнаго ученія отъ разномысленныхъ учителей“... [3]). Вотъ противъ чего приходилось спорить, какія простыя истины доказывать тому, кто бралъ на себя защиту просвѣщенія.

Другая мысль, которая довольно часто встрѣчается на страницахъ „Сѣвернаго Вѣстника“, есть мысль о необходимости лучшихъ законовъ. И здѣсь журналъ не опережалъ правительства, а только шелъ за нимъ, развивалъ его намѣренія. „Общества человѣческія, говорилъ журналъ, подобно тѣламъ естественнымъ, подвержены перемѣнамъ, слѣдовательно, одни и тѣ же законы не могутъ приличествовать имъ въ разныхъ обстоятельствахъ“. Это не естественные законы, которые всегда и вездѣ остаются непреложными и неизмѣняемыми. Законы должны совершенствоваться, и журналъ требуетъ у насъ лучшихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и особенно суда. „Благо гражданскихъ обществъ, благо государствъ основывается на мудромъ

---

[1]) 1804 г. ч. I, стр. 4.
[2]) 1804 г., ч. I, стр. 39 сл.
[3]) Ibid. 48.

Digitized by Google

законодательствѣ; безъ онаго никакой народъ, никакое государство не можетъ быть благополучнымъ“ [1]). Журналъ стоялъ отчасти и за свободу печати и подавалъ такимъ образомъ голосъ, въ одномъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ современности, за прогрессъ. Въ немъ было напечатано „мнѣніе шведскаго короля Густава III о вольности книгопечатанія“ [2]). Мнѣніе это вполнѣ благопріятно свободѣ печати и доказываетъ благородный образъ мыслей короля, который принадлежалъ къ коронованнымъ лицамъ XVIII вѣка, раздѣлявшимъ убѣжденія тогдашней философіи и желавшимъ проводить ихъ въ жизнь государственную. Густавъ III особенно указываетъ на то, что публика должна знать все производство дѣлъ въ судахъ и всѣ приговоры, и переводчикъ въ этомъ мѣстѣ отъ себя дѣлаетъ примѣчаніе о необходимости обнародованія судебныхъ приговоровъ въ полномъ ихъ видѣ. Указъ 8 сентября 1802 года о краткомъ объявленіи въ вѣдомостяхъ о рѣшенныхъ дѣлахъ—не удовлетворяетъ его. Онъ желаетъ журнала съ полными приговорами, въ видѣ „Памятника Россійскаго правосудія“. „По истинѣ, какой бы можно было ожидать пользы, говоритъ онъ, если бы публикѣ извѣстны были всякіе приговоры, а особливо по дѣламъ уголовнымъ! Судья, подписывающій рѣшеніе судьбы равнаго, а часто высшаго его степенемъ согражданина, подвергнувшаго себя суду, съ трепетомъ и съ чистою совѣстію принимался бы за перо, зная, что дѣло его, вмѣсто того, чтобы быть въ забвеніи въ архивѣ, извѣстно будетъ свѣту и потомству“.

Второй журналъ Мартынова „Лицей“, издававшійся имъ въ 1806 году, тоже съ пособіемъ отъ правительства, гораздо менѣе замѣчателенъ, чѣмъ прежній, несмотря на то, что въ немъ появлялись политическія извѣстія. Эти послѣднія чрезвычайно кратки и скудны; видно, что политика было непривычное дѣло для издателя и онъ не помѣстилъ даже ни одного политическаго обозрѣнія.

Несправедливо было бы предъявлять журналу того времени большія требованія и ожидать того, чего онъ не былъ въ состояніи дать. Въ этихъ журналахъ читателя настоящаго времени, ищущаго въ нихъ мысли и направленія прошлаго, поражаетъ вообще и бѣдность общественной мысли, и бѣдность реальнаго, чисто русскаго содержанія, и недостатокъ образованія, и скудость таланта. Все это разумѣется соотвѣтствовало характеру государственной жизни, недостатку самодѣятельности въ обществѣ и ничтожности интересовъ въ немъ. Такъ же слабъ, какъ „Сѣверный Вѣстникъ“, въ которомъ статьи съ обществен-

---

[1]) Ibid. 1, 194.

[2]) 1804 г., ч. 3, стр. 201—206.

Digitized by Google

ными вопросами попадались весьма рѣдко и случайно, былъ уже упомянутый мною „Журналъ Россійской словесности", выходившій въ 1805 году, подъ редакціею Брусилова, и наполнявшійся большею частію статьями самого редактора. Кто былъ этотъ Брусиловъ, неизвѣстно: о немъ кромѣ того, что онъ былъ дружень съ Пнинымъ и былъ членомъ литературнаго общества, мы ничего не знаемъ. Видно, что въ литературѣ онъ былъ человѣкъ случайный, и имя его потомъ исчезаетъ совершенно безъ слѣда. Журналу придавало нѣкоторую жизнь участіе въ немъ Пнина, но статьи, въ немъ помѣщенныя, не имѣютъ общаго характера и направленія. Если что было въ немъ живаго и имѣвшаго близкое и современное отношеніе къ обществу, такъ это было нападеніе на французское воспитаніе высшаго класса общества у насъ. Такого содержанія „Письмо деревенскаго жителя о воспитаніи" [1]). „Нельзя безъ прискорбія видѣть, говоритъ авторъ, что воспитаніе нашего юношества совершенно въ рукахъ иностранцевъ, что оно ввѣряется у насъ бродягамъ, людямъ распутнымъ, зараженнымъ якобинскими правилами, вредными не только благоустроенному правительству, но и самому человѣчеству; часто, очень часто наставники сіи неимѣютъ понятія о чести и добродѣтели!" Отсюда недостатокъ въ воспитанникахъ этихъ людей патріотизма, о которомъ тогда многобыло вообще говорено, тѣмъ болѣе, что уже начиналась наша борьба съ Наполеономъ: „Чему удивляться, что они всѣмъ своимъ пренебрегаютъ, когда, такъ сказать, съ молокомъ еще вперена въ нихъ мысль, что Россія есть земля варварская, обиталище суевѣрія и невѣжества?" Отсюда и эта безумная расточительность, это незнаніе цѣны денегъ, которымъ отличалось дворянство того времени, наслаждавшееся жизнію на деньги, добытыя кровавымъ трудомъ крѣпостныхъ. „Если бы помышляли они о томъ, съ какою трудностію добываются крестьянами тысячи, проматываемыя ими, если бы видѣли они, какъ бѣдные поселяне отдаютъ иногда послѣднее рубище для доставленія барину денегъ, нужныхъ ему, можетъ быть, на какія-нибудь моды", и проч. Сочувствіе къ крестьянамъ проглядываетъ и въ другихъ статьяхъ журнала, но очень неопредѣленно. За то ясно высказывается сочувствіе къ свободному направленію тогдашняго правительства. Такова басня, кажется, одна изъ первыхъ басенъ плодовитаго потомъ баснописца и издателя журнала А. Е. Измайлова: „Истина во дворцѣ". Однажды въ чертогъ къ царю забралась нагая истина и всѣ обрушились на нее съ негодованіемъ, призвали стражу и выгнали бѣдную истину изъ дворца. Въ другой разъ истина поступила гораздо благоразумнѣе: она пришла во дворецъ въ одеждѣ *вымысла* и царь плѣнился ею и послушался ея рѣчей.

---

[1]) I, стр. 9—28.

Digitized by Google

„Счастлива та страна, въ которой кроткій Царь
Правдиво говорить себѣ не запрещаетъ!
Счастливѣй мы стократъ; нашъ ангелъ Государь
Не только истину въ чертогъ себѣ пускаетъ,
Но даже ищетъ самъ ее“ [1]).

Все это отличалось большою невинностью, но все же въ петербургскихъ журналахъ того времени, напр., даже въ такомъ пустомъ и ничтожномъ, какъ издававшійся на 1805 годъ Варенцовымъ „Журналъ для пользы и удовольствія“ можно было найти статьи политическаго содержанія. Такъ, въ немъ помѣщенъ переводъ изъ Рейналя о конституціонномъ правленіи въ Англіи [2]).

Такова была въ началѣ царствованія Александра русская журналистика. Первый толчекъ ей данъ былъ Карамзинымъ и, конечно, духомъ новаго времени и реформами, замышляемыми правительствомъ. Съ ея стороны мы замѣчаемъ стремленіе понять это новое направленіе и разглядѣть, что нужно странѣ. Но это было только безплодное стремленіе, хотя и похвальное въ сущности. Журналистикѣ недоставало очень многаго, а главное, самостоятельной мысли и жизни въ обществѣ, безъ чего она невозможна. Все же въ петербургскихъ журналахъ замѣчалось больше современности и движенія впередъ, чѣмъ въ московскихъ. Послѣдніе, изъ всего содержанія дѣятельности Карамзина, развивали болѣе всего *сентиментальность*. Къ числу первыхъ и болѣе другихъ даровитыхъ поклонниковъ и подражателей литературной дѣятельности Карамзина надобно отнести Петра Ивановича *Макарова*, который и писателемъ явился, кажется, только изъ подражанія прославленному литератору своего времени, а потому совершенно случайно. По крайней мѣрѣ, онъ нисколько не былъ приготовленъ къ авторской дѣятельности [3]). Современники оставили о немъ отрывочныя замѣтки, какъ о человѣкѣ замѣчательномъ и отличавшемся многими странностями, но въ чемъ состояли онѣ, неизвѣстно. Краткое свѣдѣніе о его жизни было написано М. А. Дмитріевымъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, и не даетъ о немъ никакихъ особенныхъ свѣдѣній. Макаровъ родился въ одинъ годъ съ Карамзинымъ и, подобно ему, принадлежалъ къ дворянскому сословію. Отецъ его былъ богатый казанскій помѣщикъ и исправлялъ должность губернскаго предводителя дворянства во время Пугачевскаго бунта. Какъ, чему и гдѣ учился молодой Макаровъ,—намъ неизвѣ-

---

[1]) I, стр. 51.

[2]) I, стр. 183—211.

[3]) *Геннади*. „Макаровъ и его журналъ Московскій Меркурій“, *Совр.* 1854 г., т. XLVII, № 10, Отд. III, 65—94.

Digitized by Google

стно, хотя біографъ и говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: „прилежность и, можно сказать, страсть къ ученію, сдѣлали его извѣстнымъ еще въ дѣтскихъ лѣтахъ“ [1]). Военная служба, въ которую онъ долженъ былъ вступить по искоиному дворянскому обычаю, была, какъ извѣстно, очень облегчена во время Екатерины. Макаровъ еще въ дѣтствѣ былъ записанъ въ артиллерію и состоялъ или числился въ тѣхъ ротахъ, которыя постоянно находились въ Казани. Служба проходила удобно и спокойно. Дослужившись до чина поручика, Макаровъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ. Кажется, что около этого времени умеръ отецъ его, и Макаровъ, оставшись на свободѣ, повелъ въ столицѣ веселую жизнь и въ кругу кутящей военной молодежи того времени, прожилъ почти все свое состояніе. У него осталась одна небольшая деревенька; все остальное было продано на уплату долговъ. Макаровъ вышелъ въ отставку, но на одномъ мѣстѣ не остался. Въ 1795 году онъ предпринимаетъ путешествіе въ Англію. Какая цѣль была этого странствованія и почему онъ выбралъ именно эту страну, ни языка, ни обычаевъ которой онъ не зналъ,—мы ничего не знаемъ. Вѣроятно, однако, что „Письма русскаго путешественника“ имѣли большую долю вліянія на воображеніе молодого Макарова, и онъ представлялъ себя сентиментальнымъ путешественникомъ, любимымъ типомъ времени.

Памятникомъ этого путешествія Макарова въ Англію остались письма его къ друзьямъ о Лондонѣ, подъ названіемъ „Россіянинъ въ Лондонѣ“, помѣщенныя частію въ „Московскомъ Меркуріѣ“, частію въ „Вѣстникѣ Европы“ 1804 года, издателемъ котораго онъ сдѣлался послѣ Карамзина, впрочемъ на очень короткое время. Письма эти написаны, очевидно, въ подражаніе Карамзину, хотя Макаровъ подражалъ болѣе слогу послѣдняго. О характерѣ этого путешествія самъ Макаровъ говоритъ, что онъ предпринялъ его „безъ рекомендательныхъ писемъ, безъ товарища, не зная англинскаго языка, и безъ денегъ“ [2]). Очутившись, такимъ образомъ, въ огромномъ незнакомомъ городѣ, путешественникъ обратился за помощью къ священнику русскаго посольства. Тотъ, дѣйствительно, помогъ ему и устроилъ его жизнь въ Лондонѣ. Макаровъ принялся изучать Лондонъ; городъ ему понравился. Онъ остался имъ вполнѣ доволенъ. „Начиная отъ земледѣльческихъ инструментовъ, говоритъ онъ, до самыхъ дорогихъ часовъ, отъ собаки, барана и быка до верховой лошади, отъ сапоговъ, которые носитъ слуга, до металла, блистающаго на прелестной груди молодой леди, отъ стола или стула бѣднаго мѣщанина до велико-

[1]) Сочиненія и переводы Макарова. М. 1817. Предисловіе.
[2]) Моск. Мерк. I, стр. 28.

Digitized by Google

лѣпныхъ уборовъ богача — здѣсь все хорошо“ [1]). Изъ этихъ словъ Макарова видно, что онъ обращалъ вниманіе только на внѣшнюю сторону лондонской жизни. Впрочемъ, онъ дѣлаетъ замѣтку, что жизнь въ Лондонѣ дешевле московской и петербургской, и старается доказать это исчисленіемъ своихъ расходовъ. Нравится ему также и то, что въ Англію можно пріѣхать безъ всякаго паспорта, что, по его словамъ, правительство принимаетъ тамъ всякаго иностранца какъ *гостя*, какъ *добраго человѣка*; не дѣлаетъ ему никакихъ допросовъ, не оскорбляетъ его никакимъ подозрѣніемъ. Главный предметъ, который больше прочаго занималъ Макарова въ Лондонѣ, были женщины, и притомъ такія, съ которыми ему легче было познакомиться, это именно тѣ, которыхъ онъ попросту называетъ *дѣвками*, и которыя, по ихъ техническому выраженію въ Лондонѣ, *обязываются на вечеръ*“. Макаровъ довольно подробно и съ увлеченіемъ описываетъ ихъ. Надобно замѣтить, что эта сторона жизни европейскихъ столицъ составляла вообще главный предметъ наблюденій нашихъ богатыхъ заграничныхъ путешественниковъ, а въ Карамзинѣ и его школѣ, несмотря на всю ея сентиментальность и меланхолію, чувственная сторона была довольно сильно развита. Самъ Карамзинъ даже въ „Вѣстникѣ Европы“ началъ было писать романъ или повѣсть, подъ названіемъ „Герой нашего времени“, на которой слишкомъ замѣтно вліяніе знаменитаго романа Лувé „Фобласъ“, а послѣдователи Карамзина довели это содержаніе до крайностей и уродства. У Макарова была значительно развита эта сторона карамзинскаго направленія въ его „Меркуріѣ“. Онъ замѣчаетъ, напр., слабое развитіе у насъ литературы и ищетъ причины этого явленія: „Въ числѣ обстоятельствъ, которыя донынѣ препятствовали успѣхамъ нашей литературы, говоритъ онъ, вполнѣ справедливо можно кажется полагать еще и то, что у насъ молодой человѣкъ весьма рано перестаетъ учиться, и по вступленіи въ свѣтъ не имѣетъ уже никакой побудительной причины обогащать ума своего: общества, которыя онъ посѣщаетъ, не требуютъ отъ него знаній; видъ пользы отдаленной слабо дѣйствуетъ на его сердце, оно наслаждается только удовольствіями настоящаго времени“ [2]). Разсматривая успѣхи и развитіе французской литературы въ XVIII вѣкѣ, Макаровъ все это развитіе приписываетъ вліянію образованныхъ женщинъ и тѣмъ литературнымъ салонамъ знаменитыхъ дамъ, въ которыхъ сосредоточивалось движеніе мысли. Онъ желаетъ того же и нашему обществу: „Если бы наши дамы выдумали подражать сему примѣру, то нѣтъ сомнѣнія, что онѣ заставили бы

---

[1]) Соч. и Пер. изд. 2, т. II, ч. III, стр. 37.
[2]) Ibid. т. I, ч. I, стр. 59.

Digitized by Google

всякаго учиться". „Тогда, говоритъ онъ, можетъ быть на землю воротились тѣ золотые вѣки, когда одинъ взглядъ, одинъ поцѣлуй руки награждалъ десятилѣтніе подвиги героевъ!!" Съ этой сентиментальной точки зрѣнія Макаровъ желаетъ и образованія нашимъ женщинамъ, желаетъ, чтобъ онѣ посѣщали и музеи и лицеи, слушали лекціи профессоровъ. Онъ жалѣетъ, что у насъ, изъ всѣхъ французскихъ модъ, не перенимаютъ именно эту. Макаровъ совершенно согласенъ, чтобъ женщина училась столько же, сколько и мужчина; онъ утверждаетъ даже, что ея способности превосходнѣе нашихъ и требуютъ только развитія. Исторически разбираетъ онъ участіе женщинъ въ ходѣ общаго образованія и мечтаетъ о томъ времени, когда въ Россіи, въ восторгѣ благодарности, можно будетъ сказать: „женщины просвѣтили Россію!" [1]). Поэтому и журналъ свой Макаровъ преимущественно назначаетъ для дамъ; съ этою цѣлію онъ особенно заботится о модныхъ картинкахъ и о полнотѣ описанія современныхъ модъ: „Вамъ, любезныя читательницы, желаемъ предпочтительно угодить: *ваше* только одобреніе назовемъ *вѣнцемъ* и *счастіемъ* своимъ"... „О васъ, прекрасныя, станемъ думать безпрестанно" [2]). Это не были слова дѣйствительнаго уваженія къ женщинѣ и признанія ея правъ; это была нѣжная карамзинская манера, весьма близко граничащая съ грубой чувственностію, встрѣчающейся въ жизни. Изъ одной замѣтки лондонскихъ писемъ Макарова видно, что онъ былъ и въ Швейцаріи. Біографъ его говоритъ, что у него не было никакихъ средствъ выбраться изъ Англіи и что пришлось прибѣгнуть къ займу, но по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ гдѣ-то досталъ денегъ и честно расплатился съ добрымъ англичаниномъ, давшимъ деньги мало ему знакомому.

Воротившись изъ своего безцѣльнаго путешествія за границу, которое, однако, тогда придавало гораздо болѣе значенія и ученой репутаціи человѣку, чѣмъ теперь, Макаровъ поселился въ Москвѣ и сталъ жить литературою, не имѣя, повидимому, другихъ средствъ. Онъ перевелъ (съ 1796—1800 г.) съ французскаго модный тогда романъ „Графъ де Сенъ-Меранъ или новыя заблужденія сердца и ума"— 8 ч., а въ 1802 году „Антеноровы путешествія по Греціи и Азіи", Лантье—вымышленныя, какихъ тогда, со времени знаменитой книги Бартелеми, издавалось много. Здѣсь описывался древній міръ. Въ слѣдующемъ году, увлеченный примѣромъ Карамзина, Макаровъ издавалъ свой журналъ „Московскій Меркурій", наполняя его, по условіямъ того времени, собственными своими трудами и переводами,

[1]) Ibid. стр. 72.
[2]) I, 70—71.

Digitized by Google

которые потомъ изданы отдѣльно въ небольшихъ 4-хъ частяхъ. (М. 1805 и 1817 г.). На слѣдующій годъ онъ издавалъ, какъ кажется, послѣ Карамзина, „Вѣстникъ Европы", а въ концѣ этого года съ какимъ-то изъ пріятелей своихъ, неизвѣстно съ какою цѣлію, поѣхалъ въ Польшу, и на дорогѣ, въ его деревнѣ, умеръ. Вотъ и вся біографія этого человѣка, въ характерѣ и въ обстоятельствахъ жизни котораго современники находили очень много странностей, не объясняя, однако, въ чемъ онѣ состояли. Біографъ его Дмитріевъ говоритъ о немъ общими фразами: онъ былъ добръ, чувствителенъ, пріятенъ въ обществѣ и любимъ всѣми, никогда не жаловался на свою бѣдность и чрезвычайно усердно заботился о своемъ слогѣ, поправляя нѣсколько разъ написанное. Въ этомъ слогѣ видно усердное подражаніе Карамзину. У Макарова та же мѣрность и плавность, тѣ же дактилическія окончанія, та же округленность періодовъ, но уже въ немъ, какъ въ подражателѣ, видна отчасти неестественность этого слога.

Журналъ Макарова пустъ содержаніемъ. Политика, современность, вопросы внутренняго устройства государства не существуютъ для него; его занимаетъ только изящное и желаніе угодить милымъ читательницамъ. Стиховъ немного. Повѣсти и мелкія статейки разнаго содержанія, всѣ большею частію переведены съ французскаго и насквозь проникнуты сентиментальностію, любимою обществомъ.

Макаровъ между современниками и въ курсахъ русской словесности оставилъ послѣ себя репутацію литературнаго критика. Современники не долюбливали критики Макарова: „Не спорно, говоритъ его некрологъ [1]), что критика его была ѣдка, не всегда справедлива и болѣе сатира, нежели критика; но и она, вѣроятно, послужила въ осторожность многимъ изъ нашихъ молодыхъ писателей. Онъ проигралъ симъ родомъ занятія, ибо нажилъ себѣ непріятелей; за то сдѣлался полезнымъ тѣмъ, кого судилъ". Критика Макарова была очень незлобна. У него не было никакихъ теоретическихъ началъ, подъ которыя онъ подводилъ бы разбираемое сочиненіе; онъ не опредѣлялъ ни внутренняго, ни художественнаго его значенія, не искалъ въ немъ ни главной мысли, ни цѣли, а обращалъ только вниманіе на внѣшнее выраженіе, на слогъ и слова. Но и этого тогда уже было много и всякій сочинитель или переводчикъ считалъ себя задѣтымъ за живое самымъ пустымъ замѣчаніемъ. Между тѣмъ Макаровъ, подобно Бѣлинскому, который не разъ высказывалъ ту же самую мысль, писалъ свои рецензіи, по его словамъ, „не для авторовъ и переводчиковъ, а единственно въ пользу тѣхъ любителей

[1]) Сѣв. В. 1804 г., ч. IV, стр. 333.

Digitized by Google

чтенія, которые для выбора книгъ не имѣютъ другаго руководства, кромѣ газетныхъ объявленій". Это было полезное дѣло для публики, но тогдашніе писатели смотрѣли иначе. Они были недовольны вообще критикою Макарова. „Сѣверный Вѣстникъ" [1]) напечаталъ даже у себя разсмотрѣніе всѣхъ рецензій Макарова въ его „Московскомъ Меркуріѣ", гдѣ доказывалось, что критика пишется единственно для авторовъ и переводчиковъ, дабы нѣкоторыхъ изъ нихъ усовершенствовать въ сочиненіяхъ и переводахъ и высказывалось убѣжденіе, что было бы гораздо больше пользы, если бы „почтенные творцы *Россіяды*, *Сорены*, нашъ Горацій, воспѣвшій *Бога*, *Фелицу*, приняли на себя трудъ, въ свободные часы отъ безсмертныхъ дѣлъ своихъ, замѣчать, выправлять нѣкоторыя творенія юныхъ авторовъ, подающихъ о себѣ большую надежду. Кто, кто изъ таковыхъ писателей не вмѣнилъ бы себѣ въ законъ слѣдовать толь безпристрастнымъ, родительскимъ, можно сказать, совѣтамъ". Такъ смотрѣли тогда на критику.

Критика составляетъ, однако, самую живую сторону Макаровскаго журнала. Карамзинъ не любилъ ея, она была ему не по характеру, и онъ могъ писать только въ похвальномъ тонѣ. Макаровъ, напротивъ того, ввелъ критику въ моду; ни одинъ журналъ не обходился уже потомъ безъ нея. Несмотря на всю свою поверхностность литературныя сужденія издателя „Меркурія" были полны здраваго смысла и стояли гораздо выше рецензій многихъ современныхъ журналовъ. Въ извѣстной борьбѣ между поклонниками Шишкова и Карамзина, Макаровъ стоялъ, разумѣется, на сторонѣ послѣдняго. Онъ, какъ увидимъ, первый открылъ полемику.

Уваженіе къ прекрасному полу, съ примѣсью эротизма, въ школѣ Карамзина довели до самыхъ крайнихъ предѣловъ, до смѣшнаго, два лица: М. Н. Макаровъ и князь Шаликовъ. Послѣдній, въ особенности прославившійся своимъ утрированнымъ сентиментализмомъ, издатель газетъ и журналовъ, сдѣлался мишенью множества эпиграммъ и своею дѣятельностію возбуждалъ искренній смѣхъ не одного поколѣнія. Макаровъ, умершій только въ 1847 году и въ послѣдніе годы много писавшій по русской старинѣ и народности, былъ въ началѣ своей литературной дѣятельности, искреннимъ подражателемъ Карамзинской чувствительности. Въ 1804 году онъ издавалъ „Журналъ для милыхъ", содержаніе котораго уже понятно по заглавію. Если у Шаликова „нѣжная чувствительность сопряжена была еще съ моралью", то въ журналѣ Макарова сентиментальность доведена была до грубаго сладострастія и до изображеній разврата, прикрытыхъ, однако,

[1]) III, стр. 294—314.

Digitized by Google

нѣжнымъ слогомъ Карамзина. Въ особенности, по этимъ качествамъ, бросались въ глаза „Побѣда надъ нимфами“ (№ 2) и повѣсть „Анюшка“ (№ 3). Издатель поставилъ себѣ эпиграфомъ слова: „прелести нашихъ милыхъ читательницъ защитятъ отъ злыхъ насмѣшекъ критики“, но даже и современная робкая критика возмутилась [1]).

Вотъ куда вело Карамзинское направленіе.

ЛЕКЦІЯ XIV.

Безплодность сентиментальнаго направленія.—Князь Шаликовъ.—В. В. Измайловъ.—Его педагогическія идеи.—Журналъ «Патріотъ».

Безплодность литературнаго направленія и внутренняго содержанія дѣятельности Карамзина лучше всего раскрывается въ его литературныхъ друзьяхъ и подражателяхъ, которые сущность Карамзинскаго отношенія къ жизни и дѣйствительности довели до крайней приторности. Чувствительность этого писателя, имѣвшая еще значеніе въ первое время своего появленія, какъ контрастъ предшествовавшимъ, если можно такъ выразиться, героическимъ явленіямъ подражательной литературы нашей въ XVIII вѣкѣ, упала теперь до пошлости, до мелкихъ изліяній сердца, никому не нужныхъ и ни для кого, кромѣ друзей писателя, непонятныхъ. Литература получила какое-то домашнее содержаніе, вмѣсто служенія жизни и обществу она занималась дрязгами, возможными только въ домашнемъ быту. Что-то патріархальное проглядываетъ въ этихъ, къ счастію, теперь невозможныхъ отношеніяхъ литературы, которая писалась какъ бы сама для себя и находила свое ничтожное содержаніе въ замкнутомъ тѣсномъ кружкѣ литераторовъ, гдѣ одинъ хвалилъ или бранилъ другого, писалъ мадригалы или сатиры. Въ этомъ положеніи литературы, которая занималась только словами и формами, возможны были такіе типическіе представители, какъ петербургскій піита графъ Д. И. Хвостовъ и московскій Карамзинистъ—князь Шаликовъ. Оба они писали очень много и жили очень долго, такъ что личности ихъ укоренились въ литературныхъ преданіяхъ, окруженныя эпиграммами и множествомъ разсказовъ самаго забавнаго свойства. Упомянуть объ этомъ типѣ, созданномъ пустотою общественной жизни, крайнею бѣдностію мысли и недостаткомъ внутренняго развитія и образованія между самими писателями, стоитъ, конечно, въ исторіи нашей литературы, но говорить объ ихъ отношеніяхъ и ихъ дѣятельности—значило бы вдаваться въ такія анекдотическія подробности, которыя

[1]) Сѣв. В. 1804 г., ч. 3, стр. 259—261.

Digitized by Google

не могутъ имѣть значенія на страницахъ этой исторіи. Князь Шаликовъ, напр., умеръ только въ 1852 году, будучи 84 лѣтъ отъ роду. Въ этотъ длинный періодъ жизни, при его многочисленныхъ отношеніяхъ въ московскомъ обществѣ и литературныхъ кружкахъ Москвы, о немъ составилось множество самыхъ разнообразныхъ и по большей части, конечно, забавныхъ разсказовъ, въ которыхъ главнымъ содержаніемъ была чувствительность, доведенная до вялости. Карамзинъ, говоря о литературныхъ свойствахъ Шаликова и защищая его, говорилъ, что въ немъ есть *что-то тепленькое*, и это, кажется, самая лучшая характеристика его съ тогдашней точки зрѣнія. Между тѣмъ, разбирая произведенія Шаликова, мы не найдемъ ни въ прозѣ, ни въ стихахъ его ничего такого, что было бы очень дурно, или стояло ниже Карамзина. Талантъ послѣдняго создалъ всѣ произведенія Шаликова, и смѣшное въ немъ заключается собственно въ томъ, что онъ оставался вѣренъ очень долго одному и тому же направленію, которое надоѣло именно своею продолжительностью. Кругомъ его измѣнялись люди, идеи, жизнь, а онъ все твердилъ одну и ту же ребяческую ноту. Чтобъ познакомиться съ взглядомъ Шаликова на журнальную дѣятельность, достаточно привести его объявленіе о журналѣ.

„Изъ уваженія къ почтеннѣйшимъ россійскимъ дамамъ въ слѣдующемъ 1806 году будетъ издаваться ежемѣсячное изданіе подъ названіемъ „Дамскій Журналъ“. Въ немъ помѣщены будутъ піэсы разныхъ родовъ въ стихахъ и прозѣ. Главнымъ предметомъ будетъ: *нѣжная чувствительность, сопряженная съ моралью*. Иногда помѣщаемы будутъ статьи о модахъ, переводимыя изъ иностранныхъ журналовъ. *Критика и политика* исключаются. Издатель поставитъ себѣ за особливую честь, если будетъ удостоенъ отъ *почтенныхъ россійскихъ поэтовъ* присылкою ихъ произведеній“.

Нигдѣ нагляднѣе не выражается подражаніе Карамзину у Шаликова, какъ въ его „Путешествіи въ Малороссію“ въ формѣ писемъ. Это былъ сколокъ съ „Писемъ“ Карамзина, гдѣ главную роль играли чувствительность и меланхолія. Слабую сторону этого путешествія умѣли замѣтить и современники, и Макаровъ въ своемъ „Меркуріѣ“ высказалъ о немъ очень вѣрныя, не лишенныя здраваго смысла замѣчанія. „Читая книгу, говоритъ онъ, весьма часто плѣняешься фразою, реторическою фигурою, какимъ то пріятнымъ, нѣжнымъ колоритомъ слога, какою-то чувствительностію... *розовою цвѣта!*... а прочтя до конца, мало удержишь въ памяти! Нѣтъ главнаго предмета, на которомъ бы весь *интересъ* былъ основанъ; нѣтъ *цѣли*. Это не что иное, какъ собраніе отрывковъ, какіе человѣкъ съ талантомъ могъ написать, не выѣзжая изъ Москвы... Издатель сказалъ: „въ семъ путешествіи нѣтъ ни статистическихъ ни географическихъ

Digitized by Google

описаній", а мы прибавимъ еще: *ни историческихъ ни философическихъ*. „Авторъ не описываетъ даже ни нравовъ, ни образа жизни въ томъ краю, по которому онъ проѣхалъ, и предлагаетъ читателямъ... только *впечатлѣнія* свои!"... [1]). Путешествіе происходитъ какъ бы въ воздушномъ пространствѣ; всякая особенность личностей и мѣстъ — исчезаетъ, а если авторъ и вздумаетъ случайно говорить о Малороссіи, то у него выходитъ картина безъ всякой тѣни, и Малороссія является чѣмъ-то въ родѣ идиллической Аркадіи. Забавнѣе всего въ этомъ путешествіи Шаликова откровенность его и подробности, передаваемыя имъ о себѣ читателямъ, возможныя только для самаго тѣснаго кружка друзей. Но ужъ это было условіемъ тогдашнихъ литературныхъ отношеній. Патріархальность ихъ доходила до смѣшныхъ размѣровъ. Въ 1804 году три поэта того времени: П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, извѣстный врагъ Карамзина, писавшій на него доносы и обвинявшій его въ якобинствѣ и революціонномъ образѣ мыслей, бывшій тогда попечителемъ московскаго университета, бездарный переводчикъ Пиндара, Сафо, Гезіода и Теокрита и бездарный стихотворецъ, потомъ извѣстный, графъ Д. И. Хвостовъ, и третій графъ, С. Салтыковъ, согласились издавать журналъ только для помѣщенія своихъ собственныхъ произведеній и уговорили извѣстнаго тогдашняго издателя въ Москвѣ, Бекетова, печатать на его счетъ этотъ журналъ. Онъ издавался три года, безъ всякой выгоды для издателя. М. А. Дмитріевъ разсказываетъ, что всѣ три стихотворца собирались вмѣстѣ читать свои произведенія и рѣшать—достойны ли они помѣщенія въ журналѣ. При этомъ случалось, что двое всегда хвалили третьяго очень усердно, чтобъ и себѣ заслужить то же [2]). Журналъ поэтому наполнялся, главнымъ образомъ, плохими стихами; въ немъ не было ничего современнаго и даже въ чемъ состояло его направленіе—нельзя отгадать.

Самымъ умнымъ послѣдователемъ Карамзина и его направленія былъ Московскій литераторъ Владиміръ Васильевичъ Измайловъ. Онъ пережилъ это направленіе и идеалы карамзинской эпохи, но до самой смерти своей не потерялъ уваженія ни въ литераторахъ, ни въ людяхъ, знавшихъ его. Измайловъ родился въ Москвѣ въ 1773 году и все свое образованіе получилъ въ домѣ родительскомъ. Но образованіе его было значительно. Онъ зналъ языки: французскій, нѣмецкій, англійскій и латинскій съ ихъ литературами, что видно изъ выписокъ, встрѣчающихся въ его сочиненіяхъ. Изъ наукъ особенно любилъ онъ ботанику и въ 1810 году перевелъ „письма о ботаникѣ"

---

[1]) Моск. Мерк., II, стр. 120—121.

[2]) „Мелочи изъ запаса моей памяти", 2-ое изд., стр. 83.

Digitized by Google

Ж. Ж. Руссо [1]), присоединивъ къ нимъ разныя дополненія изъ Турнефора и другихъ извѣстныхъ тогда ботаниковъ. Слѣды этой любви къ ботаникѣ замѣтны и въ томъ уваженіи, съ какимъ Измайловъ посѣтилъ во время своего путешествія въ южную Россію въ Николаевѣ жившаго тамъ бывшаго профессора ботаники въ Московскомъ университетѣ Афонина, ученика Линнея. Этотъ извѣстный профессоръ, по слабости здоровья, вышелъ въ отставку, чтобъ поселиться въ южномъ климатѣ, а Потемкинъ, его товарищъ по университету, тогда всемогущій, подарилъ ему около Николаева небольшое количество казенной земли, на которой и жилъ Афонинъ съ 1770 по 1810 г., занимаясь своей любимой наукой, вмѣстѣ съ другимъ знаменитымъ, естествоиспытателемъ Палласомъ, переселившимся тоже въ Крымъ. Измайловъ посѣтилъ ихъ обоихъ и съ восторгомъ говоритъ о нихъ [2]). Своимъ значительнымъ по тому времени образованіемъ Измайловъ былъ безъ сомнѣнія обязанъ богатымъ средствамъ своего отца. Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, чѣмъ онъ, однако, не хвастался [3]). Отецъ его, по свидѣтельству сына, владѣлъ нѣсколькими тысячами душъ крестьянъ и, не получивъ большого образованія, отличался, однако, добрыми качествами души [4]). Учителемъ его былъ извѣстный литераторъ прошлаго вѣка Подшиваловъ (1765 — 1813), въ одномъ изъ журналовъ котораго „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (1794 — 1798) были помѣщены первые литературные опыты Измайлова.

По обычаю, Измайловъ служилъ въ гвардіи, куда, вѣроятно, былъ записанъ еще въ дѣтствѣ, но служилъ не долго, только до перваго чина, и вышелъ въ отставку премьеръ маіоромъ. Тогда онъ поселился въ Москвѣ и жилъ большею частію въ своей подмосковной деревнѣ. Его образованіе и любовь къ умственному труду скоро сблизили его съ литературными представителями Москвы, Карамзинымъ и Дмитріевымъ, и онъ попалъ въ ихъ кружокъ. Карамзинъ въ своемъ стихотворномъ альманахѣ „Аониды“ (1796—1799) напечаталъ нѣсколько поэтическихъ опытовъ В. Измайлова, отличающихся подражаніемъ французскимъ поэтамъ того времени и преисполненныхъ нѣжной карамзинской чувствительности. Въ 1799 году Измайловъ отправился путешествовать по южной Россіи. Это путешествіе рекомендуетъ его любознательность. Онъ посѣтилъ Малороссію, Кіевъ, Полтаву, Ново-

---

[1]) „Руссовы письма о ботаникѣ, съ дополненіемъ его ботаническаго словаря, съ объясненіемъ трехъ лучшихъ методъ Турнефорта, Линнея и Жусье, и съ ботаническими часами, изобрѣтенными безсмертнымъ Линнеемъ. М. 1810.

[2]) „Путешествіе въ полуденную Россію“. М. 1805, ч. II, 29—32, 117—129.

[3]) Ib. II, 134.

[4]) „Патріотъ“, 1804 г., т. II, 15.

Digitized by Google

россійскія области, Крымскій полуостровъ, объѣхалъ весь южный берегъ Крыма, землю Черноморскихъ казаковъ, тогдашнюю Кавказскую линію и чрезъ Астрахань, Сарепту и Царицынъ вернулся въ Москву. Путешествіе это по достоинству стоитъ гораздо выше путешествія Шаликова, хотя и въ немъ сказалось подражаніе Карамзину: въ чувствительности описаній природы, въ патетическихъ обращеніяхъ къ ней, въ меланхоліи, въ нѣжныхъ восторгахъ при описаніи и видѣ женщины, кто бы она ни была, и въ желаніи изображать романическія встрѣчи и приключенія, о которыхъ слышалъ путешественникъ по дорогѣ. Всѣ эти слабыя стороны произведенія Измайлова и неумѣренное употребленіе французскихъ словъ были значительно ослаблены во второмъ изданіи „Путешествія“, вышедшемъ въ 1805 году, но и въ немъ очень замѣтны слѣды Карамзина. Для Измайлова чувства и впечатлѣнія были дороже всего видѣннаго и объ нихъ онъ главнымъ образомъ заботился. Уйти отъ карамзинскаго вліянія для него было невозможно: онъ былъ слишкомъ слабъ для того талантомъ. Но книга его читалась съ удовольствіемъ современниками и составила ему литературное имя. Измайловъ былъ вообще бѣденъ талантомъ; въ этомъ случаѣ не помогло ему и знакомство съ европейскими литературами. Съ предшествовавшими явленіями русской литературы онъ почти вовсе не былъ знакомъ, и Карамзинъ въ 1800 году говорилъ объ Измайловѣ, что онъ по-русски не читалъ ничего, кромѣ „Моихъ Безделокъ“.

Со времени изданія „Путешествія“, которое ввело Измайлова въ литературный кругъ, онъ сдѣлался очень усернымъ писателемъ, началъ участвовать въ „Вѣстникѣ Европы“ Карамзина, перевелъ знаменитый романъ Шатобріана „Атала или любовь двухъ дикихъ въ пустынѣ“, „Картину Европы“ — Сегюра и потомъ напечаталъ нѣсколько другихъ переводовъ. Въ 1804 году, тоже по примѣру Карамзина, Измайловъ является журналистомъ, но журналъ его былъ посвященъ одной исключительной цѣли, именно педагогической. Надобно замѣтить, что изъ всѣхъ литературныхъ вліяній на Измайлова сильнѣе другихъ было вліяніе Ж. Ж. Руссо, хотя, конечно, Измайловъ былъ далекъ отъ соціальныхъ теорій этого мыслителя и любилъ въ немъ то, что любилъ и Карамзинъ, т.-е. его чувствительность и сочувствіе къ природѣ. М. А. Дмитріевъ въ своихъ „Мелочахъ“ [1]) говоритъ, что Измайловъ хотѣлъ осуществить во всей своей жизни Эмиля Руссо и что хотя это не дѣлало его страннымъ въ обществѣ при его хорошемъ воспитаніи и образованности, но имѣло вредное вліяніе на его благосостояніе и счастіе. И. И. Дмитріевъ, въ

[1]) Мелочи изъ запаса моей памяти. 2-е изд. стр. 101.

Digitized by Google

письмѣ своемъ въ Петербургъ, увѣдомляя о смерти Измайлова, называетъ его вообще безсчастнымъ [1]). Изъ этихъ неясныхъ указаній, при скудости біографическихъ свѣдѣній объ Измайловѣ, нѣтъ возможности составить какое нибудь опредѣленное представленіе о личности этого человѣка. Но вліяніе Руссо на идеи Измайлова о воспитаніи, проводимыя имъ въ печати, онъ самъ признаетъ, выражаясь съ глубокимъ уваженіемъ о женевскомъ философѣ: онъ „одинъ опередилъ своихъ современниковъ въ открытіи истинъ, относящихся къ тайнѣ воспитанія, первый задалъ высокую мысль творить въ гражданинѣ человѣка, способнаго ко всѣмъ состояніямъ общества, ко всѣмъ превратностямъ жизни и судьбы“ [2]). Измайловъ говорилъ, что онъ обязанъ былъ Руссо „первой обработкой вкуса, слога и ума“. Онъ началъ даже переводить его „Новую Элоизу“, но не кончилъ. Идеи „Эмиля“ естественно должны были сказаться въ журналѣ Измайлова, посвященномъ воспитанію. Эти идеи господствовали тогда, и на нихъ основалъ свои педагогическія убѣжденія знаменитый Песталоцци, съ сочиненіями котораго былъ знакомъ Измайловъ и переводилъ изъ нихъ отрывки въ своемъ журналѣ. Эти идеи женевскаго мыслителя сказались и въ томъ взглядѣ Измайлова на воспитаніе, взглядѣ, довольно смѣломъ для того времени, что воспитаніе даетъ почувствовать истинное *равенство* людей. Но Измайловъ въ борьбѣ современныхъ мнѣній о воспитаніи, порожденной естественно отношеніями мыслящихъ людей къ французской революціи, въ которой очень многіе видѣли источникъ и корень зла, хотѣлъ однако держаться благоразумной середины: „никогда польза умственнаго образованія, говоритъ онъ въ введеніи къ своему журналу, не могла быть такъ чувствительна какъ нынѣ, когда свѣжи еще въ памяти бѣдствія полупросвѣщенія. Невѣдѣніе истинныхъ благъ было источникомъ золъ революціонныхъ.... Можно сказать, что Франція страдала безпримѣрнымъ образомъ отъ недостатка философіи. Сей великій примѣръ, вопреки врагамъ восьмагонадесять вѣка, оправдываетъ писателей-философовъ, которые хотѣли просвѣтить умы для великихъ должностей, прежде нежели даровать имъ великія права“.... Посреди колебаній современныхъ въ мнѣніяхъ о воспитаніи, Измайловъ объясняетъ, чего онъ будетъ держаться: „не будемъ, говоритъ онъ, приставать ни къ ученикамъ энциклопедической школы, которая отвергаетъ христіанскія истины, ни къ послѣдователямъ Дюкре-Жанлисовой секты, которая не признаетъ философскихъ, но слѣдовать за знаменами тѣхъ истинныхъ мудрецовъ, которые умѣютъ чувствовать важность древнихъ учрежде-

[1]) Сочиненія И. И. Дмитріева. Спб. 1893, с. 300.
[2]) Ист. Хрест. Галахова. Спб. 1864, II, 139.

Digitized by Google

ній, освященныхъ вѣками, не позволяютъ себѣ ускорять хода происшествій и не похищаютъ правъ у времени“ [1]). Изъ этого видно, какихъ умѣренныхъ убѣжденій былъ Измайловъ. Журналъ его „Патріотъ“ издавался только въ теченіе одного года. Объемъ его былъ незначителенъ, какъ и всѣхъ журналовъ того времени. Каждый небольшой номеръ его дѣлился на три части: первая назначалась собственно для чтенія родителей и воспитателей, вторая для дѣтей, третья для молодежи болѣе взрослой. „Учить забавляя“, было одно изъ правилъ издателя-педагога. Таковы, напр., „Уроки грамматики въ дѣйствіи“, въ родѣ образовательнаго лото, гдѣ дѣти узнаютъ части рѣчи посредствомъ жетоновъ, которые они должны ставить на рисунки. Помѣщались въ журналѣ переводы изъ Руссо и другихъ французскихъ писателей, которые имѣютъ отношеніе къ педагогикѣ. Были, разумѣется, стихи и даже библіографіи нѣкоторыхъ книгъ, вновь вышедшихъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ. Оригинальныхъ статей было весьма мало, кромѣ нѣкоторыхъ, написанныхъ самимъ издателемъ. Любопытна одна статья его „О русскомъ старинномъ воспитаніи“ [2]), гдѣ онъ смотритъ на воспитаніе болѣе, впрочемъ, со стороны физической и старается доказать, что старинные русскіе люди гораздо тверже здоровьемъ, выносливѣе и потому обладаютъ и болѣе крѣпкимъ духомъ и большими нравственными достоинствами. Различіе двухъ поколѣній людей и совершенную противоположность нравовъ въ томъ и другомъ, нигдѣ въ Европѣ нельзя наблюдать такъ близко какъ у насъ. Это различіе происходитъ отъ разности въ воспитаніи. Въ старой Руси Измайловъ видитъ воспитаніе только спартанское, гдѣ развивалась одна физическая сторона человѣка. У старинныхъ русскихъ людей, какъ въ Спартѣ, были богатырскія игры: свайка, бабки, мячъ, качели, борьба, бѣгъ въ запуски и, наконецъ, кулачный бой (Измайловъ не употребляетъ еще слова *гимнастика*). Старинные люди „не отягчали головы своей никакими трудами, кромѣ сельскаго хозяйства, которое текло всегда однимъ порядкомъ, по общей практикѣ, безъ заботъ новыхъ теорій“. Въ противоположность твердому типу людей старины, Измайловъ изображаетъ слабый и изнѣженный типъ новаго времени и склоняется, конечно, къ системѣ стариннаго воспитанія. Но онъ боится, чтобъ его не заподозрили въ невѣжествѣ, въ томъ, что онъ врагъ современнаго просвѣщенія, боится чтобъ ему не сдѣлали упрека, что онъ снова хочетъ „погрузить русскихъ въ тотъ дикой хаосъ, изъ котораго съ такимъ трудомъ извлекла его сила творческаго генія“.

---

[1]) Ibidem.

[2]) „Патріотъ“ т. II, 3—19.

Digitized by Google

Нѣтъ, онъ далекъ отъ этой мысли и убѣжденъ, что „преимущества вѣка нашего неоспоримы“, но мы пріобрѣли недовольно еще просвѣщенія, „чтобы не подражать чуждымъ порокамъ“. Кровавый призракъ французской революціи встаетъ и передъ Измайловымъ; онъ, подобно Карамзину, видитъ въ этомъ переломѣ источникъ всѣхъ бѣдствій настоящаго времени и желаетъ противодѣйствовать его вліянію: „умѣрять воспаленіе умовъ и утвердить начала воспитанія“. Онъ не желаетъ порвать разомъ всѣ связи съ прошедшимъ. Задача его заключается въ слѣдующемъ: „заимствовать отъ предковъ все, что было хорошаго въ ихъ простотѣ, добронравіи и физическомъ воспитаніи, какъ мы заимствовали отъ европейскихъ народовъ науки, искусства и вѣжливость; принять добродѣтели другихъ вѣковъ, не отказываясь отъ преимущества нашего—можетъ ли оскорбить справедливую гордость Русскихъ? Вотъ чего недостаетъ намъ, какъ и другимъ народамъ, среди блеска просвѣщенія“.... Это только общія мысли; только однѣ черты, для полной картины необходимо и время и талантъ, но онѣ должны быть положены въ основаніе *практическаго опыта воспитанія*. Дѣйствительно, для Измайлова, какъ и для всякаго педагога по призванію, по страсти и убѣжденію, было чрезвычайно важно осуществить свои мысли на практикѣ. На другой же годъ послѣ изданія „Патріота“ Измайловъ завелъ въ своей подмосковной деревнѣ пансіонъ, въ воспитанникахъ котораго, подъ своимъ собственнымъ руководствомъ, онъ хотѣлъ осуществить идеалъ Руссо. Этому дѣлу онъ отдался всею душою, потому что любилъ его искренно. Для насъ сохранилось любопытное свидѣтельство одного изъ карамзинистовъ о томъ, какъ онъ видѣлъ Измайлова посреди его воспитательной дѣятельности въ его сельскомъ уединеніи: „Онъ былъ окруженъ своими питомцами, которыхъ любитъ болѣе нежели отцы и матери, которыхъ образуетъ, какъ Руссо, какъ Песталоцій, которымъ посвящаетъ жизнь свою въ такихъ лѣтахъ, когда жизнь требуетъ всѣхъ удовольствій личности.... Я находилъ удивительное сходство между симъ любимцемъ музъ и Ж. Ж. Руссо: тѣже чувства, тѣже вкусы, тотъ же образъ жизни и мыслей; подобно женевскому философу, онъ любитъ страстно ботанику, занимается ею всякій день, описываетъ цвѣты, дѣлаетъ травники, имѣетъ своего Эмиля—одного изъ питомцевъ, который неразлученъ съ нимъ и котораго учитъ столярному ремеслу“ [1]). Императоръ Александръ, за эти воспитательные труды Измайлова и въ особенности за то, что онъ первый изъ дворянъ завелъ у себя пансіонъ и посвятилъ себя усердно дѣлу воспитанія, пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра 4 ст. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ

[1]) Аглая, 1808 г. № XI, с. 25—29.

Digitized by Google

свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ Измайловскаго пансіона и даже объ устройствѣ его и о преподаваніи въ немъ. Въ этой сельской жизни онъ, рядомъ съ воспитаніемъ, посвящалъ свое время занятіямъ науками естественными, которыхъ педагогическое дѣйствіе онъ понималъ и доказывалъ въ своемъ журналѣ „Патріотъ". Въ 1814-году Измайловъ оставляетъ свое сельское уединеніе, дѣлается редакторомъ „Вѣстника Европы" и снова вступаетъ въ прежній литературный кругъ послѣдователей Карамзина. Но и потомъ, въ своихъ гораздо позднѣйшихъ литературныхъ трудахъ, Измайловъ не разъ обращался къ своему любимому предмету, воспитанію, и писалъ о немъ.

Была въ журналѣ Измайлова и литературная критика. Замѣчательна особенно одна статья, въ которой дѣлается нападеніе на современную и имѣвшую значительный успѣхъ драму Ильина „Великодушіе или рекрутскій наборъ". За годъ до этого, въ 1803 году, имя Ильина, переводчика и передѣлывателя французскихъ комедій, сдѣлалось извѣстнымъ благодаря драмѣ „Лиза или торжество благодарности". Это были первые опыты драмы изъ жизни народа, продолженіе тѣхъ опытовъ, которые дѣлали въ этомъ родѣ Екатерина и нѣкоторые писатели XVIII вѣка, разумѣется, съ примѣсью новой карамзинской чувствительности. На эту драму напалъ Измайловъ съ очень странной точки зрѣнія. «Главный порокъ Ильина былъ донынѣ тотъ, говоритъ онъ, что онъ выводилъ на сцену тѣхъ людей, которыхъ состояніе есть послѣднее въ обществѣ, которыхъ мысли, чувства и самый языкъ весьма ограничены, и которыхъ дѣла не могутъ служить намъ ни наставленіемъ, ни примѣромъ". Критикъ непремѣнно хочетъ, согласно съ теоріей, чтобъ драма была нравоучительна, а какое же нравоученіе можно извлечь изъ жизни крестьянъ и ихъ разговоровъ; потому онъ и совѣтуетъ автору „почерпать образцы изъ того круга общежитія, гдѣ есть болѣе занимательныхъ физіономій, болѣе разнообразныхъ страстей, болѣе предметовъ, достойныхъ кисти живописца" [1]). Совершенно справедливо критикъ не одобряетъ желаніе Ильина украсить простой языкъ крестьянъ, или, по его выраженію, „смягчить грубый разговоръ наборомъ словъ, пріятныхъ нѣжному слуху", желаніе, между прочимъ, заставить крестьянъ разсуждать съ признательностію о благодѣяніяхъ просвѣщенія, введеннаго въ Россію Петромъ Великимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему не нравятся „одни грубыя выраженія грубыхъ понятій, которыя талантъ автора могъ бы прикрыть цвѣтами", но чего нельзя было сдѣлать по условіямъ самой драмы, не нравится „подлый языкъ бурмистровъ и подъячихъ", выведенныхъ на сцену, и пр. Однимъ словомъ, онъ вообще противъ дра-

[1]) Патріотъ т. II. 239.

Digitized by Google

матическихъ представленій изъ народнаго быта; онъ думаетъ, что подражаніе простонароднымъ выраженіямъ будетъ имѣть вредное вліяніе на слогъ и языкъ автора. Замѣчательно, что за Ильина вступился, впрочемъ, только въ частномъ письмѣ къ П. И. Дмитріеву, старикъ Державинъ. Онъ видитъ въ Ильинѣ „человѣка молодого, весьма съ хорошими дарованіями“ и его оскорбляетъ диктаторскій топъ Измайлова [1]).

ЛЕКЦІЯ XV.

Споръ о старомъ и новомъ слогѣ. — Принципіальное значеніе этого спора.— П. И. Голенищевъ-Кутузовъ.—Его доносъ на Карамзина.—Шишковъ.

Литературное движеніе, начавшееся у насъ со времени вступленія на престолъ императора Александра и выражавшееся преимущественно въ нѣкоторыхъ журналахъ, было довольно слабо и незначительно. Оно очень мало отражало современную жизнь и безпрестанныя колебанія правительственныхъ сферъ и самого Александра то въ ту то въ другую сторону, а также очень мало понимало и русскія потребности того времени. Литература тогда имѣла весьма мало значенія; общество не привыкло обращаться къ ней за свѣдѣніями, указаніями, мнѣніями въ данномъ вопросѣ или въ данномъ случаѣ, касающемся внутренней стороны государственной жизни. Правительство едва ли уважало ее, хотя новая либеральная партія его, близкая къ государю, желала вызвать ея развитіе. Но и это жалкое, незначительное движеніе литературы того времени было не по душѣ партіи отсталыхъ людей, оставшейся покуда за штатомъ отъ временъ Екатерины. Старики этого времени, украшенные сѣдинами, звѣздами, чинами и старинною важностью Екатерининскаго двора, столбы отечества, какъ ихъ называли тогда, подозрительно смотрѣли на новую государственную жизнь Россіи и реформы, начатыя при Александрѣ; вражда ихъ къ новому была непримирима. Конечно, нѣкоторые изъ нихъ въ своей ненависти къ новымъ явленіямъ жизни дѣйствовали совершенно искренно, съ твердымъ убѣжденіемъ, что новое негодится, потому что оно новое, и старое хорошо только потому, что оно старое, но другіе не любили новаго, потому что при

[1]) По поводу критики „Патріота“ было прислано въ „Сѣв. Вѣстн.“ (1804 г. ч. III, крит. с. 27—39), письмо неизвѣстнаго, который, защищая Ильина, заявляетъ, что если онъ написалъ новую драму, то новое правило съ него и начнется и нѣтъ нужды ссылаться на писателей отъ Аристофана до Плавта и отъ Мольера до Коцебу. „И я, добавляетъ критикъ, всѣмъ писателямъ отъ Аристофана до Плавта и отъ Мольера до Коцебу желаю вѣчной памяти“.

Digitized by Google

нем потребовались въ правительствѣ новые люди, которые и оттерли стариковъ. И тѣ и другія основанія проглядываютъ въ запискахъ нѣкоторыхъ дѣльцовъ Екатерины, Державина, Шишкова, которые, конечно, и лично были недовольны императоромъ за то, что онъ предпочелъ ихъ испытанной опытности, ихъ долговременному обращенію съ государственными дѣлами—молодыя и рьяныя головы новыхъ людей, которые не задумывались бы надъ преобразованіями. Съ точки зрѣнія людей этихъ заподозривалось и осуждалось все новое движеніе; самъ Карамзинъ, который въ своемъ журналѣ привѣтствовалъ, повидимому, съ искреннимъ чувствомъ, нѣкоторыя мѣры и реформы новаго царствованія, казался имъ чуть не врагомъ отечества.

Вести печатный споръ въ литературѣ объ этихъ принципахъ, раздѣлявшихъ два поколѣнія людей въ обществѣ, было невозможно и по ничтожности самой литературы и по ея зависимому положенію въ государствѣ. Но мысль и потребность этой борьбы существовала, такъ или иначе она должна была высказаться и дѣйствительно высказалась подъ формою спора о языкѣ, о словахъ. Этотъ печатный споръ, гдѣ на одной сторонѣ стоялъ одинъ Шишковъ, а на другой—всѣ болѣе или менѣе талантливые поклонники Карамзина, тянулся очень долгое время и въ журнальной литературѣ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, принимая самыя разнообразныя формы, допускаемыя полемикою. Въ этой борьбѣ, которая для насъ, пережившихъ другое литературное развитіе, кажется столь смѣшною иногда, замѣшаны были всѣ писатели того времени; въ ней приняло даже участіе и общество, невольно привлеченное полемическимъ задоромъ противниковъ; по крайней мѣрѣ, со временъ этой борьбы въ обществѣ появились такъ называемые пуристы языка, которые преслѣдовали насмѣшками всякое слово, заимствованное изъ чужого языка или составленное по образцу чужому. Споръ этотъ придалъ оживленіе литературѣ и журналамъ. Что споръ этотъ былъ чуждъ наукѣ и въ основѣ своей заключалъ нѣчто другое, видно изъ того, что и самъ возбудитель его, и его противники полемизировали о предметѣ, имъ незнакомомъ съ научной точки зрѣнія.

Поднялъ споръ, какъ извѣстно, старикъ Александръ Семеновичъ *Шишковъ*, въ самую блестящую эпоху литературной дѣятельности Карамзина, когда имя его было на устахъ у каждаго, сколько-нибудь интересовавшагося литературой, когда онъ стоялъ въ апогеѣ своей славы и таланта и былъ окруженъ значительнымъ числомъ друзей, поклонниковъ и подражателей. Карамзинъ, какъ и всякій литературный дѣятель съ именемъ и талантомъ, начинавшій новое направленіе въ литературѣ, возбудилъ къ себѣ естественно съ самаго начала своей извѣстности, нелюбовь между представителями прежняго на-

Digitized by Google

правленія. Между ними Шатровъ, А. С. Хвостовъ, кн. Д. И. Горчаковъ, Кутузовъ и нѣкоторые другіе и печатно и рукописно выражали свое неодобреніе образу мыслей Карамзина. Въ особенности этою враждою къ нему отличался П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, сдѣлавшійся въ 1793 году куратором Московскаго университета. Для него, какъ и для другихъ его единомышленниковъ, болѣе молодой Карамзинъ, съ своими болѣе свѣжими мыслями, казался исчадіемъ французской философіи XVIII вѣка, представителемъ въ литературѣ безнравственности, матеріализма и безбожія; не долго думая, онъ называлъ Карамзина—якобинцемъ. Въ одѣ, написанной на него Кутузовымъ [1]) излагалась цѣлая система безнравственной философіи, будто бы извлеченной изъ сочиненій Карамзина. Екатерина смотрѣла подозрительно на него по поводу связей его съ мартинистами, а при Павлѣ, въ это царствованіе доносовъ и преслѣдованій, положеніе Карамзина сдѣлалось гораздо затруднительнѣе. Одновременно съ печатною одою, тотъ же, безъ сомнѣнія, Голенищевъ-Кутузовъ, съ тѣми же обвиненіями, послалъ на него доносъ къ Императору и только заступничество графа Растопчина, близкаго къ послѣднему, спасло Карамзина отъ гибели [2]). Его выставляли человѣкомъ вреднымъ, опаснымъ правительству. Даже потомъ, при Александрѣ, возобновлялись эти тайные доносы на Карамзина. Тотъ же Кутузовъ, въ 1810 году, когда врагъ его работалъ въ уединеніи надъ русской исторіей и получилъ орденъ Владиміра 3 ст., писалъ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, графу Разумовскому, что сочиненія Карамзина „исполнены вольнодумческаго и якобинскаго яда“, что въ нихъ Карамзинъ „явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе“, что не хвалитъ, а сжечь ихъ слѣдовало бы, что авторъ ихъ „цѣлитъ не менѣе какъ въ Сіесы или первые консулы“ и пр. [3]). Доносы эти не имѣли значенія; тѣ, кому они посылались, были гораздо умнѣе и дальновиднѣе доносчиковъ, и Кутузовъ только въ извѣстномъ стихотвореніи Воейкова „Домъ сумасшедшихъ“ заслужилъ себѣ сатирическое изображеніе: „Вотъ Кутузовъ: онъ зубами бюстъ грызетъ Карамзина. Пѣна съ устъ течетъ клубами, кровью грудь обагрена. И напрасно мраморъ гложетъ, только время портитъ въ томъ; онъ вредитъ ему не можетъ, ни зубами, ни перомъ“. Трудно объяснить себѣ эту ненависть доносчика: лично Карамзинъ ничѣмъ не досадилъ Кутузову, да и вообще у него личныхъ враговъ не было. Безъ сомнѣнія, эта злоба была не литературнаго свойства: источникъ ея надобно искать въ той ослѣпляющей

[1]) „Иппокрена“, 1799 г., ч. IV, с. 17—31.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русской земли, 1847 г., II, с. 133.

[3]) М. Погодинъ. Н. М. Карамзинъ. II, с. 62—64.

Digitized by Google

разумъ враждѣ поколѣній, которою, къ несчастію, отличается наше общество, при своей невѣжественности не привыкшее уважать чужое мнѣніе и въ ослѣпленіи не разбирающее средствъ для борьбы. Источникомъ этой вражды къ Карамзину было безсмысліе старой партіи отсталыхъ людей, доводившее ее до безнравственныхъ и низкихъ поступковъ.

Не таковъ былъ пресловутый врагъ карамзинскаго слога — Шишковъ. Его почтенное имя не соединено съ грязью доноса, и въ жизни своей онъ дѣйствовалъ прямо, откровенно и, главнымъ образомъ, искренно. Искренность его поступковъ, искренность его мнѣній, какъ бы ни были они наивны и мало основательны, не подлежатъ сомнѣнію. Но Шишковъ принадлежалъ къ отсталой партіи, къ старикамъ, въ началѣ царствованія Александра; онъ былъ оттертъ отъ участія въ дѣлахъ другими людьми съ болѣе свѣжими силами и убѣжденіями, и это накопило горечь въ его честолюбивомъ сердцѣ, а эта горечь заставляетъ подозрительно смотрѣть на его безпристрастіе. Во второй половинѣ царствованія Александра, во время реакціи, онъ является участникомъ ея темныхъ дѣлъ и потомъ, во времена еще болѣе мрачныя, послѣ 1825 года, онъ стоитъ въ главѣ просвѣщенія цѣлой страны. Шишковъ въ глубинѣ сердца полагалъ, что онъ стоитъ за правду, за просвѣщеніе, за добро, но у него недоставало ни ума, ни образованія понять, что онъ шелъ по ложной дорогѣ и ошибался. Зная честность характера Шишкова, его откровенную прямоту, люди свободнаго мнѣнія возлагали на него свои надежды и — ошибались. Отъ того дѣятельность Шишкова вызывала самыя противоположныя сужденія. Съ одной стороны онъ является честнымъ патріотомъ, въ свѣтѣ двухъ извѣстныхъ Пушкинскихъ стиховъ: „Сей старецъ дорогъ намъ; онъ блещетъ средь народа священной памятью двѣнадцатаго года!“ Съ другой стороны, въ безчисленныхъ изображеніяхъ карамзинистовъ, онъ выступаетъ передъ нами въ смѣшномъ нарядѣ педанта-славянофила, какого-то безсмысленнаго русскаго донъ-Кихота, воюющаго съ мельницами, или въ гораздо болѣе мрачномъ видѣ гасильника просвѣщенія, инквизитора, преслѣдующаго всякую мысль и ненавидящаго свободу убѣжденій. Въ сущности, это былъ человѣкъ прямой и честный, но обидчивый, не безъ литературнаго дарованія и нѣкоторыхъ познаній, съ значительною примѣсью честолюбія и желанія власти. Шишковъ готовился быть моряком, командовать фрегатомъ или кораблемъ и попалъ въ ученые по русской и сравнительной филологіи!

Подобныя отношенія Шишкова къ современной ему литературѣ были причиною того, что онъ, несмотря на то, что былъ адмираломъ и министромъ народнаго просвѣщенія, не удостоился въ нашей

Digitized by Google

литературѣ даже сколько-нибудь сносной біографіи [1]) и только вышедшія въ 1870 году за границею два тома его „Записокъ“ позволяютъ сдѣлать о немъ, его характерѣ и отношеніяхъ теперь болѣе вѣрное представленіе. Къ сожалѣнію, „Записки“ эти ограничиваются только служебными отношеніями Шишкова, дѣловою стороною жизни, тѣмъ, что онъ видѣлъ и замѣчалъ тогда, когда близко стоялъ у источника дѣлъ; литературныя отношенія его почти не упоминаются въ нихъ. Притомъ вся первая половина его жизни, его жизнь дома, пребываніе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ воспитывался, его образованіе литературное и научное, морскія и довольно отдаленныя путешествія Шишкова, все это или исчезло навсегда или еще не издано. Шишковъ родился въ 1753 году и происходилъ изъ очень незнатнаго и небогатаго дворянскаго рода. По окончаніи воспитанія въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Шишковъ поступилъ во флотъ; отправлялся въ разныя морскія экспедиціи, былъ въ Архипелагѣ. Средиземномъ и Черномъ моряхъ и въ странахъ, къ нимъ прилежащихъ. Живя въ Петербургѣ по зимамъ онъ сталъ заниматься литературою, переводилъ разныя театральныя пьесы съ французскаго и нѣмецкаго во вкусѣ того времени. Имя Шишкова сдѣлалось извѣстнымъ при дворѣ только въ 1780 году, когда онъ по поводу открытія С.-Петербургскаго намѣстничества, написалъ для торжественнаго представленія на придворномъ театрѣ драму въ 1 дѣйствіи „Невольничество“. Она основана была на дѣйствительномъ событіи и принадлежала къ числу пьесъ, прославляющихъ благодѣяніе императрицы. Какой то русскій солдатъ, взятый въ плѣнъ турками и попавшій въ неволю въ Алжиръ, написалъ оттуда письмо къ Екатеринѣ съ просьбою о выкупѣ его изъ неволи. Императрица послала столько денегъ, что на нихъ выкупился не только этотъ солдатъ, но и многіе другіе плѣнные. Вотъ все содержаніе пьесы, неважной въ литературномъ отношеніи, но она имѣла, разумѣется, успѣхъ между придворною знатью. Второе представленіе ея происходило уже въ частномъ театрѣ и сборъ назначенъ былъ на выкупъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ должниковъ. На представленіи этомъ былъ и наслѣдникъ престола Павелъ Петровичъ, оставшійся крайне недовольнымъ на автора за то, что въ пьесѣ, гдѣ прославляется его мать, о немъ не упомянуто ни слова, и не скоро забылъ это. Послѣ этого литературнаго опыта Шишковъ занялся исключительно морскимъ дѣломъ. Онъ составилъ „Морской тезаурусный словарь“ (1795 г.), опытъ, который мало-по-

[1]) Въ 1880 г. вышла біогр. Шишкова, написанная В. Стоюнинымъ. Ист. соч. Стоюнина. Ч. I. Александръ Семен. Шишковъ. См. также: „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцевъ“. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. А. Кочубинскаго. Од. 1887—8.

Digitized by Google

малу втянулъ его въ филологическія занятія, перевелъ „Морское искусство“ Ромма, составлялъ историческіе списки кораблей русскихъ и т. п. Одинъ изъ этихъ трудовъ, поднесенный Наслѣднику, какъ генералъ-адмиралу, сблизилъ Шишкова съ нимъ, такъ что, вскорѣ послѣ того какъ Павелъ сдѣлался Императоромъ, онъ назначилъ Шишкова состоять при себѣ для распоряженій по флоту. Въ этой должности онъ сопровождалъ Павла въ морскомъ путешествіи изъ Кронштадта въ Ревель, довольно забавномъ, какъ многое, происходившее въ царствованіе этого Императора. Характеристика этого царствованія и разные случаи изъ тогдашней исторіи представлены весьма вѣрно въ „Запискахъ“ Шишкова. По порученію Павла, въ это время ѣздилъ Шишковъ для найма рекрутъ-матросовъ въ Германію и до самой смерти его состоялъ при немъ въ качествѣ докладчика по флоту. Эта близость къ государю ничего, впрочемъ, не принесла для Шишкова; надобно удивляться только, какимъ образомъ онъ могъ удержаться при ежедневныхъ сумасбродствахъ того времени. Шишковъ, къ чести его, не умѣлъ воспользоваться своею близостью къ государю, чтобы нажиться, подобно другимъ. Онъ былъ и вице-адмираломъ и генералъ-адъютантомъ, но вовсе не имѣлъ тѣхъ свойствъ, которыя необходимы для придворныхъ успѣховъ. Чуждый лести, онъ не могъ выиграть при дворѣ Павла, царствованіе котораго изображено въ его „Запискахъ“ далеко не въ привлекательномъ видѣ. Систематически враждебное отношеніе Павла къ царствованію его матери возмущало Шишкова, и онъ, кажется, больше по упрямству своего характера, полюбилъ времена Екатерины, но не тѣ, первые свѣтлые дни ея, когда подъ лучами европейской философіи XVIII вѣка, писался ея гуманный „Наказъ“ (преданія этой поры давно исчезли), а послѣдніе годы ея. Что видѣлъ въ нихъ хорошаго Шишковъ—мы не знаемъ; никакими личными успѣхами и личными сожалѣніями, подобно другимъ старикамъ при Александрѣ, онъ не былъ связанъ съ временемъ Екатерины, но въ новое царствованіе онъ вступилъ какимъ то брюзгою, недовольнымъ всѣмъ, что происходило вокругъ него, съ тоскою о прошломъ.

Какимъ внутреннимъ процессомъ мысли развились и созрѣли въ Шишковѣ старообрядческія убѣжденія и недовольство настоящимъ— для насъ вполнѣ неизвѣстно, но посреди либеральныхъ стремленій первыхъ годовъ царствованія Александра, посреди новыхъ людей, думавшихъ только о преобразованіяхъ и о ломкѣ стараго, онъ стоялъ одинокій, угрюмый и всѣмъ недовольный. Шишковъ повѣрилъ на слово обѣщанію манифеста царствовать по образцу Екатерины и упрекалъ старыхъ екатерининскихъ вельможъ, которые при вступленіи на престолъ Александра снова получили вѣсъ и силу, — за-

Digitized by Google

чѣмъ они не поддержали молодого царя въ этомъ благомъ намѣреніи и тѣмъ не удержали его отъ пагубныхъ нововведеній. „Можетъ быть, не взирая на трехлѣтнюю, при неопытной молодости, привычку къ симъ новизнамъ (Павловымъ), и сбылось бы сіе ожиданіе, еслибъ окружающіе юнаго царя, пожилые люди и старики составили единодушную окрестъ его стражу, не отлучаясь отъ него, а особливо при самомъ началѣ, ни на одну минуту; еслибъ, сравнивая два послѣднія царствованія, твердили ему, какъ первое изъ нихъ долговременно процвѣтало и величіемъ, и славою, и благоденствіемъ; и какъ напротивъ второе, оставившее съ ненавистью пути великой Екатерины, устремившееся съ любовію по путямъ предшествовавшаго ей царствованія Петра третьяго, продолжалось столь же кратковременно, еще болѣе мятежно, и кончилось, равно какъ и то, такимъ же преступленіемъ ужаснымъ, но до такой степени для всѣхъ вожделѣннымъ, что виновники онаго не могли быть ни осуждаемы, ни обвиняемы...“ Но, что же дѣлала эта старая екатерининская аристократія и почему не удержала она въ рукахъ своихъ руль власти? Въ ихъ поведеніи сказались вся ихъ пустота и ребячество, все ихъ презрѣніе къ дѣлу.

„Обуянные радостью перемѣны и безопасностью своею, говоритъ Шишковъ, пустились они въ многолюдныя пиршества, на которыхъ за пышными столами, съ шумомъ и крикомъ распивали шампанскія и венгерскія вина, били рюмки и стаканы, читали стихи, прославляли при всѣхъ служителяхъ гласно и громко низверженіе тиранства и возстановленіе спокойствія. Шумныя празднества сіи устрашили дворъ и дали время оставленному царю сблизиться съ подобными себѣ молодыми людьми, заступившими мѣсто веселящихся и празднующихъ“ [1]). Таковы были эти люди послѣдней половины царствованія Екатерины. Шишковъ сознается, что Александръ только окруженный молодыми наперсниками своими почувствовалъ свою самодержавную силу и явился настоящимъ повелителемъ, но онъ не благоволитъ въ своихъ „Запискахъ“ къ этимъ новымъ наперсникамъ, когда, по словамъ его, пришлось „умолкнуть и уступить новому образу мыслей, новымъ понятіямъ, возникшимъ изъ хаоса чудовищной французской революціи. Молодые наперсники Александровы, напыщенные самолюбіемъ, не имѣя ни опытности, ни познаній, стали всѣ прежнія въ Россіи постановленія, законы и обряды порицать, называть устарѣлыми, невѣжественными. Имена вольности и равенства, пріемлемыя въ превратномъ и уродливомъ смыслѣ, начали твер-

[1]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлинъ. 1870. I, 82—84.

Digitized by Google

диться предъ младымъ царемъ, имѣвшимъ по несчастію наставникомъ своимъ француза Лагарпа, внушавшаго ему таковыя же понятія“ [2]). Сначала Шишковъ продолжалъ быть докладчикомъ при государѣ: онъ ѣздилъ съ нимъ на коронацію въ Москву и съ глубокимъ неудовольствіемъ встрѣтилъ учрежденіе министерствъ. Возвышеніе Чичагова, младшаго по службѣ и по лѣтамъ, сильно огорчило его, а безпрестанные съ нимъ споры дошли до свѣдѣнія государя и выставляли передъ нимъ Шишкова въ видѣ сварливаго брюзги и ненавистника всего новаго; его холодно приняли во дворцѣ, не пустили въ эрмитажный театръ, и обиженный Шишковъ совершенно удалился отъ двора. Онъ состоялъ на службѣ въ адмиралтействѣ, но это не отнимало у него времени, и онъ свободно могъ предаться литературнымъ занятіямъ. Еще въ 1796 году онъ сдѣлался членомъ Россійской Академіи, которая занималась тогда составленіемъ Словаря, въ которомъ и Шишковъ принималъ участіе; тогда же привыкъ онъ къ своему любимому корнесловію, навлекшему на него такъ много и остроумныхъ и глупыхъ насмѣшекъ. Къ филологіи и вообще къ церковно-славянскому языку притянуло Шишкова еще болѣе занятіе надъ знаменитою находкою гр. Мусина-Пушкина „Слово о полку Игоревѣ“, которое было издано въ 1800 году.

Общество литераторовъ, посреди котораго жилъ Шишковъ и съ которыми усердно игралъ въ карты, было все стараго закала. Онъ самъ называетъ самыми близкими къ себѣ писателями Державина, Муравьева и А. С. Хвостова. Послѣдній, двоюродный братъ піиты графа, былъ при Екатеринѣ въ 1791 году посланникомъ нашимъ въ Константинополѣ (1753—1820). Въ молодости онъ много переводилъ съ французскаго и печаталъ, но въ литературѣ русской извѣстенъ только своимъ остроуміемъ, эпиграммами на кузена и нѣсколькими непечатными стихами. Это было литературное общество Шишкова; они чередовались вечерами и изъ нихъ потомъ составилась „Бесѣда любителей русскаго слова“. И Шишковъ и друзья его, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, были, разумѣется, поклонниками старины. Новыя литературныя имена были для нихъ и непонятны и непріятны. Все въ этомъ движеніи, какъ ни слабо кажется оно на наши глаза, было для нихъ и вредно и пагубно; подъ невинными нововведеніями современнаго языка, неизбѣжными при развитіи жизни общественной и образованности, старовѣры эти, въ ослѣпленіи своего патріотизма, видѣли чуть не измѣну отечеству. Для Шишкова все еще звучали наслажденіемъ „лиры“ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и Державина; изъ новыхъ поэтовъ онъ цѣнилъ и уважалъ

[2]) Ibid. 84—85.

Digitized by Google

только тѣхъ, которые подражали имъ: Боброва, Голенищева-Кутузова, кн. Ширинскаго-Шихматова и пр. Все новое онъ презиралъ. При живости и увлекательности своего характера, имѣя привычку къ труду литературному, занимаясь уже довольно долго языкомъ, Шишковъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ того, что происходило вокругъ него, и выступилъ въ литературѣ поборникомъ любимой имъ старины. Но, увлекаясь, Шишковъ съ вопросомъ о чистотѣ языка смѣшалъ много посторонняго. Мы не думаемъ, чтобы онъ сознательно только спряталъ подъ наружный видъ филологическихъ разсужденій свою полемику противъ новыхъ нравственныхъ и политическихъ началъ, появившихся въ жизни послѣ французской революціи, которую онъ ненавидѣлъ. Напротивъ, мы убѣждены, что тутъ не было со стороны Шишкова личины и притворства, вопросъ языка былъ для него крайне дорогъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ искренно, наивно, пожалуй глупо убѣжденъ, что всѣ новыя слова, вошедшія въ языкъ, въ литературныхъ трудахъ Карамзина и его школы— суть признакъ нравственнаго паденія русскаго общества. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своихъ „Домашнихъ Запискахъ“: „Молчаніе Академіи (Россійской) подало поводъ молодымъ неопытнымъ писателямъ возмечтать себя установителями и законодателями *новаго языка*, котораго изящество и красота, по мнѣнію ихъ, долженствуютъ состоять въ томъ, чтобъ *отвергая всѣ издревле употребительныя слова и выраженія*, наполнять новыя писанія свои словами и оборотами, почерпнутыми или изъ слова въ слово взятыми съ иностранныхъ языковъ, а болѣе всего съ французскаго. Богатство и плавность употребляемаго нынѣ нарѣчія вздумали они *основать на истребленіи славянскаго языка*, не разсуждая о томъ, что таковое безразсудное мнѣніе похоже на то, какъ бы кто для сдѣланія потока многоводнымъ, восхотѣлъ заграждать источники онаго... Слѣды языка и духа чудовищной французской революціи, доселѣ намъ неизвѣстные, мало-по-малу, но прибавляя отчасу скорость и успѣхи свои, начали появляться и въ нашихъ книгахъ. *Презрѣніе къ вѣрѣ стало оказываться въ презрѣніи къ языку славенскому.* Здравое понятіе о словесности и краснорѣчіи превратилось въ легкомысленное и ложное; сила души, высота мыслей, приличіе словъ, чистота нравственности, основательность и зрѣлость разсудка,—все сіе приносилось въ жертву какой-то *легкости слога*, не требующей ни ума, ни знаній...“ [1]). Вотъ изъ какихъ мыслей возникло знаменитое „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“ (Спб., 1803 г.), въ которомъ онъ рѣзко выступилъ противъ Карамзина и его школы. На эту книгу Шишковъ смотрѣлъ,

[1]) Ibid., II, 4—5.

Digitized by Google

какъ на свой долгъ, въ качествѣ русскаго человѣка и патріота. Появленіе этого разсужденія не могло остаться безъ отпора со стороны тѣхъ, на кого сдѣлано было нападеніе; Шишковъ, въ свою очередь, пылко и сердито защищалъ свои убѣжденія, и вотъ передъ нами происходитъ продолжительная, многолѣтняя литературная борьба двухъ русскихъ поколѣній. Она замѣнила собою борьбу за принципы общественные, политическіе и нравственные. Но и здѣсь все же была жизнь, хотя и ничтожная. Посмотримъ, на что нападалъ Шишковъ, и что отстаивали его противники...

ЛЕКЦІЯ XVI.

Взгляды Шишкова на русскій языкъ. — Полемика противъ Шишкова. — П. И. Макаровъ. — Каченовскій.

Извѣстно, въ чемъ состоитъ заслуга Карамзина по отношенію къ слогу и внѣшней сторонѣ выраженія: онъ первый приблизилъ письменную рѣчь къ разговорной, первый сталъ писать, какъ говорятъ, и старался изгнать изъ своего слога всѣ славянизмы, которые употреблялись въ рѣчи для приданія ей силы и особеннаго значенія со временъ Ломоносова. Языкъ послѣдняго казался уже Карамзину не соотвѣтствующимъ потребностямъ новаго времени; онъ называлъ его дикимъ, варварскимъ, невозможнымъ для употребленія въ обществѣ; для общества необходима въ слогѣ *пріятность*, то, что французы называютъ élègance, говорилъ Карамзинъ, и образцомъ этой пріятности слога для Карамзина, конечно, должна была сдѣлаться французская литература, уже въ то время доведенная до высшей степени ясности, точности и красоты выраженія. Карамзинъ, какъ мы знаемъ, не былъ воспитанъ въ строгой классической школѣ, всѣмъ своимъ образованіемъ онъ обязанъ только языкамъ и литературамъ французской и нѣмецкой, и больше первой, чѣмъ второй; что было совершенно естественно, при всеобщей распространенности французскаго языка въ достаточныхъ русскихъ семействахъ. Карамзинъ привыкъ къ нему съ дѣтства; его разговоръ пересыпался французскими словами; въ его слогѣ попадались галлицизмы, слова и обороты, переведенные съ французскаго, составленные по французскимъ образцамъ. Но Карамзинъ былъ умный писатель, въ своихъ заимствованіяхъ онъ былъ очень умѣренъ и боялся оскорбить геній языка: за то у его подражателей, при недостаткѣ ума и таланта, не могло быть такой сдержанности: французскія слова и выраженія сдѣлались модными; у людей безъ вкуса мода всегда доходитъ до нелѣпости, и

Digitized by Google

русскій слогъ запестрѣлъ самыми дикими нововведеніями и заимствованіями. Вотъ что́ собственно не понравилось Шишкову.

„Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“ возникло, по словамъ его, изъ ежедневныхъ записокъ и замѣтокъ, всего того, что́ попадалось ему въ новыхъ русскихъ книгахъ, въ которыхъ теперь господствуетъ „странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ“. Въ этихъ новыхъ сочиненіяхъ, мы, забывъ древній славянскій языкъ, корень и начало нашего русскаго, „начали вновь созидать его на скудномъ основаніи французскаго языка“. Карамзинъ, раздѣляя русскій слогъ на эпохи со временъ Кантемира, говоритъ о послѣдней, современной, четвертой эпохѣ, въ которой, по словамъ его, „образуется пріятность слога, называемая французами élégance“. „Нелѣпицу нынѣшняго слога называетъ онъ пріятностью! — восклицаетъ Шишковъ; рекомендуя перевести слово élégance по-русски—*чепухою*. Откуда же происходитъ въ насъ, доискивается Шишковъ, эта ненависть къ своему и любовь къ чужому, почитаемыя нынѣ достоинствомъ, это желаніе бросить коренной, древній и богатый языкъ и „основать новый на правилахъ чуждаго, не свойственнаго намъ и бѣднаго языка французскаго?“. Источникъ этого зла заключается въ образѣ воспитанія, по убѣжденію Шишкова. Нападенія на наше воспитаніе или, скорѣе, офранцуживанье — не новость въ нашей литературѣ; они знакомы намъ еще съ прошлаго вѣка; по мнѣнію Шишкова, даже мысли наши изображаются по правиламъ и понятіямъ чуждаго намъ народа: „Вмѣсто занятія отъ французовъ единыхъ токмо полезныхъ наукъ и художествъ стали перенимать мелочные ихъ обычаи, наружные виды, тѣлесныя украшенія и часъ отъ часу болѣе дѣлаться совершенными ихъ обезьянами. Все то, что́ собственное наше, стало становиться въ глазахъ нашихъ худо и презрѣнно. Они учатъ насъ всему: какъ одѣваться, какъ ходить, какъ стоять, какъ пѣть, какъ говорить, какъ кланяться, и даже какъ сморкать и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ себя невѣждами и дураками“. „Французы научили насъ удивляться всему тому, что́ они дѣлаютъ, презирать благочестивые нравы предковъ нашихъ и насмѣхаться надъ всѣми ихъ мнѣніями и дѣлами. Однимъ словомъ, они запрягли насъ въ колесницу, сѣли на оную торжественно и управляютъ нами,—а мы ихъ возимъ съ гордостію, и тѣ у насъ въ посмѣяніи, которые не спѣшатъ отличать себя честію возить ихъ!“ Вотъ основные взгляды Шишкова, которые скрыты подъ разсужденіями его о языкѣ. Но интересъ языка былъ особенно дорогъ Шишкову: его изящество въ церковно-славянскихъ образцахъ и старыхъ нашихъ писателяхъ и его порча въ произведеніяхъ новой словесности составляетъ главное содержаніе книги Шишкова. Онъ недоволенъ во-первыхъ тѣмъ, что

Digitized by Google

въ русскій языкъ вводятся безъ перевода иностранныя слова и безобразятъ его, напр. моральный, эстетическій, эпоха, сцена, гармонія, акція, энтузіазмъ, катастрофа и пр., а во-вторыхъ тѣмъ, что русскія слова передѣлываютъ на иностранный ладъ; напр. вмѣсто будущее время пишутъ—*будущность*; въ-третьихъ, наконецъ,—французскія слова и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на русскій языкъ, „самопроизвольно принимаютъ ихъ въ томъ же смыслѣ изъ французской литературы въ россійскую словесность, какъ будто изъ ихъ службы офицеровъ тѣми же чинами въ нашу службу", напр. influence *вліяніе на*, тогда какъ глаголъ *вливать* требуетъ предлога *въ* [1]). Также переведены слова: переворотъ, развитіе, утонченный, сосредоточить, трогательно, занимательно и пр. [2]). „По мнѣнію нынѣшнихъ писателей, говоритъ Шишковъ, великое было бы невѣжество, нашедъ въ сочиняемыхъ ими книгахъ слово *переворотъ*, не догадаться, что оное значитъ revolution или по крайней мѣрѣ revolte", а между тѣмъ бѣда для нихъ, кто въ писаніяхъ своихъ употребляетъ слова: *брашно, трѣбище, рясна, зодчество, доблесть, прозябать* и т. п. [3]). И онъ старается доказать, что языки не похожи другъ на друга по составу своему, заключающемуся въ корняхъ и что подобные переводы одного слова изъ языка въ другой не передаютъ всей силы значенія слова. Но Шишковъ былъ филологомъ самоучкою, до своихъ положеній онъ доходилъ здравымъ смысломъ, а не наукою, а потому доказательства, имъ приводимыя, кружки, имъ рисованные, подвергались легко критикѣ.

Всего печальнѣе для Шишкова, при этомъ наплывѣ въ русскій языкъ новыхъ словъ, было забвеніе старыхъ: „Между тѣмъ, какъ мы занимаемся симъ юродливымъ переводомъ и выдумкою словъ и рѣчей нимало намъ несвойственныхъ, многія коренныя и весьма знаменательныя россійскія слова пришли совсѣмъ въ забвеніе; другія, не взирая на богатство смысла своего, сдѣлались для непривыкшихъ къ нимъ ушей странны и дики; третьи перемѣнили совсѣмъ знаменованіе свое и употребляются не въ тѣхъ смыслахъ, въ какихъ сначала употреблялись. И такъ, съ одной стороны въ языкъ нашъ вводятся нелѣпыя новости, а съ другой истребляются и забываются издревле принятыя и многими вѣками утвержденныя понятія: такимъ то образомъ процвѣтаетъ словесность наша и образуется пріятность слога, называемая французами élegance".

Основаніемъ для русскаго слога долженъ служить славянскій

---

[1]) Собр. соч. и перев. адм. Шишкова, ч. II, Спб. 1824, с. 24—25.
[2]) Ibid., с. 26.
[3]) Ibid., с. 28.

Digitized by Google

языкъ; безъ него онъ не можетъ быть ни силенъ, ни важенъ. Пренебрегать имъ безсмысленно, безразсудно думать, что онъ вовсе не нуженъ для красоты новѣйшаго слога и что гораздо нужнѣе его французскій языкъ и какой еще? „не славныхъ по истинѣ и отличныхъ писателей ихъ, но худыхъ силетателей нынѣшнихъ глупыхъ и нелѣпыхъ умствованій, клеветъ, небылицъ и романовъ. Не ихъ читать, не имъ послѣдовать, не изъ нихъ должно намъ почерпать красоту слога; но изъ собственныхъ твореній своихъ, изъ книгъ славянскихъ [1]). Примѣръ такой красоты слога, основанной на церковно-славянскихъ выраженіяхъ, Шишковъ представляетъ въ подробномъ разборѣ Ломоносовскаго переложенія изъ Іова и говоритъ, что „славенскій языкъ есть корень и основа россійскаго языка, онъ сообщаетъ ему богатство, разумъ, силу, красоту. И такъ въ немъ упражняться и изъ него почерпать должно искусство краснорѣчія, а не изъ Боннетовъ, Вольтеровъ, Юнговъ, Томсоновъ и другихъ иностранныхъ сочинителей, о которыхъ писатели наши на каждой страницѣ твердятъ, и учась у нихъ русскому, на бредъ похожему языку, съ гордостью увѣряютъ, что *нынѣ образуется токмо пріятность нашего слога*“ [2]). Мысль, которую развивали Карамзинъ и его послѣдователи, что у насъ для современнаго автора нѣтъ хорошихъ образцовъ, вытекаетъ „отъ малаго разумѣнія языка своего“ — по словамъ Шишкова. „Мы считаемъ себя бѣдными, потому что не знаемъ своего богатства“ [3]).

Въ доказательство общихъ положеній своего „разсужденія“ Шишковъ представляетъ двѣ выписки, изъ которыхъ въ одной онъ даетъ образцы нововведеній, оскорбляющихъ, по его мнѣнію, геній языка, выбранные имъ изъ современной литературы, при чемъ Шишковъ для того, чтобъ не подумали, что онъ ведетъ личную полемику или имѣетъ „намѣреніе кому либо лично досаждать“, не указываетъ заглавій ни книгъ, ни авторовъ, гдѣ встрѣчаются попадавшіяся ему нелѣпости [4]), а вторая выписка, похожая на словарь, сдѣлана имъ изъ книгъ церковныхъ, съ тою цѣлію, чтобъ показать въ нихъ образцы красоты слога и настоящаго краснорѣчія. Здѣсь въ первый разъ Шишковъ дѣлаетъ опытъ замѣны нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ, уже вошедшихъ въ употребленіе или чисто русскими, равнозначительными по содержанію, или составленными по славянскимъ корнямъ. Число такихъ словъ Шишковъ увеличивалъ постепенно, и особенная страсть къ нимъ возбуждала насмѣшки.

[1]) Ibid., c. 66.
[2]) Ibid., c. 81.
[3]) Ibid., c. 106.
[4]) Ibid., c. 139.

Digitized by Google

Намъ нѣтъ надобности входить въ дальнѣйшія подробности этого сочиненія Шишкова, которымъ начался извѣстный и продолжительный споръ о преимуществахъ стараго и новаго слога. Мы уже замѣтили, что споръ этотъ не имѣетъ никакого значенія для науки славянской филологіи; съ нею не были знакомы спорящія стороны и не о ней шла рѣчь въ ихъ полемикѣ. Карамзинъ, остававшійся въ сторонѣ отъ этого спора, но конечно слѣдившій за его измѣненіями, понималъ очень хорошо научную ничтожность этого спора: „Кажется, писалъ онъ къ И. И. Дмитріеву [1]), что наши петербургскіе авторы, и старые и молодые, спорятъ о языкахъ славянскомъ и русскомъ безъ яснаго понятія о ихъ различіи". Но споръ имѣлъ другое значеніе; въ немъ проявлялась борьба стараго съ новымъ; въ этомъ отношеніи онъ очень любопытенъ и имѣетъ свое мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія и движенія нашей мысли. Нельзя не сказать, что Шишковъ былъ во многомъ правъ, возставая противъ множества пестрившихъ нашу тогдашнюю рѣчь галлицизмовъ и французскихъ словъ, изъ которыхъ многія появились совершенно безъ всякой нужды, хотя въ замѣну ихъ Шишковъ съ своей стороны представлялъ такія составленныя имъ русскія слова, которыя были, пожалуй, гораздо хуже изгоняемыхъ имъ. Питая особенную ненависть ко всякому новому или изъ чужого языка заимствованному слову, Шишковъ утверждалъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уже невозможно обойтись безъ новаго слова для совершенно новаго понятія, гораздо лучше составить свое слово, сообразно однако съ духомъ языка, или отыскать какое-нибудь старинное слово, близкое по значенію своему къ иностранному и употреблять его.

Какъ смѣшны и нелѣпы иногда были эти замѣны въ сочиненіяхъ Шишкова, — объ этомъ и говорить нечего, хотя источникомъ ихъ была любовь къ языку и любовь искренняя. Конечно Шишковъ имѣлъ полное право хлопотать о чистотѣ русскаго языка, возставать на неумѣренный наплывъ въ немъ неологизмовъ, словъ и оборотовъ, пришедшихъ къ намъ вмѣстѣ съ модами изъ Парижа, осмѣивать наше обезьянство, но онъ не додумался, что это обезьянство существовало у насъ не какъ мода, не какъ повѣтріе, а скорѣе какъ историческая необходимость, что оно было слѣдствіемъ великой Петровской реформы. Въ этихъ заимствованіяхъ словъ и новыхъ понятій сказалась бѣдность нашей мысли и нашей литературы, которыя встрѣтились съ западнымъ богатствомъ той и другой; новый міръ идей, безъ котораго не могло продолжаться наше развитіе, такъ или иначе долженъ былъ выразиться; иностранный элементъ былъ неизбѣженъ;

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву. Спб. 1866 г., с. 159.

Digitized by Google

но Шишковъ, справедливо нападая на него, не вдумался въ тотъ законъ въ исторіи всякаго языка, по которому слова и выраженія создаются и остаются въ немъ, какъ результаты продолжительной борьбы за существованіе; привычка и употребленіе даютъ имъ право на жизнь, и никто не введетъ насильно ни одного слова; отсюда, изъ этого незнанія исторіи языковъ, у Шишкова смѣшеніе языка русскаго съ славянскимъ и особенное пристрастіе къ послѣднему, на который онъ смотрѣлъ, какъ на источникъ перваго.

Разсужденіе Шишкова не столько по своимъ нападеніямъ на новый слогъ, сколько по скрытой въ немъ враждѣ ко всему новому, должно было возбудить противъ себя отпоръ и быть началомъ длиннаго спора. По словамъ Шишкова, онъ поднесъ свою книгу чрезъ министра народнаго просвѣщенія Государю и былъ осчастливленъ за нее знакомъ монаршаго благоволенія. „Многія духовныя и свѣтскія особы, *службою, лѣтами и нравами почтенныя*, похвалили мое усердіе [1]). Впрочемъ Державинъ, принадлежавшій также къ этимъ особамъ и сдѣлавшійся потомъ сторонникомъ Шишкова не по убѣжденію въ преимуществахъ стараго слога, а по одинаковому образу мыслей, разсказываетъ въ письмѣ своемъ къ И. И. Дмитріеву [2]) о своемъ замѣчаніи Шишкову, что его разсужденія слишкомъ пристрастны и что тотъ отошелъ отъ него съ неудовольствіемъ. Настоящую полемику противъ Шишкова изъ лагеря карамзинистовъ первый началъ издатель „Московскаго Меркурія"—П. И. Макаровъ.

Полемика этого карамзиниста была такая, какую могъ написать человѣкъ съ умомъ и здравымъ смысломъ, но не филологъ. Макаровъ не замѣтилъ многихъ странностей и промаховъ Шишкова, но онъ понялъ основную мысль Шишкова, скрытую подъ разсужденіями о слогѣ: „Неужели сочинитель, спрашиваетъ критикъ, для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка, хочетъ возвратить насъ и къ *обычаямъ* и къ *понятіямъ* стариннымъ?" [3]). Противъ этой мысли возстаетъ Макаровъ и заключаетъ съ убѣжденіемъ: „Не хотимъ возвратиться къ обычаямъ праотческимъ, ибо находимъ, что вопреки напраснымъ жалобамъ строгихъ людей, нравы становятся ежедневно лучше!" [4]) Шишковъ, по древнимъ церковно-славянскимъ переводамъ греческихъ проповѣдниковъ, дѣлаетъ заключеніе, что народъ славянскій и въ древности былъ *ученъ* и глубокомысленъ... „Гдѣ остатки сей учености? спрашиваетъ Макаровъ: о какихъ наукахъ физическихъ

---

[1]) Соч., ч. III, с. 261.
[2]) Соч. Державина, изд. Акад. наукъ, т. VIII, с. 862.
[3]) Соч. П. Макарова, 1817 г. ч. 2, с. 29.
[4]) Ibid., с. 44.

Digitized by Google

или математическихъ писали наши предки?“ [1]). Отъ этого древняго времени осталось у насъ множество словъ, которыми однакожъ мы не умѣемъ изъяснить всего, что̀ думаемъ, и Макаровъ доказываетъ, что мы далеко отстали отъ другихъ народовъ Европы и что „до самаго царствованія Петра Великаго духъ упрямства и суевѣрія противился у насъ всякой полезной новости“ [2]). Обращаясь собственно къ вопросу о языкѣ и слогѣ, Макаровъ смотритъ дальше, чѣмъ Шишковъ. Онъ понимаетъ, что языкъ долженъ имѣть свою исторію, что онъ развивается и не можетъ остановиться въ одномъ положеніи: „Языкъ слѣдуетъ всегда за науками, за художествами, за просвѣщеніемъ, за нравами и обычаями—говоритъ онъ. Придетъ время, когда и нынѣшній языкъ будетъ старъ: цвѣты слога вянутъ подобно всѣмъ другимъ цвѣтамъ“ [3]). Можно ли думать послѣ этого о возвращеніи нашего слога къ Ломоносовскому, какъ хочетъ Шишковъ? Просвѣщеніе идетъ впередъ. „Нѣтъ *вещи*, нѣтъ и *слова*, нѣтъ *понятія*, нѣтъ и *выраженія*, посредствомъ котораго можно бы то понятіе сообщить другому человѣку. Послѣ Ломоносова мы узнали тысячи новыхъ вещей, чужестранные обычаи родили въ умѣ нашемъ тысячи новыхъ понятій; вкусъ очистился; читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій, противныхъ слуху; болѣе двухъ третей русскаго словаря остается безъ употребленія: что̀ дѣлать? Искать новыхъ средствъ изъясняться. Удержать языкъ въ одномъ состояніи невозможно: такого чуда не бывало отъ начала свѣта“ [4]). Признавая необходимость существованія въ русскомъ языкѣ иностранныхъ словъ, доказывая эту необходимость нѣкоторыми словами, вошедшими во всеобщее употребленіе, Макаровъ вовсе однакожъ не желаетъ пестрить языкъ безъ крайней необходимости, требуетъ для наукъ и художествъ такихъ словъ, въ которыхъ заключался бы смыслъ ясный и опредѣленный: переводъ ихъ, какъ у Шишкова, можетъ только испортить эти названія. Макаровъ совершенно противъ той смѣси языка славянскаго и русскаго, какую желалъ Шишковъ, думая придать этимъ величіе и силу слогу; онъ возстаетъ и противъ необходимости особаго письменнаго или книжнаго языка, въ противоположность разговорному. Нынѣшніе писатели, говоритъ онъ, стараются образовать языкъ *средній*, одинаковый для книгъ и для общества, „чтобы писать, какъ говорятъ и говорить, какъ пишутъ“. На что этотъ книжный языкъ? „Фоксъ и Мирабо говорили отъ лица и предъ лицомъ народа, или передъ его повѣренными такимъ языкомъ, которымъ всякій, если

[1]) Ibid., c. 17.
[2]) Ibid., c. 19.
[3]) Ibid., c. 23.
[4]) Ibid., c. 21—22.

Digitized by Google

умѣетъ, можетъ говорить въ обществѣ, а языкомъ Ломоносова мы не можемъ и не *должны* говорить, хотя бы умѣли"... [1]). У Шишкова, въ его увлеченіи, были очень странныя понятія объ образцахъ слога, которые онъ рекомендовалъ русскимъ писателямъ, вмѣсто чтенія иностранныхъ книгъ. Такъ, напр., выписавъ изъ Четьминеи Димитрія Ростовскаго цѣлое житіе трехъ святыхъ дѣвъ: Минодоры, Митродоры и Нимфодоры [2]), онъ спрашиваетъ: откудажъ мысль сія, что мы не имѣемъ хорошихъ образцовъ для наставленія себя въ искусствѣ слова? [3]). Макаровъ справедливо, хотя и иронически замѣтилъ, что вѣроятно это ошибка...

Критикъ Шишкова долженъ былъ заступиться за своего учителя Карамзина: „Всего непріятнѣе, говоритъ онъ, видѣть фразы г. Карамзина, перемѣшанныя въ сей книгѣ съ фразами ученическими, и писателя, которому наша словесность такъ много обязана, поставленнаго на равнѣ съ другими. По счастію, всеобщее и отличное къ нему уваженіе, котораго онъ ежедневно получаетъ новыя доказательства, не зависитъ отъ мнѣнія одного человѣка. Г. Карамзинъ сдѣлалъ эпоху въ исторіи русскаго языка"...

Другая критика, появившаяся вслѣдъ за Макаровскою, помѣщена въ журналѣ Мартынова „Сѣверный Вѣстникъ" (1804 г. ч. I, 17—29). Она принадлежала Каченовскому, бывшему потомъ долгое время профессоромъ Московскаго университета и издателемъ „Вѣстника Европы" Имя этого столь извѣстнаго потомъ профессора, критика и издателя, тогда еще никому не было извѣстно. Каченовскій только начиналъ свою дѣятельность, помѣщая мелкія статьи свои въ сантиментальномъ родѣ въ тогдашнихъ московскихъ журналахъ. Родомъ онъ былъ грекъ, по фамиліи Качони изъ Харькова и учился тамъ въ коллегіумѣ, гдѣ познакомился со многими европейскими языками. Судьба этого профессора довольно странна. Онъ служилъ сначала въ гражданской и военной службѣ и только сдѣлавшись въ 1801 году библіотекаремъ и правителемъ дѣлъ у попечителя Московскаго университета, графа А. К. Разумовскаго, получилъ возможность примѣнить и употребить въ пользу свои разнообразныя свѣдѣнія. Въ 1806 году онъ сдѣлался профессоромъ.

Критика разсужденія Шишкова написана въ формѣ письма отъ неизвѣстнаг . Она не такъ подробна, какъ у Макарова, но Каченовскій, возставая противъ употребленія славянскаго языка, рекомендуемаго за образецъ Шишковымъ, стоитъ на той же точкѣ зрѣнія,

---

[1]) Ibid., с. 39.
[2]) Шишковъ. Соч., ч. II, с. 88—106.
[3]) Ibid., с. 106.

Digitized by Google

что и Макаровъ, т.-е. защищаетъ новый слогъ и необходимыя заимствованія изъ языковъ иностранныхъ для новыхъ понятій. Критика Каченовскаго не лишена нѣкоторой насмѣшливости. Шишковъ, доказывая преимущества слога и умѣнья владѣть имъ у старыхъ нашихъ писателей, приводитъ, между прочимъ, въ примѣръ осторожности и наблюденія ясности въ рѣчахъ, слѣдующій отрывокъ изъ подражанія Ломоносова Анакреону:

Онъ (Купидонъ) чуть лишь ободрился,
Каковъ-то, молвилъ, лукъ;
Въ дождѣ *чать* повредился,
И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ"...

Шишковъ говоритъ: „Потребно сильной въ языкѣ имѣть навыкъ, дабы чувствовать самомалѣйшее обстоятельство, могущее ослабить силу слога, или сдѣлать его двусмысленнымъ и недовольно яснымъ. Въ просторѣчіи обыкновенно вмѣсто *чаять должно*, говорятъ сокращенно: *чай*. Ломоносовъ тотчасъ почувствовалъ, что выдетъ изъсего *двумысліе* глагола *чай* съ именемъ *чай*, т.-е. китайской травы, которую мы *по утрамъ* пьемъ; и для того, сокращая глаголъ *чаять*, поставилъ *чать*". Такихъ наивныхъ замѣчаній у старика Шишкова было довольно; ими онъ давалъ противъ себя оружіе въ руки враговъ и насмѣшниковъ. Каченовскій не безъ ироніи на это замѣтилъ: „Доказательство, не скажу слабое, а смѣшное! И не умѣющій читать поймет тотчасъ по смыслу пѣсни, что тутъ не означается напитокъ; а знающій исторію знаетъ также, что во время Анакреона *чаю* не только еще не пивали, но онъ былъ и неизвѣстенъ; слѣдственно, въ дождѣ ему повредиться никакъ нельзя было. Больше думать можно, что Ломоносовъ занялъ сіе слово отъ простолюдиновъ, которые въ его время, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, употребляли оное". Этотъ образчикъ полемики достаточенъ для того, чтобы дать понятіе о томъ, какъ Шишковъ и его критикъ смотрѣли на науку филологіи.

Но Шишковъ вовсе не былъ такой человѣкъ, чтобъ промолчать на критики, на него направленныя. У него были искреннія, горячія убѣжденія, защищать которыя онъ считалъ своею святою обязанностію. „Патріотическая ревность или, скажемъ по русски, ревность къ отечеству, побудила меня издать книгу мою", говоритъ онъ „Какъ? спрашиваетъ онъ: Меркурій думаетъ, что истину, основанную на чувствахъ любви къ отечеству, не въ слухъ говорить, но токмо въ кабинетѣ своемъ бормотать должно! Почему это? Неужъ ли опасаясь гнѣва писателей московскихъ журналовъ?" [1]). Между нимъ и его

[1]) Соч., ч. II, с. 465.

Digitized by Google

противниками не было ничего общаго; бездна раздѣляла ихъ убѣжденія, и это радикальное несогласіе Шишковъ выразилъ въ эпиграфѣ, взятомъ имъ изъ Ж. Ж. Руссо и поставленномъ на новой книгѣ его „Прибавленіе къ сочиненію, называемому „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“: „Pourquoi faut il que je vous écrive?.. Quelle langue commune pouvons nous parler?“ Въ этой книгѣ заключается подробный отвѣтъ на критики Каченовскаго и Макарова, называемыя имъ *злонамѣренныя брани*. Здѣсь защищаетъ онъ свои прежнія убѣжденія, не прибавляя ничего новаго къ нимъ, только развѣ усиливая свои доказательства и не уступая ни одного шага своимъ противникамъ, которыхъ онъ третируетъ съ большимъ презрѣніемъ.

ЛЕКЦІИ XVII и XVIII.

Отвѣтъ Шишкова на критики.—И. И. Дмитріевъ.—Его литературная дѣятельность.

Критику Каченовскаго Шишковъ перепечатываетъ всю и на каждое замѣчаніе его старается дать отвѣтъ. Всѣ отвѣты эти заключаются въ подтвержденіи положеній его, что русскій и славянскій языкъ—одно и то же, что всѣ новыя слова, заимствованныя съ языка французскаго, можно замѣнить своими, составленными изъ собственныхъ корней, и пр. Защищается Шишковъ и отъ утвержденій своихъ противниковъ, что онъ хочетъ обуть всѣхъ въ онучи и зипуны и не велитъ читать ни своихъ, ни иностранныхъ книгъ [1]).

Отвѣтъ Шишкова Макарову гораздо обстоятельнѣе. Этотъ критикъ задѣлъ его за живое и только главное обвиненіе Макарова понудило Шишкова отвѣчать ему; онъ говоритъ, что не отвѣчалъ бы критику, еслибъ онъ нападалъ только на его сужденіе о словесности и на его слогъ, но Макаровъ высказалъ мысль, что авторъ разсужденія о слогѣ, „для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка хочетъ возвратить насъ и къ обычаямъ и къ понятіямъ старинным“. Это было обвиненіе въ нелюбви къ просвѣщенію, падавшее обыкновенно и потомъ, черезъ много лѣтъ, на славянофиловъ. И они также, подобно Шишкову, открещивались отъ этихъ обвиненій (въ сущности они были врагами невѣжества), но забывали, что ихъ слѣпая привязанность къ старинѣ логически ведетъ къ тому. „Какъ! восклицаетъ Шишковъ: кто совѣтуетъ перенимать у другихъ народовъ одно токмо полезное и доброе, а не легкомысленное и безполезное; кто желаетъ, чтобъ въ отечествѣ его было меньше Простаковыхъ

[1]) Соч., ч. II, с. 361.

Digitized by Google

и Вральмановъ: кто говоритъ, что надобно любить свою землю больше, нежели чужую: тотъ по вашему презираетъ науки и хочетъ просвѣщеніе обратить въ невѣжество?“ [1]) Защита старины и родины, опозоренной, по его мнѣнію, французскимъ вліяніемъ, идетъ у него съ большимъ одушевленіемъ; всякій видитъ, что это человѣкъ искренно убѣжденный. „Почему обычаи и понятія предковъ нашихъ кажутся вамъ достойными такого презрѣнія, что вы не можете и подумать о нихъ безъ крайняго отвращенія?“—спрашиваетъ онъ своихъ критиковъ..... „Мы видимъ въ предкахъ нашихъ примѣры многихъ добродѣтелей: они любили отечество свое, тверды были въ вѣрѣ, почитали царей и законы: свидѣтельствуютъ въ томъ Гермогены, Филареты, Пожарскіе, Трубецкіе, Палицыны, Минины, Долгорукіе и множество другихъ. Храбрость, твердость духа, терпѣливое повиновеніе законной власти, любовь къ ближнему, родственная связь, безкорыстіе, вѣрность, гостепріимство и иныя многія достоинства ихъ украшали...“ [2]). Понятія о просвѣщеніи у критиковъ и у Шишкова различны. „Просвѣщеніе не въ томъ состоитъ, говоритъ онъ, чтобъ напудренный сынъ смѣялся надъ отцемъ своимъ ненапудреннымъ. Мы не для того обрили бороды, чтобы презирать тѣхъ, которые ходили прежде или ходятъ еще и нынѣ съ бородами, не для того надѣли короткое нѣмецкое платье, дабы гнушаться тѣми, у которыхъ долгіе зипуны. Мы выучились танцовать миноветы, но за что же насмѣхаться намъ надъ сельскою пляскою бодрыхъ и веселыхъ юношей, питающихъ насъ своими трудами? Они такъ точно пляшутъ, какъ бывало плясывали наши дѣды и бабки. Должны ли мы, выучась пѣть итальянскія аріи, возненавидѣть подблюдныя пѣсни? Должны ли о святой недѣлѣ изломать всѣ лубки для того только, что въ Парижѣ не катаютъ яйцами? Просвѣщеніе велитъ избѣгать пороковъ, какъ старинныхъ, такъ и новыхъ; но просвѣщеніе не велитъ, ѣдучи въ каретѣ, гнушаться телѣгою. Напротивъ, оно, соглашаясь съ естествомъ, рождаетъ въ душахъ нашихъ чувство любви даже и къ безсловеснымъ вещамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ родились предки наши и мы сами“ [3])... Эти упреки въ ненависти къ народу, обращенные Шишковымъ къ своимъ критикамъ, направлены были вовсе не туда, куда слѣдовало. Наша литература была невиновата въ презрѣніи къ народу; другое дѣло общество, увлеченное безсмысленнымъ подражаніемъ французскому; но что же было общаго между всѣмъ этимъ и тѣми французскими словами и выраженіями, которыя вторгались въ

---

[1]) Ibid., c. 458.
[2]) Ibid. c. 458—9.
[3]) Ibid. c., 459—60.

Digitized by Google

новыя произведенія? Въ жару полемики Шишковъ не хотѣлъ или не могъ различать предметы.

Въ отвѣтѣ Макарову находится и прямое нападеніе на Карамзина. Макаровъ, защищая его, говорилъ, что Карамзинъ составилъ въ нашей словесности эпоху и что имя его славно не только у насъ, но и за границею: „Меркурій напрасно меня винитъ, говоритъ Шишковъ, будто я стараюсь затмить славу писателя, котораго онъ именуетъ. Я ничьей славы затмевать не хочу, а желаю общаго добра, какое происходить можетъ отъ любленія природнаго языка своего [1]). (Я радъ вмѣстѣ съ Меркуріемъ восклицать, что „Бѣдная Лиза“ написана хорошимъ и пріятнымъ слогомъ, но желалъ бы, чтобъ пріятность слога въ таковыхъ сказочкахъ сопряжена была съ пользою нравоученія, и чтобъ худыя правила не назывались въ нихъ благовоспитанностью. „Наталья боярская дочь“ (не знаю, чьего она сочиненія, да и на что мнѣ знать это?) есть также легкимъ слогомъ написанная сказочка, но я бы вырвалъ ее изъ рукъ дочери моей, еслибъ она читать ее стала; ибо весьма вѣрю сему, что „тлятъ обычаи благи бесѣды злы)“ [2]). Онъ говоритъ впрочемъ, что нигдѣ не упоминалъ даже имени Карамзина и что если въ примѣрахъ, имъ приведенныхъ, и могли попасться нѣкоторыя фразы этого писателя, то онъ увѣренъ, что читатели не поставятъ этого ему въ преступленіе, какъ будто онъ оскорбилъ нѣчто священное и недостоинъ уже, чтобъ земля его носила“ [3])... Шишковъ умѣлъ найти и слабыя стороны критики своего противника. Такъ говоря о томъ, что языкъ нигдѣ не можетъ остановиться въ одномъ положеніи и безпрестанно мѣняется, Макаровъ пишетъ: „Потомки Перикловъ, Фокіоновъ и Демосѳеновъ (т. е. современные греки) должны какъ чужестранцы учиться тому языку, которымъ предки ихъ гремѣли на каѳедрѣ аѳинской“.... „Хорошій примѣръ для послѣдованія, замѣчаетъ на это Шишковъ. Господинъ Меркурій желаетъ насъ видѣть похожими на потомковъ Демосѳеновыхъ, у которыхъ нѣтъ уже ни языка, ни наукъ. Для того, что ихъ языкъ, уклоняясь отъ Гомерова языка, пришелъ въ упадокъ, такъ и нашему, уклоняясь отъ славенскаго, надобно придти въ упадокъ!“ [4]).

---

[1]) Ibid., c. 452.

[2]) Слова, поставленныя въ скобкахъ, были въ отдѣльномъ изданіи прибавленія. Въ собраніи сочиненій Шишкова ихъ нѣтъ. Вмѣсто нихъ находимъ: „...и отнюдь не думаю, чтобъ человѣкъ справедливый и благомыслящій могъ въ примѣчаніяхъ моихъ находить какую-нибудь личность или пристрастіе. Мнѣніе мое не есть законъ; но и намѣреніе мое не есть злословіе“.

[3]) Ibid., c. 450.

[4]) Ibid., c. 431—2.

Digitized by Google

Такъ началась эта полемика между старымъ и новымъ, принимавшая, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, самыя разнообразныя формы, пріобрѣтшая новыхъ дѣятелей и получившая новое ожесточеніе вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ и въ особенности войны нашей съ французами, войны несчастной, а потому возбудившей въ обществѣ сильную ненависть къ французамъ. Покуда Шишковъ былъ одинъ; онъ одинъ имѣлъ смѣлость поднять свой голосъ въ защиту старины, на осмѣяніе новыхъ словъ въ русскомъ языкѣ, а съ ними вмѣстѣ и новыхъ понятій, искренно имъ ненавидимыхъ. Эти понятія были въ связи съ французскимъ переворотомъ XVIII вѣка; Шишковъ видѣлъ ихъ въ нашей жизни, въ обществѣ, литературѣ. Онъ говоритъ это прямо: „Мы оставались еще, до временъ Ломоносова и современниковъ его, при прежнихъ нашихъ духовныхъ пѣсняхъ, при священныхъ книгахъ, при размышленіяхъ о величествѣ Божіемъ, при умствованіяхъ о христіанскихъ должностяхъ и о вѣрѣ, научающей человѣка кроткому и мирному житію, а не тѣмъ развратнымъ нравамъ, которымъ новѣйшіе философы обучили родъ человѣческій, и которыхъ пагубные плоды, послѣ такого проліянія крови, и понынѣ еще во Франціи гнѣздятся“ [1]). Одинъ онъ высказывалъ печатно тогда эти мысли и никакъ конечно не ожидалъ, что у него будетъ скоро много сторонниковъ и что самъ Карамзинъ, глава школы или, по выраженію Шишкова, „нѣкоторой особливой *шайки* писателей, вооружившихся противъ славенскаго языка“, будетъ на его сторонѣ и станетъ высказывать прямо государю еще болѣе занугивающія мысли. Теперь онъ былъ одинъ въ литературѣ; его сторонники, его друзья старики, дѣлившіе его мысли и убѣжденія въ дружескихъ бесѣдахъ съ нимъ и на очередныхъ вечерахъ литературныхъ въ Петербургѣ, не поддерживали его въ печати. Все молодое, свѣжее стояло на сторонѣ, разумѣется, его противниковъ. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ, какъ студенты Казанскаго университета были недовольны лекціями профессора русской словесности Городчанинова, поклонника старинныхъ писателей и жестокаго врага Карамзина и его нововведеній въ слогѣ, какъ онъ одинъ, въ которомъ съ дѣтства была дворянская закваска славянофильства, также не любилъ Карамзина, не умѣя дать себѣ отчета въ причинахъ этой нелюбви, какъ онъ одинъ только читалъ съ восторгомъ разсужденіе Шишкова, но зато встрѣчалъ упорное противодѣйствіе во всѣхъ своихъ товарищахъ [2]). Конечно, нѣкоторые журналы того времени, найдя извѣстную долю правды въ замѣткахъ

---

[1]) Ibid., с. 423.

[2]) Сем. Хрон. и Восп. 1856 г., 457—460.

Digitized by Google

Шишкова, стали противодѣйствовать варваризмамъ; въ этомъ отношеніи нельзя отрицать вліяніе Шишкова. Болѣе всего впрочемъ его убѣжденія раздѣляла Россійская Академія; на нее онъ хотѣлъ дѣйствовать. Онъ, Державинъ и Хвостовъ, настояли въ Академіи на изданіи книги, которая бы особенно была посвящена языку и словесности [1]) для назиданія молодымъ писателямъ и для истребленія въ русскомъ языкѣ словъ иностранныхъ, которыя Шишковъ хотѣлъ замѣнить вновь составленными изъ славянскихъ корней. Это былъ славянскій словарь, составленный самимъ Шишковымъ; напечатана была только первая его часть, а остальныя остались въ рукописи, потому что духовные члены Академіи не согласились на печать по цензурнымъ соображеніямъ.

Въ то время какъ Шишковъ началъ эту полемику съ новымъ слогомъ, съ тѣмъ, что̀ казалось ему въ новомъ направленіи нашей литературы пагубнымъ и вреднымъ, противъ него возстали люди болѣе молодого поколѣнія, воспитанники Карамзина, дѣти его слога и направленія. Но въ ту пору жили еще нѣкоторые писатели временъ Екатерины, окруженные славою и поклоненіемъ, какъ учители, какъ авторитеты для молодыхъ талантовъ. Изъ такихъ признанныхъ, старыхъ авторитетовъ большимъ вліяніемъ пользовались два поэта. Одинъ старикъ Державинъ въ Петербургѣ, пережившій и свою славу и свой талантъ, но писавшій въ ту пору очень много, чуть ли даже не гораздо больше, чѣмъ въ первые, свѣтлые дни своей извѣстности и славы. Другой—И. И. Дмитріевъ—въ Москвѣ,—другъ Карамзинской юности, первый наставникъ его въ литературномъ дѣлѣ, человѣкъ чрезвычайно остроумный, поэтъ-самоучка, но по уму стоявшій выше всѣхъ современныхъ ему писателей стиховъ и успѣвшій самъ себя образовать и поднять до уровня современности. Дмитріевъ жилъ очень долго; въ теченіе своей жизни онъ пережилъ очень многое: онъ былъ свидѣтелемъ первой славы Державина, пріобрѣтенной имъ одою къ Фелицѣ; по его совѣту, прислушиваясь къ его тонкому вкусу, Державинъ исправлялъ нѣкоторые стихи свои и замѣнялъ дикія слова и выраженія, которыми такъ богаты его стихи, другими, болѣе простыми и понятными. Дмитріевъ первый познакомилъ Карамзина съ авторствомъ и первый открылъ въ немъ талантъ; всю жизнь оставался онъ друженъ съ нимъ и въ свою очередь сдѣлался его ученикомъ и послѣдователемъ—въ поэзіи. Дмитріевъ встрѣтилъ привѣтомъ первые опыты Жуковскаго и былъ свидѣтелемъ лучшихъ его произведеній. Онъ пережилъ всю поэтическую и литературную жизнь Пушкина; онъ видѣлъ на сценѣ первую знаменитую комедію Гоголя.... Вѣдь это

[1]) Шишковъ. Записки. II, с. 5.

Digitized by Google

цѣлые періоды литературной жизни русскаго общества, въ которые и оно и Россія столько пережили; это цѣлая длинная исторія. Событія и люди проходили въ теченіе болѣе полувѣка сознательной и зрѣлой жизни передъ глазами этого умнаго, наблюдательнаго, старика, интересовавшагося очень многимъ до послѣднихъ дней своей жизни. А какія событія, и какіе люди! Подобно Державину, Дмитріевъ, начавъ свою службу въ полковой казармѣ, сдѣлался министромъ; на этомъ высокомъ правительственномъ посту горизонтъ его зрѣнія былъ гораздо шире и ничѣмъ не стѣснялся. Изъ всѣхъ русскихъ литераторовъ, старыхъ и новыхъ, Дмитріевъ болѣе прочихъ походилъ на европейскаго писателя по своей обширной и дѣятельной перепискѣ, прекратившейся кажется только за нѣсколько часовъ до его смерти. Все, что только въ литературѣ и обществѣ было замѣчательнаго по уму и таланту, всѣ люди, выходящіе изъ ряда, вели переписку съ Дмитріевымъ и онъ дѣятельно поддерживалъ ее. Множество писемъ къ нему Державина, Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго, Блудова, Тургеневыхъ, Пушкина, Кн. Вяземскаго, А. Измайлова и др. позволяютъ намъ войти въ тотъ духовный, внутренній міръ, которымъ жилъ этотъ замѣчательный старикъ, познакомиться съ интересами, которые занимали его въ теченіе полувѣка. Наконецъ Дмитріевъ оставилъ свои собственныя записки, свои наблюденія надъ жизнью и людьми, подъ названіемъ „Взглядъ на мою жизнь“. О нихъ печаталось много извѣстій; отрывки ихъ появлялись въ журналахъ давно уже, а въ цѣломъ видѣ „Записки“ долго не выходили вслѣдствіе цензурныхъ соображеній. Наконецъ онѣ вышли въ свѣтъ безъ предварительной цензуры и дѣйствительно безъ пропусковъ. Мысль и слово писателя передъ нами въ неискаженномъ видѣ и мы можемъ видѣть душу его въ самой глубинѣ его. Что же за человѣкъ былъ этотъ поэтъ Дмитріевъ? Что его интересовало? Что было ему дорого? Въ какомъ отношеніи стоялъ онъ къ жизни и обществу? Познакомившись съ одною такою типическою личностію въ нашей литературѣ, мы поймемъ въ чемъ состояло тогда и ея собственное содержаніе, чѣмъ она наполнялась.

Дмитріевъ былъ шестью годами старше Карамзина, своего земляка по Симбирской губерніи. Онъ происходилъ также изъ дворянскаго рода этой мѣстности и первоначальное образованіе получилъ въ казанскомъ пансіонѣ какого-то француза Манженя, сдѣлавшагося потомъ домашнимъ учителемъ извѣстнаго намъ Макарова. Затѣмъ ученіе продолжалось уже въ Симбирскѣ, въ пансіонѣ отставного поручика Кабрита, котораго Дмитріевъ очень хвалитъ. Но тамъ и здѣсь ученье продолжалось не долго; оно прекратилось на одиннадцатомъ году, и Дмитріевъ едва узналъ кое-что изъ ариѳметики да научился

Digitized by Google

читать по-французски и по-нѣмецки, не понимая разумѣется прочитаннаго. Отецъ увезъ сына въ деревню и, такъ какъ онъ самъ не былъ далекъ въ наукахъ, то и заставлялъ его повторять по книгѣ то, что было выучено въ пансіонахъ. Зато Дмитріевъ усердно читалъ французскіе романы въ переводахъ и заинтересованный однимъ изъ героевъ ихъ—Маркизомъ Г., изъ описанія похожденій котораго были переведены только первыя части по-русски, дочиталъ остальныя съ помощію лексикона по-французски и выучился такимъ образомъ понимать этотъ языкъ. Мать познакомила его съ стихами Сумарокова, а отецъ—Ломоносова, и въ мальчикѣ очень рано пробудилось поэтическое чувство. Остальное образованіе докончено было уже въ Симбирскѣ разговорами отцовскихъ пріятелей помѣщиковъ, собиравшихся на партію виста и толковавшихъ то о хозяйствѣ, то о политическихъ, по большей части, придворныхъ дѣлахъ, то о турецкой войнѣ, свѣдѣнія о которой почерпались изъ московскихъ газетъ. Вотъ кругъ образованія тогдашняго провинціальнаго юноши; дальше шли немногіе.

Но эти „тихіе вечера“ посреди мирныхъ пенатовъ Симбирска, какъ выражается Дмитріевъ, прекратились вдругъ отъ грозы пугачевщины. Всякій скакалъ тогда туда, гдѣ было безопаснѣе, и семейство Дмитріевыхъ уѣхало въ Москву. Денегъ у отца не было, а потому и нельзя было думать о дальнѣйшемъ ученіи сыновей (у Дмитріева былъ еще старшій братъ, Александръ, также вступившій потомъ на литературное поприще). Пришлось читать только русскія книги и, конечно, не научнаго содержанія. Но и это скоро кончилось. Уже въ 1772 году оба брата были записаны солдатами въ гвардейскій Семеновскій полкъ и числились только въ отпуску дома до совершеннолѣтія, но въ 1774 году отецъ привезъ ихъ на службу въ Петербургъ, и четырнадцатилѣтній Дмитріевъ сталъ жить въ солдатской казармѣ и ходить въ полковую школу, гдѣ дѣло образованія ограничивалось слишкомъ немногимъ, необходимымъ для солдата. Пришлось ходить на караулы и на ученья. Вскорѣ Екатерина отправилась въ Москву торжествовать миръ съ Турціею; для праздника необходима была гвардія, и Дмитріевъ, пришедшій съ Семеновскимъ полкомъ, увидался въ Москвѣ съ родными и былъ свидѣтелемъ страшной казни Пугачева и Перфильева, которую и описалъ подробно. Какое впечатлѣніе произвело это зрѣлище на душу четырнадцатилѣтняго мальчика, изъ его описанія не видно. Онъ хладнокровно замѣчаетъ страшныя подробности, какъ будто любуется ими и только. Впрочемъ въ ту пору люди зрѣли гораздо раньше и физически и нравственно, нервы ихъ были крѣпче, а чувства и жестче и грубѣе.

Откуда же, спросятъ, у этихъ людей прошлаго вѣка „посреди строевъ и карауловъ“ появлялось поэтическое чувство, заставлявшее

Digitized by Google

ихъ писать стихи, подбирать риѳмы, хлопотать о размѣрѣ? Какіе интересы будили чувство поэзіи? Умный Дмитріевъ, впрочемъ, сознается самъ, что ему совѣстно назвать свои опыты — опытами въ поэзіи; это были скорѣе опыты въ риѳмованіи. Для поэзіи необходимо чувство, живое отношеніе къ дѣйствительности, а гдѣ ихъ было взять семнадцатилѣтнему солдату или фурьеру, лишенному почти всякаго образованія и живущему въ казармѣ? „Не видавъ еще ни одной книги о правилахъ стихосложенія, говоритъ Дмитріевъ, не имѣвъ и понятія о метрахъ, о разнородныхъ риѳмахъ, о ихъ сочетаніи, я выводилъ строки и оканчивалъ ихъ риѳмами, это были стихи мои“ [1]). Семнадцати лѣтъ онъ сталъ уже печатать свои стихи, сталъ изучать различныя піитики и правила поэзіи, сталъ подражать мелкимъ французскимъ поэтамъ и въ особенности Дорату, одному изъ корифеевъ легкой поэзіи, сдѣлавшемуся любимцемъ Дмитріева. Вотъ, слѣдовательно, откуда бралось содержаніе для тогдашней нашей поэзіи; для него не нужно было ни поэтическаго чувства, ни живого отношенія къ дѣйствительности, а только механика стиха. Но не одними стихами занимался Дмитріевъ. Онъ переводилъ разныя мелкія прозаическія статьи съ французскаго для тогдашнихъ петербургскихъ журналовъ; напечаталъ отдѣльно: „Жизнь графа Н. И. Панина“ (1787). За всѣ эти труды книгопродавцы платили ему книгами... Знакомство съ Карамзинымъ, его родственникомъ, близкія сношенія съ нимъ, когда онъ воротился изъ своего путешествія, и особенно знакомство съ умнымъ и образованнымъ гвардейскимъ офицеромъ одного съ нимъ полка — Козлятевымъ, у котораго была большая французская библіотека, расширили умственный горизонтъ Дмитріева. Онъ сталъ много читать и вполнѣ познакомился съ обширною французскою литературою. Знакомство съ Державинымъ во время его славы ввело Дмитріева въ кругъ тогдашнихъ петербургскихъ писателей; скоро онъ сдѣлался совѣтникомъ Державина по части разныхъ стиховъ и выраженій.

Настоящимъ вдохновителемъ поэзіи Дмитріева былъ, однако, Карамзинъ; его извѣстность и слава начинаются съ тѣхъ стиховъ, которые помѣщены были имъ въ „Московскомъ Журналѣ“ Карамзина, въ его сборникахъ, Аглаѣ, Аонидахъ, и въ книжкѣ, изданной Дмитріевымъ въ подражаніе Карамзину „И мои бездѣлки“. Вліяніе Карамзина, чувствительность, которою отличалось его направленіе, отличаетъ и первыя извѣстныя стихотворенія Дмитріева. Вотъ почему онъ, старшій шестью годами Карамзина, долженъ быть причисленъ къ его школѣ. Лучшія произведенія Дмитріева относятся

[1]) Взглядъ на мою жизнь. М. 1866, с. 32.

Digitized by Google

къ послѣднему десятилѣтію прошлаго вѣка, т.-е. и къ лучшей порѣ дѣятельности Карамзина, когда создавалось его направленіе. Съ этихъ поръ Дмитріевъ сдѣлался авторитетомъ въ поэзіи. Его двѣ пѣсни: „Стонетъ сизый голубочекъ“ и „Всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ“ — сдѣлались очень скоро модными и пѣлись очень долго. Но у Дмитріева, рядомъ съ этой вялой сентиментальностью шло и сатирическое направленіе, которое въ особенности проявляется въ двухъ первыхъ его сказкахъ: „Модная жена“ (1792) и „Причудница“ (1795). Послѣдняя есть подражаніе Вольтеру. Отличительный характеръ этихъ сказокъ заключается въ ловкости версификатора и удивительной для того времени легкости стиха, такъ что въ этомъ отношеніи у Дмитріева не могло быть соперниковъ. По его собственному признанію, главная его забота была направлена на внѣшнюю сторону стиха, на его плавность и богатство риѳмы. „Отъ того, можетъ быть, и примѣчается, говоритъ онъ, даже самимъ мною, въ стихахъ моихъ, скудость въ идеяхъ, болѣе живости, украшеній, чѣмъ глубокомыслія и силы. Отъ того послѣдовало и то, что ни въ которомъ изъ лучшихъ моихъ стихотвореній нѣтъ обширной основы“. О чувствѣ и говорить нечего: всѣ стихотворенія Дмитріева, гдѣ онъ старается высказать свои сердечныя ощущенія, относящіяся къ различнымъ Прелестамъ, Филлидамъ, Хлоямъ—вялы и очевидно придуманы. Въ своей автобіографіи Дмитріевъ даже и не намекнулъ о какомъ-либо сердечномъ движеніи и всю жизнь свою былъ не женатъ. Отличительною чертою его характера былъ эгоизмъ; преобладала въ немъ также и значительная доля эпикуреизма, но не того грубаго, матеріальнаго эпикуреизма, который проявляется въ натурахъ неразвитыхъ и чувственныхъ, а эпикуреизма духовнаго — удѣла тѣхъ высоко развитыхъ умственно натуръ, которыхъ много представляло у насъ общество въ различныя эпохи своего существованія. Натуры эти, лишенныя возможности принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ страны, недовольныя дѣйствительностію, не похожею на ихъ идеалы, съ отчаяніемъ въ душѣ уходили въ міръ духовныхъ наслажденій или въ жизнь и стремленія чужихъ народовъ. Такихъ артистическихъ натуръ, продуктовъ нашего болѣзненнаго развитія, было много у насъ, особенно въ 30-ые и 40-ые годы. Къ ихъ числу принадлежалъ отчасти и Дмитріевъ, хотя чинолюбіе и служебная дѣятельность играли не малую роль въ его жизни.

Самымъ лучшимъ поэтическимъ и плодотворнымъ годомъ для Дмитріева былъ 1794 годъ, когда онъ, будучи уже капитанъ-поручикомъ гвардіи, посѣтилъ свою родину—Сызрань, плавалъ по Волгѣ для свиданія съ разными родными и жилъ и дышалъ воздухомъ

Digitized by Google

родныхъ полей своихъ. Какъ ни искусственна вообще поэзія Дмитріева,—въ этомъ смыслѣ она похожа на всякую другую поэзію XVIII вѣка,—но подъ впечатлѣніями образовъ широкой природы, родной и близкой сердцу поэта, она невольно получаетъ оживленіе. Въ своихъ „Запискахъ" Дмитріевъ поддается искреннему чувству, вспоминая свои прогулки въ Сызрани, по берегамъ Волги или ея заливовъ. „Здѣсь-то, въ роскошную пору весны, говорилъ онъ, въ тонкомъ сумракѣ тихаго вечера, мелькнули предо мною безмолвные призраки Ермака и двухъ шамановъ" [1]). Отъ Сызрани Дмитріевъ проѣхалъ внизъ по Волгѣ до самой Астрахани (до Сарепты на парусномъ суднѣ). Удовольствія этого пути Дмитріевъ вспоминалъ и въ глубокой старости. Въ прозѣ его „Записокъ" даже воспоминанія эти кажутся лучше, чѣмъ въ его одѣ „къ Волгѣ", написанной тогда же, гдѣ онъ не кстати вызываетъ тѣни историческихъ событій, къ которымъ относится гиперболически-холодно. Такого рода воскрешеніе прошлаго является и въ знаменитой одѣ Дмитріева „Ермакъ", написанной тогда же. Вѣроятно, Волга напомнила ему героя-завоевателя Сибири, но какъ ни нравилась эта ода современникамъ и послѣдующему поколѣнію, которое знало ее наизусть и приводило безпрестанно въ реторикахъ стихи изъ нея въ образецъ живописности слога,—для насъ—это холодное, придуманное созданіе, выраженіе того внѣшняго патріотизма, которымъ наполнялось царствованіе Екатерины. Тогда же имя Дмитріева сдѣлалось извѣстно и императрицѣ. Въ Сызрань дошелъ слухъ объ извѣстномъ штурмѣ и взятіи Варшавы Суворовымъ, прежде даже, чѣмъ это всѣми ожидаемое событіе совершилось, и Дмитріевъ тотчасъ написалъ свой „Гласъ патріота на покореніе Варшавы" и послалъ его въ Петербургъ Державину для напечатанія... Тотъ напечаталъ и поднесъ оду эту Екатеринѣ и придворнымъ въ тотъ самый день, когда было получено дѣйствительно извѣстіе о взятіи Варшавы. Это удивило всѣхъ. Но какъ ни остроумно смѣялся самъ Дмитріевъ надъ одами, его собственныя произведенія въ этомъ родѣ ничѣмъ, кромѣ развѣ точности и лучшей отдѣлки стиха и выраженія, не отличаются отъ подобныхъ произведеній современниковъ. Холодный расчетъ въ нихъ виденъ на каждомъ шагу, и ни въ одной нѣтъ искренности, этого главнаго условія поэзіи. Какъ былъ чуждъ Дмитріевъ истинной поэзіи, видно изъ его передѣлки извѣстнаго стихотворенія Гёте: „Die Grenzen der Menschheit", названной нашимъ переводителемъ „Размышленіе по случаю грома" (1795). Широкій эллинскій пантеизмъ нѣмецкаго поэта совершенно исчезаетъ въ этомъ переложеніи, напоминающемъ собою Ломоносова и его „Подражаніе Іову".

[1]) Взглядъ на мою жизнь, с. 71.

Digitized by Google

Мы упоминали уже о сказкахъ Дмитріева, въ которыхъ онъ, по словамъ современныхъ раболѣпствующихъ передъ нимъ критиковъ, является „неподражаемымъ". Еще Полевой, уже по смерти Дмитріева, называлъ его сказки превосходными. Для насъ онѣ ничего не говорятъ. Это передѣлки, подражанія французскимъ произведеніямъ этого рода поэзіи салоновъ, которою такъ богата была французская литература прошлаго вѣка. Легкіе нравы, легкая насмѣшка надъ свѣтскою жизнію—вотъ всѣ ихъ достоинства, которыя увеличиваются еще отъ вылощеннаго, обдуманнаго, безъ сомнѣнія, много разъ переправляемаго Дмитріевымъ стиха, который поражалъ современниковъ. Чрезвычайно рѣдко попадаются въ этихъ красивыхъ и легкихъ сказочкахъ черты изъ русской жизни. Приведемъ одно только изображеніе сосѣда Дмитріева по деревнѣ въ Сызранскомъ уѣздѣ—ротмистра Ивашева, который нарисованъ очень вѣрно, какъ свидѣтельствуетъ племянникъ поэта [1]).

„О, если бы возсталъ изъ гроба ты сейчасъ,
Драгунскій витязь мой, о, ротмистръ Бракербасъ,
Ты, бывшій столько лѣтъ въ малороссійскомъ краѣ
Пугалищемъ злыхъ вѣдьмъ!.. Я помню какъ во снѣ,
Что ты разсказывалъ еще ребенку мнѣ:
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи!
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой, бывало, ты разсказывалъ размашкой,
Въ колетѣ вохряномъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!
Какъ волосы твои, сѣдые съ желтизною,
Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ!
Стоялъ, какъ вкопанный, тебя глазами мѣрилъ,
И что ужъ ты не конь... еще тому не вѣрилъ".

Въ такомъ же родѣ написана довольно живая картинка изъ стариннаго русскаго быта „Каррикатура", грустно-смѣшная идиллія въ русскомъ вкусѣ, героемъ которой является другой сосѣдъ Дмитріева, ротмистръ Шешминскаго полка. Но эти образы и картины ложились подъ перо поэта случайно; онъ не думалъ о нихъ, не заботился; для него дороже было подражаніе.

Что Дмитріевъ понималъ всю ложь того *одобьсія*, которымъ страдали наши поэты лирическіе со временъ Ломоносова и которое про-

[1]) Мелочи изъ запаса моей памяти, с. 125—6.

Digitized by Google

шло только съ развитіемъ въ обществѣ образованности, съ уничтоженіемъ меценатства, раболѣпства поэтовъ, съ пріобрѣтеніемъ литературою бо́льшаго къ себѣ уваженія, — доказываетъ знаменитая сатира его „Чужой толкъ“ (1795), внушенная мыслью англійскаго поэта прошлаго вѣка, Попа, въ его „Посланіи къ доктору Арбутноту“, которое Дмитріевъ также перевелъ съ французскаго въ 1793 году. Въ сочиненіяхъ Дмитріева находится очень много эпиграммъ и вообще разныхъ выходокъ противъ современныхъ слагателей стиховъ, которыми въ его время сильно изобиловалъ россійскій Парнасъ. Подъ вымышленными или огреченными именами можно узнать Хвостова, Боброва, Николева, Бухарскаго и другихъ жалкихъ піитъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Сатира „Чужой толкъ“ (это названіе дано Дмитріевымъ потому, что сужденія сатиры высказываются не отъ лица поэта, а отъ лица Аристарха, критика), есть общее выраженіе неудовольствія на торжественную, подкупную лирику и изображеніе тѣхъ условій, при которыхъ она могла тогда существовать. Сатирикъ жалуется, что мы давно уже пишемъ оды, но что поэты наши не дѣлаются отъ того славными, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ сравниться съ Гораціемъ. А какъ, кажется, не получить славы: древніе поэты писали небольшія оды „листочекъ, много два“,—мы же во сто разъ прилежнѣе и терпѣливѣе. Древніе писали рѣзвясь, долго не думая и не заботясь...

„Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ проснживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно, ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, пная въ двѣсти строфъ!
Судите-жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ“.

Всѣ правила піитическія соблюдены въ этихъ одахъ, а между тѣмъ нѣтъ охоты читать:

„Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда—короче я скажу:
Въ стихамъ реляція! прекрасно!.. а зѣваю!“

Начнешь читать другія оды, напр., на какой-нибудь праздникъ, и то же впечатлѣніе:

„Такъ громко, высоко!.. а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ“

Digitized by Google

Какія причины того, что поэзія одъ не нравится? Во-первыхъ: всѣ одописцы поэты не по призванію:

„Большая часть изъ нихъ—лейбъ гвардіи капралъ,
Асессоръ, офицеръ, какой-нибудь подьячій,
Или изъ кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ,—народъ все нужный, должностной,
Такъ, часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, три дни рифму лишь прибрать едва успѣетъ,
Затѣмъ, что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ"...

Во-вторыхъ, у древнихъ была одна цѣль, а у насъ—другая. Горацій желалъ славы въ потомствѣ, а въ Римѣ простого вѣнка...

„А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, или дружество съ княземъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцеслова,
Или похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ".

Подъ конецъ Дмитріевъ очень остроумно и очень зло смѣется надъ придуманными выраженіями тѣхъ или другихъ одъ. Насмѣшка поэта, конечно, очень тонкая, но не надобно забывать, что насмѣшка эта относилась только къ одному внѣшнему выраженію; самой сущности дѣла Дмитріевъ не затронулъ; его мысль не доросла еще до убѣжденія, что поэзія должна выражать дѣйствительность и что самая сущность похвальной оды есть уже нарушеніе ея достоинства. Да и всегда Дмитріеву дороже было литературное выраженіе, внѣшняя сторона. Онъ прожилъ очень долго; передъ его глазами нѣсколько разъ измѣнилась жизнь общества, а слѣдовательно и литература, а Дмитріевъ все думалъ, что дѣло только шло объ измѣненіи литературнаго вкуса...

Особенную славу и извѣстность Дмитріеву пріобрѣли его басни и апологи. Обыкновенно онъ считается, наряду съ Хемницеромъ и Крыловымъ, однимъ изъ лучшихъ нашихъ баснописцевъ. Прежде критика, при общей распространенности въ нашей литературѣ этого жалкаго рода поэтическихъ произведеній, очень подробно останавливалась на сравнительномъ изученіи басенъ трехъ нашихъ баснописцевъ и на опредѣленіи ихъ относительнаго достоинства. Критика давно присвоила Дмитріеву названіе русскаго Лафонтена. И басни, какъ и всѣ прочія его произведенія, отличаются законченностью выраженія, отдѣлкою стиха, легкостью, умомъ и насмѣшливостью; все въ нихъ гладко; нигдѣ нѣтъ зацѣпины. Галаховъ соглашается, при оцѣнкѣ басенъ Дмитріева, съ мнѣніемъ Мерзлякова [1]): „Дмитріевъ

[1]) Галаховъ. Исторія русской словесности. М. 1894. Т. II, стр. 187.

Digitized by Google

отворилъ баснямъ двери въ просвѣщенныя, образованныя общества, отличавшіяся вкусомъ и языкомъ". Но какъ жалко то общество, гдѣ интересуются баснею, гдѣ прислушиваются къ ея закрытой, бѣдной морали. Дѣйствительно, въ этомъ обществѣ не было интереса ни къ чему живому; въ немъ только и можно было пріобрѣсти себѣ славу баснями. Замѣтимъ, что всѣ басни Дмитріева—переводныя съ французскаго; даже въ передѣлкахъ своихъ онъ не допустилъ, подобно Крылову, ни одной черты русской...

Мы передали такимъ образомъ въ общихъ чертахъ всю литературную дѣятельность Дмитріева, имя котораго стоитъ обыкновенно рядомъ съ Карамзинымъ и которому приписывается то же реформаторское значеніе въ нашей поэзіи, какое Карамзину въ прозѣ. Но у Карамзина были своего рода убѣжденія, было извѣстное отношеніе къ жизни, къ вопросамъ общественнымъ, которое онъ высказывалъ въ разныхъ случаяхъ. У Дмитріева мы не найдемъ ничего подобнаго: его отношенія къ современнымъ событіямъ высказываются только въ формѣ похвальной оды, попрежнему. Онъ весь занятъ отдѣлкою стиха.

Въ годъ смерти Екатерины Дмитріевъ достигъ тогдашней цѣли своихъ желаній, дослужился до чина капитана и поѣхалъ въ годовой отпускъ, съ твердымъ намѣреніемъ выйти въ отставку въ извѣстномъ чинѣ бригадира, какъ дѣлали тогда всѣ. При воцареніи Павла онъ исполнилъ свое намѣреніе и думалъ уже о мирной жизни въ отставкѣ, какъ неожиданный доносъ на него въ измѣнѣ сдѣлалъ имя его извѣстнымъ Павлу. Доносъ былъ конечно ложенъ, и Дмитріевъ разсказываетъ подробно въ своихъ „Запискахъ" всю передрягу по этому случаю [1]). Это обстоятельство доставило Дмитріеву, при участіи, впрочемъ, полюбившаго его наслѣдника престола Александра Павловича, званіе оберъ-прокурора въ сенатѣ, товарища министра удѣловъ, тогда только что учрежденнаго министерства, и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Все это произошло въ очень короткое время, и честолюбіе Дмитріева было удовлетворено болѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. „Отсюда начинается ученичество мое въ наукѣ законовѣдѣнія и знакомство съ происками, эгоизмомъ, надменностью и раболѣпствомъ двумъ господствующимъ въ наше время страстямъ: любостяжанію и честолюбію" [2]). Не долго однако Дмитріевъ жилъ въ этой сферѣ; онъ говоритъ о непріятностяхъ, которыя долженъ былъ выносить по службѣ, и не прошло двухъ лѣтъ, какъ онъ былъ уволенъ въ отставку въ концѣ 1799 года съ пенсіономъ и съ чиномъ тайнаго

---

[1]) Взглядъ на мою жизнь, стр. 125—132.

[2]) Ibid., стр. 134.

Digitized by Google

совѣтника. Онъ уѣхалъ въ любимую имъ Москву, къ Карамзину и другимъ друзьямъ.

Наблюденій надъ чрезвычайно любопытными обстоятельствами того времени, надъ людьми и надъ перемѣнами Дмитріевъ не оставилъ никакихъ. Онъ говоритъ только о себѣ самомъ. О Павлѣ осторожный Дмитріевъ не произноситъ никакого приговора: „Пусть судитъ его потомство, говоритъ онъ; отъ меня же признательность и сердечный вздохъ надъ его прахомъ!“ [1]). Идеаломъ Дмитріева была тихая жизнь посреди друзей, жизнь, преданная умственнымъ интересамъ. „Читать, что нравится и видѣть тѣхъ, что милы“, пишетъ онъ Жуковскому [2]). Онъ тотчасъ же въ Москвѣ купилъ домъ съ садомъ, который доставлялъ ему любимое занятіе до самой смерти, и возобновилъ свои литературныя связи и знакомства съ Карамзинымъ, Тургеневымъ, Херасковымъ и др.

Свои чувства восторга, при началѣ этой столь желанной для него жизни, какъ кажется, не притворныя, онъ выразилъ въ прочувствованномъ посланіи „Къ друзьямъ моимъ“. Свобода, дружба, покой и умственныя наслажденія, — вотъ къ чему хочетъ теперь стремиться Дмитріевъ. Тогда онъ началъ писать свои басни, помѣщая ихъ въ „Вѣстникѣ Европы“ Карамзина. Онъ былъ такъ друженъ съ нимъ, что вмѣстѣ съ переходомъ Карамзина къ исторіи, прекратилъ и свои литературные труды. 1805 годомъ заканчивается его дѣятельность; дальше писалъ онъ однѣ мелочи и то рѣдко. „Часто приходило мнѣ на мысль, признается самъ Дмитріевъ, что я и совсѣмъ не поэтъ, а пишу только по какому-то случайному направленію, по одному навыку къ механизму [3]) и это была дѣйствительная правда. Но Дмитріевъ все же, какъ поэтъ, счелъ своею обязанностью привѣтствовать одою коронацію новаго царя. Для него, какъ и для Карамзина, очень дорого было обѣщаніе подражать Екатеринѣ:

„При ней корабль нашъ чрезъ пучины
Отважно къ счастію летѣлъ;
При ней Россіянинъ, сынъ славы,
Вселенной подавалъ уставы,
И жребіемъ ея владѣлъ“.

Такимъ образомъ и Дмитріевъ, подобно Карамзину и другимъ современникамъ Екатерининскаго царствованія, смотрѣлъ не впередъ, а назадъ; движеніе новаго времени, планы и реформы, задумываемые и приводимые тогда въ исполненіе, не вызывали ни сочувствія его,

---

[1]) Ibid., стр. 157.
[2]) Русск. Арх. 1870 г., стр. 1701.
[3]) Взглядъ, стр. 92.

Digitized by Google

ни содѣйствія. Живя въ отставкѣ, въ томъ изящномъ уединеніи, которое онъ устроилъ себѣ въ Москвѣ, Дмитріевъ едва ли даже въ близкомъ кругу друзей высказывалъ свои мысли о положеніи тогдашнихъ дѣлъ. Онъ былъ слишкомъ остороженъ для того; притомъ всѣ интересы его сосредоточивались на стихахъ. Помощи той литературѣ, которая только что начиналась, вызываемая новою государственною жизнью, отъ этого писателя нечего было ждать. Свое сужденіе о времени Александра онъ выразилъ съ тою неопредѣленною уклончивостью, которая всю жизнь отличала его осторожную натуру: „Новыя министерства находились подъ вліяніемъ двухъ партій, изъ коихъ въ одной господствовали служивцы вѣка Екатерины, опытные, осторожные, привыкшіе къ старому ходу, нарушеніе коего казалось имъ возстаніемъ противъ святыни. Другая, которой главою былъ графъ Кочубей, состояла изъ молодыхъ людей образованнаго ума, получившихъ *слегка* понятіе о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ и напитанныхъ духомъ преобразованій и улучшеній.

„Такое соединеніе двухъ возрастовъ могло бы послужить въ пользу правительства. Дѣятельная предпріимчивость молодости, соединенная съ образованіемъ нашего времени, изобрѣла бы способы къ усовершенію и оживляла бы опытную старость, а сія, на обмѣнъ, умѣряла бы лишнюю пылкость ея и избирала бы изъ предлагаемыхъ средствъ надежнѣйшія и болѣе сообразныя съ мѣстными выгодами и положеніемъ государства. Но, къ сожалѣнію, и самыя благородныя души не освобождаются отъ эгоизма, порождающаго зависть и честолюбіе“ [1]). Весьма трудно изъ этого неопредѣленнаго отзыва Дмитріева вывести заключеніе, которой сторонѣ онъ сочувствовалъ,—вѣроятно не молодымъ.

Тѣмъ не менѣе Александръ, знавшій лично Дмитріева, снова вызвалъ его къ служебной дѣятельности. Правда, это было уже въ ту пору, когда пылъ преобразованій потухъ и начавшаяся борьба съ Наполеономъ направила заботы правительства въ другую сторону. Въ началѣ 1806 года Дмитріевъ сдѣланъ былъ сенаторомъ, но остался въ Москвѣ. Въ 1807 году ему предлагали мѣсто попечителя Московскаго университета послѣ Муравьева, но онъ отказался. Какъ сенаторъ, Дмитріевъ исполнялъ разныя обязанности, ѣздилъ для ревизій нѣкоторыхъ губерній и въ началѣ 1810 года назначенъ былъ министромъ юстиціи; это былъ другой поэтъ Екатерининскаго времени въ этомъ званіи.

Министерство Дмитріева продолжалось около четырехъ лѣтъ; въ своихъ „Запискахъ“ онъ оставилъ довольно подробное изложеніе

---

[1]) Ibid., стр. 180—181.

Digitized by Google

своей дѣятельности въ этомъ званіи, которымъ, повидимому, тяготился. Оффиціальное положеніе удалило его отъ друзей; какъ человѣкъ строго честный и холодный, онъ не хотѣлъ имъ жертвовать для прежнихъ связей. Молодой Жуковскій жаловался друзьямъ своимъ на его эгоизмъ: „Онъ не имѣетъ того расположенія въ душѣ, чтобы воспользоваться силою для добра тѣхъ, которыхъ онъ ласкалъ и называлъ *своими* во время оно“ [1]). Получивъ отставку въ 1814 году, Дмитріевъ поспѣшилъ отправиться въ свою любимую, теперь обгорѣлую и разоренную Москву. Первымъ дѣломъ его было устроить пріютъ для старости; прежній домъ его сдѣлался также жертвою общаго пожара. Онъ началъ строить новый. Для него опять началась прежняя московская жизнь, „но я уже не могъ обѣщать себѣ, говоритъ онъ, тѣхъ пріятныхъ наслажденій, посреди коихъ текли счастливые дни мои въ продолженіе первой моей отставки“ [2]). Многихъ близкихъ уже не было; Карамзинъ совсѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ. Но ему оставалось еще много наслажденій того изящнаго одинокаго эгоизма, къ которому онъ всегда былъ склоненъ. Онъ любилъ свой домъ и его устройство, книги, эстампы, садъ, цвѣты. Не разъ ѣздилъ онъ на родину и въ Петербургъ. Съ отсутствующими друзьями и со всѣми сколько-нибудь замѣчательными личностями онъ поддерживалъ дѣятельную и любопытную переписку, которая даетъ прекрасные матеріалы для характеристики вкусовъ, направленія и образа мыслей литературнаго круга Дмитріева и друзей его. Самая замѣчательная въ этомъ отношеніи была переписка съ Карамзинымъ. Осторожный историкъ многое откровенно передавалъ старинному и искреннему другу. Прочіе писатели склонялись предъ его общественнымъ положеніемъ и всѣми признаннымъ авторитетомъ въ поэзіи. Болѣе дѣятельные изъ нихъ въ общественномъ смыслѣ, арзамасцы Блудовъ, Тургеневъ, кн. Вяземскій исполняли его порученія, хлопотали въ Петербургѣ за его друзей и знакомыхъ, доставляли ему французскія книги, запрещенныя и незапрещенныя, эстампы, бюсты и т. п., сообщали ему о дѣлахъ политическихъ, о перемѣнахъ и сплетняхъ при дворѣ, о безуміи цензуры, анекдотическую исторію современной литературы, гдѣ на первомъ мѣстѣ стояли насмѣшливыя сообщенія о поэтѣ графѣ Хвостовѣ. Дмитріевъ интересовался очень многимъ въ умственномъ и общественномъ мірѣ, но самъ смотрѣлъ на все свысока, хладнокровно и равнодушно. Другіе льстили ему почти въ каждомъ письмѣ. Жуковскій называетъ его своимъ учителемъ въ поэзіи; Батюшковъ благодаритъ его за наставленія; Пушкинъ спѣшитъ отправить къ

---

[1]) Русск. Арх. 1867 г., стр. 799.
[2]) Взглядъ, стр. 239.

Digitized by Google

нему каждое новое свое произведеніе при учтивомъ письмѣ; Гоголь даетъ ему титулъ „патріарха поэзіи“. Въ чемъ же заключалась тайна этого вліянія Дмитріева на молодыхъ литераторовъ, тайна того уваженія, которымъ они постоянно окружали этого старика Екатерининскаго времени? Кажется, что смыслъ этого явленія, которое не повторялось потомъ въ нашей литературной жизни, надобно искать въ преданіяхъ стараго времени, въ томъ меценатствѣ, которое развилось у насъ еще въ прошломъ вѣкѣ. Но кромѣ высокаго общественнаго положенія, занимаемаго Дмитріевымъ, къ нему влекъ его молодыхъ современниковъ его тонкій, развитый умъ и въ особенности преданія, разсказы о старомъ времени. Замѣтить надобно, что Дмитріева окружало преимущественно то поколѣніе писателей, которое принадлежало къ одному съ нимъ кругу, которое было связано съ нимъ семейными, общественными воспоминаніями. Здѣсь въ особенности связующимъ звеномъ былъ Карамзинъ. Въ этомъ кружкѣ господствовало особенное благоговѣніе къ его другу, представителю Екатерининской старины. За шесть лѣтъ до смерти своей, Дмитріевъ привѣтствовалъ нѣсколькими стихами Жуковскаго, приславшаго ему свое стихотвореніе на штурмъ и взятіе Варшавы Паскевичемъ, гдѣ вспоминалъ о томъ, что и онъ когда-то воспѣвалъ такое же событіе при Суворовѣ, но что теперь прошла его пора.

„Нѣтъ, не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчно-юный,

отвѣчалъ ему Жуковскій:

Твоя пора: твой геній бодръ и свѣжъ;
Ты пробудилъ давно молчавши струны.
И звуки насъ плѣнили тѣ жъ.
Нѣтъ, никогда ничтожный прахъ забвенья
Твоимъ струнамъ коснуться не дерзнетъ:
Невидимо ихъ геній вдохновенья,
Всегда крылатый, стережетъ.
Державина струнамъ родныя, пѣли
Онѣ дѣла тѣхъ чудныхъ прошлыхъ лѣтъ,
Когда вездѣ мы битвами гремѣли,
И битвамъ тѣмъ дивился свѣтъ“.

Съ нашей точки зрѣнія это была лесть Дмитріеву. И какое жалкое представленіе о содержаніи поэзіи: битвы и битвы! Но Жуковскій былъ искрененъ, писалъ отъ сердца.

„Мой вечеръ тихъ и ясенъ“, съ самодовольствомъ говорилъ о себѣ Дмитріевъ. Но самодовольство это было эпикурейское. Онъ составилъ себѣ такую умственную обстановку, которою былъ вполнѣ доволенъ. „Высокій ростомъ, худощавый, нѣсколько косой, говоритъ о немъ знавшій его Полевой, въ небольшомъ парикѣ, онъ ходилъ

Digitized by Google

тихо, говорилъ медленно, протяжно, умѣлъ говорить по своему умно, остро, но не краснорѣчиво, любилъ разсказывать, но не умѣлъ поддерживать разговора въ обществѣ. Всегда хладнокровный, всегда настороже за своимъ умомъ, онъ являлся ласковымъ и снисходительнымъ по тонкому разсчету, когда видѣлъ, что уступкою больше выиграетъ. До самой кончины любилъ онъ общество и являлся вездѣ. Англійскій клубъ въ Москвѣ былъ постояннымъ мѣстомъ его вседневныхъ посѣщеній. Къ нему, въ уединенный домъ его, гдѣ жилъ онъ одинокимъ, часто собирались литераторы, люди его уважавшіе, наиболѣе по вечерамъ, и Дмитріевъ любилъ ихъ вечернія, уединенныя бесѣды, гдѣ главную роль играли его разсказы" [1]). Замѣтить надобно, что въ кругу этомъ не было писателей такъ называемаго *плебейскаго* происхожденія. Дмитріевъ и друзья его не любили ихъ, а потому оставались чужды новому движенію литературныхъ идей, которое вызвано было реакціею въ послѣдніе годы царствованія Александра и потомъ послѣ 1825 года. „Либералисты", какъ называлъ Карамзинъ передовыхъ людей того времени, были чужды кругу Дмитріева; онъ не любилъ ихъ. Ясно, что Дмитріевъ и не понималъ и не могъ сочувствовать новому общественному движенію. Его талантъ не умѣлъ служить общественному дѣлу; онъ отличался чисто внѣшними свойствами и далѣе отдѣлки стиха не шелъ. Только онъ былъ настолько уменъ, что, не сочувствуя новому, не желалъ ему противодѣйствовать и ставилъ выше всего свой изящный покой.

ЛЕКЦІЯ XIX.

Державинъ. Его отношенія къ царствованію Александра.

Другой поэтъ Екатерининскаго времени, спеціальный пѣвецъ императрицы, ея любимцевъ и военной славы нашего XVIII вѣка,— Державинъ, въ литературѣ окруженный почетомъ и всеобщимъ поклоненіемъ, еще менѣе, чѣмъ Дмитріевъ, могъ благосклонно смотрѣть на явленія новаго времени и на тѣ попытки правительства, которыми оно думало внести въ русскую жизнь и лучшее устройство ея, и уваженіе къ закону. Привыкнувъ къ старымъ порядкамъ и къ геніальному произволу своей любимой государыни, Державинъ, конечно, не могъ любить новыя формы и новыя отношенія, въ которыя не укладывалась его своенравная, неуклюжая натура. При томъ, давно уже поэзія не была для него дѣломъ души и сердечнаго чувства. Рядомъ съ дѣйствительнымъ выраженіемъ послѣдняго, напр., на

[1]) Полевой. Очерки Русск. Лит., 1839, т. II, стр. 458.

Digitized by Google

смерть Суворова, на смерть В. Зубова, шли у него холодныя риторическія оды, въ которыхъ прославлялось любимое дѣтище императора Павла—мальтійскій орденъ и многое другое, чему онъ никакъ не могъ искренно сочувствовать. Въ царствованіе Павла, Державинъ, давно уже ставившій честолюбіе выше поэзіи, для котораго и она сама служила только средствомъ, былъ сенаторомъ, но слава его честности, неподкупности и правдивости доставила ему множество частныхъ дѣлъ, гдѣ онъ являлся третейскимъ судьею. Однако въ царствѣ произвола, гдѣ законъ склоняется въ пользу того или другого сильнаго лица, жить надобно умѣючи, и Державинъ въ своихъ „Запискахъ“ прямо говоритъ, что ему приходилось *балансировать* то въ ту, то въ другую сторону или сказываться больнымъ, чтобъ не сказать своего настоящаго мнѣнія [1]). Объ этомъ времени онъ высказывается такимъ образомъ: „Въ правленіи, гдѣ обладаютъ любимцы, со всею честностію и правотою души и при всемъ желаніи слѣдовать законамъ, не всегда можно устоять въ правдѣ, или по крайней мѣрѣ поднять на себя невинно людей сильныхъ, что нерѣдко съ Державинымъ и случалось“ [2]). Павелъ впрочемъ благоволилъ къ нему и, незадолго до своей смерти, разсердившись за что-то на покойнаго государственнаго казначея — Васильева, человѣка честнаго и вполнѣ знакомаго съ своимъ дѣломъ, назначилъ на его мѣсто Державина. Новый императоръ, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, возвратилъ Васильева къ прежнимъ его обязанностямъ, и Державинъ остался только сенаторомъ.

Повидимому, зная безпокойный, неуживчивый характеръ Державина и его образъ мыслей, далеко не соотвѣтствовавшій новому времени, Александръ и его совѣтники не любили поэта. Враговъ у него вообще было довольно. Какъ государственный казначей, Державинъ былъ членомъ государственнаго совѣта; теперь онъ не имѣлъ права являться въ его засѣданія, и это оскорбляло его самолюбіе, раздражало его. Не малую долю въ его отзывахъ о новомъ правленіи и новыхъ правителяхъ играло это чувство оскорбленнаго самолюбія: Державинъ былъ лично недоволенъ. Новые члены совѣта, по его словамъ, довели отечество до погибели въ 1812 году, и Державинъ говоритъ, что онъ этимъ „утѣшился и смѣялся тому“ [3]). Такъ наивно высказалось въ немъ самолюбивое чувство.

Мы говорили уже какою одою, надѣлавшею шума и возбудившею множество толковъ въ обществѣ, привѣтствовалъ Державинъ воца-

---

[1]) Соч. Пад. Ак. Н. т. VI, с. 738—9.
[2]) Ibid., с. 741.
[3]) Ibid., с. 758.

Digitized by Google

реніе Александра. Его коронованіе было также воспѣто имъ. Вообще первый годъ этого царствованія сильно возбудилъ лиру Державина... Александръ нѣсколько разъ является въ его одахъ то олицетвореніемъ кротости, то въ образѣ солнца. Державинъ увлекался тогда образами классическаго міра и разъ изобразилъ даже Александра и его молодую супругу гуляющими по Невской набережной подъ видомъ Аполлона и Дафны. Но и старыя, привычныя формы оды къ Фелицѣ употреблялъ Державинъ, чтобы прославить молодого царя. Такова его ода „къ царевичу Хлору“ [1]), которая есть не что иное, какъ подражаніе прославившей его одѣ къ Фелицѣ; здѣсь, также въ шутливомъ тонѣ, Державинъ говоритъ лесть и воспѣваетъ нравственныя достоинства Александра. Но старыя шутки казались теперь устарѣлыми, а лесть слишкомъ приторною. Въ началѣ царствованія Александра еще не умѣли къ нему примѣниться, лесть не нашла еще для себя настоящей, пригодной къ обстоятельствамъ формы; но прошло немного лѣтъ, и Аракчеевъ, съ своимъ девизомъ: „преданъ безъ лести“, умѣлъ найти настоящее для нея выраженіе. Личное чувство участвовало во всѣхъ взглядахъ и сужденіяхъ Державина. Первый случай, когда онъ столкнулся въ мнѣніяхъ съ новымъ правительствомъ, былъ вопросъ о реформѣ или о новой организаціи Сената, не соотвѣтствующаго уже теперь времени. Реформа эта была указана новыми молодыми совѣтниками Александра; желаніе преобразованій не нравилось Державину; онъ говоритъ, что эти реформы „произвели, какъ впослѣдствіи увидимъ, много шуму и замѣшательствъ въ общихъ дѣлахъ Имперіи, которыхъ привесть въ прежній порядокъ едва ли безъ сильнаго переворота возможно будетъ“ [2]). Онъ самъ написалъ организацію Сената, въ которой разумѣется старался еще усилить прежнее значеніе этого учрежденія. Но молодые совѣтники государя смотрѣли иначе на это дѣло, и планъ Державина былъ неодобренъ государемъ. Это еще болѣе увлекло старика въ оппозицію. Но, зная честность Державина и желая употребить ее въ дѣло, Александръ поручилъ ему въ концѣ 1801 года, какъ сенатору, слѣдствіе надъ важными злоупотребленіями калужскаго губернатора Лопухина. Слѣдствіе это, какъ и всякое прежнее административное участіе въ дѣлахъ Державина, возбудило на него жалобы и создало новыхъ недовольныхъ, новыхъ враговъ. На него донесли, что онъ при допросахъ въ Калугѣ употреблялъ пытку. Конечно, это была неправда, но пылкость и строптивость нрава Державина давали поводъ къ подобнымъ обвиненіямъ. Александръ принялъ его по возвращеніи изъ

[1]) Ibid., II, c. 405.
[2]) Ibid., IV, c. 161.

Digitized by Google

Калуги сурово, но скоро убѣдился въ клеветѣ, исходившей отъ обвиненнаго губернатора. Это видно изъ того, что въ сентябрѣ 1802 года, при образованіи въ первый разъ министерствъ, Державинъ былъ назначенъ министромъ юстиціи. Такимъ образомъ, честолюбіе его было вполнѣ удовлетворено; онъ сдѣлался членомъ высшаго управленія страною, но вмѣстѣ и товарищемъ людей, которымъ былъ совершенно чуждъ и по воспитанію, и по убѣжденіямъ, и по взгляду на дѣла государственныя. Вѣроятно, назначеніе Державина было уступкою старой партіи, какъ и назначеніе Завадовскаго. Онъ былъ противъ даже самаго учрежденія министерствъ. Новыхъ совѣтниковъ государя, тѣхъ людей, которые тогда вмѣстѣ съ нимъ задумывали и приводили въ исполненіе реформы, Державинъ называлъ „людьми, ни государства, ни дѣлъ гражданскихъ основательно не знающими“ [1]). Какъ, будучи совершенно противъ учрежденія министерствъ, Державинъ все-таки принялъ на себя должность министра юстиціи, — это надобно объяснять его честолюбіемъ, условіями самодержавнаго государства и нравами того времени. Но при самомъ началѣ своего министерства, Державинъ былъ глубоко недоволенъ всѣмъ тѣмъ, что вокругъ него дѣлалось. Онъ замѣчаетъ, что путаница увеличивается въ государствѣ съ каждымъ днемъ, что законы приходятъ въ неуваженіе, что правительство ослабѣваетъ, что надъ всѣмъ возвышается прихотливая воля министра, что съ министровъ „спала всякая обузданность, а потому и забота. Стали дѣлать, что кому захотѣлось“ [2]) и „всѣ дѣла потянули ко вреду государства, а не къ пользѣ“. Ясно, что Державинъ всталъ въ рѣшительную оппозицію къ новымъ учрежденіямъ и къ новому порядку вещей и долженъ былъ не поладить со всѣми своими товарищами—министрами. Онъ самъ говоритъ, что всѣ они пошли противъ него, „стараясь его разными навѣтами очернить въ мысляхъ Императора“. „Словомъ, разсказываетъ онъ о себѣ, по таковымъ съ одной стороны министровъ безпорядкамъ, а съ другой, то есть Державина, безпрестаннымъ возраженіямъ и непріятнымъ государю докладамъ, и сталъ онъ скоро приходить часъ отъ часу у Императора въ остуду, а у министровъ во вражду“ [3]). Одно дѣло въ Сенатѣ увеличило еще болѣе это неловкое положеніе Державина весною 1803 года. Въ концѣ предшествовавшаго года военный министръ Вязмитиновъ представилъ въ Сенатъ Высочайшій указъ, которымъ подтверждались прежніе указы Петра III и Екатерины II, чтобы дворянъ, не получившихъ въ воен-

[1]) Ibid., VI, c. 777.
[2]) Ibid., VI, c. 780.
[3]) Ibid., c. 785.

Digitized by Google

ной службѣ офицерскаго чина, не увольнять въ отставку ранѣе 12-ти лѣтъ. Указъ этотъ, по замѣчанію Державина, состоялся потому, что многіе изъ дворянъ, а особенно поляки, не хотятъ служить долго и, едва только поступивъ въ военную службу, тотчасъ выходятъ въ отставку. Указъ былъ принятъ Сенатомъ и уже отосланъ въ Военную Коллегію [1]) для исполненія, какъ вдругъ сенаторъ, попечитель Харьковскаго учебнаго округа, графъ С. Потоцкій, подалъ противъ него мнѣніе. Державинъ, какъ оберъ-прокуроръ Сената, нашелъ мнѣніе Потоцкаго незаконнымъ, потому что срокъ прошелъ для него, и кромѣ того наполненнымъ „непристойными выраженіями“ противъ государя, „который какъ бы въ какомъ народномъ правленіи сравненъ со всѣми гражданами“. Онъ не велѣлъ записывать мнѣніе Потоцкаго и доложилъ о немъ особо государю. Но „государь, какъ видно, зналъ о семъ мнѣніи, говоритъ Державинъ, и едва ли не съ позволенія его оно написано, ибо тогда всѣ окружающіе его были набиты конституціоннымъ французскимъ и польскимъ духомъ“ [2]). По волѣ государя мнѣніе Потоцкаго было разсмотрѣно въ Сенатѣ. На сторонѣ Державина оказалось только двое сенаторовъ; всѣ остальные держались мнѣнія Потоцкаго. Державинъ пришелъ въ ужасъ и даже захворалъ отъ мысли, „что россійскій сенатъ не только позволилъ унижать себя пришельцу и врагу отечества (Потоцкому), но еще, защищая его, идетъ противъ своего государя и тѣмъ самымъ кладетъ начальное основаніе несчастію государства, допуская засѣвать сѣмя мятежей или революціи, подобной французской. По этому поводу было еще нѣсколько засѣданій сената; Державинъ всѣми законными средствами противился утвержденію мнѣнія Потоцкаго. Въ одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданій Сената, Державинъ, „чтобы придать важность дѣлу, коимъ такъ сказать боролось монархическое правленіе съ аристократическимъ“, окружилъ себя аттрибутами генералъ-прокурорской власти, которыя были еще въ употребленіи при Петрѣ В. Онъ поставилъ на свой столъ песочные часы и молотокъ, который держалъ въ рукахъ Петръ В. Во время самаго сильнаго шума Державинъ ударилъ имъ по столу, и всѣмъ „показалось, говоритъ онъ, что Петръ В. всталъ изъ гроба“ [3]). На него жаловались государю, что онъ превысилъ свою власть. Александръ оправдалъ его, но мнѣніе Потоцкаго восторжествовало. Замѣчательно, что эти споры въ Сенатѣ проникли и въ общество того

[1]) Въ военномъ министерствѣ, такъ же, какъ въ морскомъ и иностранныхъ дѣлъ, еще существовалъ въ это время коллегіальный порядокъ управленія.

[2]) Ibid., с. 787.

[3]) Ibid., стр. 794.

Digitized by Google

времени, т.-е. общество дворянское, и тотъ образъ мыслей, котор оно заявило, показываетъ, на сколько оно было образовано и ка понимало вопросы государственные. Общество поняло, что Потоцк защищаетъ права дворянъ, и его мнѣніе возбудило особенный во торгъ въ Москвѣ, этомъ гнѣздѣ стараго, лѣниваго и разгульна дворянства, гнѣздѣ всѣхъ, стоявшихъ въ оппозиціи съ правител ствомъ и реформами. Державинъ разсказываетъ, что въ многолю ныхъ собраніяхъ въ Москвѣ многіе мнѣніе Потоцкаго клали се на голову и пили за его здоровье, почитая его покровителемъ ро сійскаго дворянства и защитникомъ отъ угнетенія, что „подлѣ шія души не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова, яко зл дѣевъ, выставить на перекресткахъ, замаравъ ихъ дермомъ для п руганія, не проникая въ то, что попущеніемъ молодого дворянст въ праздность, нѣгу и своевольство безъ службы, подкапывали враги отечества подъ главную защиту государства“ [1]). Какой-то н извѣстный піита написалъ даже оду графу Потоцкому, въ которо выставляетъ его величайшимъ гражданиномъ въ мірѣ, другомъ истин и поборникомъ дворянскихъ правъ [2]). Она не была напечатана, н разошлась во многихъ спискахъ и хранилась въ дворянскихъ семей ствахъ.

Съ этихъ поръ Державинъ сталъ примѣчать къ себѣ со сторон государя холодность и неуваженіе. Это было понятно особенно по тому, что онъ не стѣснялся въ своихъ рѣчахъ и осуждалъ все новое тогда задумываемое. Такъ, напр., устройство министерства внутрен нихъ дѣлъ, составленное Кочубеемъ и Сперанскимъ, онъ называл „несообразицею съ настоящимъ дѣломъ“. Сперанскаго, человѣк честнаго, какъ это доказало послѣдующее, Державинъ обвинялъ в корыстолюбіи [3]). Но въ особенности разъединилъ Державина съ го сударемъ крестьянскій вопросъ. Мы уже говорили, что Александръ при вступленіи на престолъ, мечталъ объ освобожденіи крѣпостныхъ тяжелое положеніе которыхъ было ему извѣстно, конечно, болѣе изъ филантропическаго чувства, чѣмъ сообразно съ цѣлями государственными. Это „была любимая мысль Государя, внушенная при воспитаніи его нѣкоторымъ его учителемъ Лагарпомъ“—говоритъ Державинъ, ярый противникъ освобожденія. Въ стихотвореніи „Голубка“, написанномъ въ 1801 г. [4]), онъ вмѣстѣ съ тонкою лестью Александру высказываетъ любимую мысль защитниковъ крѣпостного состоянія, что дарованная воля будетъ хуже рабства.

---

[1]) Ibid., с. 790

[2]) Русск. Арх. 1869 г., с. 1380—1383.

[3]) Ibid., VI, с. 805.

[4]) Ibid., II, с. 391.

Гос. Публичная библ. в Ленинграде
И-I-Д-5913
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

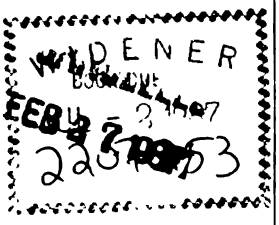
Digitized by Google

Digitized by Google

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.



Digitized by Google

Digitized by Google